

ОТ АВТОРА РОМАНА "КОНЕЦ ЛЕТА"

АНДЕРС

ДЕЛАМОТТ

ОСЕННЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

MASTER DETECTIVE

CoRpus

"Осеннее преступление" можно отнести к "сливкам" шведской детективной литературы

LITERATURMARKT

Annotation

Следователь Анна Веспер переезжает вместе с дочерью из Стокгольма в Сконе, чтобы возглавить отделение полиции в городке Неданос. Вскоре Анне становится ясно, что и коллеги, и соседи пытаются ею манипулировать. Все указывает на то, что это как-то связано с трагическими событиями почти тридцатилетней давности. Тогда в заброшенной каменоломне, в воде, было найдено тело подростка — сына хозяйки той самой усадьбы, которую снимает Анна.

“Осеннее преступление” — вторая книга в серии сюжетно не связанных друг с другом детективных романов, действие которых происходит в южной Швеции.

- [Андерс де ла Мотт](#)
 -
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)

- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Глава 64](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)

- [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
-

Андерс де ла Мотт

Осеннее преступление

*Моим
мальчикам,
которые в один
прекрасный день
завоюют мир.*

*The falling leaves
Drift by my window.
The falling leaves of
red and gold.*

*I see your lips,
the summer kisses,
the sunburned hands
I used to hold.*

*Since you went away
the days grow long
And soon I'll hear
old winter's song
But I miss you most
of all my darling
When autumn leaves
start to fall. [\[1\]](#)*

Джонни Мерсер

*“Come little leaves”,
said the wind one
day.
“Come over the*

*meadows with me
and play.
Put on your dresses
of red and gold.
For summer is gone
and the days grow
cold”.* [2].

Джордж Купер

Anders de la Motte
Höstdåd
([Årstidskvartetten #2](#)).

Published by agreement with Salomonsson Agency

© Anders de la Motte, 2017

© Е. Тепляшина, перевод на русский язык, 2021

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2021

© ООО “Издательство АСТ”, 2021

Издательство CORPUS ®

Муниципальный округ Неданос и поселок Мёркабю, подобно Рафтинге из “Конца лета”, вымышлены. Однако на их создание меня вдохновили родные места на северо-западе Сконе, главным образом Бьюв, Осторп и Свалёв, раскинувшиеся на прекрасных склонах Сёдеросена.

Описанная в романе каменоломня существует в реальности; как и ее литературная сестра, она не отмечена на карте. Однако уже не одному поколению купальщиков известно, где она находится, — так же, как им известно: темная вода так глубока, что даже в Сконе в разгар лета она не нагревается выше двадцати градусов.

Пролог

Вода начинала свой путь где-то в темных глубинах эскера — сложенной ледниками гряды. Бежала из подземелья наружу с таким напором, что прорывалась вверх, с усилием преодолевала метр за метром через скальную породу, плотный песок и глину. Эскер высылся на двести метров, и без человеческой помощи вода быстро теряла скорость. Поворачивала и текла вниз, между корней лиственного леса, покрывавшего склоны, и под конец растекалась ручьями в крутых оврагах, прорезавших склоны ледниковых валов. Но в начале двадцатого века на вершине эскера, на самом хребте, заложили каменоломню. Диабас и амфиболит; жесткие, черной масти горные породы — такие хороши на могильные плиты.

Человек жадно разбивал кайлом, взрывал породу и вгрызался все глубже в скалу — до того самого дня, когда шахта пересеклась с водой и подземной реке открылся легкий путь на поверхность. Вода отблагодарила человека тем, что вырвалась наружу с силой, какой никто и представить себе не мог. Через какие-нибудь полгода насосы переломались, механизмы развалились, и каменоломню забросили.

Место пришло в запустение. Вода превратила пролом в глубокое озерцо, с трех сторон ограниченное темными крутыми скалами. С четвертой стороны протянулся на несколько метров “пляж”. Лес поглотил подъездную дорогу, поросль отвоевывала свои владения; наконец на месте старых барачков остались только заросшие развалины да пятачок берега, где камень слежался так плотно, что никакая жизнь уже не могла сквозь него пробиться.

Каменоломню открыли заново лишь в шестидесятые, когда лесовозам потребовались новые волокни. Вход туда, конечно, был запрещен, но со временем в это красивое уединенное место стали бегать купаться местные ребята. Здесь можно было встречаться и делать что угодно, не боясь попасть под чей-нибудь бдительный взгляд. К этому времени никто не помнил глубины каменоломни. Некоторые говорили, что вода уходит на двадцать метров ниже поверхности, другие — что на сорок. Иные даже утверждали, что каменоломня вообще не имеет дна, а возможно такое или нет — бог знает.

Много ходило слухов о том, что скрыто на глубине. Остовы автомобилей, воровская добыча, останки давным-давно пропавших людей. Рассказни множились, как хотели, чем дальше, тем диковиннее. Но те, кто лично наведывался к каменоломне, были уверены в двух вещах: что черная вода так глубока, что даже в разгар сконского лета не нагревается больше, чем на двадцать градусов. И что кто-нибудь из парней, которые повадились забираться на дальний обрыв и нырять с самого высокого выступа, рано или поздно свернет себе шею.

Чтобы достать тело из воды, понадобились четверо пожарных. На усыпанном острыми камешками крутом берегу найти опору для ноги было непросто. Пару раз мужчины спотыкались и выпускали ношу из рук. Вода будто противилась им, желая удержать тело у себя как можно дольше.

На расстоянии казалось, что молодой человек спит. Он лежал на спине — закрытые глаза на бледном умиротворенном лице; вот-вот проснется.

Но когда тело с глухим страшным стуком положили на каталку, иллюзия развеялась. С одежды и длинных волос юноши стекала холодная вода, смешивалась с кровью из пробитой головы и собиралась в розоватые лужицы на носилках, чтобы потом, собравшись с силами, впитаться в сухую жесткую землю и исчезнуть в темноте.

Вода всегда стремится в самую низкую точку, подумал полицейский, стоявший поодаль. Может, записать? Пролистать блокнот до последней страницы, где собраны похожие мысли? Незначительные размышления, которые не имели отношения к полицейской работе, но которые все же следовало записывать — может, чтобы уравновесить другие записи. Но полицейский все медлил на странице, которую только что начал.

Вверху страницы он написал место, время и дату — всего через несколько минут после того, как вышел из машины.

Каменоломня Мёркабю, 05.54, 29 августа 1990 г.

Под верхней строкой он оставил место для имен четырех молодых людей, топтавшихся перед ним с пепельно-серыми лицами; ребята старались не смотреть на носилки, но их словно тянуло бросить взгляд именно туда. Полицейский знал этих ребят, знал, в каком году они

закончили школу, знал, живут они на гряде или внизу, в поселке, знал даже, как зовут их родителей и где они работают. Обычно ему нравилось выезжать на вызовы в сельскую местность. Личные знакомства, приятельские отношения. Но этим утром полицейскому впервые захотелось работать в городе. Он принялся записывать имена в столбик.

Александр Морелль
Карина Педерсен
Бруно Сорди
Мари Андерсон

Всем по девятнадцать лет — так же, как юноше на носилках. Не далее как в июне полицейский видел их всех в кузове грузовика — студенты торжественно проезжали по поселку. Пили пиво из банок, дудели в дудки, размахивали белыми фуражками, вопили от радости: их ждет такое будущее!

“Симон Видье”, записал полицейский в самом низу страницы и подчеркнул оба слова двойной чертой. Он уже знал, кто жертва, хотя написать это имя означало для него сделать ситуацию совсем невыносимой. В коммуне Неданос все знали Симона Видье. Вундеркинд. Один на миллион. Парень, который завоюет мир, увидит удивительные места и возьмет в это путешествие родной поселок со всеми его жителями. Но история Симона закончилась в холодной черной воде, в провале всего в нескольких километрах от родного дома.

Затрещала рация, и суровый, хорошо знакомый голос продиктовал инструкции, которые полицейский тут же записал.

— Алекс, папа уже едет, — сказал он одному из ребят — широкоплечему спортивному парню с борцовскими ушами-“пельменями”; его имя шло в блокноте первым. Парень в ответ коротко кивнул.

Полицейский еще раз взглянул на четверку, наморщил лоб и сделал под именами несколько пометок.

У Мари Андерсон мокрая одежда, записал он. У Александра Морелля, Карины Педерсен и Бруно Сорди одежда сухая.

Возможно, это бессмысленное наблюдение. Факт, не имеющий никакой ценности. Во всяком случае, именно это полицейский будет утверждать потом, когда формулировка просочится в полицейский рапорт и люди станут спрашивать, что означают эти пятнадцать слов.

Но о грядущих трудностях полицейский еще не знал. Он знал только, что у него есть задание и его следует выполнить. Надо задавать вопросы, а ответы записывать в блокнот, страница за страницей.

— Итак, что же произошло? — Он старался говорить как можно мягче. Ни один из четверых не ответил. Ребята перестали наконец бороться с собой и теперь не сводили глаз с носилок. Красноватая вода продолжала сочиться из пробитой головы Симона Видье и уходить в самую низкую точку, дальше, ниже, в темноту.

Глава 1

Осень 2017 года

Вдоль длинной извилистой дорожки, круто взбиравшейся по гряде, тянулись вымоины и росли высокие деревья. Пылающие краски отражались в лаке машины, а потом уходили вверх, к высокому небу.

— Шведское лето умирает правильно, — говаривал Хокан. — Взрыв красок — а потом вечный мрак, that's the way to go^[3]. Верно, Анна?

Потом он начинал мурлыкать припев к “Out of the blue” и изображать, будто играет на гитаре, пока Агнес и Анна не начинали корчиться от смеха. Хокану нравилась осень, он любил выбираться на природу. Жить в палатке, бродить в горах. Оба они тогда были молоды, беззаботны. Маленькая Агнес качалась, легкая, как перышко, в слинге у него за спиной. С тех пор прошло пятнадцать лет, и все же Анна с легкостью вызывала в памяти эти дни. И песенку.

“It's better to burn out, than to fade away”^[4], пел Нил Янг.

И все-таки Хокан сделал именно это. Он медленно потухал, out of the blue och into the black^[5], пока у Анны в голове не остался от него только шепот.

Анна, милая, спаси меня!

Анна прибавила громкости — Агнес выбрала радиоканал с какой-то грохочущей музыкой, после чего, как всегда, уткнулась в телефон. Они ехали уже долго, почти семь часов, вдвоем в машине, но диалог дочери и матери длился вобщей сложности не больше десяти минут. Анна крепче обхватила руль и заставила себя смотреть на дорогу, избегая деревьев, неба и красок, которые прорезали ее насквозь. Красные, золотистые и голубые лезвия бритвы.

Она ненавидела осень. Ненавидела.

Три ключа свисали со связки, воткнутой в замок зажигания. Первый — отвиллы в Эппельвикене, она больше не их дом. Второй ключ — запасной к съемному жилищу Хокана, ключ, вообще говоря, следовало вернуть зимой, когда аукционная фирма освобождала унылые комнатухи. Ключ номер три отпирал ее кабинет в

стокгольмском полицейском управлении. Этот ключ следовало сдать позавчера, вместе с пропуском, но Анна придержала его у себя.

Потому что, если открыть ключницу и начать доставать ключи, надо идти до конца, шептал Хокан. *Доставай ключи все вместе. И не только ключи, но и замки, двери, комнаты — воспоминания.*

Заткнись, буркнула Анна.

Природа на вершине гряды была совсем другой, чем у подножия. Открытый ландшафт сменился лиственными лесами и холмистыми лугами с прочными каменными оградами. Белые коровы глазели на их машину. Как будто понимали: приезжие, чужаки. Двухрядная дорога, бежавшая по хребту гряды, была такой узкой и извилистой, что при виде других машин Анна рефлекторно сбрасывала скорость. Когда они подъезжали к перекрестку, мобильный GPS как будто заколебался. Анна понимала почему. Растительность на обочинах узкого съезда была недавно выкорчевана, гравий — темнобурый, свеженасыпанный. А вот табличка со словом “Табор” оказалась старой, почти в заломах, как когда сминаешь бумагу, а потом пытаешься снова разглядить.

Мило сидел на коленях у Агнес; когда проселок исчез в зеркале заднего вида, терьер оперся лапами о дверцу и прижался носом к окошку. Хвост энергично ходил из стороны в сторону, словно собака узнавала эти места, что было, конечно, невозможно: ему еще не случалось ступать на землю Сконе. Агнес так и сидела, опустив глаза в телефон, ее пальцы быстро касались экрана.

Анна покосилась на часы. Фургон с мебелью, который они наняли для побега, придет через час после них. Для переезда, поправила она себя. Это переезд и ничего больше.

Ну конечно, ухмыльнулся у нее в голове Хокан. Кого ты пытаешься обмануть?

Чтобы заглушить его, Анна еще прибавила громкости. Узнала песенку — одну из немногих новых, которые ей нравились.

— О, хорошо! Сара Ла-арсон, — сказала она, в основном чтобы нарушить тишину, — и тут же попала в ловушку. Имя вышло как бы с придыханием, и Агнес в ответ не то вздохнула, не то хмыкнула, не поднимая глаз. У шестнадцатилетней дочери в запасе имелось достаточно способов наказать Анну. Волосы, выкрашенные в ярко-розовый цвет, одно колечко в ноздре и пять — в правом ухе. Дырявые

джинсы, темный макияж, армейская куртка, стоптанные “конверсы” — вся эта униформа бунтовщицы стерла без остатка следы прежней Агнес. Не говоря уже о левацких идеях, ультрафеминизме, куртке с сообщением “*All Cops are Bastards*”^[6] и прочих минах-ловушках, между которыми Анне приходилось пробираться с особой осторожностью, иначе каждый разговор между матерью и дочерью грозил закончиться взрывом. Но ни одно наказание и близко не было так эффективно, как то, к которому дочь прибегла сейчас. Молчание.

Обычно люди открывались перед Анной. Хокан утверждал, что она излучает особый свет. Однако все дело было в ее заикании. Анна знала, что заикается едва заметно — чуть притормаживает на определенных звуках, а иногда и вовсе говорит гладко. Она вообще не думала о заикании как о проблеме, пока родители, когда она училась в начальной школе, в один прекрасный день не отправили ее к логопеду. В результате Анна стала меньше говорить и сосредоточилась на слушании. Большинство слушает вполуха; в основном люди думают, что сказать, и потому упускают суть чужих речей. И не только слов и интонаций, но и свойственных людям бессознательных микровыражений: движения головы, жесты, мимика, паузы. Знаки, которые иногда идут вразрез со словами. Именно так Анна поняла, что ее родители разведутся. И что Хокан ей изменяет.

Из-за молчания Агнес она, наоборот, сознавала каждое слово, каждую фразу, готовую сорваться с губ, и это чувство каким-то образом перемещалось в речевой центр. Превращалось в электрические помехи между мозгом и ртом, придавая Анне неуверенный вид. Анна бесилась, потому что на самом деле заикание не имеет ничего общего с неуверенностью.

Дыши, дыши...

Анна бросила взгляд в зеркало заднего вида и заметила, что стиснула зубы — какой у нее дурацкий вид. Темные волосы и глаза она унаследовала от отца, острый нос — тоже, но вот эта горькая мина у нее определенно от матери. Анна тряхнула головой, чтобы согнать с лица сердитое выражение, одновременно твердя себе, что правильно поступает, следуя совету школьного куратора проявлять терпение и избегать конфронтации. Ему-то легко было давать советы. Он общался с Агнес один час в неделю, а жить с ней ему и вовсе не приходилось.

Дыши...

Лес подступал к обочине гравийки все ближе, и Мило с взволнованным ворчанием все теснее прижимался к окошку. Этот пес — типичный пример сумасбродств Хокана. На четырнадцатилетие Агнес Хокан просто явился в дом с собачкой в руках. Во время развода они обещали друг другу не скатываться в стереотипы. Держать себя ровно, не превращаться в доброго и злого полицейского. Но именно это они и сделали.

Хокану досталась главная роль — веселого любящего папы, а вот Анне, она сама не заметила, как это вышло, пришлось влезть в рамки стереотипной роли второго плана — скучная зануда-мамаша, которая только и знает, что рассуждать о правилах и ответственности. И настолько не любит животных, что даже не разрешает дочке завести щенка. Анна сдалась.пустила это существо в дом, просто чтобы показать: она тоже умеет быть классной, способной к спонтанным поступкам. Не помогло.

Мило снова зарычал, на этот раз громче, словно заметил в тенях между деревьями нечто, понятное только собакам. Наверное, кроликов. Этот дурак с ума сходит по кроликам, может часами гоняться за ними, если сбежит, а сбегают он часто. Не в меру активный и избалованный, терьер смотрел на нее как на пустое место — примерно, как и Агнес. Зато Агнес он любил больше всего на свете, этого у него не отнимешь. А она — его. Иногда Анна ловила себя на том, что ревнует к Мило, что уже ни в какие ворота не лезло.

Дорога, петляя, уходила все глубже в лес, пылающая листва тесно смыкалась над головой, и хотя Анне уже давно показалось, что они добрались до вершины гряды, дорога продолжала подниматься.

— У тебя тоже уши заложило? — спросила она, постаравшись, чтобы голос звучал нейтрально. Агнес в ответ что-то промычала, не отрывая глаз от телефона.

Минут через пять они повернули и въехали на продолговатый двор. С обеих сторон тянулся лиственный лес, неба в просветах между кронами оставалось не больше пары метров. С левой — длинной — стороны протянулся в сторону деревьев сарай. Поодаль, с короткой стороны площадки, на склоне высился красивый старый дом из кирпича.

У дома стояла темная машина. Подъехав, Анна увидела, что кирпичи между первым и вторым этажами покрыты белой

штукатуркой. Слева на белом прямоугольнике значился год — “1896”, за которым следовал текст “Skaden herrrens bergh”^[7], исполненный наклонными буквами.

Место и дом оказались даже красивее, чем на фотографиях, но Анна вдруг занервничала. Откуда-то из диафрагмы внезапно поднялось смутное чувство тревоги, которое она не могла — или не отваживалась — назвать словами.

Когда они притормозили перед домом, ворчание Мило перешло в возбужденный лай. Он царапал дверь и бросался на окошко, словно хотел разбить стекло.

— Что ты, мой хороший? — Агнес хотела прижать пса к себе, но тот засучил лапами и снова набросился на окно; раздался громкий стук, и на стекле осталось пятно слюны.

— Мило, фу! — Агнес попыталась схватить его за ошейник. Собака завертелась, зафыркала и оскалила зубы. Телефон Агнес со стуком провалился между сиденьями.

— Ах ты!..

Ее пораженный тон как будто успокоил собаку. Мило сполз на пол и спрятал голову за фотосумкой.

— Он еще никогда на меня не огрызался. — Казалось, Агнес вот-вот расплачется. — Никогда!

— Наверное, писать хочет, — сказала Анна. — Видишь, как ему стыдно. Выпусти его — и увидишь.

Едва дверца открылась, как собака, извиваясь, пролезла мимо ног Агнес и белой кометой метнулась к деревьям.

— Мило, Мило, ко мне! — Агнес рванула к себе футляр с фотоаппаратом и кинулась за собакой, гравий захрустел под стоптанными кроссовками. Анна осталась стоять возле машины. Сегодня ей что-то не хотелось гоняться за Мило. К тому же он, как ей имела обыкновение холодно указывать Агнес, не ее собака.

Анна услышала, как терьер возбужденно лает в лесу, потом как Агнес орет на него, и не смогла подавить злорадную улыбку. Придурок, а не собака.

Она принялась рассматривать вторую машину. Чисто вымыта. “Пассат” модели этого года. Ни детских кресел, ни упаковок из-под еды из “Макдональдса” на полу, ни защитных экранов с Винни-Пухом

на боковых окнах. На то, что машина не бесхозная, указывала только бутылка с водой в держателе между сиденьями.

Анна немного потянулась, пару раз глубоко вдохнула. Осеннее небо было высоким и ясным, в воздухе стоял запах земли и прелых листьев; этот запах смыл неприятные чувства, и на их место пришло напряженное предвкушение. Вот они и приехали. Приехали в свой новый дом. Анна констатировала, что Табор ничуть не хуже, чем на фотографиях. Несмотря на кислое настроение Агнес и предпринятую Мило попытку сбежать, сегодняшний день казался Анне неплохим началом... *бегства*, прошептал Хокан, прежде чем Анна успела заткнуть его.

Крупный гравий во дворе был хорошо разрыхлен; оконные и дверные рамы, а также чердачный наличник недавно покрасили. Некоторые пластины черепицы на крыше были светлее других — значит, их заменили. Красивый старый дом из кирпича, две двери. Ближе к углу, к правому торцу, — широкая, двойная, что чисто технически означало: это главная дверь. Однако железный засов с большим висячим замком свидетельствовал, что дверь больше не используют.

Другая дверь чуть левее центра фасада, всего в нескольких метрах от Анны. Выкрашенная зеленым, дверь висела над метровой ширины ступеньками, добела истертыми многими тысячами шагов. Не успела Анна отойти, как дверь открылась и вышел мужчина, ровесник самой Анны.

Под метр восемьдесят ростом, в солнечных очках с черными дужками. Пиджак и галстук, но вместо костюмных брюк — джинсы.

— Здравствуйте-здравствуйте, вы, наверное, Анна Веспер. — Мужчина протянул руку. — Ларс-Оке Гуннарсон, юридическая контора “Гуннарсон”. Зовите меня просто Лассе, меня все так зовут.

Анна узнала низкий голос Гуннарсона — слышала его по телефону вчера вечером, хотя в самом Гуннарсоне что-то не вязалось с его собственным голосом.

Просто-Лассе, кажется, заметил ее колебания.

— Вы ждали кого-нибудь постарше, да? Не вы первая. Местные начали путать меня с моим отцом, когда мне еще тридцати не было. И тот факт, что мы столько лет вместе руководили делами и отвечали по одному телефонному номеру, дела не улучшает.

Он улыбнулся. Продемонстрировал зубы, которые, находишь его бюро в Стокгольме, наверняка стали бы идеально симметричными и неестественно фарфорово-белыми, но были вполне нормальными для человека, которому скоро исполнится пятьдесят.

— А теперь папа играет в гольф на Майорке, а я рулю конторой. — Он хохотнул, вызвав у нее ответную улыбку.

Не то чтобы Анне нравились юристы или адвокаты — она едва выносила своего собственного. Но к Просто-Лассе почему-то трудно было испытывать неприязнь. Светлые волосы на лбу, наверняка крашенные, делали его похожим на мальчишку с этикетки “Каллес”^[8].

Анна покосилась на его левую руку. Ни обручального кольца, ни даже натертости или белого следа от него. Анна бессознательно потеряла собственный безымянный палец. Прошло уже больше двух лет, но ей все еще казалось, что она ощущает тонкую бороздку.

— Как здорово, что вы решили поселиться здесь, а не в поселке. Табор — это нечто особое.

Просто-Лассе улыбнулся и махнул рукой на строение, словно маклер, а не семейный юрист.

— Не помню, рассказывал я или нет, но дом построили в 1896 году как миссионерскую церковь. Старая история: миссионер вылечил ребенка здешнего хозяина и в благодарность получил надел земли и материалы для строительства. Но это просто легенда. В конце девятнадцатого века усилилось движение национального возрождения, и миссионерские дома росли как грибы, по всему захолустью. В коммуне было еще три, но сейчас Табор остался единственным. Ну что, зайдем?

— Мне нужно дождаться дочь. У нее собака убежала. — Крики и лай в лесу не утихали во все время разговора. Наверное, надо бы пойти посмотреть, что там, хотя бы предложить помочь, но на самом деле Анна была не против немного отдохнуть от пассивной агрессии Агнес.

— Можно пока посидеть на кухне. Я оставлю входную дверь открытой, и ваша дочка увидит, куда идти, — предложил Просто-Лассе, словно прочитав ее мысли. Анна колебалась недолго.

— С удовольствием. — Она улыбнулась в ответ.

Они вошли в переднюю с низкими дверцами и повернули налево, в кухню. Изнутри Табор тоже был хорош. Толстые кирпичные стены, потолочные балки, старый деревянный пол и окна с переплетом.

Посреди кухни — старинная дровяная печь, в которой пылает огонь. Просто-Лассе, наверное, уже провел здесь какое-то время. По кухне разливалось приятное тепло и славный домашний запах, что усиливало умиротворение, которое излучал старый дом.

— Видье купили землю и дом сразу после Второй мировой войны. Национальное возрождение к тому времени давно сошло на нет, и дом был довольно-таки заброшенным. Кофе?

Просто-Лассе указал на новенькую кофеварку “Мокка”, стоявшую возле мойки; из фильтра еще стекала струйка кофе.

— Спасибо, с удовольствием.

Он налил кофе в две синие керамические чашки, и Анне пришло в голову, что кухню, наверное, тоже полностью обновили, как и стены снаружи. Шкафчики и разделочные столы явно старинные, но под запахами дровяной печи и кофе отчетливо угадывались запахи опилок, краски и клея.

— Табор долгие годы использовали как барак. Видье, как и сейчас, занимались лесоводством и держали фруктовый сад. Нанимали много сезонных рабочих, которым надо было где-то жить.

Анна отхлебнула из чашки и посмотрела в окно с переплетом. На лесной опушке было тихо. Анну настигли угрызения совести и тревога. Почему она не помогла Агнес изловить глупого пса? Ведь этот дом — их новое гнездо, здесь они начнут все сначала.

— ...а потом, как я и говорил, здесь лет двадцать пять было художественное ателье, — проговорил Просто-Лассе, и Анна поняла, что пропустила какую-то часть рассказа.

— Вы говорили, у вас есть что-то Карла-Ю?

Она кивнула.

— У моих родителей была в гостиной одна из его литографий. Иногда я прокрадывалась туда, сидела и смотрела на картину, она казалась мне такой красивой. — Анна встала, вздохнула. “Карл-Ю тоже заикался, — услышала она голос отца. — Видишь, Анна, заикам тоже везет”.

— И что с этой литографией? — спросил Просто-Лассе. — За нее сейчас, наверное, можно получить неплохой куш.

Анна пожала плечами.

— Родители развелись, когда мне было десять лет. Папа забрал ее с собой, и я никогда больше ее не видела.

Да и отца тоже, прибавила она про себя.

— Жаль. — Юрист выдохнул сквозь зубы. — Вы наверняка знаете, что Карла-Ю сейчас считают одной из звезд своего поколения, цены на его картины сильно выросли. Одну его большую работу маслом в этом году продали на “Буковски” почти за четыре миллиона.

Анна услышала звук мотора и снова выглянула в окно. Во двор медленно заезжал пикап. Старая модель, машине лет десять-пятнадцать. Автомобиль остановился у опушки леса, в котором исчезли Мило и Агнес, — из леса все еще доносились крики и собачий лай. Из пикапа выпрыгнул водитель, но он двигался так быстро, что Анна едва успела глянуть на него, как он уже скрылся среди деревьев. Какой-то мужчина в дождевике, резиновых сапогах и кепке.

— Я вам посылал чертеж, так что вы знаете: здесь две спальни, прачечная, кабинет и гостиная на нижнем этаже. Но я решил начать сверху, с зала, где читали проповеди.

Кажется, Просто-Лассе не заметил машины. В передней он открыл одну из дверей; за ней оказалась крутая лестница. Сверху, из зала, падал яркий свет, заливал верхние ступеньки. Юрист махнул рукой, приглашая следовать за ним, но Анна колебалась. С тех пор как исчез Мило, прошло почти десять минут. Надо узнать, куда запропастилась Агнес, особенно теперь, когда объявился чужак. Собака снова залаяла.

— Подождите, — попросила Анна и вышла на крыльцо. Заслонив глаза от солнца, она стала всматриваться в полумрак между деревьями. Различила какое-то движение.

Появилась Агнес. Рядом с ней шагал тот мужчина в дождевике. Мужчина нес Мило под мышкой, но вместо того, чтобы извиваться, как когда кто-нибудь пытался удержать его, терьер свисал совершенно спокойно. Агнес и мужчина остановились у пикапа, они о чем-то говорили. Разговор, видимо, шел живо. Вскоре Агнес расстегнула висевший у нее через плечо футляр и принялась фотографировать мужчину в плаще и собаку.

— Агнес! — Анна сама не знала, зачем кричит, и пожалела, что не успела сдержаться.

К ее великому удивлению, Агнес помахала ей рукой. Потом сделала еще несколько снимков и вместе с человеком в дождевике зашагала к дому.

Примерно на полпути мужчина выпустил Мило. Вместо того чтоб тут же кинуться в лес, терьер с довольным видом засеменил у левого колена мужчины. Шерсть в грязи, язык свисает из открытой пасти. Взгляд прикован к человеку в плаще. Агнес продолжала фотографировать. Когда тройца приблизилась, Анна поняла причину такого интереса. Квадратное обветренное лицо в сочетании с кепкой, плащом и клетчатой фланелевой рубашкой делало из мужчины в плаще шведскую версию постаревшего Ковбоя Мальборо. На вид ему было лет шестьдесят. Худощавый, он двигался легко, как человек, который много времени проводит вне дома. Что-то в его взгляде говорило Анне, что он гораздо старше, чем кажется.

— Клейн, — представился мужчина, когда они подошли к двери. Рукопожатие у него оказалось сухим и крепким, лицо гладко выбрито — так же тщательно, как у ее бабушки, без малейшей тени.

— Мам, ты посмотри на Мило! — Агнес указала на терьера — тот сидел у левой ноги Клейна, не сводя с него глаз. — Никогда такого не видела.

Анну удивил голос Агнес. Почти... радостный.

— Похоже, вы умеете ладить с собаками, — через силу произнесла Анна. Клейн кивнул. Неестественно застывшее лицо походило на маску.

— Вы, значит, преемница Хенри Морелля, — не столько спросил, сколько констатировал Клейн. Он собирался сказать что-то еще, но Просто-Лассе перебил его.

— Как хорошо, что ты приехал! Я как раз собрался показывать зал для проповедей. — Юрист повернулся к Анне. — Клейн — управляющий у Элисабет Видье. Если вдруг возникнут проблемы или что-нибудь понадобится — звоните ему. До Энглаберги всего километр по большой дороге, так что он быстро приедет. Верно, Клейн?

Клейн что-то согласно буркнул и стал смотреть на лес, пока Просто-Лассе знакомился с Агнес — Анна услышала, как он рассказывает, что у него есть сын ее возраста. Потом юрист повел их обратно в дом.

— Осторожнее, лестница крутая. — Просто-Лассе первым стал подниматься по деревянным ступенькам. Перила с одной стороны были вытерты и блестели, как лакированные. На последнем метре с

внутренней стороны угадывались еле заметные овальные пятнышки; Анна не сразу поняла, что это отпечатки пальцев.

Льющийся сверху свет становился все ярче, и на верхних ступеньках всем четверым пришлось несколько секунд постоять, чтобы дать глазам привыкнуть. Зал с двускатным потолком занимал весь верхний этаж. Три стены, пол, потолок, печные кладки и старые потолочные балки выкрашены в белый цвет, а в противоположной длинной стене громадное сводчатое окно, усиливавшее впечатление чего-то сакрального. Конечно, стекла между рейками переплета не были цветными, но этого и не требовалось.

— Воззри на гору господню! — улыбнулся Просто-Лассе и хлопнул в ладоши.

Дом, похоже, уместился на краю скалы — сада не было видно. За окном простиралось небо, виднелись кроны деревьев, а в отдалении тянулись до самой дымки на горизонте леса, поля и деревни в пылающих красках осени.

Анна уже видела этот пейзаж на фотографиях, которые присылал Просто-Лассе, но от открывшейся панорамы у нее все равно захватило дух. Скоро тридцать пять лет с того дня, как она в последний раз прокралась в гостиную, чтобы полюбоваться литографией. Но вот он, этот вид. Она узнала краски, глубину, ощущение покоя. Безопасности.

— Вау, — выдохнула Агнес, доставая фотоаппарат, и Анна не смогла понять, от чего — от интонации дочери, от света или взрыва красок в панораме, что ширилась перед ними, — у нее встал комок в горле.

Мы правильно сделали, что приехали сюда, подумала Анна под энергичное щелканье фотоаппарата. Все будет хорошо. Сколько раз за последние недели она повторила эту мантру! Но теперь она — впервые — почти поверила себе.

— Крыша Сконе, — с довольным видом усмехнулся Просто-Лассе. — В ясную погоду, если взять хороший бинокль, можно увидеть опоры Эресуннского моста. А до него больше семи миль.

Он дал Агнес несколько минут пофотографировать вид из окна и стал показывать зал дальше. Объяснил, что по лесенке, по которой они поднялись сюда, проповедник когда-то спускался в свое жилище. Продемонстрировал старинный хриплый, но не потерявший звука орган справа и парадную лестницу, которая вела вниз, к двери с

засовом. Фотоаппарат Агнес впитывал каждую деталь, а Анна изо всех сил старалась удержать в душе чувство безопасности. Внушала себе, что оно пришло, чтобы остаться.

— Как я писал вам, Табор — один из самых привлекательных объектов недвижимости во всем Сконе, — заметил Просто-Лассе. — Элисабет Видье годами получала предложения продать дом, один из “Аббы” особенно настаивал. Но Элисабет всегда отвечала отказом, какие бы деньги ей ни сулили. Верно, Клейн?

Клейн промолчал. Он почти замер возле лестницы.

Просто-Лассе и Агнес прошли к левой торцевой стене, где, наверное, когда-то помещался алтарь, и Анна двинулась было за ними. Но Клейн остался, где стоял, — ему как будто не хотелось входить в зал. Мило сидел у его левого колена; терьер смотрел на него преданным, восхищенным взглядом — Анна первый раз видела такое. Клейн молчал и почти не шевелился. И все же в его поведении было что-то, от чего в Анне проснулась интуиция легавого. Клейн словно скрывал за своей неподвижной маской какую-то тайну.

— Что это за картина? — слышался от торцевой стены голос Агнес. — Алтарная живопись?

— Нет, это поздняя фреска. Знаешь, кто такой Карл-Ю?

— Карл-Юхан Видье? — Агнес почти обиделась. — Естественно! Мы изучали всех великих. Я учусь в школе с эстетическим уклоном. — Агнес опустила фотоаппарат и метнула на Анну злой взгляд. — То есть *училась* в школе с эстетическим уклоном. — Обиженный голос Агнес прогнал иллюзию покоя и безопасности, и на смену ей пришла обычная тянущая тревога.

— Здорово, — улыбнулся Просто-Лассе, сделав вид, что не заметил ее тона. — Тогда ты знаешь, что в Таборе было ателье Карла-Ю, до тех самых пор, как ему пришлось прекратить писать из-за болезни. На перилах еще видны отпечатки его пальцев. — Он махнул рукой в сторону лестницы.

— Это последняя законченная картина Карла-Ю, — продолжал Просто-Лассе. Фотоаппарат Агнес снова защелкал. — Художник страдал тяжелым заболеванием глаз, от которого в конце концов почти ослеп. Но он отказывался уезжать отсюда, пока фреска не закончена, хотя у него ушло на нее почти десять лет.

Анна подошла ближе. Медленно, почти благоговейно. Картина была громадной — метров шесть в ширину, не меньше, и три в высоту, она занимала почти всю короткую стену. Картина представляла озеро, окруженное лесом. Каменные “бараньи лбы” и острые скалы, окруженные осенним лесом на фоне тревожного неба. Краски глухие, вода почти темная. Там и сям виднелись светлые брызги дождя, тревожившие черную поверхность, дождь искажал отражения деревьев и скал, заставлял их подрагивать. По мере приближения к картине эти искажения менялись, отчего вода казалась почти живой. Анна не слишком разбиралась в живописи, но понимала: чтобы добиться такого эффекта, нужно немалое мастерство. Завороженная, она пошла к фреске. И чем ближе подходила, тем сильнее становилась иллюзия движения, и одновременно усиливалась тревога. Анна заставила себя остановиться. Ей не хотелось слышать, что тревога хочет сказать ей.

Негромкий звук заставил ее бросить взгляд через плечо. Клейн вошел в зал и остановился. Он повернулся к стенной росписи, сложив руки, точно в молитве. Челюсти сжаты, глаза темные. Кожа на лбу тонкая, кость проступает отчетливо, как у Хо-кана в его последние недели.

Анна, спаси меня, пожалуйста!

Спаси меня!

Тревога пробила ее панцирь, злым осенним ветром ворвалась в мысли и зашептала ее собственным, Анны, голосом: переезд, новая работа, ее и Агнес новая жизнь — все это одна большая ошибка.

Глава 2

28 августа 1990 года

Бруно и Алекс, как всегда, приехали первыми. Алекс поставил свой черный “форд-эскорт” у шлагбаума, за которым начиналась узкая гравийка, и они несколько минут посидели, открыв боковые окошки и люк в потолке и включив автомагнитолю.

Хотя ночи становились все холоднее, заставляя листву там и сям желтеть, лето в последний раз пошло в атаку. Отвоевало себе еще пару дней, прежде чем капитулировать перед неизбежным. А это, в свою очередь, означало, что пришло время исполнить ежегодный ритуал. Последняя капля лета на их тайном пляже в каменоломне Мёркабю.

Они с Симоном уговорились встретиться в половине третьего у шлагбаума, но знали, что он никогда не приезжает вовремя.

— Вот странно все-таки — живет ближе всех, а все равно опаздывает, — сказал Бруно.

— Ну ты же его знаешь, — проворчал Алекс.

Отец Бруно говаривал: тот, кто опаздывает, не уважает чужое время, поэтому сам Бруно являлся на встречи минут за пять до назначенного, не меньше. Его раздражало, что Симон относится ко времени наплевательски. Остальные трое в их компании считали опоздания Симона совершенно нормальным делом.

Они сделали музыку погромче. Выбрались из машины, закурили по сигарете и отошли к дереву помочиться. Ни Бруно, ни Алекс не курили всерьез, пачка сигарет в машине принадлежала подружке Алекса Карине, но курение было чем-то вроде ритуала. Совместным делом в последние ленивые деньки. Докурив и затоптав окурки, они без особой охоты принялись перетаскивать рюкзаки и все прочее. От шлагбаума до каменоломни оставалось еще метров пятьсот.

Узкая дорожка круто карабкалась вверх, рюкзаки были тяжелыми, и Бруно успел взмокнуть, прежде чем они доперли вещи до каменного плато с левой стороны каменоломни — там они обычно и разбивали лагерь. Алекс, наоборот, совсем не выглядел перенапрягшимся. Раньше Бруно завидовал Алексу. Гибкому, послушному телу, уверенности в себе, тому, как многие смотрят на него. Со временем

Бруно смирился. Он все-таки оставался лучшим другом Алекса, что означало, что некий отсвет ложился и на него. Бруно занимал второе место в их неофициальном рейтинге. Во всяком случае, ему самому так виделось.

Только они поставили первую палатку, как далеко внизу мелькнул оранжевый “крещент” Симона.

— Очень вовремя, — буркнул Бруно Алексу. Тот молча пожал плечами.

— Сорри, надо было одному парню позвонить, — пропыхтел Симон, стаскивая с плеча чехол с гитарой.

— Вечернюю газету прихватил? — кисло спросил Бруно. Его отец всегда так говорил, если кто-нибудь опаздывал хоть на несколько минут. Идиотское выражение, конечно, но ему было жарко, он сердился, а Симон и не думал извиняться.

К сильнейшему раздражению Бруно, Симон пропустил его слова мимо ушей.

— Когда девчонки приедут?

— Карина заканчивает в четыре. — Алекс выглянул из палатки. — Мари заедет за ней, и они сразу сюда. Приедут не позже половины пятого.

— Окей. А как вообще обстоят дела, просто чтобы знать? Вы с Кариной вместе по четным неделям или по нечетным? Никак не могу вычислить...

Алекс в ответ только ухмыльнулся и продемонстрировал Симону средний палец. Бруно тоже попытался пошутить:

— Ну и работа — подтирать задницы старичью. Карине что, нравится?

— Во всяком случае, это настоящая работа. — В голосе Алекса вдруг прозвучало раздражение, чего Бруно совсем не ожидал. Он попытался защититься:

— Да ладно, я сам все лето впахивал как черт.

— В папином ресторане, ага. Это не считается.

— Еще как считается! — Бруно разволновался. Это Симона надо отчитывать, а вовсе не его, Бруно.

— Нет, не считается, — встрял Симон. — Твой начальник — твой папа, значит, тебя не могут уволить. И он вряд ли заставит тебя

вытирать кому-нибудь задницу. Разве что твоему замечательному старшему братцу.

Алекс захохотал и ткнул Симона кулаком в плечо. Бруно почувствовал, как к щекам прилила кровь, и прошипел:

— У меня отец, во всяком случае, не псих какой-нибудь. — Он тут же понял, что зашел слишком далеко, но было уже поздно.

Симон зло глянул на Бруно, но ничего не сказал. Легкий сквозняк поднял полог палатки, потом даже этот звук затих, уступив место гнетущему молчанию.

— Ну-ну, девочки, мы вроде уже выросли из игры “а мой папа...”? — Алекс попытался разрядить атмосферу. — Я думал, детский сад давно позади? Вы же знаете, в этой игре всегда побеждаю я, потому что Хенри больше и сильнее ваших папаш-слабаков. К тому же у него есть пистолет, так что. — прибавил он ребячливым голосом и бросил каждому по банке пива из сумки-холодильника. — Вот, пейте! Мир, да?

Зашипели банки, и все с облегчением выдохнули.

— Сорри, я перегнул. — буркнул Бруно Симону.

— Да ничего. Я первый начал. Тем более что Алекс прав. — Симон взмахнул банкой.

— Просто Хенри противнее всех наших отцов вместе взятых. Посмотри только на дикаря, которого он воспитал. Шея, как у быка, руки — как у гориллы. Еще чуть-чуть — и его уши можно будет варить вместо пельменей.

Симон и Бруно обменялись ухмылками.

— Да идите вы оба! — Алекс допил пиво и демонстративно рыгнул, после чего поднялся и смял банку одной рукой.

— Значит, так. Сейчас приносим остальные вещи из машины и быстренько ставим палатку Симона. Тогда успеем окунуться до того, как девчонки приедут.

Ребята едва успели натянуть плавки, как внизу показались Карина и Мари, с рюкзаками и пластиковыми пакетами. Алекс поставил свой бумбокс на краю плато, и над каменоломней загремели “Деф Леппард”.

Бруно и Симон быстро оделись, убавили музыку и слезли со лба, чтобы пойти навстречу девочкам. Кажется, оба обрадовались, что

прыгать в воду не придется. Каменоломня была в глубину не меньше, чем в ширину, озерцо маленькое, и вода в нем никогда не прогрелась как следует. Однако Алекса мысль о холодной воде, кажется, не беспокоила. Он босиком потрусил по тропинке к дальнему краю каменоломни. А потом принялся ловко взбираться по крутой скале.

Когда Бруно и Симон помогли девочкам донести вещи до плато, Алекс уже стоял на верхнем уступе и ждал. Внизу темнела неподвижная водная поверхность, семь на одиннадцать метров, скалу освещало полуденное солнце, заливая золотом загорелое мускулистое тело Алекса.

Бруно, Симон и девочки остановились на краю плато. Никто из них еще не прыгал с самого высокого уступа, даже и с уступов ниже не прыгал, но они знали, что в полуметре под поверхностью воды, прямо у скалы, есть каменные выступы. Как все, кто хоть раз купался в каменоломне, они и слышали, и пересказывали истории о людях, которые ломали руки и ноги, неудачно прыгнув с уступов ниже. И понимали: если прыгать с самой высокой точки, куда забрался сейчас Алекс, достаточно малейшей ошибки, чтобы разбиться насмерть.

— Ну, прыгай! — крикнула Мари. Алекс не двинулся с места. Видно было, что он пытается растянуть момент.

— Давай, Алекс, прыгай! — присоединился Бруно.

Карина демонстративно отвернулась, присела на корточки и стала рыться в рюкзаке в поисках сигарет. Однако она невольно поглядывала на Алекса, стоящего на уступе.

— Прыгай, прыгай... — завел Бруно, еще двое присоединились, но потом Карина замолчала, выпрямилась и осталась стоять, щитком приставив к глазам ладонь.

Кажется, именно этого движения Алекс и ждал. Он сделал глубокий вдох, задержал воздух и вытянул руки перед собой. Несколько секунд покачался на пальцах и с силой бросил тело вперед. На вершине дуги сложился, как перочинный нож. За миг до того, как пальцы коснулись воды, он распрямился и, вытянувшись в струну, вошел в воду. Прыжок был почти безупречным, с глухим невысоким всплеском, который тут же сменился темными кругами. Круги стали медленно расходиться к темным краям каменоломни.

Четверо друзей замерли, не отрывая глаз от воды. Алекс все не показывался. Круги еще плеснули, и поверхность стала неподвижной.

У Бруно свело желудок.

— Думаете, он?.. — Мари не закончила. Она тревожно глянула на Симона, потом на Бруно. Карина опасно сделала к краю один шаг, потом другой.

— Алекс! — крикнула она в каменоломню. — Милый!..

В ту же секунду черная поверхность взорвалась, и показалась голова Алекса. Он шумно втянул воздух, вскинул руки, и победный рев заметался между стенами каменоломни. Карина повернулась к Мари и сердито кивнула на воду.

— Что я говорила? Детсадовец, придурок!

Бруно понимал, что значит этот комментарий. Он уже раз сто слышал, как Алекс с Мариной ссорятся. И знал, что ссоры — обязательная часть их отношений. Но в то лето он расслышал в голосе Марины интонацию, которой раньше не было.

И эта интонация тревожила его.

Глава 3

Осень 2017 года

— The last one^[9]. — Поляк, представившийся Павлом и, похоже, бывший у грузчиков за главного, сложил последнюю картонную коробку.

— Are you sure I can't offer you something?^[10] — нарочито медленно спросила Анна. Когда она говорила на неродном языке, то заикалась чаще.

Грузчик взмахнул руками, помотал головой:

— No thank you. Mister Klein told us go back when finish^[11].

— Okay. Thank you so much then^[12].

Павел махнул своим коллегам, и все четверо набились в грузовичок с польскими номерами. Анна стояла на крыльце, глядя, как габаритные огни машины исчезают в лесу.

— Вот это сервис, — сказала у нее за спиной Агнес. Голос прозвучал неожиданно бодро, хотя и не без иронии — главного оборонительного оружия дочери.

— Да, неплохо. — Анна взглянула на часы. — Мебель и ковры на месте, все коробки и перевезены и распакованы еще до обеда. Да еще в субботу.

Когда Просто-Лассе вчера после обеда передал ей ключи, они встретили фургон для переездов, и им без долгих разговоров внесли кровати и все необходимое. Автомобиль уехал, они поужинали в окружении не распакованных коробок и мебели, а потом Агнес закрылась у себя с ноутбуком и Мило и не высывала нос, пока утром поляки Клейна не постучали в дверь. И хотя ее разбудили, Агнес помогала распаковывать коробки без жалоб и недовольного бурчания. Кажется, ей почти хотелось поговорить. Может быть, Анна выдавала желаемое за действительное, но после первой ночи в Таборе ей показалось, что отношения с дочерью немного улучшились. Старый дом словно оказывал успокаивающее действие.

— Они еще и собрали все эти штуки из “Икеи”, — прибавила Агнес. — И лишних винтиков не осталось, как когда папа... — Она не договорила и отвернулась. Улыбка погасла. Мина-ловушка, которую

никто из них не ставил, смерть Хокана, то и дело вторгалась в разговоры.

— Проголодалась? — Анна постаралась, чтобы голос прозвучал весело. — Хочу выскочить в магазин. — Она подождала ответа. Агнес молча ушла к себе и закрыла дверь.

Анна остановила машину при выезде на большую дорогу. Если поехать налево, то минут через двадцать пять будет большой перекресток, можно добраться до супермаркета “ИКА” в центре Неданоса. Если направо, то, по утверждениям Просто-Лассе, минут через пятнадцать на вершине гряды будет поселок Мёркабю, а там, он говорил, есть сельмаг. Само слово звучало так ярко и завлекательно, что Анна решила поддаться жажде приключений и повернула направо.

Ночью прошел дождь, и асфальт был темным, а вокруг деревьев висела серая вуаль сырого осеннего тумана. Неширокое шоссе мягко петляло, примерно через километр лес расступился, и по обе стороны дороги открылось широкое поле; в тумане неясно угадывалась лесная опушка.

Далеко справа показалась длинная ивовая аллея, в конце которой просматривались контуры какого-то строения. Анна проехала указатель с надписью “Энглаберга”. Вот, значит, где живет их домовладелица. И, видимо, ее управляющий Клейн, которого она так и не раскусила. Клейн казался ей резким, почти враждебно настроенным. Но почему?

Несколько минут Анна ехала по равнине, заметила еще несколько усадеб, поменьше, а потом въехала в густой лиственный лес. Узкая асфальтовая дорога шла то в гору, то вбок, тут и там из тумана почти без предупреждения появлялась съезды. Большинство представляли собой двухколесную колею с зеленой полоской посередине. Дорожки, туман и резкие повороты заставляли Анну соблюдать осторожность. Несколько раз ее обгоняли местные, ехавшие с немалым превышением скорости — кажется, плохая видимость им была нипочем. Последний даже раздраженно посигналил, проезжая мимо.

Действительно, почти через пятнадцать минут после съезда с дороги Анна увидела в тумане белую колокольню. Вскоре после этого показались несколько домов и дорожный щит, извещавший, во-первых, что Анна въехала в Мёркабю, а во-вторых, что перед ней самая высоко расположенная церковь Сконе.

Сам поселок оказался собранием домов, сгрудившихся вокруг Т-образного перекрестка. Перед одним лежал неровный асфальт, стояли две доски объявлений, а на витрине виднелась наклейка с изображением мороженщика. Совсем не похоже на сельмаг, который Анна себе вообразила. *А ты чего ждала?* — усмехнулся Хокан. — *Бюллербю?*

Дверь магазина была закрыта; написанное от руки объявление предлагало в случае необходимости позвонить в звонок. Через несколько минут появилась немолодая женщина в кофте с катышками, на которой красовался логотип предприятия.

— День добрый! — Впуская Анну, женщина широко улыбнулась.

Магазинчик оказался немногим больше гостиной в Таборе. Старая витрина-холодильник, пара полок с бакалеей, сигареты, газетная стойка. Пахло виниловым покрытием.

— Ищете что-то конкретное? — спросила женщина. Очки она сдвинула на лоб, они запутались в волосах, отчего прическа слегка съехала вправо. Женщина потянула акрилово-блестящие локоны в противоположную сторону, чтобы выровнять парик.

— Так, что-нибудь к обеду.

— Есть свежие яйца. Только что из курятника. — Женщина снова поправила парик и на этот раз осталась довольна.

— У меня дочь веганка, — пробормотала Анна. Объяснить, что это такое? Какими ограничениями обставлен каждый прием пищи, не говоря уже о вечных спорах?

— Свежая свекла подойдет? — спросила женщина. — Если запечь в духовке и подать с голубым сыром, будет вкусно. Ой нет, сказала тоже. Веганы ведь не едят сыр? Вообще никаких продуктов животного происхождения.

— Верно. — Анна удивленно покачала головой.

— У меня внук веган, — поделилась носительница парика и подмигнула Анне. — Подыщем что-нибудь, вот увидите.

Минут через десять они набрали гору корнеплодов и овощей, в основном выращенных неподалеку. А еще — свежие яйца и кусок соблазнительно пахнущего бекона.

— Меня зовут Гуннель, — представилась женщина в парике. — Это же вы снимаете дом у Энглаберги. Табор?

Анна кивнула:

— Откуда вы знаете?

— Мы тут редко видим новые лица. И почти никогда не слышим стокгольмского говора. — Гуннель с любопытством взглянула на Анну. — Вы служите в полиции, да?

Анна снова кивнула, поражаясь, как далеко залетает сорока, разносящая на хвосте разные сведения. Вопрос со службой и переездом в Неданос решился всего какой-нибудь месяц назад.

— Да, мы тут слегка удивились, когда услышали, что Элисабет Видье надумала сдавать Табор. Да еще человеку из полиции, — продолжала женщина, складывая покупки Анны в пакет. — Табор для нее — это святое, а полицейских она, скажем так, не особо жалует.

— Почему?

Старушка выпрямилась, улыбка ее застыла.

— Хм, а я думала, вы знаете. Никто не рассказывал?

— Нет. — Анна нахмурилась. — Что именно не рассказывал?

— Про Симона. Мальчишку Элисабет и Карла-Юхана. Который убился тут, в старой каменоломне. — Гуннель махнула куда-то в сторону дороги. — Уже лет тридцать тому. Кошмарная история.

— Вот как. — Анне стало любопытно. — Нет, я ничего такого не знаю.

Женщина грустно покачала головой.

— Бедняга Симон. Такой был чудесный парень, такой талантливый. Пел и играл, как ангел. Девятнадцать лет, вот-вот должен был выйти в мир.

— Какая трагедия. — Анна тоже сделала скорбное лицо. — А что с ним произошло?

— Их компания там, в каменоломне, лагерь устраивала. В самом начале осени девяностого это случилось. До сих пор все помню, будто вчера.

Женщина понизила голос.

— Мы с Оке проснулись оттого, что кто-то колотил в дверь. Времени было почти пять утра. Прибежал Бруно, сын хозяина здешнего ресторана. Весь белый как простыня. Спросил, можно ли позвонить. Сказал, что произошел несчастный случай.

Гуннель покачала головой, скривив губы, словно последние два слова причиняли ей неудобство. Она уже перегнулась было через

прилавок, желая сказать что-то еще, но дверь магазина открылась, и вошел мужчина во флисовой кофте и рабочих штанах.

— Привет, Гуннель. — Мужчина привычным шагом направился к витринке со снюсом, притаившейся в углу. По дороге он с любопытством глянул на Анну.

Гуннель выпрямилась и провела руками по кофте в катышках, словно пытаясь стереть что-то неприятное.

— Еще что-нибудь, Анна? — спросила она чуть громче, чем нужно.

Вернувшись в Табор, Анна занялась приготовлением обеда. Агнес с угрюмым видом накрывала на стол. Когда молчание стало совсем уж невыносимым, Анна решила рассказать о встрече в магазине. В красках расписала, как удивилась, что Гуннель в курсе веганского питания, однако ожидаемой реакции не получила. Не успев подумать как следует, Анна пустилась пересказывать весь разговор, от перекосившегося парика до нелепой гибели Симона Видье.

— Как думаешь, может, фреска в зале изображает каменоломню? — Агнес взглянула на мать, в голосе неожиданно прозвучал интерес.

— Не знаю. — Анна постаралась не показать, как ее обрадовало, что они о чем-то говорят. О чем угодно, лишь бы не о Хокане и не о переезде. Твердая почва, без мин-ловушек. — Но если хочешь, можем узнать. Гуннель говорила, это близко.

— Я посмотрю гугл-карту. Но лучше, наверное, подождать до завтра, будет не так туманно. Я пофотографирую, и мы сможем сравнить с картиной.

— Конечно!

Агнес поднялась, помогла Анне убрать со стола, помыла форму для выпечки — даже просить не пришлось.

Мило с озадаченным видом вертелся у Агнес под ногами и явно не знал, как себя вести, словно перемена атмосферы сбила его с толку. Он запрыгнул на кухонный диванчик, поставил лапы на подоконник. Тихо заворчал, будто заметил что-то в саду. Анна выглянула в окно, но увидела только обширный сад с двориком, подъездную дорожку и туман, который слоями стелился среди деревьев.

— Дурень, — буркнула она. В ответ Мило обиженно взглянул на нее.

Когда с посудой было покончено, Агнес скрылась в зале для проповедей — Анна слышала, что дочь потащила с собой оборудование. Тренога для фотоаппарата, вывернутый зонтик, вспышка, экраны, чехлы с линзами. Все это влетело черт знает в какую сумму, Анна помнила, как они с Хоканом ругались из-за этого.

Ты покупаешь ее любовь, понимаешь ты или нет? Ставишь меня в дурацкое положение. И вообще, с каких пор ты можешь позволить себе такие траты?

Теперь все это казалось такой ерундой.

Анна тоже стала подниматься по лестнице. На миг остановилась, словно ожидая, что Агнес потребует оставить ее в покое. Этого не произошло, и Анна медленно подошла к огромному церковному окну. От вида все еще было трудно оторваться, хотя по сравнению с вчерашним он сильно изменился. Туман пеленой лежал над деревьями, макушки проступали серыми силуэтами. Вдали неясно светилась полоска красных огней, и Анна не сразу поняла, что это габаритные огни ветряных мельниц на равнине. Доисторические звери из железа, они ритмично подмигивали друг другу.

Агнес с фотоаппаратом пристроилась перед росписью.

— Мама, принеси, пожалуйста, другой штатив для лампы.

Анна постаралась не показать, как обрадовалась, что Агнес подключила ее к работе.

По шажочку, подумала она. Попыталась расслышать, что скажет Хокан, но сейчас он молчал. Хороший знак. И все же ей будет не хватать его голоса.

Анна протянула Агнес штатив и стала смотреть, как дочь сноровисто управляет с оборудованием. Перевела взгляд на фреску. Темное небо, скалы, задумчивый лес. Осенний дождь нарушает гладь воды, искажает отражения.

— Красиво, да? — сказала Агнес. — Краски, настроение, дождь. Мне все кажется, что вода скрывает какую-то тайну. И там, в глубине, что-то есть. Интересно, существует ли еще каменоломня. И как она выглядит на самом деле.

— М-м. — Анна склонила голову набок, изучая неверные контуры на темной поверхности.

— Я погуглила картины Карла-Ю, — продолжала Агнес. — И ничего похожего на эту не нашла, так что ее, кажется, никто еще не фотографировал. Наверное, я буду первой. Вот и снимки для моего портфолио. — Она снова принялась ставить свет. Быстрые, ловкие движения. Чувство, возникшее за столом, согревало Анну изнутри. Все у нас устроится, подумала она. Все будет хорошо. Хокан снова промолчал.

После обеда они вышли прогуляться с Мило. Пересекли дворик и свернули направо, к лесу — тропинка начиналась почти у сарая. Земля была завалена опавшими листьями. Мягкий оранжевый ковер, прикрытый слоями тумана, приглушал и звук шагов, и даже возбужденный лай Мило — пес носился между деревьями, гонялся за запахами и впечатлениями, понятными только собакам.

Агнес, конечно, взяла с собой фотоаппарат. Она снимала Мило, деревья, оранжевую листву над головой. Каждые три минуты ей приходилось останавливаться, чтобы протереть линзу — накрапывал мелкий, еле заметный дождь.

Тропинка вывела их к неглубокому ручью. Мило припал к холодной воде, после чего бодро потрусил вниз по течению. Агнес пошла за ним по берегу, фотоаппарат щелкал, как заведенный.

— Мило, смотри сюда! Мило!

Анна оступилась, угодила ногой в лужу стоячей воды на берегу, чуть не до смерти перепугав лягушку. Передернулась и решила купить резиновые сапоги.

— Как думаешь, куда течет ручей?

Агнес раскраснелась, взгляд стал живым. Анна что угодно дала бы, лишь бы каждый день видеть дочь такой.

— Вниз по склону, конечно. — Анна указала на туман, висевший над местом, где, по ее предположению, был склон. — Где-то там река.

— Или же он течет к той самой каменоломне.

— Может быть. Ты не смотрела гугл-карты?

Агнес покачала головой.

— На карте нет никаких каменоломен.

— Странно, да?

— Наверное. — Агнес задумалась. — Может, пройдем вдоль ручья, посмотрим, куда он течет?

Анна покосилась на свой ботинок. Носок промок насквозь, даже штанина пропиталась водой. Но Агнес говорила с ней, проявила интерес еще к чему-то, кроме телефона и собаки. К тому же Анне самой стала интересна эта загадочная каменоломня.

— Да, можно и пройтись.

Ручеек петлял между деревьями, становясь все шире и громче по мере того, как в него вливались другие ручьи, помельче. Агнес и Мило были заняты своими делами, Анна каждые двести метров останавливалась, чтобы сориентироваться и сообразить, не слишком ли они близко к обрыву. Она не видела его из-за тумана, но знала, что он где-то там. Несмотря на туман, Анне казалось, что она неплохо отслеживает направление. Неданос располагался у подножия гряды, на северо-западе. От окраины поселка до их дома было чуть больше мили; сейчас они шли вдоль гряды и уходили от Неданоса, что означало — они движутся на юго-восток. Анна пыталась ориентироваться по природным приметам, как учил ее Хокан. Мох и лишайники с северной стороны стволов, больше опущенных веток — с южной. Анна знала, что муравейники почти всегда с южной стороны дерева, но муравейников здесь не было, и вскоре Анна поняла почему. В этом лесу не росли хвойные деревья — только высокие лиственные, с похожими на зелено-серые колонны стволами. И росли они слишком близко друг к другу, да еще и терялись в слоях тумана. Мрачная, почти призрачная картина.

Они найдут тебя, зашептал Хокан без предупреждения. Даже здесь ты не в безопасности. Ты должна рассказать ей. Ты обещала мне, что расскажешь.

Анна передернула плечами, прогоняя и чувство, и голос; вскоре она вернула себе радость от того, что у них с Агнес появилось одно дело на двоих.

Они шли по тропинке вдоль ручья. Вот ложе опустилось глубже в мягкую почву, один берег круто поднялся. Анна покосилась на часы. Начало шестого, до сумерек еще не меньше часа, и все же ей казалось, что света убавилось. Склон мягко спускался, но ни скал, ни изменений в пейзаже, похожих на те, что на фреске, пока не было видно. Анна

уже хотела предложить Агнес вернуться, как вдруг Мило зашелся возбужденным лаем.

Пес обнаружил на берегу большую нору, и, прежде чем они успели остановить Мило, он уже наполовину влез в дыру. Теперь лай продолжался из норы, еще более пронзительный, несмотря на приглушавшую его землю.

— Мило, ко мне! — крикнула Агнес, но собака не обратила на нее ни малейшего внимания. Задние лапы с ожесточением поскребли крутой берег, и вдруг собака исчезла в дыре полностью. Теперь Мило лаял еще громче. Лай смешивался с каким-то звуком, идущим из норы. Ворчание, переходящее в громкое фырканье, издавала явно не маленькая собачка.

— Мило! — опять крикнула Агнес. Она хотела подобраться к норе, но потеряла равновесие и полетела вниз. Склон оказался таким крутым, что Агнес скатилась прямо в ручей и приземлилась на колени. — Твою мать!

Мило продолжал надрываться. Громко, бешено. Словно он испугался, разозлился и возбужден одновременно. Анна кое-как спустилась по круче. Протянула руку Агнес, помогла дочери подняться на ноги — и вдруг краем глаза уловила шевеление. Какой-то зеленый силуэт перемахнул через ручей и ринулся к норе. Высокий бородач в камуфляже. Его появление было столь стремительным, что и Анну, и Агнес словно громом поразило. Бородач, вытянув руки вперед, нырнул в нору и, отталкиваясь ногами, влез туда почти до пояса. По спине у него сыпались песок и камешки. Звук в норе продолжался еще несколько секунд, и вдруг мужчина вылез. В бороду набилась земля. Бородач вытащил за заднюю лапу яростно извивавшегося, свирепо лаявшего Мило, бросил собаку на землю и словно из ниоткуда извлек черный револьвер. Мило ощерился и цапнул бородатого за ногу. Анна инстинктивно толкнула Агнес себе за спину.

— Нет! — крикнула Агнес, но бородатый не стал наставлять оружие на них или на собаку. Он снова полез в нору. Оттуда снова донеслось фырканье, потом громкий хлопок. Все стихло.

Упираясь коленями и извиваясь, мужчина вылез из норы. В одной руке он держал револьвер, в другой — какой-то большой серый мешок. Бородач сунул револьвер под куртку и перехватил мешок обеими

руками. Лапы, когти, черно-белая треугольная голова. Клыки оскалены в смертной гримасе.

— Барсук, — пояснил бородатый с ядреным местным акцентом, отряхиваясь от земли. — Обозлится — собаку насмерть заест.

Он снял с ремня складной нож с широким лезвием и, отыскав на крутом берегу плоскую поверхность, принялся сноровисто потрошить животное. Хокан показывал Анне, как надо свежевать зверя, даже как-то заставил попробовать на зайце. Но бородатый играл в высшей лиге. В считанные минуты он вывалил барсучьи кишки на землю — и почти не испачкал руки в крови. Пальцы у него были на удивление короткие, ногти наполовину обгрызены.

Агнес присела и взяла Мило на поводок — чтобы не рвался поучаствовать в разделке; сама она, как и пес, замороженно наблюдала за движениями бородатого. Анна уже успела прийти в себя. Какой-то миг ей казалось, что бородач в камуфляже и правда направит револьвер на них.

— Храбрец.

Бородатый указал на Мило, другой рукой стирая пот со лба. Курчавые волосы и борода, плоский нос и широко посаженные глаза придавали ему вид персонажа из фильма про Гарри Поттера. Впечатление, что перед Анной и Агнес сказочный герой, усиливалось местным говором: мужчину едва можно было понять.

— Не всякая псина полезет в барсукову нору. — Мужчина указал ножом через плечо, в туман. — Меня зовут Матс Андерсон, я живу в Энглаберге. — Он тщательно вытер нож о штаны и убрал его.

— М-м, здравствуйте, Матс. Меня зовут Анна Веспер, а это — Агнес и Мило. Мы живем... — Анна запнулась. Как сказать — “живем в Таборе” или “в усадьбе Табор”?

— В Таборе, — сказал бородатый, разрешив ее сомнения. — Да, я знаю. Вы вчера въехали. Сняли дом у тети. Элисабет Видье из Энглаберги. Мой отец — Бенгт Андерсон.

Бородатый произнес это имя так, словно ждал, что Анна его знает. Но имя “Андерсон” ни о чем ей не говорило.

— Какой породы? Сконский терьер? — Матс повернулся к Агнес и Мило.

— Помесь джек-рассела и фокстерьера.

— По мне, на сконского терьера похож.

Матс потянулся к Мило, который сидел у Агнес между колен. Пес поднял верхнюю губу и оскалился, но Матса это не испугало, и через минуту в Мило победило любопытство. Он обнюхал руку Матса и принялся лизать ее.

— Кровью пахнет. Ни одна хорошая охотничья собака не устоит. — Матс почесал Мило под подбородком. Собака увлеченно лизала ему запястье.

— Можно вас сфотографировать? — Агнес приподняла фотоаппарат, висевший у нее на шее.

— Это зачем? — В голосе Матса прозвучала настороженность, словно он подозревал, что Агнес его разыгрывает.

— Просто люблю фотографировать. Хочу стать фотографом. К тому же вы спасли мою собаку. — Агнес выдала улыбку, которая всегда действовала на Хокана. На Матса тоже подействовала.

— Ну, раз так...

Здоровяк зарделся и стал вдруг похож не на мужчину под сорок, а на стеснительного подростка. Несмотря на камуфляж, дремучую бороду, тяжелый револьвер и нож, в нем было что-то детское.

Камуфляжный Матс послушно сфотографировался рядом с барсуком. Он даже приподнял губу своей добыче, чтобы продемонстрировать мощные клыки.

— Кости перекусывают, — говорил он Агнес, пока та щелкала фотоаппаратом. — Раньше говорили: идешь на барсука — насыпь яичную скорлупу в сапоги. На случай, если вцепится. Считалось, что барсук услышит хруст — и отпустит. Ерунда несусветная. — Бородач усмехнулся, а следом за ним и Агнес.

— А барсуков едят? — спросила Анна.

Матс повернулся к ней с удивленным видом, словно успел забыть про нее. Улыбнулся этому явно глупому вопросу.

— Какое там едят. У них трихинеллез бывает. Я варю мясо для сестриных собак. Барсуки осенью жирные. Собаки наедаются.

Он снова повернулся к Агнес.

— А шкуры продаю. Но это здоровый боров, такого я лучше сделаю как следует.

— Сделаете как следует? — Агнес, кажется, заинтересовалась по-настоящему.

— Набью чучело. У меня в Энглаберге целая коллекция. Заходите как-нибудь посмотреть. Пофотографируете, если захотите.

— С удовольствием.

Анна взглянула на часы

— Нам пора домой. Скоро начнет темнеть.

Агнес закатила глаза, но вслух, против обыкновения, протестовать не стала.

— Кстати, а вы не знаете, где здесь каменоломня? — спросила она все тем же радостно-приветливым голосом. Матс помрачнел.

— Не здесь, — глухо буркнул он. — В лесу по ту сторону Энглаберги. Но вы туда не ходите.

— Почему?

— Паскудное место. — Матс покачал головой. — Опасное. — Он замолк. Похоже, высказался до конца.

— Ладно, спасибо, что предупредили!

Они распрощались и зашагали по тропинке. Матс так и стоял над мертвым барсуком — по сапогу у каждого бока. Когда Агнес обернулась, он поднял руку и помахал.

Глава 4

28 августа 1990 года

Все пятеро улеглись на полотенцах на краю плато, куда еще дотягивались лучи предвечернего солнца. Бруно отодвинулся, Алекс неохотно позволил Мари сменить музыку в бумбоксе, и из магнитофона полилась смесь хитов: Аланна Майлз, Мадонна, Шер.

— Отстой, — буркнул Алекс Бруно, но на этот раз обычной поддержки не получил. Бруно предпочитал не попадать под перекрестный огонь между Алексом и Мари. Алекс перевернулся на живот, закрыл глаза и через пару минут уже похрапывал.

Девчонки сняли футболки и теперь загорали в одних купальных лифчиках и в шортах. Карина намазалась чем-то с кокосовым запахом, ее загорелая кожа заблестела. Мари была не такой фигуристой и значительно бледнее Карины. Там и сям у нее на коже виднелись печеночные пятна, которых, как Бруно было известно, она немного стеснялась. Его эти пятнышки не смущали. В его глазах они придавали ей индивидуальности. Карина перевернулась на живот и подставила солнцу спину. Распустила узел, и лифчик остался лежать под ней на полотенце. Округлости груди были отчетливо видны со стороны, особенно когда Карина приподнимала голову, чтобы что-то сказать. Бруно старался не смотреть в ее сторону — нелегкая задача. Карина красивая, и в округе нет парня, который не знал бы, кто она такая. Но она девушка Алекса и была ею еще со средней школы. А может, и того дольше.

Симон оказался вовсе не таким щепетильным. Бруно видел, как он время от времени поглядывает на стати Карины, как будто ему совершенно наплевать, что кто-то заметит. Это почему-то задевало Бруно.

Он слышал, как девочки в автобусе шепчутся про Симона. Не насмешливо, как в начальной школе, когда Симон был помешанным на музыке глистом, а по-новому. И это “по-новому” Бруно не очень-то нравилось. Он перевернулся на живот и попробовал прогнать раздражение, но безуспешно.

Мари вскоре заметила, что Симон посматривает в их сторону. Она пихнула Карину в бок и со значением кивнула на него. Карина чуть сдвинула солнечные очки, взглянула на Мари и шепнула:

— Ого.

Она оперлась на локти и приподнялась, отчего груди стали видны почти полностью.

— Симон, — подчеркнуто кротко произнесла она и сдвинула очки на кончик носа, — не принесешь нам с Мари попить?

— Сейчас! — Симон неуклюже поднялся на ноги, но Бруно был уже на полпути к сумке-холодильнику.

— Я принесу, — резко сказал он и зло глянул на Симона. Хорошо бы он все понял и никуда не лез.

— Вот спасибо! — Карина снова улеглась.

Бруно наклонился над сумкой-холодильником, которую они поставили в тени за палаткой. Со стороны поворота донесся слабый шум; заглянув через край плато, Бруно увидел полицейскую машину — она как раз повернула и остановилась внизу, возле велосипеда Симона. Боковое окошко со стороны пассажира поехало вниз, и из машины выглянул рослый мужчина с резкими чертами лица. Бруно помахал ему и тут же крикнул:

— Алекс!

— Что? — буркнул Алекс, не поднимая головы.

— Твой папа приехал.

Алекс вздохнул и сел.

— Естественно, приехал. Я сдуру спросил у Хенри, можно ли взять ключ от шлагбаума. Он мне целую лекцию прочитал, почему сюда нельзя соваться. Что проход наверх запрещен, что на скалах опасно и все такое. А как ему самому подняться сюда надзирать за нами — это, значит, без проблем.

— Какое счастье, что у тебя есть отец, который о нас заботится, — проворчала Карина.

— Мы же не малышня сопливая. Ну что с нами может случиться? — Алекс подошел к краю плато, встал рядом с Бруно и сердито помахал в сторону машины. — До скорого, Хенри, — сказал он так, чтобы его услышали только четверо приятелей. — Все в порядке, можешь уезжать.

Приехавший помахал ему в ответ из окна машины.

— Как вы тут, не шалите? — спросил он. От грубого голоса между скал прокатилось негромкое эхо.

— Нет. — Алекс даже не пытался скрыть раздражения.

— Вся банда в сборе?

— Ага!

Хенри Морелль сидел, никак не выражая желания уехать. Алекс не сразу понял, зачем явился отец.

— Вот теперь-то уж точно вали отсюда, — пробормотал он и повернулся к трем друзьям, которые так и лежали на полотенцах.

— Встаньте и помашите, — сказал он. Никто не успел рта открыть, как он вскинул руку, пресекая протесты. — Знаю, знаю, но это единственный способ спровадить его. Иначе он и сюда полезет.

Карина, Мари и Симон поднялись и подошли к краю плато.

— Здравсте, дядя Хенри! — преувеличенно радостно крикнула Мари; остальные просто в меру воодушевленно помахали.

Хенри Морелль помахал в ответ и что-то сказал водителю. Машина медленно покатила по узкому проселку, мигнула синим и скрылась за деревьями.

— Сорри, — сказал Алекс. — Вы же его знаете.

— Да ладно. — Симон хлопнул Алекса по спине. — Хенри заглянул проверить, как там его золотой мальчик. Традиция. Он за тобой лет до пятидесяти присматривать будет.

Алекс что-то неразборчиво пробормотал, взял пиво и вернулся на свое полотенце. Симон сменил кассету в магнитофоне.

— Опять Тото?! — простонала Мари, когда зазвучала музыка. — А моя чем была плоха?

— Майкл Болтон. — Симон закатил глаза. — Еще объяснения нужны?

— Да. С Болтоном что не так? — Мари взглянула на Карину в поисках поддержки. Но Карина улеглась, демонстрируя полную незаинтересованность в дискуссии.

— Да, что не так с Болтоном? — ухмыльнулся Симон.

— Слушай, Симон, ты иногда такая задница. Да, ты у нас музыкант-вундеркинд, но это, блин, не делает тебя полицией вкусов, — прошипела Мари. Симон сел рядом с ней и игриво положил руку ей на спину:

— Ты же меня простишь?

Мари сбросила его руку, но он не унялся. И не сдавался, пока Мари не рассмеялась.

— Ну ты и задница! — повторила она, на сей раз дружелюбнее.

Бруно взял из сумки-холодильника две банки пива и банку кока-колы и вернулся к девушкам. Вручая банку с кока-колой Мари, он улыбнулся, однако желаемого ответа не получил — Мари как раз препиралась с Симоном. Сидя на полотенце и открывая пиво, Бруно обнаружил, что Симон продолжает поглядывать на Карину и ему, похоже, на всех наплевать.

Кто-то должен поставить эту сволочь на место, подумал Бруно. Отпил из банки и криво улыбнулся сам себе, повертел в голове эту неприятную мысль.

Поставить Симона Видье на место.

Глава 5

Осень 2017 года

Утром Анна вскочила в половине шестого. Она долго принимала душ в ванной с новеньким кафелем, потом надела полицейскую форму. Брюки, свежесглаженная рубашка, синий свитер с желтыми знаками отличия на плечах — обычно в такое одеваются только офисные служащие. Она уже много лет не носила форму — в угрозыске лена все одевались в гражданское.

Подводя утром понедельника итоги выходных, Анна все же обнаружила маленький плюс. Погода снова испортилась, и Агнес больше не рвалась искать каменоломню. Дочь почти весь день просидела у себя в компании “Нетфликса”, а сама Анна переделала несколько дел. Какая-то ее часть надеялась, что Агнес наскучит история Симона и дочь рассудит, что трагическая гибель незнакомого парня на несколько лет старше ее самой, сына человека, в чьем ателье они теперь живут, — дело, в котором копаться не стоит. С другой стороны, Анна уже тосковала по тому единению, что появилось у них в субботу. На два коротких часа все стало почти... нормально.

Когда волосы просохли, Анна стянула их в тугий хвост, слегка подкрасилась, поправила узел галстука. Оглядела результат в зеркале и обнаружила у глаза морщинку, которой раньше не замечала. Может, запудрить? Анна решила оставить, как есть. Все-таки ей скоро сорок шесть, и не хочется в первый же день появляться на новой работе излишне накрашенной.

— Пора вставать. — Она постучала в дверь Агнес. Мило, разумеется, лежал в кровати, хотя ему это не разрешалось. Анна сунула голову в дверь, и собака нагло глянула на нее. Приподняла губу, запрещая Анне приближаться к Агнес.

— Хорошо спалось? — спросила Анна, пока Агнес влезала в куртку, чтобы выгулять собаку. В ответ дочь что-то неразборчиво буркнула. Кажется, хорошее настроение выходных испарилось.

— Когда у тебя поезд?

— В половине восьмого.

— Хорошо. Тогда отсюда нам надо выехать без десяти семь, не позже.

Входная дверь хлопнула у нее прямо перед носом. Анна сделала глубокий вдох, чтобы не поддаться раздражению. У Агнес первый день в новой школе. У Анны, можно сказать, тоже.

Когда она парковала машину возле полицейского участка, прошло уже пять минут от назначенного времени. Туман, стоявший все выходные, не рассеялся — здесь, в низине, он казался еще гуще, садился прямо на одежду. И к тому же пованивал. От запаха гари свербило в носу. Раньше Анну не слишком беспокоили запахи. На работе ей случалось переживать вещи похуже, не зацикливаясь на них. Но в последний год запахи как будто стали сильнее. Анна даже знала точно, когда это началось и какой запах был первым. Первая половина дня 2 ноября прошлого года. Белые лилии. Похороны Хокана. Анна ощутила, как нервозность обжигает желудок, и глубоко вдохнула. *Расслабься, все будет хорошо*, прошептал он. Похоже, они снова стали друзьями. Во всяком случае, Хокан больше не выступал со всякими зловещими предупреждениями.

Хенри Морелль подошел к стойке секретаря раньше, чем Анна успела войти в здание. Наверное, стоял и наблюдал за ней. Высокий мужчина, выше метра девяносто, и весом килограммов сто, не меньше. Какая-то часть этих килограммов отложилась на талии, но не так обильно, как у большинства его ровесников. Морелль тоже был в полицейской форме, отчего Анне полегчало. Явиться в первый же день одетой неправильно — неважное начало. Сутуловатая спина, манера переносить вес на переднюю часть стопы, шкиперская борода и кустистые брови делали Морелля похожим на старого медведя.

— Хенри, — представился он и протянул ладонь, похожую на громадную ласту. Улыбнулся вежливо, но не более того. — Добро пожаловать в Неданос. Сегодня сыровато, но я подумал, что мы все же начнем с обзорной экскурсии. Кстати, в машине есть кофе. — Он жестом указал на “вольво”. Обычная синяя машина без специальных знаков и маркировки — и все-таки по ней за километр видно, что это машина полицейская. В салоне пахло водой после бритья. В держателе между сиденьями стоял картонный стаканчик с кофе. Пока Морелль

выводил машину на дорогу, Анна пригубила кофе. Он оказался чуть теплым; молчание в машине ощущалось как напряженное.

— Простите за опоздание. — Анна изо всех сил старалась говорить уверенно. — Моя дочь. — Она почувствовала, что вот-вот начнет заикаться, сделала паузу и сменила тему. — Спуск занял больше времени, чем я рассчитывала. Повороты крутые, а в тумане.

Морелль примирительно махнул рукой.

— Привыкнете. Вы же в пятницу приехали? Добрались из Стокгольма нормально?

— Вполне.

— И вы с дочерью обосновались в Таборе? Уже все перевезли?

— Более или менее.

Голос у него был нейтральным — не дружелюбный и не неприязненный. И внятный сконский говор — не то что нечленораздельное урчание Матса Андерсона.

— Красивый дом. Один из лучших на гряде. Элисабет Видье крепко держалась за него все эти годы. Ничего не делала, ничего не меняла. А еще меньше хотела его продавать или сдавать. — По голосу было ясно, что Мореллю есть что сказать о доме, но он предпочел сменить тему.

— Да, так я подумал, что мы совершим экскурсию по поселку, и я немного расскажу, как тут все устроено. И у нас будет возможность узнать друг друга, прежде чем вы встретитесь с остальными служащими. Собрание в десять утра.

— Прекрасно! — Слово прозвучало как-то слишком воодушевленно, и это рассердило Анну. Лучше придерживаться нейтрального тона, как Морелль, не лезть из кожи вон.

Хенри свернул на главную улицу — почти два километра прямой асфальтовой дороги, которая прерывалась только переходами через рельсы. Анна уже успела несколько раз проехать по поселку и констатировала, что главная улица слегка широковата, что вкупе с прямой, как стрела, дорогой, по сторонам которой виднелись низенькие строения, создавало впечатление какой-то пустыни, тем более что утром народу на улице было немного. Над поселком висел туман, но гряда все же угадывалась, зловеще темнея слева от поселка. Анна едва не вздрогнула.

Скрыться от мира, прошептал Хокан. Ты же этого хотела?

— В полицейский округ, как вы наверняка уже знаете, входят три муниципалитета, — говорил Морелль. — Здесь живет в общей сложности чуть больше 25 тысяч человек. Самый большой район — Неданос, здесь около 9 тысяч жителей, да и событий здесь происходит больше всего.

Анна отхлебнула кофе и что-то промычала в ответ на его изложение, делая вид, что еще не успела погуглить все эти факты; украдкой она наблюдала за Мореллем. Хенри Морелль при помощи профсоюза сумел продлить свой пенсионный возраст до шестидесяти семи лет и из трудового договора выжал все, до последней буквы мелким шрифтом. Всю свою жизнь он прослужил в Неданосе. Сорок пять лет — вся жизнь Анны. Это с трудом укладывалось у нее в голове. Четыре с половиной десятилетия заниматься проблемами других людей в одном и том же районе — казалось бы, более чем достаточно. И все же Морелль изо всех сил цеплялся за рабочий стол. Наверное, он по-настоящему любил свое дело. А теперь ему приходится отдавать должность ей, приезжей. Анна изучала его жесты и мимику, вслушивалась в интонации, но Морелль если и был настроен по отношению к ней враждебно, то хорошо это скрывал. Кофе, конечно, приятный гостеприимный жест, но он же чуть теплый, так что прямо сейчас Анна никак не могла определить свое отношение к Мореллю. К тому же они сидели в машине бок о бок, и Анне трудно было считывать его бессознательные движения и мимику. Может, к этому он и стремился? В таком случае Морелль хитрее, чем она ожидала.

Проезжая мимо центральной площади и муниципального управления, Морелль указал на полицейский участок, двухэтажную коробку желтого кирпича, построенную, наверное, в восьмидесятые годы.

— Начнем отсюда. Общим счетом двадцать шесть полицейских, из которых двадцать один заняты патрулированием. Еще есть две дамы из гражданских, они работают в приемной. Посмотрим, как будут обстоять дела после следующего сокращения штатов. Хотя это уже не моя проблема...

Анна попыталась расслышать в последней фразе хотя бы намек на горечь, но так и не поняла, была там обида или нет.

Морелль поскреб бородку.

— Место встречи местных пьяниц, — объявил он, когда они проезжали маленькую площадь перед винным магазином. — У нас тут компания старых алкашей и наркоманов, они обычно отираются здесь, особенно когда приходит пособие по нетрудоспособности. Конченный народ. Пять-десять лет — и все. — Голос прозвучал почти печально. Они миновали железнодорожные пути. Рельсы заворачивали, отчего плитки лежали на разной высоте, и амортизаторы машины отозвались гулом.

— Потряхивает, да? — спросил Морелль. — Но такова цена за то, что у нас тут ходят местные поезда. Многие коммуны готовы дать за поезд куда больше, чем стоит пара амортизаторов. Говорят, в следующем году пустят поезда дальнего следования — значит, виадук построят.

Пожилая пара на тротуаре помахала, и Морелль ответил на приветствие. Потом помахал велосипедист. Люди явно узнавали начальника полиции. Запах гари, который Анна учуяла раньше, стал еще отчетливее.

— Глину обжигают, — пояснил Морелль и указал на темный контур гряды. — У главного предприятия коммуны, “Glarea”, большой карьер как раз у холмов. Ломают камень, щебенку, а заодно обжигают печной кирпич.

Анна узнала название. Логотип фирмы был на потертой кофте Гуннель из магазинчика, куда она наведалась в субботу.

— Бывают дни, когда запах сильнее, — продолжал Морелль. — Я-то его едва замечаю, но кое-кто из новых жителей пожаловался в комитет по защите окружающей среды, так что в следующем году настанет конец и обжигу, и взрывам. — Морелль пожал плечами. — Времена меняются. Может, оно и к лучшему. Хоть машину не так часто придется мыть.

Они медленно катили дальше; Морелль указывал на ресторанчик, библиотеку, среднюю школу, бассейн и магазин “ИКА”. Дальше последовали скобяной магазин, будка сапожника, цветочный магазин, а в конце этого бесконечного пути — пожарная станция и высокая водонапорная башня, напоминавшая гигантскую лисичку из серого бетона. Асфальт, кирпич, темное дерево и грязно-серый этернит, наводивший еще большую тоску, чем зловонный туман. Неданос никак

не походил на живописный городок, типичный для Сконе. Скорее на индустриальный город.

— Ну а проблемы здесь примерно те же, что и в больших городах. Взломы, пьяные за рулем, незаконное вождение — иногда граффити или автобусные остановки разносят. — Морелль снова поскреб бороду. — Есть такие, кто жен поколачивает, но они у нас под контролем, ну и так, единичные драки, и в лагере беженцев, и в Народном парке. Ничего особенно интересного, тем более для опытного следователя вроде вас. — Фраза повисла в воздухе: впереди был поворот, и Морелль сосредоточился на дороге. Анна догадывалась, о чем разговор пойдет дальше.

Они свернули в промышленную зону на окраине поселка, миновали автомойку и поехали по односторонней дороге с одинаковыми проржавевшими трейлерами. Лакокрасочные работы, автомастерская, за ней — шиномонтаж.

Поодаль, у кругового разворота, виднелся старый заброшенный двор, который совершенно не соответствовал окружающим строениям. Углы дома поросли высокой травой. Окна, двери и крыльцо заколочены толстыми досками. Морелль поставил машину на стояночный тормоз и повернулся к Анне.

— Так вот, Анна. Говоря начистоту, ваше появление здесь было немного... — Он взмахнул рукой, подбирая слово, — неожиданным, — нашел он. — В местах вроде Неданоса не так много кандидатов из внешнего мира претендуют на должность начальника полиции. Бывают заявления из соседних районов, от равнодушных, которые просто хотят зарплату побольше. Есть еще пропащие головы, которым надоело отбывать смены в городе. Но так издали еще никто не приезжал, и это понятно. Хочешь сделать карьеру в полиции — поезжай в большой город, а не из большого города, верно?

Анна кивнула, обдумала сказанное. Она с тревогой ждала продолжения. К чему он клонит? Ему что-нибудь известно?

— Обычно начальственная должность переходит к кому-нибудь, кто уже служит в участке, — продолжил Морелль. — Кто знает, что и как устроено, кто уже так или иначе занимался руководящей работой. Именно так я много лет назад получил пост от своего предшественника. — Морелль наклонился к ней. — Не поймите меня неправильно, Анна, — разумеется, мы очень рады, что к нам пришел

служить такой опытный полицейский. Рекомендации вашего стокгольмского начальства как минимум впечатляют. Расследования убийств, руководитель группы. Невероятный процент раскрываемости.

Рот у него растянулся в некоем подобии дружелюбной улыбки, которая на долю секунды превратилась в гримасу, обнажившую истинные чувства Морелля. Мелькнувшее у него на лице выражение противоречило его же словам. Теперь Анна уже не подозревала, а знала наверняка: Морелль не хочет, чтобы она служила здесь.

— Многие в участке думали, что должность перейдет к лейтенанту Йенсу Фрибергу, — продолжал Морелль. — Мы с полицеймейстером уже в общем-то договорились. И тут появляется ваша заявка, всего за два дня до истечения срока. По сравнению с вашей квалификацией у бедняги Йенса не было шансов. Полицеймейстер был на седьмом небе от радости.

Морелль иронически улыбнулся, и Анна заставила себя промолчать. Она знала, что он еще не договорил.

— Так что все мы задаем себе вопрос: зачем, Анна? Зачем человеку с вашими достоинствами, вашим послужным списком и без каких-либо корней в Неданосе, да и вообще в Сконе, эта работа? Почему вы не хотите служить следователем или занять руководящую должность в Стокгольме? Иначе говоря: какова настоящая причина вашего появления здесь?

Морелль ни на шаг не отступал от показной вежливости. Но в интонациях его таилась какая-то скрытая опасность, почти намек. Словно он уже знает ответ на свой вопрос. Хенри Морелль был полицейским в буквальном смысле всю ее, Анны, жизнь. У него наверняка везде, где только можно, имеются свои люди. Он что-нибудь знает о внутреннем расследовании? О Хокане? О ней? По идее, ответ должен быть отрицательным. О подозрениях насчет нее никуда не сообщалось, информации нет ни в одной базе данных. И все же Анна не могла избавиться от чувства, что Морелль знает больше, чем говорит. Может быть, он хочет, чтобы она так думала? Анна сама пользовалась таким приемом во время допросов. Мне и так уже все известно, так что давай рассказывай. Есть только один способ проверить, так это или не так.

— Нам надо сменить обстановку, — сказала Анна без дрожи в голосе. Откуда бы этой дрожи взяться? Она говорит правду. — Мой м-

муж... — она тут же поправилась и заодно загладила легкое заикание, — мой *бывший* муж Хокан в прошлом году умер. От рака. Агнес очень тяжело это переживала. Начались проблемы в школе, она связалась с неподходящей компанией. В Стокгольме нелегко.

Она сделала паузу, предоставив Мореллю самому заполнить пробелы. Хороший способ не увязнуть во лжи. Все ее слова — чистая правда. Она просто умолчала о некоторых деталях. *Совсем как я*, прошептал Хокан где-то у нее в голове, как всегда идеально не вовремя. Анна чуть не закусил губу, спохватилась в последний момент.

Морелль задумчиво кивнул. Какое-то время он сидел молча, изучая ее лицо. Сканирует ее, как она только что сканировала его? Пытается понять, врет она или нет? Анна надела маску: не выдать себя ни движением брови, ни жестом.

Он знает, прошептал Хокан. *Куда бы ты ни заехала — тебе не уйти от той истории.*

Морелль продолжал рассматривать ее. Откашлялся.

— Я... все понимаю, Анна. — Он глубоко вздохнул. — Я и сам много лет назад был в подобной ситуации. — Морелль бессознательно почесал левую щеку. Анна разглядела, что кожа под бородой воспалена и покрыта перхотью.

— Нам с Эвой-Бритт было чуть за двадцать, когда у нас родился Александер. Роды были трудные, к тому же выяснилось, что больше детей у нас не будет, так что мы чересчур пеклись о сыне. — Морелль как-то виновато улыбнулся, отчего бешеный пульс Анны немного замедлился. — Я был увлеченным отцом. Родительские собрания, тренировки, матчи. А потом мне предложили по-настоящему хорошее место в Хельсингборге. Руководитель группы в отделе по борьбе с наркотиками. Зарплата повыше, задачи поувлекательнее. Для многих полицейских работа мечты. Но я подумал и понял, что ради Александера мне лучше остаться здесь, в Неданосе. Чего не сделаешь для детей, верно?

— Верно! — Анна кивнула медленно, задумчиво — так же, как он. Морелль продолжал сверлить ее взглядом, но выражение лица смягчилось. Атмосфера изменилась, и Анна понимала почему. Морелль подверг ее проверке, и результаты этой проверки каким-то удивительным образом принесли обоим почти одинаковое облегчение.

— Вы, наверное, спрашиваете себя, почему мы остановились именно здесь. — Он указал на запустение за окнами машины. Голос звучал дружественнее, как будто Анну уже почти считали коллегой.

— Пару лет назад мы узнали, что большая компания байкеров задумала купить это место и устроить тут клуб. Ограда с колючей проволокой, камеры, круглосуточное наблюдение. Здешние жители к такому не привыкли. Но мы с Бенгтом Андерсоном из мэрии быстро нашли решение. Инспекция по охране здоровья взяла пробы грунта и обнаружила повышенное содержание графита.

Произнося “обнаружила”, он не изменил голоса, не обозначил воображаемые кавычки, и все же они там были. Анна узнала имя — Бенгт Андерсон, порылась в памяти.

— Недвижимость попала на карту муниципалитета, где отмечаются экологически неблагоприятные районы, и мотогопники свернули лавочку. — Морелль с довольным видом улыбнулся. — Владельца участка было, конечно, немного жаль, но ему все с лихвой компенсировали. Долговременный контракт на строительство и ремонт дорог, насколько я знаю, так что теперь тут у нас тишь да гладь.

Улыбка стала шире.

— Мы с Бенгтом Андерсоном знакомы уже лет сорок, — продолжил Морелль, и тут Анна вспомнила, где слышала это имя.

— По-моему, мы в выходные видели его сына. Матс Андерсон, живет в Энглаберге?

Морелль кивнул.

— Матс — младший сын Бенгта. Вы, наверное, заметили — он слегка со странностями. Но хороший парень, абсолютно безобидный.

Для всех, кроме барсуков, подумала Анна.

— Это благодаря Бенгту тут открылись винный магазин и ходит местный поезд. И он же ведет переговоры насчет поездов дальнего следования. К тому же он председатель “Glarea”. Если бы не Бенгт, Неданос бы не пережил кризиса девяностых. — Голос Морелля чуть не зазвенел от восхищения — такое бывает, только если человек на седьмом десятке говорит про другого человека на седьмом десятке.

— После Бенгта в мэрии у штурвала встала его дочка, Мари. Бойкая девица, энергии не меньше, чем у отца. Она бы где угодно карьеру сделала, но решила вот остаться в Неданосе, работать на благо муниципалитета. Мари и Александер с детства дружат, так что я на нее

смотрю почти как на собственную дочь. — Голос зазвучал серьезнее. — Понимаете, к чему я веду?

Анна кивнула, хотя вопрос был риторическим.

— Я хочу сказать, что в местах вроде Неданоса полицейский — часть общества, но совсем не как в большом городе. У всего, что мы делаем — или не делаем, — есть последствия, иногда весьма личного свойства. — Морелль замолчал. Казалось, он тщательно взвешивает слова. Потом наклонился так низко, что Анна ощутила его дыхание с запахом кофе.

— Эта должность означает отношения, Анна. Надо быть частью общества, понимать, как мыслят и думают люди. Далеко не то же самое, что следовать написанному в уголовном кодексе...

Когда же настанет пора поступить правильно, прошептал Хокан у нее в голове. Ты же не думаешь, что я забыл твое обещание?

Глава 6

28 августа 1990 года

Мари изобразила глубокую затыжку — Карина дала ей сигарету. Красные “Принс” были слишком крепкими, но за годы, проведенные в компании курильщиков, Мари научилась делать вид, что курит. То же касалось алкоголя. Обычно она растягивала бокал вина как можно дольше и наполняла снова только наполовину. А потом ходила с оставшейся каплей весь вечер, что избавляло ее от сплетен об излишней правильности. Про этот мухлеж знала только Карина, но та никому не выдавала ее тайны.

Когда начало темнеть, Алекс развел костер. Высокие поначалу языки пламени отбрасывали тени на деревья и скалы, но потом огонь стал ровнее. Бруно, как всегда, захватил из ресторана решетку для гриля, и Алекс помог ему приладить ее над углями. Мари, Карина и Симон тем временем раскатывали подстилки. Камни еще хранили солнечное тепло, но воздух, по мере того как сгущалась темнота, становился сырым и холодным. Вскоре все, кроме Алекса, натянули джинсы и куртки.

— Поспорим с осенью! — рассмеялся Алекс, открывая очередную банку пива.

Мари налила себе и Карине красного вина в пластиковые стаканчики.

— Ну, как прошел день? — спросил Бруно. Спросил вроде как всех, но Мари отметила, что он взглянул на нее.

— Хреново. — Карина с шиком выпустила сигаретный дым из ноздрей — у Мари никогда так не получалось. — Оке приперся домой пьяный около четырех, разбудил нас с мамой. И началось. — Она презрительно закатила глаза — как всегда, когда говорила об отце. — Я по дороге на работу отвезла малявок к бабушке, так что они ничего не слышали. Потом покормила старичков, вымыла туалеты и поменяла подгузники — все за грошовую зарплату. Еще один славный денек из жизни Педерсенов. — Карина скорчила язвительную гримасу и затынулась.

Кажется, Бруно уже раскаялся, что спросил; Мари стало почти жаль его. К тому же в животе заурчало. На следующей неделе переезд, она собирала вещи и не успела пообедать. И теперь голод настиг ее. Чтобы заглушить его, Мари выпила немного вина.

— Твой маме бы на него в полицию заявить, — сказал Алекс, по голосу которого было ясно, что эта тема ему не нравится.

— Ну конечно, — процедила Карина. — Как будто это поможет. Да тут, в Неданосе, каждая собака знает, что Оке бьет мою маму.

— А твои старшие братья? — спросил Симон.

— У них своих проблем полно. — Карина покачала головой, бросила окурок в камни и отвела глаза. Мари знала почему. Все знали старших братьев Карины, все знали, что, чем бы они ни занимались, дел у них было полно, а что это за дела, никто не уточнял. Мари выпила еще вина и обнаружила, что стаканчик успел опустеть.

Когда поленья обуглились и стали бархатистосерыми, Бруно поджарил на решетке свинину со свежими овощами. Удивительно, как он всего за несколько минут соорудил целый праздничный ужин, но друзья уже столько раз это видели, что никто — по привычке — не реагировал. Однако сегодня Мари решила внести разнообразие.

— Как вкусно пахнет, Бруно, — сказала она. — Вот это да! — Наверное, дело было в голоде и в вине, которое она так опрометчиво пила на пустой желудок. Как бы то ни было, комплимент, кажется, обрадовал и смутил Бруно. Мари знала, почему он покраснел. Симон намекал, что Бруно интересуется ею; она ответного интереса не чувствовала, но это откровение все же обрадовало ее. Ей начинала надоедать предсказуемая роль “дурнушки-наперсницы-красотки”, которую она играла с начальной школы. Приятно, оказывается, когда на тебя есть спрос, что кто-то предпочел тебя красотке Карине Педерсен, даже если этот кто-то просто старый добрый Бруно Сорди.

— Friends forever^[13], — провозгласил Алекс и поднял банку. — Что бы ни случилось, да?

— Вот! — Карина до краев наполнила стаканчик Мари красным вином. Полный стакан. Если Мари выпьет его весь, то изрядно превысит свою обычную дозу. Но сегодня же не обычный вечер. Последнее летнее купанье — традиция, которую Алекс придумал, когда им было по тринадцать, и которую они соблюдали каждое следующее лето. Во всяком случае до этого года. И вот лето 1990 года

осталось позади, как и экзамен на аттестат зрелости, и Мари радовало щекочущее предвкушение. Жизнь начинается по-настоящему. Она чокнулась с остальными и отпила вина, потом еще. Ощутила, как приятное тепло растекается по телу.

Наевшись, все пятеро растянулись на подстилках, довольные нарастающим опьянением и глядя в ночное небо. Прямо над ними сияли звезды, но на востоке начинали собираться облака. Плотная темная пелена медленно ползла к гряде и маленькой каменоломне. Симон выключил магнитофон, подбросил в огонь еще пару поленьев и потянулся к гитаре. Привалился спиной к валуну и взял несколько аккордов. Мари отметила, что Карина положила голову Алексу на грудь, они курили одну сигарету на двоих, а это означало, что недавняя ссора забыта. Мари привыкла, что они вечно препираются, но ей казалось, что в последние полгода ссоры участились. Иногда Карина намекала, что подумывает, не положить ли всему этому конец. Порвать с Алексом по-настоящему, а не как раньше, когда расставания были частью игры. Карина до сих пор не предложила поменяться местами, чтобы ей с Алексом спать в одной палатке. И не потому, что Мари в этом году согласилась бы на такое. Оказаться им с Бруно в одной палатке — значит подать ему совершенно неверный знак.

Бруно расстелил свою подстилку рядом с Мари. Она попробовала представить себя с ним, но у нее ничего не вышло. Она, Бруно, Карина и Алекс знали друг друга с детского сада. А Симона она знала еще дольше. На одной из самых старых пожелтевших фотографий из семейного альбома они были младенцами. Лежали в одной кровати, а их мамы, Элисабет и Эбба Видье, стояли позади них принаряженные. Они с Симоном двоюродные брат и сестра, а по ощущениям — родные. И все же Мари проще было представить себя наедине с Симоном, чем с Бруно. Милым, предсказуемым Бруно.

— Эх, лучше, чем сейчас, уже не будет, — вздохнул Алекс. Он глубоко затанулся и передал сигарету Карине. Симон наигрывал на гитаре. Тихие аккорды смешивались с потрескиванием костра. Внезапно из леса донесся звук, и Карина выпрямилась.

— Что это, ветка хрустнула? — встревоженно спросила она.

Бруно поднялся и некоторое время высматривал что-то среди деревьев.

— Косуля, — сказал он. — Или олень.

Карина, кажется, успокоилась и снова положила голову Алексу на грудь. Бруно сел на подстилку, на этот раз ближе к Мари. Смущенно улыбнулся, встретив ее взгляд. Мари подумала, что следовало бы, наверное, пресечь это сближение. Но она опьянела и сегодня вечером позволит себе и пить вино, и принимать его восхищение. Всего через несколько недель они с Симоном будут жить в квартире в центре Лунда. Она уже устроила себе частичную занятость — работу в штаб-квартире партии в Мальмё. Ей, конечно, помогло, что она дочь Бенгта Андерсона, но она не собиралась испытывать угрызения совести по этому поводу. План совершенно прозрачный: стенографировать на собраниях и варить кофе те несколько лет, что она будет грызть гранит науки. Сдать выпускные экзамены и стать новым именем с правильными партийными связями и родословной. Пару лет набираться ума-разума, участвуя в местной политической жизни, а потом, как раз к 2000 году, двинуться в риксдаг. Как заманчиво звучит: начало двухтысячных. Не какие-нибудь унылые девяностые, а — двухтысячные. Будущее.

Симон заиграл что-то другое, тихонько подпевая на припеве. Когда Симон брал в руки гитару, общее настроение как-то менялось. Они выросли, и по мере их взросления это становилось все более очевидным.

— А вы думали, — сказала Карина, прервав размышления Мари, — что сегодня вечером мы, может быть, в последний раз вместе?

— Ключевое слово — “может быть”, — сказал Симон, не переставая играть. — Я собираюсь влезть в спальник, не раздеваясь. Вы знаете, как я отношусь к палаткам.

— Я не это имела в виду. — Карина затянулась.

— А что ты имела в виду, детка? — Алекс потянулся за сигаретой, но Карина сделала вид, что не поняла его жеста.

— Что мы тут сидим, может быть, вообще в последний раз, — грустно проговорила она. — Алексу через две недели лоб забреют.

— Это называется — проходить военную службу, — перебил он, но Карина пропустила его слова мимо ушей.

— А Мари и Симон уедут в Лунд.

— В следующий вторник, — подтвердила Мари. — Кстати, Симон, ты все еще не подписал контракт на квартиру.

Симон промолчал, и Мари разозлилась. Вот всегда он так — вечно опаздывает, вечно тянет до последнего.

— Найти общежитие студенту в Лунде почти невозможно, — раздраженно сказала она. — А квартиру еще труднее. Папа на столько рычагов нажал, чтобы нам эту устроить. — Мари повернулась к Симону, чтобы он уж точно услышал. — И смотри не напутай ничего. Завтра я к тебе заеду, и мы со всем разберемся, ладно?

— Угу, — промычал Симон, не отрывая взгляда от струн.

Мари выпила еще вина, обнаружила, что стаканчик пуст, и потянулась за бутылкой.

— Вы трое в любом случае уедете, — продолжила Карина. — Останемся только я, Бруно и осточертевший Неданос. Жопа мира.

— Ну и что? — запротестовал Бруно. — У меня есть планы. У тебя ведь тоже?

— Ну, — буркнула Карина.

— Планы? Какие у тебя планы, детка? — Алекс как будто развеселился. Карина глубоко затаилась.

— Никуда не поступлю, буду работать официанткой на Ибице, да хоть au pair, если найду место. Что угодно, лишь бы убраться подальше отсюда.

— Детка, — сказал Алекс, — мы же уже все обсудили. Пока я в армии, ты берешь полную занятость в доме престарелых. Если все будет нормально, мы следующим летом смотаемся на Крит, если это не пойдет вразрез с моим графиком соревнований.

— Или я уберусь отсюда без тебя. Хоть сейчас. От Оке и мамы, от твоих родителей, от всех, кто косо на меня смотрит. На хрен эту дыру, где самое главное — быть как все.

— Да, детка, конечно... — Алекс снисходительно погладил Карину по волосам, но она оттолкнула его руку. И вдруг выпрямилась.

— Слышали?

— Что? — спросили Мари и Бруно почти хором. Гитара Симона стихла.

— Что на этот раз? — рассмеялся Алекс. — Опять олень-людоед?

— Ш-ш! — Карина встала и стала всматриваться в направлении разворотного круга.

Там, среди деревьев, прыгала, приближаясь, одна-единственная фара, за светом тянулся глухой рокот мотора. Этот звук почему-то

заставил Мари вздрогнуть.

Глава 7

Осень 2017 года

Первый день, который Анна провела в полицейской форме, пришлось на 25 июня 1994 года. Она до сих пор помнила, как нервничала, как зудела кожа под воротничком рубашки, как непривычно давил на бедра пояс с кобурой. Как она поняла, что все остальные на планерке знают друг друга вдоль и поперек. Знают чужие сильные и слабые стороны, знают, что нужно, чтобы работать вместе. Все, кроме нее.

Сегодня Анна не сидела молча позади всех; сегодня она стояла перед коллегами, и все взгляды были направлены на нее. Но чувствовала она примерно то же, что и в свой первый день. Общим счетом двадцать шесть человек — вот и весь штат. Анна в отличие от Хокана не была прирожденным руководителем. Ее сильная сторона — умение слушать, а не говорить, поэтому свою речь она репетировала несколько недель.

— Ну, поприветствуем нашего нового начальника и мою преемницу, Анну Веспер. Добро пожаловать в Сконе, добро пожаловать в Неданос. — Хенри Морелль повернулся к Анне.

— Здравствуйте. — Анна постаралась встретиться взглядом по возможности с каждым. — Меня зовут, как сказал Хенри, Анна Веспер, мне сорок пять лет, и я приехала, как вы уже слышали, из Стокгольма, где служила комиссаром в отделе по расследованию тяжких преступлений. Последние семь лет. — Она вдохнула поглубже и продолжила гораздо медленнее: — Но не беспокойтесь, в детстве мне случалось проводить лето у родственников в Эстерлене, так что я понимаю по-сконски, хотя сама не говорю.

Анна улыбнулась, и ей в ответ улыбнулись двое полицейских помоложе. Прочие даже не попытались изобразить улыбку.

А я что говорил, напомнил ей Хокан. Юмор — это абсолютно не твое. Придерживайся лучше того, что у тебя хорошо получается, дурила!

Анна кашлянула и выключила Хокана. Вдохнуть поглубже, не торопиться. И упаси бог начать заикаться.

— Формально я приступаю в следующий понедельник. На этой неделе Хенри будет передавать мне дела. Еще я собираюсь совершить несколько выездов на патрульной машине, получше познакомиться с округом. Через две-три недели я надеюсь провести с каждым из вас рабочее собеседование, чтобы составить картину: каковы наши цели, с какими трудностями мы сталкиваемся и как мне — руководителю — лучше всего вас поддержать.

Последней формулировкой Анна осталась особенно довольна. Тирада из курса для управленцев, который она успела пройти, накрепко засела у нее в голове. Дальше Анна пустилась рассказывать, что у нее есть шестнадцатилетняя дочь, которую зовут Агнес и которая недавно поступила в гимназию и мечтает стать фотографом. Закончила она, ни разу не заикнувшись, сообщением, как ей не терпится поработать со всеми, кто собрался в кабинете. Когда она замолчала, Морелль вежливо похлопал.

— Спасибо, Анна. Я уверен, что собравшиеся сделают все возможное, чтобы смена руководства прошла как можно глаже. Я передаю слово Йенсу и заодно напоминаю, что официальная передача руля — в пятницу во второй половине дня, в здании муниципалитета. Вам известно, как я отношусь к подобным представлениям, так что буду рад видеть пару знакомых лиц среди толпы костюмов.

Шутку Морелля приняли гораздо лучше, чем ее собственную. Он подождал, пока все отсмеются, и повернулся к мужчине в форме, сидевшему в первом ряду.

— Ну вот, Йенс. Тебе слово.

Йенс Фриберг поднялся, подождал, пока Анна и Морелль сядут, и раскрыл черную папку, которую до этого держал под мышкой. Фриберг оказался ее ровесником, мускулистым и жилистым — ей такие нравились. Серые, как у Хокана, глаза, но без того особого мерцания, из-за которого злиться на Хокана было так трудно. Коротко стриженные темные волосы, форменная рубашка сидит как влитая, на груди и спине — заломы, американские армейские ботинки начищены до блеска. Анна поискала другие видовые признаки. Большие водолазные часы, два запасных магазина и наручники на ремне с кобурой. Универсальная кобура на ножном ремне — из такой можно выхватить пистолет мгновенно. Анна поймала себя на размышлениях о том, есть ли у него армейские татуировки. Пятьдесят на пятьдесят, что

есть. Шансы повысились до шестидесяти процентов, не успел Фриберг заговорить. Анне стало смешно. — Доброе утро. Выходные прошли следующим образом...

Анна много раз встречала мужчин вроде Фриберга. Хокан про таких говорил: полицейские образца “Tom of Finland”. Смех подавить не удалось, и Анна улыбнулась. Сказалось запоздалое облегчение по поводу того, что она одолела свою речь без заикания; Анна уставилась в пол и быстро согнала улыбку с лица. Выждав несколько секунд, снова подняла глаза, пытаясь понять, заметил Фриберг что-нибудь или нет, но по его сосредоточенному лицу ничего нельзя было понять.

Представив Анну будущим коллегам, Морелль повел ее по полицейскому участку. Здание оказалось больше, чем она ожидала: раздевалка, архив, гараж, спортзал в подвале, на первом этаже — стойка секретаря, камера предварительного задержания и кабинет для совещаний. Офисное помещение со стеклянными стенами на втором этаже. Анна разглядела большой письменный стол и стены, увешанные фотографиями. Наверное, это служебный кабинет Морелля, который скоро станет ее кабинетом. Морелль показал ей уголок для перерывов на кофе и представил следователей, сидевших в коридоре. А потом открыл дальнюю дверь в торце коридора:

— Ну, вот и ваш кабинет.

Просторное пустынное помещение, воздух слегка затхлый. Пустые стеллажи, полпачки копировальной бумаги, компьютерное кресло с подлокотниками, старые кнопочные телефоны. Одно жалюзи перекоилось на манер веера. Окна выходили на парковку и гаражный пандус.

— Я думала, что буду работать в вашем служебном кабинете, — удивилась Анна.

— Об этом я и хотел с вами поговорить. Понимаете, полицейская академия попросила меня обновить кое-какой их учебный материал. В смысле — руководство, набор персонала, всякое такое. — Морелль улыбнулся, голос у него был все такой же дружелюбный. — Полицеймейстер дал добро, так что я остаюсь в участке и хотел спросить вас, не сохранить ли мне за собой свой старый кабинет, простоты ради. Это всего на несколько месяцев, полгода максимум.

Вопрос поставил Анну в тупик. Морелль продолжал по-отечески приветливо смотреть на нее. Сейчас он — ее единственный союзник.

Поэтому Анна пошла по пути наименьшего сопротивления.

— Конечно, не вопрос.

— Вот спасибо, — улыбнулся он. — Я правда очень признателен. Может быть, пообедаем вместе? Тут за углом есть хороший ресторан.

Заведение, несмотря на мрачноватый интерьер, оказалось действительно хорошим итальянским рестораном. Меню без обычных орфографических ошибок, никакой кебаб-пиццы, паста al dente в самый раз, нежная. Когда Морелль представил хозяина заведения, Анна сразу поняла, в чем дело.

— Фабрицио Сорди, но здесь все зовут меня Фаббе. — Сорди отлично говорил по-шведски, точнее — по-сконски, но с типично итальянской интонацией. Темные волосы, очки; возраст и телосложение — как у Морелля, только хозяин ресторана на две головы ниже.

— Фаббе, как многие другие, приехал сюда в шестьдесят первом, работать на “Glarea”. Но его таланты на гравийном производстве негодились. Остальное расскажи сам! — Морелль ободряюще похлопал Сорди по плечу.

— В шестидесятые еда в Швеции была просто несъедобная. Красная фасоль и гороховый суп. Ананас и ветчина из банки. Приходилось просить родных, чтобы мне из Италии присылали пасту и оливковое масло. — Фаббе взмахнул рукой. — Я мыл тут посуду по выходным, подрабатывал, а потом повар допустил меня к плите. Он был питух, так что к плите я попадал все чаще.

Местное словечко — по ее предположениям, оно означало “алкаш” — прозвучало в устах коротышки так сочно, что Анна улыбнулась.

— В семьдесят пятом владелец надумал продавать ресторан, — продолжал Сорди. — Так что я собрал все, что у меня было, и вложил. Мои мальчишки, считай, выросли здесь. Умение готовить у них в крови. Мой старший, Данте, — су-шеф в Копенгагене, в “Номе”. Две мишленовские звезды!

Морелль снова похлопал его по плечу. Коротышка едва не лопался от гордости.

— Значит, это он приготовил? — Анна указала на свою тарелку.

— Нет, это мой младший, Бруно.

— Ах вот как. Передайте ему, что очень вкусно. Ottimo^[14]!

— Tu parli italiano. — Улыбка Фаббе стала еще шире. — Brava!^[15]

— Совсем чуть-чуть. Я почти все забыла, — сказала Анна по-итальянски, а потом переключилась на родной язык. — В начале девяностых я полгода училась во Флоренции. А потом обнаружила, что хочу служить в полиции.

— Ты отлично говоришь, — рассмеялся Фаббе. — Погоди-ка. Бруно! Бруно!

Его громогласный призыв заставил остальных гостей поднять глаза. Из двери в дальнем конце комнаты выглянул мужчина в поварской форме. Фаббе замахал ему.

— Бруно, поди сюда, поздоровайся. Это Анна Веспер, наше новое полицейское начальство. Она жила в Firenze^[16] и говорит по-итальянски.

Мужчина протянул Анне руку. Примерно ее ровесник, во многом — более худая версия отца. Наметилась лысина на лбу, линия рта отцовская, но глаза серьезнее и без морщинок от смеха.

— Бруно Сорди, — представился он.

— Здравствуйте, Бруно. Паста невероятно вкусная.

— Спасибо! — Бруно коротко улыбнулся и кивнул на отца. — А вот мой итальянский, к сожалению, так себе. Папа уже рассказывал, как он мыл посуду за весь ресторан?

— Только что.

— И вы слышали, что мой брат — мишленовский повар?

Анна кивнула.

— Тогда мне, увы, нечего добавить. — Бруно криво улыбнулся. — Я всего лишь повар в местном ресторанчике, и меня ждет кухня. Так что прошу прощения...

— Как Мари? — несколько торопливо спросил Морелль, словно не желая, чтобы Бруно так скоро уходил.

— Спасибо, нормально. Они с Бенгтом в Стокгольме, на встрече. Ты же ее знаешь.хлопот полон рот. Неданос без нее не выживет. — Он сделал жест — не то шутка, не то отчаяние.

— Я слышал от Алекса, что с финансированием разобрались, — сказал Морелль. — Когда рассчитываете снова взяться за дело?

— Поглядим. — Бруно покосился на отца. — Надеюсь, что скоро.

— Бруно женат на Мари, дочери Бенгта Андерсона, она муниципальный советник. — Морелль повернулся к Анне. — У них

еще “Bed and Breakfast” в доме, где выросла Мари, на гряде. Но у них большие планы. Конференц-центр, спа, ресторан для гурманов. Фирма Алекса готова сотворить чудо. С таким прибавлением Неданос уж точно окажется на карте, верно?

— Ну, будем надеяться. — Бруно как будто смутился. — Мне пора на кухню. Рад был познакомиться, Анна, и здорово, что вам все понравилось. Мы наверняка еще увидимся. — Бруно кивнул отцу, Мореллю и побрел на кухню.

— Хороший парень, — сказала Анна Фаббе, в основном потому, что думала, что он ждет от нее каких-то слов. — Ты, наверное, гордишься своими детьми.

— Они все хорошие. — Хозяин ресторана кивнул. — Бруно, Мари, Алекс. Все.

Они с Мореллем переглянулись, и Анна не сумела истолковать этот взгляд. У нее появилось ощущение, что прямо у нее на глазах разыгрывается какой-то спектакль. Но зачем?

Глава 8

28 августа 1990 года

Мотоцикл выехал из леса, медленно сделал круг и остановился возле велосипеда Симона. Мари разглядела двух седоков — вроде бы мужчина и женщина. Мотор заглох, фара погасла, и через несколько секунд зажегся карманный фонарик, свет которого упал прямо на плато.

— Эй там, наверху! — позвал мужской голос.

— Привет! — Карина, стоявшая на краю лба, замахала в ответ, заслонила глаза — свет фонарика был направлен прямо на нее.

Алекс встал рядом с Мариной и попытался приобнять ее, но она стряхнула его руку. Мари держалась чуть позади. Мотоцикл незнакомый, голос — тоже. Ей не нравилось, что сюда явились чужаки.

— Можно подняться на минутку? — крикнул мотоциклист.

Алекс повернулся к Мари и вопросительно приподнял бровь. Мари помотала головой.

— Это наша вечеринка, — сказала она. — Наша традиция. Да, Бруно?

Бруно кивнул, но промолчал. Симон снова забренчал на гитаре.

— У нас травка есть, — продолжал мужской голос откуда-то от шлагбаума. Мы с сестрой с удовольствием поделимся, если дадите чуток пожрать.

Алекс махнул рукой и улыбнулся.

— Ну брось, Мари. Пара новых людей — это же здорово.

— Только и думаешь, как накуриться, — прошипела она.

— So what^[17]? Живешь только раз, верно, детка? — Алекс сделал новую попытку обнять Карину. На этот раз сопротивление было не таким ожесточенным.

— Почему бы и нет, — пробурчала Карина.

— А вы что скажете? Расширим кругозор? — спросил Алекс.

— Спасибо, что-то не хочется, — решительно сказала Мари. — И Бруно со мной согласен. — Бруно снова отвернулся.

— Двое за, двое против, — объявил Алекс. — Симон, твой голос решающий.

Симон оторвался от гитары — он, кажется, едва понимал, о чем спор. Мари поймала его взгляд, нахмурилась и помотала головой. Симон, к ее величайшему неудовольствию, не обратил на нее внимания.

— Без разницы, — сказал он и пожал плечами.

— Ну так как? — воззвал мотоциклист. — Будет праздник, нет?

Алекс широко улыбнулся Мари и крикнул:

— Поднимайтесь! И траву не забудьте!

Симон продолжил щипать струны. Красивые аккорды, печаль которых подчеркивала тишина, установившаяся на камнях. На Мари накатило тревожное чувство. Оно слилось с унижением — она осталась в меньшинстве, — и Мари вдруг решила уехать домой. Она поднялась, отряхнула штаны. Сделала несколько шагов к палатке и заметила, что пошатывается. Остановилась, прикинула и поняла, что выпила слишком много, чтобы садиться за руль. Конечно, до Которпа, до дома, недалеко, и риск, что ее остановят, невелик. Но вдруг что-нибудь случится? Здесь, на холмах, люди ездят, как психи. А что скажет ее отец, когда она приедет на машине — а от нее несет вином? Одна-единственная ошибка вроде этой может стоить ей карьеры, которая еще и начаться-то не успела.

Новоприбывшие наконец поднялись на плато.

— Привет, привет! — Мужчина с фонариком был как будто на пару лет старше их. Черная кожаная куртка, белая футболка, джинсы. Симпатичный, длинные волосы зачесаны назад, черты лица резкие, немножко опасные. — Меня зовут Джо, а это моя сестра Таня. — Свет фонарика всего лишь скользнул по девушке, но Мари заметила, что Алекс тут же расправил плечи. Начес, рваные джинсы, сапожки на высоких каблуках, под кожаной курткой топ с вырезом — сестра Джо походила на дрянную девчонку-красотку из музыкального клипа.

— Привет, — коротко сказала Таня.

Алекс подошел к незнакомцам, широко улыбнулся и протянул руку.

— Меня зовут Алекс.

Джо медленно провел по нему лучом фонарика. Снизу вверх, потом сверху вниз.

— Здравствуй, Алекс, — сказал он, не пожимая протянутой руки. — Ты, значит, в этой группе альфа-самец. А твои приятели кто? — Джо повел фонариком.

— Это Мари и Карина. — Алекс сделал вид, что не слышал комментария Джо.

— А-а, привет, девчонки, — сказал Джо. Фонарик на миг ослепил Мари, но не успела она заслонить глаза, как Джо перевел луч света на Карину, а потом на Бруно — далеко не сразу.

— А ты?..

— Бруно.

— Жратва — твоих рук дело? — Джо посветил на лотки с остатками ужина, которые ребята не успели убрать. — Мы с сестренкой сегодня долго ехали и проголодались. Если хочешь попытаться с ней счастья, еда — хорошее начало.

— Чего?

Бруно как будто пытался понять, шутит Джо или говорит серьезно, но разглядеть выражение лица в темноте было невозможно.

— А вот и ваш трубадур. — Луч лег на Симона. — Нет-нет, играй дальше. Какой же костер без “Blowin’ in the wind”, верно?

Мари уже открыла было рот, чтобы попросить бесстыжего незнакомца и его облезлую сестрицу убираться ко всем чертям, но Таня опередила ее.

— Ну хватит, Джо. — Таня рванула фонарик к себе и направила луч Джо в лицо — точно так же, как он только что проделал с остальными.

— Вы уж простите моего брата. Он бывает страшным говнюком. Но в глубине души просто капризный молокосос с низким сахаром в крови.

Джо сделал попытку-другую завладеть фонариком, но сдался и, смеясь, опустил руки.

— Таня права. Я дурак. Голодный дурак! Сорри, если я кого обидел.

Таня выключила фонарик и повернулась к Бруно. Свет костра лег ей на лицо. Таня была ярко окрашена: темная помада, черная подводка, и все это усилено тенями от костра.

— Если что-нибудь из еды осталось, мы были бы очень благодарны. — Таня осторожно положила руку Бруно на плечо. Мари

поймала себя на том, что вздрогнула. Бруно кашлянул.

— Конечно, не вопрос. — Он стал снимать крышки с контейнеров.

— Подожди, Бруно, — сказал Алекс. — Вы вроде говорили про обмен?

Джо улыбнулся, сунул руку в карман кожаной куртки и вытащил прозрачный пакетик, наполовину заполненный чем-то вроде табака.

— Хватит на всех.

Алекс гулко хлопнул его по спине, выудил из ближайшей сумки-холодильника две банки пива, протянул — сначала Джо, потом Тане. На долю секунды задержал пальцы на ее банке, чтобы Таня взглянула ему в глаза. Мари посмотрела на Карину — она ожидала, что подруга разозлится при виде такого откровенного флирта. К ее великому удивлению, у Карины был почти равнодушный вид.

Незваные гости ели так, будто несколько дней вообще не видели еды, и осушили еще несколько банок пива. Алекс, Бруно, Карина и Мари наблюдали за ними. Один только Симон не интересовался гостями — погрузившись в свои мысли, он перебирал струны.

Когда все было съедено, Джо громко рыгнул и достал из пакетика щепотку травы. Порылся в карманах и извлек папиросную бумагу и зажигалку.

— А теперь десерт. Что скажете?

Джо велел Алексу держать фонарик; крышку контейнера он использовал как подложку. Длинные тонкие пальцы сноровисто свернули три косяка; напряжение понемногу нарастало. Джо прикурил, затянулся и торжественно протянул косяк Карине.

— Раньше курила?

Карина помотала головой.

— Медленно затягиваешься и задерживаешь дыхание как можно дольше. Как вштырит, передай косяк подружке. — Джо кивнул на Мари, сунул в рот еще один косяк и прикурил его так же, как первый. Глубоко затянулся и придвинулся к Карине; оба задержали дым в легких.

Карина закашлялась и захихикала, и это хихиканье Мари не понравилось.

— Моя очередь. — Алекс протянул руку. Но вместо того, чтобы передать ему косяк, Джо снова глубоко затянулся. Слегка пихнул

Карину локтем. — Ого, как раскалился. Он всегда такой?

Карина все хихикала. Мари заметила, как разозлился Алекс. Карина повернулась к нему спиной и протянула косяк Мари. Мари сделала вид, что затянулась, пару секунд подержала дым во рту и выдула его, как когда “курила” обычные сигареты. Трава была сладкой и одновременно жгучей, вкуснее табака. Мари сделала еще одну короткую затяжку, на этот раз подержала дым подольше, чем заслужила одобрительный кивок Джо. Что-то было в этом тощем человеке. Что-то в глазах. Он, безусловно, умен, даже, пожалуй, ровня ей. Приятное разнообразие. Одно только то, что он назвал Алекса альфа-самцом, указывало на чувство юмора и интеллект. К тому же он старше, более зрелый. Но было в Джо еще кое-что. Что-то притягательное и в то же время чуточку отталкивающее.

— Ну же, дай курнуть-то! — простонал Алекс.

— На. Расслабься.

Алекс взял косяк, затянулся слишком глубоко и жестоко закашлялся. Джо рассмеялся и гулко постучал его по спине. Мари сделала еще одну осторожную затяжку, подольше подержала дым в горле. Приятная мягкость медленно растекалась по телу, смывая злость и напряжение. Мари закрыла глаза, попробовала еще раз.

Джо раскурил третий косяк и протянул его Тане.

— Поделишься с трубадуром, сестричка. Гитаристы — это по твоей части.

— Иди в пень, — огрызнулась Таня, но потом отошла и села рядом с Симоном.

Джо еще ближе придвинулся к Карине. Потом потянулся к Мари — она не поняла, чего он хотел. И лишь через несколько секунд сообразила, что все еще сжимает в пальцах косяк и что она выкурила его почти наполовину.

Глава 9

Осень 2017 года

Анна приложила немало усилий, чтобы водвориться в новом кабинете. Компьютер припарковался на письменном столе, дипломы в рамках — свидетельство окончания разных курсов — закрыли вылинявшие от солнца места на стенах. Своды законов, руководства в помощь следователю, фуражка, а также фотография Агнес выстроились на стеллаже; Анне даже удалось добыть два разномастных стула для посетителей. Несмотря на все ее усилия, кабинет выглядел холодным и бесприютным, а затхлый запах никак не выветривался. С грехом пополам Анна открыла окно, чтобы впустить свежего воздуха, и уселась за стол, просмотреть свежую статистику преступлений и записи, касавшиеся открытых дел.

Ей с трудом удавалось сосредоточиться — в голову лезли впечатления последних дней. Табор, Просто-Лассе, Клейн, барсук, встреча с этим странным Матсом. Хенри Морелль и Йенс Фриберг. Обед у Фаббе-Трактирщика и его сына Бруно — встреча, которая по какой-то причине ощущалась как заранее подстроенная. Не говоря уже о фреске в зале для проповедей и рассказе о смерти Симона Видье. Трудно было представить себе, что не далее как утром прошлой пятницы они с Агнес стояли в пробке на Эссингеледен. Адвокат еще не звонил, но по этому поводу пока можно было не беспокоиться. Анна последовала его совету, и теперь пусть он делает, что от него требуется.

Морелль в общем и целом правильно описал местные проблемы, но опустил несколько вопросов, которые интересовали Анну. Как и в большинстве муниципалитетов, здесь имела место наркоторговля — в последние годы даже обнаруживали заброшенные дома, где выращивали марихуану. Кроме того, здесь пару раз громко отметились защитники окружающей среды, их акции были направлены против гравийного карьера “Glarea”. Анна принялась, но сегодня запах не ощущался. Наверное, ветер, который унес туман, забрал с собой и запах обжигаемой глины.

Посвятив чтению примерно час, Анна поднялась, прихватила любимую кружку с эмблемой полиции Нью-Йорка и отправилась за кофе. Как-то они с коллегами из полицейского управления лена подсчитали, сколько чашек кофе выпивают за день. Она закончила на шести — и даже близко не вошла в тройку лидеров. В коридоре пахло кофе темной обжарки; из “кофейного” уголка доносились голоса. Там сидел Йенс Фриберг с какой-то женщиной чуть за тридцать, в полицейской форме. Когда Анна вошла, оба замолчали посреди разговора.

— Здравствуй, Йенс. — Прекрасный способ продемонстрировать Фрибергу, как он важен, показать ему: она запомнила, как его зовут. Но на приветствие Анны ответила женщина, крупная блондинка, и ответила довольно громко. Ее “привет” прозвучало обиженно.

— Прошу прощения. Здравствуйте. Мы вчера встречались, верно?

— Фрида. И нет, мы не встречались. У меня вчера ребенок болел. — Судя по выражению лица, женщина обиделась еще больше.

— Ох. Так много новых лиц! В любом случае, теперь мы знакомы, Фрида. Меня зовут Анна Веспер.

Анна протянула руку — ей удалось не покраснеть — и постаралась не обращать внимания на взгляды, которые бросал на них Йенс Фриберг. Потом повернулась и налила кофе себе в кружку. Внезапно здание затряслось от глухого рева, зазвенело стекло в шкафчике. Анна дернулась и пролила кофе на брюки.

— Чт-то... — Она ощутила заикание — вибрацию между зубами и нижней губой. Сглотнула, перенесла ударение на другое слово. — Что эт-то?

Сидевшие за столом Фрида и Йенс переглянулись. Потом перевели взгляд на нее, и Фриберг сказал:

— “Glarea”. Взрывают в карьере. Через несколько месяцев привыкнете.

— А, вон что. — Анна поняла, что больше ей сказать нечего, и зашагала к своему кабинету.

— К-как д-думаешь, она т-тут над-долго? — Судя по голосу, Фрида развеселилась. Ответа Фриберга Анна не расслышала.

Незадолго до обеденного перерыва в дверь ее кабинета постучали. Явился Морелль, и Анна сначала решила, что он снова пригласит ее на

обед, но потом заметила, что он не один. С Мореллем пришел мужчина, ее ровесник, одетый во флисовую кофту, плотницкие штаны и пояс с кармашками для инструментов. Светлые волосы свисали прядями, нос широкий, могучая шея, уши, как у борца. Когда-то он неплохо выглядел. Да и сейчас тоже, хотя у него уже обозначилась лысина и щетина подернулась сединой.

— Вот и мой Александер, — сказал Морелль. — Его строительная фирма выполняет у нас в участке кое-какую работу, и я попросил его посмотреть, что с окнами. — Он указал на перекошенные жалюзи.

— Здравствуйте. Анна Веспер. — От Александера Морелля слегка пахло потом и рабочей одеждой — запах не сказать, чтобы неприятный, во всяком случае от мужчин определенного типа. — Я приемница вашего папы, — сказала она, в основном потому, что ничего лучше придумать не успела.

— Да я знаю. — Александер неуверенно улыбнулся. — Зовите меня Алекс, меня все так зовут, кроме моих родителей.

— Анна и ее дочь теперь живут в Таборе. — По голосу Хенри Морелля было ясно, что Алекс и так в курсе.

— Ага, Табор, — пробормотал Алекс. — Лучший дом на гряде. — Похоже, ему больше нечего было сказать. Алекс подошел к окну и принялся изучать раму. Достал из кармашка на поясе отвертку и, проделав пару простых манипуляций, разъединил рамы. В его сдержанности было что-то симпатичное.

— Земли возле Табора принадлежали одному моему родственнику, пока их не купил у него старший Видье. — Голос Хенри Морелля звучал почти как всегда. И все же Анне показалось, что она уловила какую-то горечь. — Дом почти полностью отремонтировали, да?

Анна кивнула. Потом ей показалось, что она уловила связь, и повернулась к мужчине у окна.

— А, это вы ремонтировали, Алекс. Там стало так красиво!

— Нет-нет, не я. — Алекс в замешательстве посмотрел на нее. — Элисабет Видье не хотела, чтобы я... — Он покосился на отца. Рот у Хенри Морелля превратился в жесткую черту.

Анна поняла, что сказала что-то не то. Но что именно?

— Ну, я просто подумала. — Она обернулась к Мореллю. — Вы столько знали о доме, а А-алекс. — Простите, если я наступила на

больную мозоль.

— Ничего страшного. — Лицо у Морелля смягчилось. Он наклонился и понизил голос.

— Гораздо хуже, что у Элисабет Видье зуб на нашу семью.

Он выпрямился и посмотрел через ее плечо на Алекса. Подергал себя за бородку.

— Старая история. Понимаете, когда мой родственник продал Табор Видье, он сохранил за собой право охотиться на холмах. Между ним и отцом Элисабет существовал договор, нечто вроде компенсации — Табор продали чуть не за бесценок. Со временем я и мои кузены унаследовали договор, и Элисабет была с этим вполне согласна. В Энглаберге полно других охотничьих угодий.

Он снова поскреб бороду.

— Но как-то осенью, в конце восьмидесятых, моему двоюродному брату случилось подстрелить оленя, который добрал до Табора, а потом еще лежал во дворике и кричал. Мы постарались изловить его побыстрее, но, к сожалению, Карл-Юхан случайно все видел. Выбежал во дворик, поднял крик, расплакался. Совершенно вышел из себя. Нам даже пришлось позвонить Бруру Клейну. — Морелль почесался в третий раз. Экзема сегодня была заметнее, еще краснее. — Карл-Юхан всегда был таким трепетным. Типичный горожанин, который обожает рисовать природу, но понятия не имеет, как она устроена. Охота есть охота, всякое случается. — Он покачал головой. — Как бы то ни было, Клейн зачем-то привез с собой Элисабет, хотя мы упрашивали его этого не делать. Когда они заталкивали Карла-Юхана в машину, он трясся как осиновый лист и ни на что не реагировал. Я пытался извиняться, но Элисабет и слышать ничего не хотела. Напустилась на меня на глазах у всей охотничьей группы. Такие слова произносила — я их и повторять не хочу.

Морелль снова покачал головой. Краем глаза Анна увидела, что Алекс уже закончил с жалюзи и теперь стоял, повернувшись к отцу спиной, но явно прислушиваясь к разговору.

— Через два дня из юридического бюро Гуннарсона пришло письмо. Договор об охоте расторгается, причем немедленно. После этого мы с Элисабет Видье раззнакомились окончательно, и она, к сожалению, перенесла плохое отношение на следующее поколение. —

Он махнул на Алекса, который снова сосредоточился на окне. — Кстати, вы с ней уже виделись?

Вопрос прозвучал как бы между прочим, но Анна мгновенно уверилась, что он-то и был целью всего рассказа.

— Нет, только с ее семейным юристом, ну и с Клейном.

— Ясно. — Морелль кивнул, на лице выразилось некоторое облегчение. — Брур Клейн неплохой. Энглаберга вообще существует только благодаря ему. Он взял на себя управление хозяйством, когда Карл-Юхан довел усадьбу чуть не до разорения.

Он помолчал, как будто обдумывая сказанное, и покосился на Алекса.

— Анна, Элисабет Видье захочет навестить вас, — тихо сказал он. — Захочет вытащить на свет божий одну старую историю. Трагический случай. Ее парнишка, Симон...

Прежде чем Морелль успел еще что-нибудь сказать, окно с громким стуком закрылось. Анна вздрогнула и с любопытством подняла голову.

— Ну вот. — Алекс сунул отвертку в карман, поднял жалюзи, которые теперь ходили, как положено, и повернулся к отцу. — Покажешь, что тут еще надо починить?

Анна постояла, глядя, как отец и сын уходят по коридору. Со спины они телосложением и манерой двигаться казались почти одинаковыми. Прежде чем свернуть направо, перед самой лестницей, Александер обернулся и посмотрел на Анну. Чуть улыбнулся, отчего у Анны поднялось настроение. *Он тебе понравился*, констатировал Хокан без признаков ревности в голосе. Анна буркнула ему “заткнись” и снова взялась за рапорты, но чувство, посетившее ее вчера во время обеда, очень скоро вернулось.

Как будто рядом с Анной что-то происходит — что-то, чего она пока не может понять.

Глава 10

28 августа 1990 года

Карина затаилась глубоко и длинно, как показал ей Джо. Она чувствовала на себе его взгляд. Джо придвинулся так близко, что их тела касались друг друга. Нравится ей это или нет? Джо симпатичный, не отнимешь. К тому же на несколько лет старше Алекса, более зрелый. И умнее, кстати. Алекс не понял, что Джо издевается над ним. Что “альфа-самец” — это ирония, а не прикольное прозвище.

Больше всего ей хотелось избежать этого приключения, избежать пререканий с Алексом, не лежать в отсыревшей палатке, слушая якобы увлекательные разговоры, кто там что себе напланировал. Планы были у всех, кроме нее и бедняги Бруно. Но даже при том, что Алекс откровенно пускает слюни по поводу этой лахудры, сестрицы Джо, незваные гости — во всяком случае пока — изрядно оживляли вечер.

По кругу пошел второй косяк, воодушевление вокруг костра нарастало. Мари — явно под кайфом — во весь голос и довольно фальшиво пела:

— Ooh, baby, baby it's a wild world^[18]...

Симон играл, опустив веки — глаза он открывал, лишь когда Таня совала косяк ему в губы. Лоб у Симона блестел, пальцы летали по струнам. Сегодня вечером с ним что-то творится, подумала Карина. Что-то непривычное. Почти привлекательное — качество, которое Карина никак не могла связать с Симоном Видье.

Алекс, сидевший рядом с Таней, из кожи вон лез, чтобы завладеть ее вниманием, и это было столь же противно, сколь и предсказуемо. Но почти не задевало Карину, к ее собственному удивлению. Сама не зная почему, она стала злиться на то, как Таня переносит косяк от собственного рта к губам Симона, а потом снова к себе. Мягко, медленно, словно передает поцелуй. Карина никак не могла ответить себе, почему ее это задевает.

Вернулся Бруно, уходивший помочиться. Опустился рядом с Мари, застенчиво протянул бутылку воды. Мари посмотрела на него как на идиота и отпила пива из банки, которую только что дал ей Джо, хотя обычно спиртного не пила.

Карина подумала, что надо бы помочь Бруно с Мари. Заставить ее чуток прийти в себя, пить воду время от времени. Но все-таки ужасно смешно, что такая вся правильная Мари Андерсон сейчас лыка не вяжет.

Песня закончилась, и Симон, похоже, решил сделать перерыв. Он положил голову на камень и закрыл глаза. Таня прильнула к его плечу. Это интимное движение еще больше взбесило Карину, и она почти не обратила внимания, как Джо положил руку ей на спину. Пусть, до поры до времени.

— Ну что, молодежь, — начал Джо преувеличенно взрослым голосом. — Вот вы и в студенческих фуражках. Вся жизнь перед вами. Нет ничего невозможного!

Он затаился и передал косяк Карине.

— Так о какой же жизни вы мечтаете? Кем станете, когда вырастете? — Он ткнул пальцем в Бруно. — Давай начнем с тебя, Мистер Кухня!

Бруно покосился на Мари, которая, кажется, уже с трудом сидела прямо.

— Собственный ресторан, — сказал Бруно. — Не папин, а мой собственный.

— О-о, повар. Благородная профессия. Люди всегда хотят есть, верно?

Бруно неуверенно кивнул и отвел глаза, словно не мог понять, издевается Джо над ним или нет. А вот Карина сразу поняла. Происходящее забавляло ее. Забавляло, что она одна все понимает.

— А ты? — Джо повернулся к Алексу. — Мистер Альфа-самец? Из тебя что выйдет?

— Олимпийское золото, — уверенно ответил Алекс, одновременно пытаясь перехватить Танин взгляд. — Борьба. Я второй в Швеции в своей возрастной группе и весовой категории. Девяносто второй, Олимпиада в Барселоне — и я выше всех на пьедестале почета.

Он широко улыбнулся и напрягнул бицепсы, подмигнув Тане. Карина еле заметно покачала головой. Произойди такое всего какой-нибудь год назад, она закатила бы сцену. Но как же ей все надоело. Надоела эта идиотская игра, надоело болтаться между ссорами,

примирительным сексом, повседневностью — а потом снова ссора, и нет этому конца-края.

— Неплохо, — сказал Джо. — Ну а ты, моя красавица? — Он повернулся к Карине. Та процедила:

— Что угодно, лишь бы убраться отсюда.

— Что угодно? Правда? — В голосе Джо зазвучала нежность. Он как будто собирался добавить еще что-то, но его перебила Мари.

— Политика! — громко объявила она. — Я хочу заниматься... — Она запнулась, собирая слова. — Заниматься политикой. Риксдаг. Но сначала — учить политологию в Лунде. Мы с Симоном на следующей неделе переезжаем.

— Да-да. А что, по-вашему, будет с нашим юным трубадуром?

— Рок-музыкант, — ответил Симон неожиданно твердым голосом.

— Рок-музыкант, значит? — иронически усмехнулся Джо. — Неплохая мечта. Прижизненная слава? Sex and drugs and rock'n roll!

— Вроде того. — Симон так и лежал, закрыв глаза.

— Ну перестань, — заплетающимся языком проговорила Мари. — Симон будет учиться музыке в Мальмё. Жить будет у меня. Мой папа такую квартирку нашел, охренеть, прямо в центре Лунда.

— Нет. — Симон открыл глаза. Голос сосредоточенного человека.

— Что “нет”? — спросила Мари.

— Нет, я не поеду в Лунд.

— Чего?

Карина бессознательно выпрямилась. И заметила, что не одна — Алекс и Бруно тоже разогнулись.

— Я поеду на гастроли с одной группой. От них ушел гитарист, и им срочно нужна замена. Гастроли начинаются через три недели, так что во вторник я уезжаю в Стокгольм.

Вокруг костра воцарилось молчание, и несколько секунд все ждали, что Симон захочет и скажет, что пошутил.

— Серьезно? — спросил Бруно, когда молчание стало затягиваться.

Симон кивнул.

— И что за группа?

— “Талисман”.

— Блин, мы же их по радио слушали, когда ехали сюда. Как так вышло-то?

Симон пожал плечами.

— Мой преподаватель гитары знает одного парня со студии звукозаписи. Он порекомендовал меня. На прошлой неделе я встретился с двумя чуваками из группы в Мальмё, мы сыгрались. Они явно решили, что я им подхожу.

Карина почувствовала, как сильно забило сердце. Как смесь радости и возбуждения растекается по телу. Наконец-то событие. Кто-то сделал что-то неожиданное. Карина тут же ощутила укол зависти, но постаралась подавить ее.

— Симон, но так же нельзя. Где ты будешь жить? — Голос у Мари был такой, словно она вот-вот расплачется.

— Студия звукозаписи сняла квартиру, субаренда, пока мы катаемся. Турне — четыре месяца. Швеция, Европа, даже пара концертов в Азии. А потом видно будет. Больше всего мне хочется самому писать музыку, но группа — хороший старт.

— Я же уже заказала нам мебель. — У Мари дрогнул голос.

И тут Джо убрал руку со спины Карины и зааплодировал.

— Bravo, трубадур! По сравнению с тобой и твоими планами все остальные — горстка неудачников. Рок-звезда — вот, друзья мои, как выглядит настоящая мечта!

Джо усмехнулся и снова положил руку на спину Карине. На этот раз — на пару сантиметров ниже. Карина не стала стряхивать ее.

— Ну а ты-то, что ты сделал, сидишь тут такой крутой! — огрызнулся Алекс, который, похоже, наконец сообразил, куда клонит Джо.

— Спокойней, спокойней, Мистер Альфа-самец! — Джо вскинул свободную руку. — Я на твоей стороне. Я тоже чертовски завидую трубадуру. — И Джо спустил руку Карине на копчик. Карина отпихнула его, поднялась, пошатываясь, подошла к Симону и обняла его:

— Ну круто, поздравляю. Наконец-то кто-то вырвется отсюда!

Она опустилась рядом с Симоном, и теперь он сидел между ней и Таней.

— И когда ты собирался рассказать? — У Алекса все еще был злой голос, хотя он отвернулся от Джо и теперь обращался к Симону.

— Все недавно только прояснилось. Со студии звонили сегодня после обеда.

— И ты ничего не говорил?

— Мне надо было переварить. И потом, теперь-то я все рассказал, правда? — Симон тоже заговорил раздраженно. Атмосфера вокруг костра переменялась, за несколько минут превратившись из расслабленной в возбужденную, а из возбужденной — в напряженную. Карина чувствовала на себе взгляд Джо. На какой-то миг он утратил контроль над шуткой, признание Симона сбило его с толку так же, как остальных. Но вот он уже изучал пятерых друзей с глумливой улыбкой на губах.

— Да, согласен, — усмехнулся он. — Нелегко видеть, как сбываются чьи-то мечты, верно? Особенно если это мечты твоего лучшего друга.

— Придержи язык, — сказала Карина. И тут же поняла, что угодила в ловушку. Какую бы психологическую игру ни затеял Джо, Карину туда затащило.

— Симон, не сыграешь нам? — попросила Таня. — Что-нибудь из твоего собственного?

— Ну, не знаю...

Таня придвинулась ближе, положила ладонь Симону на руку.

— Пожалуйста. Для меня.

Симон покраснел, быстро огляделся и взял гитару.

— Ладно. — Он провел большим пальцем по струнам. — Называется — “Lonely Waters^[19]”.

Он взял пару грустных, красиво нисходящих аккордов. И запел.

— “I saw a friend today, someone I knew long ago. But I still recalled her name.”^[20]

Голос Симона улетал от костра, и скалы возвращали его красивым эхо.

— “And she told me this. My friend from long ago. And things will never be the same”^[21].

Внешне Симон не изменился. Длинные светлые волосы до плеч, острый нос, тонкие пальцы летают по струнам. Карина сто раз слышала, как он играет и поет почти так же, как сейчас. И все же он вдруг превратился в кого-то совершенно другого.

— “I’ll see you by the waters. The dark and lonely waters”^[22].

Таня подхватила припев. Голос у нее оказался глубже, чем ожидала Карина, и Симон быстро приспособился. Теперь он пел не мелодию, а вторую партию. В исполнении таких разных голосов песня зазвучала еще прекраснее. Карина и все остальные просто молчали и слушали. Даже Джо, хотя он и сохранял ироничное выражение на лице. Симон и Таня пели дальше, их голоса сплетались, эхом отдаваясь в каменоломне.

— “The dark and lonely waters”.

На последнем припеве Карина попробовала присоединиться к песне, но без особого успеха. Ее голос по сравнению с другими был слабым, ломким, едва слышным. Когда песня отзвучала, воцарилась тишина.

— Вот это да. — Карина взяла Симона за руку.

— Спасибо, — ответил он, не спуская глаз с Тани.

Алекс раздраженно сплюнул.

— Офигеть, — сказал Бруно. Он, кажется, хотел добавить что-то еще, но взгляд Мари заставил его промолчать.

Джо поднялся, подчеркнуто потянулся и подмигнул Карине.

— Что-то скучно мне стало. Как насчет ночного купания? Или вы, детишки, боитесь купаться в темноте?

Глава 11

Осень 2017 года

Железнодорожный вокзал Неданоса помещался в красивом здании, построенном в начале XX века: высокие колонны, оштукатуренный фасад, по центру — башенка с большими часами. Внутри виднелись небольшой зал ожидания, неприменный киоск “Прессбюро” и большой плакат, извещавший, что здесь скоро откроется “Эспрессохаус”.

В пять часов дня на автобусной стоянке у вокзала было полно народу: кто-то возвращался с работы, кто-то из школы. Анна остановилась в зоне посадки и высадки, вышла из машины и стала высматривать Агнес. В воздухе висели выхлопные газы и сигаретный дым. Агнес все еще не появлялась, и Анна решила выйти к поездам. Она шагнула на тротуар, и тут ее окликнули.

— Здесь нельзя парковаться!

Рядом остановилась патрульная машина, окошко поехало вниз. На пассажирском месте сидел Йенс Фриберг, за рулем Анна угадала коротко стриженную нахалку из комнаты отдыха.

— Привет, Йенс, — сказала Анна. — Мне только дочь встретить.

— Правила дорожного движения одинаковы для всех, — напомнил Фриберг. — К тому же вы, кажется, собрались покинуть машину. Припаркованная машина и есть та, из которой водитель ушел.

Анна застыла, пытаясь осознать происходящее. Не есть ли все это дурная шутка, насмешка над новенькой — они сами практиковали такое в Стокгольме. Однако на застывшем лице Фриберга признаков шутливости не угадывалось. К тому же Анна заметила, что женщина за рулем улыбается отнюдь не дружелюбно. И впереди, и позади машины Анны было несколько свободных мест, и она уже собиралась указать на этот факт, но сдержалась. Спор шел не о правилах дорожного движения, а кое о чем другом. Краем глаза Анна заметила Агнес — дочь болтала с какими-то девочками-ровесницами. Анна почувствовала себя странно уязвимой. Она набрала воздуху в грудь.

— Д-дочь уже идет. — Конечно же, она споткнулась на первом слове.

Фриберг не шевелился, изучая ее через опущенное окошко. Серые холодные глаза, лицо без всякого выражения.

— Хорошо, — сказал он наконец и медленно поднял окно.

В машине Агнес в основном помалкивала. Ее открытая, приветливая версия, которая проглянула было в выходные, исчезла, и дочь сидела как обычно, выискивая что-то в телефоне. Обычно Анну такое поведение злило, но сейчас вполне устраивало. Давало возможность успокоиться и проанализировать случившееся. Чем больше Анна думала о происшествии у вокзала, тем больше уверялась: Фриберг следовал за ней от самого участка. Искал случая подловить ее, когда она будет в уязвимом положении — между рабочим и личным — и оспорить ее авторитет. А его придурковатая коллега гарантированно устроит так, чтобы слух о том, как Фриберг поставил новую начальницу на место, разошелся побыстрее. Ответить у Анны в принципе нет возможности — это она поняла, когда машина начала взбираться вверх по гряде.

Первое: она сама допустила ошибку, припарковавшись в зоне прибытия, а Фриберг, указав на ошибку, просто сделал свою работу. Продемонстрировал высокие профессиональные качества: для него все равны.

Второе: официально она еще не вступила в должность. Они с Мореллем на этой неделе работают параллельно, так что, если она нанесет ответный удар, сошлет Фриберга на пару дней в архив или отправит его мыть служебные машины, ей придется привлечь и Морелля, чего, разумеется, нельзя допустить.

Третье: после небольшого дополнения, которое Морелль сделал, когда они совершали ознакомительную поездку, стало ясно: симпатии полицейских — на стороне Фриберга. Если Анна попытается закатать его в асфальт в ту же минуту, как сядет в начальническое кресло, это будет выглядеть как сведение счетов с конкурентом. Так что придется стиснуть зубы и смириться. Выждать удобного случая и восстановить авторитет, только что попорченный этой заразой Фрибергом. И чем скорее, тем лучше. Анна видела, как он смотрел на нее через окно, и этот взгляд убедил ее: произошедшее не было ни случайностью, ни единичным случаем.

При виде указателя “Табор” она решила не думать о работе, во всяком случае — сегодня вечером.

— С кем ты разговаривала? — спросила она.

— Да так. Просто девчонки из школы. Ехали вместе, — процедила Агнес, не отрываясь от телефона.

— Они тоже живут в Неданосе? — Анна понимала, что задает глупый вопрос, и приготовилась к какой-нибудь грубости, но получила в ответ только нейтральное “угу”. Поэтому она решила пойти чуть дальше. — И о чем говорили?

— Ни о чем особенно. В субботу в Народном парке будет что-то вроде праздника. Кайя Бьянка приезжает, так что тут все на ушах стоят.

— Кто?

— Ну мама! — Агнес оторвалась от телефона и вздохнула. — Кайя Бьянка. Звезда помойных реалити-шоу, блогер, бизнесвумен. У нее своя марка косметики. А еще она сидит в жюри всяких “Мы ищем таланты”. — Агнес поискала в телефоне и предъявила Анне изображение платиновой блондинки с карасиными губами, филерными скулами и ботоксным лбом.

— А, эта, — сказала Анна, хотя понятия не имела, о ком говорит Агнес.

— Кайя, по всей видимости, выросла в Неданосе, но вряд ли бывает здесь так уж часто. По-моему, все в восторге, что она приезжает. В поезде ни о чем другом и не говорили. Big deal.

— Ясно. Мы пока ничего не наметили на субботу. Хочешь пойти?

— Это вряд ли. — Агнес презрительно фыркнула и снова уткнулась в телефон.

Анна остановила машину подальше от крыльца. Из кухни доносился лай Мило. Он энергично подскакивал, а как только открылась дверь, описал несколько кругов возле Агнес и маленькой белой стрелой умчался в лес.

— Мило! — встревоженно позвала Агнес — похоже, она готова была пуститься следом.

— Оставь его в покое. Он ничего не ел с утра, так что наверняка голодный. Дадим ему десять минут. Если через десять минут не появится, я помогу тебе его поймать, идет?

Агнес прикусила нижнюю губу, совсем как Хокан, и Анна ощутила укол тоски. Иногда они бывали так похожи, что Анне делалось больно.

Анна оказалась права — Мило показался в саду минут через пятнадцать. Когда они открыли дверь, собака с довольным видом скалила зубы. Рядом с Мило на крыльце лежал мертвый кролик. Мило основательно извозился в грязи, и они принялись отмывать его в большой раковине в прачечной. Собака отряхнулась, забрызгав всю комнату, и Агнес рассмеялась. Какая радость — такой обычный звук.

Анне было радостно почти весь ужин. Агнес рассказывала о новой школе, новом классе — немногословно, конечно, но все-таки. Однако позже, когда уже стемнело и они сидели перед телевизором, кое-что случилось. У Агнес на коленях лежал айпэд, Анна смотрела новости. Еще один сюжет о бедственном положении больниц. Посреди сюжета вдруг пошли кадры из онкологического отделения. Ряд коек, белые занавеси, желтые казенные одеяла. У Анны свело желудок. Она зашарила в поисках пульта, но он провалился между диванными подушками, и, прежде чем Анне удалось переключить с онкологических больных на безопасный американский ситком, прошло почти полминуты. Оказалось — слишком долго. Бросив взгляд на Агнес, Анна отметила, как изменилось настроение. Анна готова была сказать что угодно, лишь бы разрядить ситуацию. Но она опоздала.

— Ты же была там, мама? — тихо спросила дочь. — Когда папа умирал. Была?

— Была, — ответила Анна, не успев ни обдумать ответ, ни собраться с мыслями.

— А почему меня туда не пускали?

Дочь и раньше задавала этот вопрос. Не словами — взглядами, жестами, долгим мучительным молчанием. И так же, как раньше, у Анны не было ответа.

Хокан рвался что-то сказать, и Анна торопливо сделала телевизор погромче. Достаточно громко, чтобы не слышать Хокана.

Агнес пробурчала “спокойной ночи” и закрыла за собой дверь. Анна вышла на широкое крыльцо. Подняла мертвого кролика за заднюю лапку. Кролик оказался легче, чем она ожидала, и Анна почти сразу поняла, почему. В брюхе зверька зияла дыра, часть внутренностей отсутствовала. Сначала Анна подумала, что тут не обошлось без Мило, и ей стало противно, когда она вспомнила, как пес лизал Агнес лицо. Но когда она поднесла кролика к фонарю над

дверью, то увидела на брюхе ровный разрез; внутренние органы и кишки оказались аккуратно вынуты. Анна постояла, пытаясь сообразить, что это значит, но подходящего объяснения не нашла. Наверное, Мило где-то стащил кролика — может быть, в Энглаберге, хотя расстояние и время не очень увязывались у Анны в голове.

Она отнесла тушку к мусорным контейнерам за домом, после недолгого колебания выбрала бак для пищевых отходов и опустила мертвого зверька туда. Поднялся ветер, деревья качались, и когда Анна повернулась спиной к лесу и зашагала к дому, ее снова настигло то же чувство, что она испытала на днях в лесу. Она знала, что оно порождено вопросами Агнес и шепотом Хокана. *А достаточно ли ты далеко? Ты правда веришь, что они не найдут тебя, если по-настоящему захотят до тебя добраться? Расскажи же ей, Анна!*

Ночью ей приснился сон, снова приснился, в первый раз за несколько месяцев. Порождающая клаустрофобию маленькая больничная палата. Она на стуле, он рядом, в постели. Сухой воздух пахнет антисептиком, свет приглушен. Жужжат аппараты, провода и шланги обвилились один вокруг другого, как гусеницы, а где-то там, под всем этим, лежит измученное человеческое тело. Тело, которое когда-то было Хоканом и которое теперь понемногу истаивает, как свечка.

— Анна, спаси меня, — шепчет Хокан. Поднимает истощенную руку, указывает на аппарат рядом с кроватью узловатым, каким-то стариковским, пальцем. Четырехугольная коробочка с кнопками на передней панели. Инфузионный насос тихо жужжит, закачивая морфин в кровь Хокана.

Слезы, как всегда; палата расплывается в глазах. Она слышит его голос.

— Я не хочу умирать. Вот так — не хочу. Анна, пожалуйста, спаси меня!

Новая сцена. Комната для допросов.

По одну сторону стола — двое следователей, ведущих внутреннее расследование, по другую — она и ее адвокат.

— Вы сделали это? — спрашивает следователь; и Анна понимает, что перед ней — Йенс Фриберг.

Анну разбудил какой-то звук. Во всяком случае, она решила, что ее разбудил звук, потому что она проснулась внезапно и резко, сердце в груди стучало, как молот. Анна полежала тихо, прислушиваясь. В спальне стояла кромешная темнота, слышно было, как за окном шумит ветер. Анна села, посмотрела на мобильный телефон на тумбочке. Два часа ночи, и чуть больше четырех часов — до звонка будильника. Хотелось в туалет, и Анна осторожно, чтобы не разбудить Мило и Агнес, пошла по коридору. У комнаты дочери остановилась и на всякий случай прислушалась. Тишина, покой.

В ванной она осторожно закрыла за собой дверь, стянула трусы и села на унитаз. Пол настелили недавно, электрический провод подогревал плитки. Анна посидела, опустив веки, но какой-то звук заставил ее открыть глаза. Наверху что-то скрипело. Анна осторожно встала, натянула трусы и пижамные штаны и тихо приоткрыла дверь. Поскрипывание шло сверху, теперь она была в этом уверена. Половица. Наверху, в зале для проповедей, кто-то есть. Взломщик, незванный гость посреди ночи в их доме, всего в нескольких метрах от ее дочери. Анна на цыпочках пробежала в прихожую. В ящике бюро лежит телескопическая дубинка. Анна схватила ее, рывком выдвинула, три стальные трубки с металлическим щелчком сцепились одна с другой. С дубинкой наизготовку Анна повернулась к двери, ведущей на лестницу. Ощущение от резиновой рукоятки в ладони мало-помалу прогнало панику. Анна прислушалась.

Незванный гость там, наверху, кажется, замер — половицы больше не скрипели. Может, услышал щелчок дубинки. Анна задержала дыхание и медленно выдохнула, чтобы в голове прояснилось. У нее два пути. Можно разбудить Агнес и Мило, посадить их в машину, как можно скорее уехать, а когда они окажутся на безопасном расстоянии, набрать 112. Анна выглянула в окно передней. Площадка перед домом залита лунным светом. Машина близко, всего метрах в пяти от двери, но взломщик услышит их и к тому времени, как сюда прибудет первая патрульная машина, успеет удрать. Из зала для проповедей снова донеслось поскрипывание. Звук не особенно угрожающий. Скорее неуверенный. Паническое бегство из собственного дома не добавит ей очков в полицейском управлении. Анна тут же представила себе, о чем будут болтать за столиком в “кофейной” комнате. Как она струсила, сбежала, словно перепуганный заяц. Другой путь — в первую же

неделю службы схватить грабителя на месте преступления. То, что нужно, чтобы повысить авторитет, хотя и глупо. К тому же подобная альтернатива гораздо милее ее полицейскому сердцу. Анна покрепче обхватила рукоять дубинки и задумалась.

Элемент неожиданности — все еще ее преимущество. К тому же она вооружена, обучена и имеет навыки рукопашного боя. Анна еще порылась в ящике, нашла наручники в кожаном чехле, сунула их в карман пижамных штанов, в высшей степени осторожно открыла дверь на лестницу и прислушалась. Услышала поскрипывание, потом что-то слабо звякнуло. Кажется, звук шел со стороны торцевой стены — той самой, с росписью.

Анна поставила ногу на первую ступеньку. Холодное дерево под босыми пятками. Вторая ступенька, третья. Анна положила дубинку на плечо. Четвертая ступенька, пятая. В пижаме и босиком Анна двигалась почти бесшумно. Шестая ступенька, седьмая. Она замедлила шаг, прислушалась. Наверху тихо. Еще две ступеньки, и стал виден пол второго этажа. Анна поставила ногу на восьмую ступеньку. Ступней ощутила слабую вибрацию — и через долю секунды дерево тихонько скрипнуло. Черт!

Анна замерла на месте, задержала дыхание. Из зала для проповедей не доносилось ни звука. Неужели ее раскрыли? В таком случае ее положение хуже некуда. Незванный гость где-то там над ней, крутая узкая лестница не даст ей замахнуться дубинкой как следует, к тому же есть опасность полететь вниз кувырком. Надо решить: вперед или назад.

Анна набрала в грудь воздуха и бегом преодолела последние ступеньки. Левая рука выставлена для защиты, дубинка занесена над головой. Но на Анну никто не напал. Она бросилась в зал и попыталась определить, где взломщик. Полная луна висела за большим церковным окном, заливая зал серебристо-белым светом. Все спокойно, взломщиков не видно. Спрятаться здесь можно только внизу на широкой лестнице, позади педального органа или за какими-нибудь фотоэкранами Агнес. С дубинкой наизготовку Анна обогнула орган, посматривая за спину, чтобы на нее не напали сзади. Пульс грохотал в ушах. Пространство за органом оказалось пустым. Анна резко обернулась и констатировала, что лестница тоже пуста; потом она

медленно двинулась к картине. Единственное непроверенное укрытие — там. Анна остановилась на полпути, сжимая рукоять дубинки.

— Лучше выходи. — В огромном зале голос отозвался призрачным эхом. — Я из полиции, — прибавила она погромче. — Выходи!

Ничего.

Анна медленно двинулась по залу; наконец ей удалось заглянуть за первый фотоэкран. Пусто. Осталось еще одно место — за экраном в другом углу.

Анна снова остановилась, прислушалась. Услышала только собственное дыхание. Во рту пересохло, как после табака, рукоять дубинки липла к ладони.

— Выходи! — опять крикнула она. Ей никто не ответил.

Анна осторожно протянула левую руку и ухватила край экрана. Экран оказался легким — в основном алюминий и ткань. Анна дернула его на себя, отступила и отпустила экран, чтобы освободить себе место для замаха. Экран некоторое время балансировал на верхнем крае, а потом медленно завалился и со стуком ударился о пол.

Угол за экраном оказался пустым. Анна опустила дубинку, выдохнула.

Может, ей померещилось? Может, просто старый дом оседает? Вполне возможно, хотя Анна не готова была купиться на такое объяснение. Но если взломщик действительно был, куда он в таком случае делся? Анна спустилась по широкой лестнице и проверила дверь, ведущую во двор. Заперто, а с той стороны — засов, как и ожидалось. Анна снова поднялась. Церковное окно не открывалось, но Анна на всякий случай проверила. Ночью панорама была почти такой же красивой. Далеко-далеко, над городами, на горизонте начинало розоветь ночное небо.

Что-то в громадном зале было не так, и Анне понадобилось несколько секунд, чтобы определить, что именно. Слабый запах, не свойственный этому дому и который Анна не могла опознать. Запах становился тем отчетливее, чем ближе Анна подходила к фреске.

В лунном свете картина казалась еще более зловещей. Краски осени глуше, небо темнее, дождь безрадостнее. Как и раньше, искаженные отражения на воде казались почти живыми. Они менялись по мере того, как Анна подходила ближе. Раздваивались, сливались,

снова раздваивались. Складывались в новый узор, новые формы. Что-то это напоминает...

Луна зашла за тучу, и зал на несколько секунд погрузился в полутьму. Анна замерла, не сводя взгляда с фрески; она так сосредоточилась, что не заметила еле слышного звука — кто-то поднимался по лестнице.

Лунный свет вернулся, и Анна судорожно вдохнула. Отражения на водной поверхности слились, образовали светлый силуэт молодого мужчины. Прямые руки закинута за голову, лицо обращено к небу. Бледная кожа, волосы в воде вокруг головы напоминают нимб. Все вместе необыкновенно красиво, но в то же время — какая глубокая печаль. Потому что было совершенно очевидно: юноша мертв. — Это, наверное, Симон Видье, — сказала Агнес за спиной у Анны, перепугав ее чуть не до смерти.

Глава 12

28 августа 1990 года

Карина увидела, как Симон поднялся, прислонил гитару к большому камню и зашагал по тропинке с той стороны плато. Она подождала, чтобы никто не смотрел, встала и медленно пошла следом. Она и сама не знала зачем. Просто что-то случилось, что-то, отчего ей нужно было поговорить с Симоном. Среди деревьев было темно, но Карина много раз ходила по этой тропинке. Сортирный путь, как они ее называли, вел к развалинам бараков на каменоломне, но никто никогда дальше половины пути не уходил.

— Симон, ты там? — шепотом позвала она. — Симон?

— Я здесь!

Справа от тропинки послышались звуки. Потом Карина увидела, как Симон выходит из-за деревьев, на ощупь застегиваясь. Они остановились друг напротив друга — сантиметров на двадцать ближе, чем встали бы при свете дня. Темнота словно толкнула их друг к другу. Они оказались так близко, что Карина ощутила легкий зуд внизу живота. Смешно. Это же Симон, которого она знает с детского сада. И все же каким-то удивительным образом он уже не прежний Симон, а совершенно другой человек.

— Короче, я подумала... — Она поежилась. — Крутая новость, про гастроли. Поздравляю. — Из-за травы слова выходили невнятными, словно обжигали рот.

— Спасибо!

— Когда едешь?

— В понедельник.

— Ясно. — Карина глубоко вдохнула, поколебалась. Ее прервал звук — где-то в лесу треснула ветка. Она вздрогнула:

— Что это?

— Ничего особенного.

— Как по-твоему, здесь кто-то есть?

— Да кому здесь быть. Все остальные ведь наверху? — Симон махнул рукой в сторону каменного лба, где снова заорал бумбокс.

— Не они. Кто-то другой. — Несколько секунд они молча прислушивались, но слышали только собственное дыхание и звуки, долетавшие со стороны каменоломни. Карина сглотнула.

— Олень-людоед вернулся, — усмехнулся Симон. — Интересуется, какого хрена мы тут вытворяем.

— Думаешь? — Карина хотела прогнать страх, но он крепко вцепился в нее.

— Ну. Кстати, а чего у тебя глаза такие? Что-то случилось?

Карина не ответила. Прикусив нижнюю губу, она продолжала вслушиваться.

— Глупость какая-то, — пробурчала она. — Пьяный бред.

— Ты о чем?

Карина помотала головой.

— Ну давай, говори! — Симон взял ее за руку. Прикосновение не было неприятным — скорее наоборот. Карина глубоко вдохнула и на пару секунд задержала дыхание.

— Короче, за неделю до конца школы мы с Мари ехали в автобусе домой. Нам было скучно, и мы начали вспоминать, какие песни нам нравились в восьмидесятые.

Симон рассмеялся.

— Окей, и одна из вас затянула “Never gonna give you up” Рика Эстли?

— Ну хватит.

— Извини. Продолжай. Вы ехали в автобусе и обсуждали музыку восьмидесятых.

— И я ляпнула, что среди моих любимых была “When doves cry”.

— “Принс”. Хорошая песня.

— Конечно! — Карина посветлела. — И мы начали напевать. Та-да-да Та-да-да. Та-да-да-да. А потом... Мы уже говорили о чем-то другом, и тут одна из нас снова завела, а другая подхватила. Та-да-да, и мы ржали так, что чуть не описались. Не особо по-взрослому, но сам понимаешь — неделя до окончания гимназии. Вроде как попустило.

Симон кивнул.

— А на следующее утро. — Карина запнулась. — Обещай не смеяться.

— Слово скаута. — Симон клятвенно вскинул руку.

— Ну. „Да я сама понимаю, звучит по-идиотски. — Карина почувствовала, что краснеет.

— Давай же, говори.

— Ладно, но ты правда не смейся! — Карина сделала над собой усилие. — На следующее утро после того разговора в автобусе у меня на подоконнике лежала мертвая птица. Белый голубь.

Несколько секунд было тихо, а потом Симон захохотал.

— Блин, Симон, ты обещал. — Карина ткнула его кулаком в грудь.

— Ну сорри. Просто это так...

— Глупо. Ну да, понимаю. Блондинка с большими сиськами. — Карина скрестила руки на груди и отвернулась.

— Нет, нет. Я не это имел в виду. Прости. — Симон прекратил смеяться. — Ты совсем не дуручка. Но ты же не думаешь, что голубь может вот так просто влететь в окно?

— Не может, потому что я бы проснулась от шума. При этом голубь не был ранен. Он просто лежал на подоконнике, как будто спит. Почти красивый, хотя как-то неприятно красивый. Я решила, что нас кто-то подслушал и шел за мной до дома. С тех пор мне и мерещится.

— А тебе не кажется, что кто-то подшутил над тобой? Кто еще был в автобусе?

Карина задумалась.

— Машина Алекса была в ремонте, и они с Бруно сидели в самом конце. Еще куча малышей, младший брат Мари и его одноклассники. Ты тоже там был, но сидел, как всегда, в наушниках и не слышал нас.

— В таком случае главный подозреваемый — Алекс. Ты же знаешь, что он устроил после того, как мы посмотрели “Крестного отца”?

— Напихал Бруно в подушку конского навоза. Идиотская история, весь поселок слышал.

— Он это назвал “лошадиной подушкой”. — Симон усмехнулся. — Бруно с ним две недели не разговаривал. Ребячество, но смешно.

Карина несколько секунд смотрела на него, а потом вздохнула.

— Наверное, ты прав. Очень может быть, что это кретинская выдумка Алекса. — Ей хотелось, чтобы по голосу было ясно: Симон ее убедил. Но обмануть себя не получилось.

— Или у меня мозги заскучали, решили сделать жизнь поинтереснее. — Карина опустила руки. — Иногда мне все просто до смерти надоедает. Понимаешь?

Симон кивнул, но ничего не сказал.

Несколько секунд они молча стояли в темноте и смотрели друг на друга. Сердце у Карины билось тяжело, но не только от страха. Симон сегодня точно был какой-то другой. Такой зрелый, интересный, такой...

Повинуясь порыву, Карина вдруг шагнула вперед, обхватила Симона за шею и прижалась губами к его губам. Языки встретились, все слилось в один возбуждающий вкус — слюна, трава, алкоголь. Тела прижались друг к другу, и Карина ощутила, как быстро он наливается.

— Возьми меня с собой, — выдохнула она Симону в ухо. — Возьми меня с собой в Стокгольм. Мы можем жить в одной квартире, я отложила деньги. Симон, только мы с тобой.

Она хотела поцеловать его, но Симон вдруг отстранился. Положил руки ей на плечи, глубоко вдохнул.

— А как же Алекс?

— Алекс, — фыркнула она. — Алекс придурок. Так всю жизнь здесь и просидит. Олимпиада, не Олимпиада — когда ты в последний раз слышал рассказы о роскошной жизни борцов? — Карина запнулась на последних словах и выпалила их, словно боялась опоздать.

Она взяла Симона за руки и положила его ладони себе на талию, прижалась к нему. Все еще жесткий.

— Ну их к черту — Алекса, Неданос, все к черту. Свалим отсюда. Только ты и я. — Карина снова хотела поцеловать его, но Симон отодвинул ее. Карина разозлилась.

— Ты же хочешь. — Она крепче прижалась к его промежности. — Чувствую, что хочешь.

— Слушай, Карина... — Симон отступил, расцепил объятия и поднял руки. — Я не могу.

Его прервал звук быстрых шагов, камешки катились по склону. Луч карманного фонарика ослепил их.

— Вот вы где, — заорал Бруно. — Вы чем занимаетесь, мы же собирались купаться? Поставили фонарики и все такое. Пошли!

— Сейчас. — Симон заслони́л глаза от света и покосился на Карину. Когда Карина увидела выражение его лица, у нее перехватило дыхание. Не возбуждение, не страх, что Бруно застал их вместе. Нечто другое, что ударило ее в живот, будто ржавым ножом. Сострадание.

Этот повернутый на музыке задрот Симон Видье, который годами вздыхал по ней и который наверняка несколько раз в неделю предавался влажным фантазиям о ней, пожалел ее.

Да как он посмел.

Глава 13

Осень 2017 года

Когда Анна в начале 2000 года проходила курс по следовательской работе, занятия у них вел старый опытный легавый из убойного отдела. Он говаривал, что для следователя опаснее всего решить все для себя с самого начала. Мозг тут же начинает автоматически подгонять любую информацию под результат. Информация, которая ведет к другим выводам, иногда попросту отбрасывается.

“Внимательность к сомнениям, — наставлял он. — Умение смотреть на вещи непредвзято. Вот что отличает хорошего следователя от плохого”.

Фреска отлично вписывалась в эту систему рассуждений. Если решить, что на ней изображено темное озеро, окруженное лесом и крутыми скалами, то так оно и будет. Можно сколько угодно отдаляться и приближаться — не увидишь ничего, кроме отражений в воде. Но как только поймешь, что там есть что-то другое, силуэт под темной поверхностью, то смотреть на картину и не видеть этой фигуры уже невозможно.

Анна и Агнес все утро проговорили о фреске, о Карле-Ю и Симоне Видье. Агнес так увлеклась, что не спросила о взломщике (которого Анна, может быть, вообразила), и Анну это вполне устроило. Ей совсем не хотелось, чтобы Агнес не чувствовала себя в безопасности в собственном доме, особенно теперь, когда они наконец нашли способ сблизиться. Обрели общий интерес. Они уже решили при первой же возможности еще раз попробовать отыскать каменоломню, чтобы Агнес могла сфотографировать ее. Одна только мысль о вылазке приводила Анну в хорошее расположение духа, несмотря на трагический контекст.

Утро следовало бы посвятить подготовке к разговору с полицеймейстером лена. Но Анна налила себе кофе, закрыла дверь кабинета и щелкнула по ссылке на статью Википедии — ссылку только что прислала ей Агнес, прямо из поезда.

Карл-Ю родился в 1943 году в Мальмё. Настоящее имя — Карл-Юхан Петтерсон. Учился в Королевской академии изящных искусств в

Стокгольме, потом еще пара стипендий в Париже. Его ранние работы представляли собой улицы, такси и Сакре-Кёр, освещенный сзади. По мнению многих — многообещающий старт. В 1971 году двадцативосьмилетний Карл-Ю неожиданно заключил в ратуше Лунда брак с двадцатиднолетней Элисабет Видье, с которой познакомился всего за несколько месяцев до этого. Может быть, он думал, что “Петтерсон” — это слишком обычно, потому что по какой-то причине пара стала носить не его фамилию, а фамилию Элисабет. В том же году у них родился сын, Симон. Даты в статье не было, но заключение брака и рождение ребенка в одном и том же году, вместе с гражданской церемонией, указывали на некоторую вынужденность свадьбы.

В начале семидесятых Карл-Ю писал очень мало. Возможно, между ним и живописью стояло отцовство, или он утратил вдохновение. В 1975 году он снова взялся за кисть, но стиль радикально изменился. Поросшие перелеском пригорки, шведские луга и леса, всегда с налетом меланхолии и мечтательности. Новый стиль принес Карлу-Ю огромную известность, его картины теперь где только не появлялись.

Анна защелкала по ссылкам на картины, и перед ней несколько раз открылся уже знакомый мотив. Вид из Табора. Утро, день, ночь. Анна нашла еще несколько темных озер, но, как и говорила Агнес, ни одно из них не походило на озерцо с фрески. Краски тоже были другие. В семидесятые-восемидесятые Карл-Ю писал светло и энергично. Его картины становились все лучше, и к концу восьмидесятых он начал приобретать международное признание. Выставлялся в Берлине, Лондоне и Нью-Йорке, с отличными отзывами. А потом, как и рассказывала Гуннель из магазинчика, все обрело гораздо более мрачный оборот.

Единственный ребенок Карла-Ю и Элисабет, Симон, скончался осенью 1990 года — произошла трагедия, он утонул недалеко от родного дома. В том же году у Карла-Ю диагностировали наследственное заболевание, пигментный ретингит — болезнь глаз, которая со временем приводит к полной слепоте. И хотя популярность Карла-Ю продолжала расти и в нем видели одного из самых выдающихся художников своего поколения, в 1990-е и 2000-е годы он не выставлял новых работ, и неизвестно, были ли вообще завершённые

работы. В 2010 году представитель семьи объявил, что Карл-Юхан страдает болезнью Альцгеймера и окончательно оставил живопись.

Стекла в окнах задребезжали от глухого грохота. Анна пока еще не привыкла к звуку взрывов во владениях “Glarea”. От грохота завибрировал пол, вибрация передалась кофейной кружке. По темной поверхности пошли маленькие круги.

Ровно в пять часов Анна закончила рабочий день. От Агнес пришло сообщение; дочь писала, что ее подвезли до дома и Анне не нужно ехать на вокзал. Интересно, кто ее подвез, подумала Анна. Кто-то из вчерашних девочек или их родителей, ответственных за встречу чада из школы? Какое-то время она боролась с побуждением позвонить и дознаться, но куратор ясно дал понять, что Агнес нуждается в личном пространстве, так что Анна неохотно отказалась от этой мысли.

Она порылась в базе, надеясь найти что-нибудь про Симона Видье, но, как и ожидала, ничего не нашла. В 1990 году систему еще не компьютеризировали, так что, если она хочет почитать материалы расследования, придется спуститься в архив. Однако Анна решила, что ее внимания требуют более важные вещи.

Например, что твой адвокат до сих пор не позвонил, прошептал Хокан. Мы оба знаем, что это значит. Что внутреннее расследование продолжается, что оно еще не закончено.

Что побег не помог...

Чтобы заткнуть Хокана, Анна решила пройтись по участку, поболтать со служащими. Ни на Йенса Фриберга, ни на его вызывающую раздражение коллегу Анна не наткнулась, но довольно быстро поняла, что слухи о вчерашнем инциденте уже начали распространяться. Полицейские постарше откровенно ухмылялись при ее появлении, но младшим во всяком случае хватило тактичности отвечать на ее вопросы нейтрально-вежливо. Надо в ближайшую же неделю разработать стратегию. Найти способ продемонстрировать, кто здесь отдает приказы.

По пути домой Анна настолько погрузилась в эту проблему, что с ней едва не приключилась беда. На одном из неявных поворотов, которых на холмах было множество, ей попала встречная машина. Анна поздно обнаружила, что машина несется по ее полосе, и вильнула в сторону в последний момент. Оба правых колеса оказались

на краю асфальта, брызговики предупреждающе хлопнули по ним, прежде чем Анна вернула колеса на асфальт. Она бросила взгляд в зеркало заднего вида и успела заметить задние огни белого пикапа с эмблемой “Glarea” и чем-то вроде телескопического крана на крыше; потом машина скрылась за следующим поворотом. Склоны по обеим сторонам дороги были крутые, поросшие могучими деревьями. Если бы Анна вылетела за обочину, последствия могли бы оказаться очень серьезными. Она пообещала себе впредь быть внимательнее.

Когда она свернула на площадку перед Табором, на ее обычном месте стояла чья-то машина. “Лендровер”, лет двадцать пять, а то и больше. Зеленый лак, бледный от солнца, на жести в нескольких местах заплатки. И все же машина не была рухлядью, как заметила Анна, подойдя ближе. В салоне убрано, обивка без дыр, чистая. Кому бы ни принадлежала машина, этот кто-то о ней заботился. Анна открыла дверь, шагнула в дом и услышала из кухни голоса. Рядом с ботинками Агнес стояли высокие резиновые сапоги; на миг ей показалось, что это сапоги Клейна, но потом она сообразила, что для Клейна они маловаты. Горел огонь в дровяной печи, на кухне было тепло и приятно пахло домом. Агнес сидела за столом с чашкой чая в руке. Напротив нее — худенькая женщина лет семидесяти в больших очках, волосы прикрыты шарфом. Дождевик женщины напоминал дождевик Клейна, но этим сходство не ограничивалось. Выражением лица женщина тоже походила на Клейна. Сдержанность, самообладание. Контраст между этой пожилой женщиной и Агнес — драные джинсы, розовые волосы, обилие косметики на лице — просто бросался в глаза. И все же эти двое, похоже, неплохо поладили.

— Это Элисабет, — сказала Агнес. — Она меня и подвезла.

Женщина встала и протянула худую руку с отчетливыми синими жилами на тыльной стороне ладони.

— Элисабет Видье. Я владелица дома. — Слова выходили у нее изо рта медлительно, как у сконских аристократов из старых фильмов. — У вас чудесная дочь.

— Спасибо, — сказала Анна. — И спасибо, что подвезли ее.

— Не за что. Мы случайно столкнулись на вокзале. Табор мне по пути.

Элисабет Видье сидела на стуле глубоко, чашку подняла высоко, словно ей не хотелось тревожить вещи без нужды. Голос был ясным,

она не спрашивала, а утверждала.

— Агнес рассказала, что хочет стать фотографом. Что папа поощрял ее. Ведь ваш бывший муж умер?

— Да. — Анну поразила и прямота женщины, и то, что Агнес так разоткровенничалась перед чужим человеком. В то же время она не смогла подавить раздражения — Хокан, как обычно, оказался героем рассказов Агнес.

— Как он умер?

— От рака, — коротко сказала Анна. Ей удалось не споткнуться на слове.

— Соболезную. Мой отец умер примерно в том же возрасте. Инфаркт. — Старуха повернулась к Агнес. — Он тоже считал образование очень важным делом. — Она отпила чая. — Его величайшей мечтой было, чтобы мы с моей старшей сестрой Эббой учились в Лунде. Чтобы из нас что-то вышло.

— А вам этого хотелось? — спросила Агнес. — Учиться в Лунде?

Элисабет Видье склонила голову к плечу, рот сжался и стал еще уже. Анна готова была увести беседу от личных вопросов. Сделать незначительное извиняющееся движение — мол, Агнес еще слишком юна, чтобы владеть искусством светского общения. Но к ее удивлению, Элисабет Видье опередила ее.

— Мне нравилось учиться, — ответила она. — Я хорошо успевала в школе. Эббе учение давалось хуже. Учеба была не для нее, и она вышла замуж за Бенгта Андерсона. Предпочла, чтобы о ней заботились. Эбба из таких женщин. Проблемы с нервами, если вы меня понимаете.

Старуха сделала недовольное лицо.

— Сама я начала изучать юриспруденцию. Но отец умер, кто-то должен был позаботиться о матери, Эббе и усадьбе. Иногда все оборачивается совсем не так, как хотелось бы, верно?

Элисабет Видье отпила чая.

— Вы — преемница Хенри Морелля. — Еще одно утверждение.

— Да. Официально приступаю в следующий понедельник.

— Хорошо. Полагаю, он настраивал вас против меня. Вытащил ту старую историю с охотой и сказал, что у меня не все дома. Нет-нет, отвечать не обязательно. Я знаю, что он думает.

Элисабет Видье подняла свободную руку.

— Мы с Хенри Мореллем знакомы с юности. Он человек умный, да и обаятельный, когда захочет. Хенри и мой зять Бенгт Андерсон, безусловно, сделали много хорошего для поселка, многие ими восхищаются. — Старуха сузила глаза. — Скажем так: я не принадлежу к толпе их почитателей, и у меня есть на то причины. Но дело не в олене. — Казалось, Элисабет Видье собирается сказать что-то еще. Но она взглянула на Агнес, и ее мысли, похоже, приняли другое направление.

— Совсем забыла. У меня же в машине маленький подарок для вас. На новоселье. Агнес, будь добра, принеси его?

— Сейчас! — Агнес поднялась и вышла в прихожую.

— Не буду ходить кругами, — заговорила Элисабет Видье, едва за Агнес закрылась дверь. — Мой сын погиб в 1990 году — может быть, вы уже слышали?

Анна кивнула.

— Хорошо. Это сэкономит нам время. Расследование быстро постановило, что его гибель — несчастный случай. Сама я в это не верю.

— Почему?

— Прежде всего потому, что даже если за расследование отвечал старый начальник участка, решения на самом деле принимал Хенри Морелль. Понимаете... — Элисабет Видье перегнулась через стол, — сын самого Хенри был в тот вечер на каменоломне.

— Алекс?

— Значит, вы с ним уже знакомы?

— Он на днях заходил в участок с Хенри.

Старуха сжала губы.

— Это не случайность. Хенри умен и хитер. Он представил вас кому-нибудь из троицы? Бруно или Мари? Карине Педерсен?

— Да-а... или... я познакомилась с Бруно, но о его жене только слышала. Хенри приглашал меня пообедать в местном ресторанчике.

Элисабет Видье нагнулась еще ниже.

— Анна, смерть Симона — не несчастный случай. В тот вечер произошло кое-что другое. Что-то, по поводу чего Хенри, мой зять Бенгт Андерсон, а может быть, и крошка-ресторатор Сорди договорились помалкивать.

Они услышали, как открылась дверь. Вошла Агнес. — Хенри Морелль манипулирует вами, — прошептала Элисабет Видье. — Может быть — с той самой секунды, что увидел вас в первый раз. Возможно, Хенри потому и цепляется так за свою должность все эти годы, что хочет быть уверен: правда о том, что случилось с Симоном, никогда не выплывет наружу. Но я хочу, чтобы вы, Анна, ее узнали. Выяснили, что на самом деле произошло в ту ночь, когда умер мой мальчик. Обещаете?

Глава 14

28 августа 1990 года

Мари нетерпеливо дожидалась Симона в начале сортирного пути. Она видела, как Бруно, а за ним Карина поднимаются по склону.

— Что случилось? — спросила Мари, потому что Карина явно была злая как черт, но Карина только мотнула головой и скрылась в палатке.

— А теперь — купаться, — заорал Алекс и прибавил громкости. Опять тяжелый рок. Она ненавидит тяжелый рок.

— Пош-ли поговорим, — сказала Мари и схватила Симона за руку, едва он успел ступить на плато. В голове у Мари стоял туман, губы не слушались, некоторые слова стали тягучими, языку приходилось с усилием выталкивать их изо рта, но это было неважно.

Симон поискал взглядом Карину и стряхнул руку Мари.

— Мари, не сейчас.

— Нет, сейчас! — Мари загородила Симону дорогу и крепко ткнула его в грудь. Она была выше, пальцы сильные.

— Ай! Перестань!

— Сам перестань! — Она снова ткнула его пальцем, на этот раз сильнее. Симон оттолкнул ее руку.

— Какая муха тебя укусила?

— Какая муха тебя укусила? — передразнила она.

— Ну хватит. Мари, ты под кайфом!

— Да, я под кайфом. В кои-то веки. Под кайфом, пьяная и злая как собака. Да как ты... — Она сплюнула, облизала губы. От злости туман в голове начал рассеиваться. — Как ты можешь просто взять и уехать? Мы должны были уехать вместе. Квартира, Лунд.

Симон отвел глаза.

— Все решилось только сегодня.

— Но ты все равно знал. Что у тебя другие планы.

Симон промолчал.

— Мы же с детского сада друг друга знаем. Мы как брат и сестра. — Голос у нее из злого стал жалобным, и она ничего не могла с этим поделать. — И все-таки ничего не сказал.

Симон развел руками:

— Что сделано, то сделано!

Эти слова вместе с беспечным жестом почему-то разозлили Мари еще больше. Она все устроила, столько времени потратила, а Симон пальцем не пошевелил, чтобы ей помочь. Даже спасибо не сказал. И вот теперь, когда до начала новой жизни осталось несколько дней, он выбрасывает ее, как ветошь. Ему даже в голову не приходит попросить прощения — стоит тут и разглагольствует: “что сделано, то сделано”. Ей вдруг неудержимо захотелось проткнуть пузырь, в котором сидит этот самодовольный вундеркинд. Воткнуть в него иголку и увидеть, что ему так же больно, как ей.

— А тетя не против, что ты соскакиваешь? Что ты вот так просто возьмешь и свалишь в Стокгольм?

— Папа меня поддерживает, — ответил Симон как-то слишком поспешно.

— А тетя Элисабет нет?

Симон отвел глаза.

— Мы маме еще не говорили.

Мари издевательски улыбнулась.

— Потому что тетя Элисабет хочет, чтобы ты учился в Лунде, верно? Сдавал экзамены...

— Я в любом случае еду. — Симон старался говорить невозмутимо. — Что бы там мама ни думала.

— Какой смелый, — фыркнула Мари. — Все решает тетя, посмотри на своего папу, который целыми днями сидит дома и малюет картины. Фермера из него не вышло, и тетя с Клейном заперли его в Таборе.

— Придержи язык.

— Почему? Это что, неправда? Всем известно, что у твоего отца с головой нелады. Псих!

— Во всяком случае он не лезет в мою жизнь, как твой лезет в твою, — огрызнулся Симон. — И на своего бедного младшего братика посмотри. Бенгту наплевать на Матса. Он только тебя и видит. Папина умная дочка.

— Ты, конечно, знаешь, как хорошо спелись твоя мама и Клейн? Что они трахаются у Карла-Юхана за спиной? — От злости и опьянения Мари не успела придержать язык и поняла, что зашла

слишком далеко. Но отступать поздно. Симон сам сказал — что сделано, то сделано. Она вскинула подбородок, встретила взгляд Симона. Но Симон отреагировал совсем не так, как она ожидала. Он не взорвался — просто медленно покачал головой и презрительно улыбнулся, отчего Мари раскалилась еще сильнее.

— Это правда! Все знают. Всем известно, что тетя и Клейн засунули Карла-Юхана в Табор, чтобы он им не мешал. Они с детства вместе. Карл-Ю был просто ошибкой, ты был просто ошибкой!

Симон молча смотрел на нее. Снова покачал головой, на этот раз печальнее.

— Мари...

— Эй! — Таня появилась, словно ниоткуда, и взяла Симона за руку. — А я думаю: куда ты делись? Не поиграешь еще?

Мари со злостью глянула на нее.

— Мы тут вообще-то разговариваем, — огрызнулась она.

— Нет, Мари. Мы с тобой уже все друг другу сказали.

Голос у Симона был грустный, но грустный не так, как ей хотелось бы. Не как будто Симон задет или обижен. Не как будто она проколола его сказочный мирок, а будто у его грусти была другая причина. Причина, которой Мари никак не могла понять — то ли опьянение мешало, то ли кайф. Как бы то ни было, Мари разозлилась еще больше, ей даже захотелось дать Симону пощечину. Врезать ему как следует, бить до тех пор, пока не собьет с его лица это выражение, пока не убедится, на сто процентов не убедится, что ему так же больно, как ей.

Глава 15

Осень 2017 года

В “кофейной” комнате было тихо и спокойно. Висевший в углу телевизор, конечно, работал, но кто-то убрал звук, так что реплик из “Фермы Эммердейл” не было слышно.

— Ну, вот, в принципе, и все, — сказал Морелль, когда они уселись за стол. — Есть вопросы? Что-то еще объяснить?

— Нет. По-моему, все в идеальном порядке.

— Хорошо. Хотелось бы покинуть корабль с поднятыми флагами.

Он отпил кофе.

Большую часть дня они посвятили личным досье служащих, и Морелль продемонстрировал, что в курсе каждой мелочи, отчего Анна уважала его еще больше. — Кстати, официальную церемонию перенесли на неделю, — продолжил он. — Губернатор пожелала присутствовать, и нам, простым госслужащим, остается только подлаживаться под ее расписание. Но так как эта пятница вдруг освободилась — может быть, у вас с Агнес будет желание поужинать у нас с Эвой-Бритт?

— С удовольствием!

— Отлично. Скажем, в половине седьмого? Одежда — неофициальная. Готовить буду я. Александер и его девочки тоже придут.

— Да, в половине седьмого.

— Договорились.

Приглашение по-настоящему обрадовало Анну, и она немного устыдилась своих прежних страхов по поводу Хенри Морелля. Если не считать настороженности при знакомстве, Хенри оказался вполне дружелюбным и открытым, а теперь еще и пригласил их с Агнес в гости. Анна и до этого подумывала, не рассказать ли Мореллю о вчерашнем визите. Она уже склонялась к ответу “да”, и приглашение утвердило ее в этом решении.

— Вчера заезжала Элисабет Видье. — Анна намеренно не стала продолжать.

— Ясно. — Морелль медленно поставил кружку. — Дайте-ка угадаю. Она хотела поговорить про Симона. — Тяжелый вздох. — Мне следовало предупредить вас, Анна. Я и хотел предупредить, еще на днях, но пришлось бы вытаскивать всю эту старую историю при Александре. Он достаточно настрадался от того, что произошло, когда ему было всего девятнадцать.

Морелль почесал бороду, снова вздохнул.

— Могу только догадываться, что вам наговорила Элисабет. Но расследование ясно показало, что смерть Симона Видье — несчастный случай. Той ночью шел сильный дождь, видно было плохо, скалы в каменоломне стали скользкими. Вероятно, он отошел пописать, поскользнулся, ударился головой и упал в воду. Из-за шума дождя Александер и трое других, спавших в палатках, ничего не услышали. Но Элисабет, как вы заметили, отказывается принять это заключение. Она убеждена, что кто-то — один или несколько человек — скрывают, что произошло на самом деле, и я участвую в заговоре молчания. — Он опять вздохнул, поскреб бороду. Знакомый жест, и все же в нем было что-то, отчего в голове у Анны тихонько прозвенел тревожный звонок.

— Элисабет годами писала и прокурору, и полицеймейстеру лена, и омбудсмену юстиции. Приложила все усилия, чтобы выдать меня отсюда. Бенгта Андерсона она тоже упоминала?

Анна кивнула, стараясь не показать, что внимательно изучает его. Морелль продолжал:

— Я так и думал. Бенгт — зять Элисабет. Они грызлись с начала восьмидесятых, когда Бенгт продал землю от усадьбы, которая досталась ему от старого Видье. Если верить Элисабет, за этой великой тайной стоим, как вы уже наверняка слышали, мы с Бенгтом. — На сей раз Морелль обозначил в воздухе кавычки. Анна думала, что жест плохо вязался с его обычным способом выражаться, и тревожный звонок у нее в голове звякнул еще громче.

— Мне жаль, что Видье и вас втянула. У меня было предчувствие, еще когда я только услышал, что вы собираетесь снимать Табор. Элисабет просто дышит трагической гибелью Симона. Чисто человечески следует, конечно, сочувствовать ей. Они с мужем потеряли единственного ребенка, а вскоре после этого Карл-Юхан заболел. Элисабет уверена, что одно связано с другим. Что скорбь

ослепила Карла-Юхана и заставила его покончить с живописью. Однако она забывает, что случившееся стало трагедией далеко не только для семьи Видье.

Морелль тяжело покачал головой, отчего стал похож на старого грустного медведя. И слова, и жесты казались искренними, однако в них крылся какой-то едва уловимый диссонанс.

— Понимаете, Симон, Александер и Бруно Сорди с первого класса были не разлей вода, они часто бывали у нас с Эвой-Бритт. Эти трое и те две девочки почти всегда держались вместе. — Морелль еще отпил из кружки. — Симон уже в начальной школе играл на разных инструментах. Учитель музыки говорил — он вундеркинд. Один на миллион. Когда Симон подрос, его с удовольствием приглашали и на свадьбы, и на похороны. Он играл и пел так, что сердце сжималось.

Печальный медведь снова покачал головой.

— Симон поступил в Музыкальный колледж в Мальмё, но это было только начало. Все знали, что он станет великим. И тут — эта трагедия. Гибель юного человека всегда трагедия, но то, что погиб именно Симон Видье, стало ужасным потрясением. А вскоре после этого закрылись почта и банк, через год — консервный завод. Как будто гибель Симона выкачала воздух из всего Неданоса. Безработица росла, люди начали уезжать отсюда, недвижимость обесценилась. Много лет понадобилось, прежде чем коммуна оправилась. И оправилась она в большой степени благодаря Бенгту Андерсону. Это он привлек сюда новых работодателей, устроил, чтобы здесь ходили местные поезда. При нем “Glareå” снова начала приносить доход, мы рассчитываем, что у нас пустят поезда дальнего следования. Прибавьте сюда конференц-центр, который Мари и Бруно затеяли на холмах, — и станет ясно, что наш муниципалитет ждет новый золотой век, не хуже, чем в шестидесятые.

Морелль отставил чашку и смел несколько воображаемых крошек со стола. Жесты и мимика изменились, стали более непринужденными. Несоответствие, которое только что бросилось Анне в глаза, исчезло.

— Поэтому в каком-то смысле вдвойне трагично, что Элисабет Видье так настойчиво цепляется за прошлое, — заключил Морелль. — Она как будто напоминает всем о тяжелых временах, а ведь мы столько работали, чтобы оставить их позади.

Он допил кофе и с негромким стуком поставил кружку.

— Ну что, возвращаемся?

Анне хотелось бы продолжить разговор. Она знала, что на момент гибели Симона на каменоломне были еще четыре человека. Алекс, Бруно Сорди, Мари Андерсон и женщина, чье имя упомянула вчера Элисабет — Катрин или что-то в этом роде, Морелль по какой-то причине говорил о ней значительно меньше. Ей хотелось задавать вопросы, копать дальше, докопаться, что в его рассказе не вяжется, но Хенри Морелль ясно дал понять: больше он о смерти Симона Видье говорить не намерен. Анна неохотно отступила.

После работы она заехала на вокзал, забрала Агнес, и они, как договаривались, отправились в магазин, торговавший велосипедами. Анна успела пообещать Агнес мопед. Одна из множества взяток, призванных примирить Агнес с переездом.

Магазин оказался бывшей большой фермой на окраине поселка, с двумя перестроенными сараями, полными теперь велосипедов и мопедов: запах зверей сменился запахом резины и смазочных материалов. Агнес почти сразу заметила белую “веспу” вроде той, на которой разъезжала Одри Хепберн в “Римских каникулах” и которая, разумеется, оказалась одной из самых дорогих моделей.

Конечно, Анна уступила; цена — не проблема. Виллу в Эппельвикене она продала в четыре раза дороже, чем они с Хоканом ее когда-то купили, к тому же она получила внушительную страховку — Хокану полагалось страхование жизни как полицейскому.

Хоть что-то хорошее ты из всего этого извлекла, ухмыльнулся Хокан где-то в глубинах ее головы. Ты, конечно, удивилась, что тебе полагаются страховые деньги — мы ведь развелись. Но ты знаешь, почему так. Знаешь, что это мой способ сказать...

Анна зажмурилась, потеряла уши. Прием сработал. Голос Хокана затих.

Перед ней возник могучий плешивый мужчина с густейшими бакенбардами; под верхней губой виднелся объемистый комок табака. Мужчина представился владельцем магазина. Подобно большинству продавцов, он был открытым и разговорчивым, и какое-то время Анна просто слушала, как он впаривает ей шлем, перчатки и замок, которые она все равно собиралась купить. Она ответила тем, что выторговала

снижение цены на тысячу, включая доставку до дома и полный бак бензина, чем произвела на хозяина некоторое впечатление.

— К выходным доставим. — Местный выговор у продавца был таким, что Анна с трудом разбирала слова. — Где живете?

Она продиктовала адрес и сначала получила в ответ озадаченный взгляд. Потом плешивый просиял:

— А-а, так это вы та дама из полиции, которая сняла дом у Энглаберги.

— Верно. Знаете Элисабет Видье?

— Когда-то знал. — Мужчина пожал плечами. — Но с нашего последнего разговора прошло уже много лет. А вот на Брура Клейна я время от времени натываюсь. Он взял на себя почти все, что касается усадьбы и дел.

— А Карл-Юхан?

— Бедняга в городской богадельне. Давно уже там. Я слышал, шариков у него в голове почти совсем не осталось. — Продавец сочувственно поцокал языком. — Но Брур Клейн не оставляет Элисабет заботами. — Мужчина подмигнул, словно на что-то намекая, и достал бланк, чтобы выписать квитанцию. — Вот вы угодили между молотом и наковальней, да?

— В каком смысле?

— Снимаете дом у Видье и работаете на Морелля.

— Я не работаю на Морелля, я его преемница. — Анна заметила, что говорит с легким раздражением.

— А да, конечно. Но вы же знаете, как все обстоит?

— Вы имеете в виду несчастный случай с Симоном Видье?

— Да. Или что там оно было...

— По-вашему, там произошло что-то другое?

Мужчина пожал плечами.

— Я знаю только, что уже двадцать семь лет прошло, а люди до сих пор избегают говорить о том случае, если рядом чужие уши. Это кое-что да значит.

— Но вы-то поговорить не против?

Продавец улыбнулся так широко, что из-под губы выглянул табак.

— Я торгаш. У таких, как я, язык без костей, хотя иногда и следовало бы его придерживать. — Продавец склонился над квитанцией. — Кстати, платить будете картой или наличными?

— А что, кто-то платит тридцать тысяч наличными? — Анна слегка вздернула бровь.

— Изволите интересоваться приватным образом или по службе? — Продавец снова продемонстрировал табачную жвачку.

Анна коротко улыбнулась и сказала:

— Картой.

По дороге домой они заехали в “ИКА”. Прошли мимо обязательного нищего у входа, при виде которого Анну всегда настигали угрызения совести. Она заметила на парковке “пассат” Просто-Лассе и почти подбежала к молочному прилавку, возле которого юрист стоял с пареньком несколькими годами старше Агнес.

— Здравствуйте, Анна! Рад видеть. — Судя по виду и голосу, Просто-Лассе и правда обрадовался. — Это Эрик.

Эрик выглядел располагающе — мальчик унаследовал отцовские обаяние и уверенность в себе. Он протянул руку и вежливо поздоровался.

— Здравствуйте, Эрик. Меня зовут Анна, а это — Агнес.

Агнес метнула на нее взгляд, свидетельствующий, как ей неловко за мать, но Анне было все равно.

— Как вам в Таборе? — преувеличенно бодро спросил Просто-Лассе.

— Спасибо, отлично. — Анна уже собиралась было втянуть в разговор дочь, но заметила, что Агнес с Эриком посматривают друг на друга, и решила отступить.

— Уже осмотрелись в поселке?

— Да, вот только что купили Агнес “веспу”.

— А, значит, познакомились с Двухколесным Йора-ном? — видимо, у Анны сделался удивленный вид, потому что Просто-Лассе развил мысль. — Его так зовут. Владельца.

— Ясно. — Тема была исчерпана, и воцарилось неловкое молчание. — Ну а мы... — начала было она, но тут вступил Эрик.

— Собираетесь на праздник?

— Праздник?

— В субботу будет вечеринка — кое-кто возвращается домой. — Эрик задал вопрос обеим, но смотрел на Агнес.

— Ну-у, мы еще не решили... — начала Анна.

— Обязательно приходите. — Просто-Лассе просиял. — Народу съедется! Угощение, выпивка — и танцы, для тех, у кого, в отличие от меня, ноги растут правильно. — Он улыбнулся, и, как и при первой их встрече, не улыбнуться в ответ было невозможно.

— Если хотите, можно поехать с нами, — сказал Эрик. — Анна коротко глянула на Агнес. Дочь уже несколько скисла из-за того, что в пятницу придется ехать с матерью в гости к Мореллям, и Анна собиралась было отказаться от предложения Эрика, как вдруг дочь удивила ее.

— С удовольствием, — сказала Агнес. — Где и когда встретимся?

По дороге домой они поболтали. Даже посмеялись: интересно, какой дресс-код принят на вечеринках в честь местных знаменитостей. Агнес настаивала на рубашке и джинсах. Анна поставила на флисовую кофту, отчего Агнес фыркнула от смеха, и сердце у Анны застучало вдвое быстрее.

Агнес замолчала, неловко глядя в сторону, словно допустила ошибку. Анна хотела сказать ей: все нормально, запрета на радость не существует, даже когда человек скорбит. Что Хокан хотел, чтобы его дочь была счастлива, что она сама готова почти на все, чтобы слышать смех Агнес каждый день. Как всегда, она не нашла нужных слов. Зато они заговорили о фреске и Карле-Ю; наконец Анна решила пересказать слова Морелля и Двухколесного Йорана о смерти Симона. После некоторого колебания она прибавила, что Элисабет Видье, приехавшая на днях, попросила ее взглянуть на материалы следствия. Агнес воодушевилась.

— Обязательно посмотри!

Анна отрицательно покачала головой.

— Почему нет?

— Во-первых, это дело один раз уже расследовали. А во-вторых, на все преступления, за исключением возможного убийства, срок давности давно прошел.

— А вдруг это было убийство? А вдруг Элисабет права, и кто-то убил ее сына? И убийца двадцать семь лет назад ушел от ответственности?

Конечно, Анне следовало бы сказать, как есть: у нее полно дел гораздо более важных, чем старый несчастный случай со смертельным

исходом. Но она все еще скрывала от Агнес, почему они здесь. “Внутреннее расследование считает, что я имею отношение к папиной смерти”. Естественно, это ее тайна. И она сделает все, чтобы избежать следующего вопроса.

Поэтому Анна удержала лицо. Решила просто радоваться тому, что они разговаривают и ей не надо каждую секунду быть начеку.

— Посмотрим. Кстати, тебе удалось узнать, где каменоломня?

Агнес кивнула.

— Я спросила у одной девочки в поезде, она живет в Мёркабю. Она говорит — третий съезд налево, если ехать из Энглаберги. Там будет неширокий волок и шлагбаум.

— Хорошо. Тогда, может, съездим туда в выходные?

Когда они приехали в Табор, было уже темно, и над дверью горел фонарь. Из прихожей донесся энергичный приветственный лай Мило, и Агнес побежала было к двери, но растерянно остановилась.

— Смотри, — сказала она и указала на крыльцо.

Там лежал мертвый кролик с взрезанным, зияющим животом.

Глава 16

28 августа 1990 года

Алекс помог Джо поставить мотоцикл на самом берегу, так, чтобы фара освещала воду. От яркого света по скалам пошли призрачные тени, когда они с Бруно побежали вниз по тропинке, в плавках и с полотенцами через плечо. За ними следовала Карина — с видом еще более кислым, чем обычно. Ясно почему. Карина утратила статус самой красивой девочки в компании, и ее это задевало.

Холодный ночной воздух заставил вздрогнуть даже Алекса. Джо, который затеял всю эту историю с ночным купаньем, пока еще не разделся. Стоял у самой кромки воды на плоском камне, который они называли пляжным, в углу рта косячок, и светил фонариком. Задержал луч на Карине. Алекс все еще не разобрался, что он думает по поводу Джо. Джо угостил их травой и ездит на мотоцикле — это здорово, но Алекс никак не мог избавиться от чувства, что парень издевается над ними. К тому же ему не нравилось, как Джо смотрит на Карину. Но теперь Алекс наконец увидел возможность произвести впечатление на эту красотку, сестру Джо. Он поглядывал на Таню с той минуты, как она тут появилась, — она казалась ему похожей на одну девушку из клипа “Whitesnake”. Алекс быстро шагнул раз, другой — и кувыркнулся прямо в темную воду. Следом нырнул Бруно.

— Давай, Джо! — позвал Алекс. Джо присел на корточки и попробовал воду рукой.

— Черт, холодная. — Он поднял взгляд на Мари, которая, пошатываясь, спускалась по тропинке. — А другие не будут купаться?

Мари покачала головой, стащила с себя кофту, джинсы, сбросила обувь и прыгнула в воду прямо в трусах и лифчике. Через несколько секунд к ней присоединилась Карина.

— Посвети мне, Джо! — Алекс вылез из воды и начал взбираться по скале. Джо направил на него световой конус.

— Слезай, Алекс, в темноте же опасно! — крикнула Карина — ребята вылезли из воды и нашаривали полотенца. Алекс взбирался все выше. Он остановился примерно на полпути к самому высокому уступу, с которого сегодня уже прыгал.

— А выше слабо? — спросил Джо, но Алекс притворился, что не слышит. Ему, конечно, охота произвести впечатление на Таню, но он же не debil.

— Барабанная дробь!

Алекс шагнул на уступ, глянул вниз, на плато: Таня, как он и надеялся, подошла к краю. Он несколько секунд постоял, желая удостовериться, что она не сводит с него глаз.

— Опа! — крикнул он и прыгнул, снова сложившись ножиком. На этот раз вышло не так чисто, перестарался. От холода перехватило дыхание — он показался намного острее, чем днем.

Через пару секунд Алекс вынырнул, убрал волосы с глаз и нетерпеливо взглянул на край плато. Таня исчезла. Магнитофон затих.

— Что за фигня с музыкой? — заорал Алекс.

— Таня выключила, — сухо сказал Джо. — Я же говорил, гитаристы — ее конек. Послушай! — И он поднял палец. С плато доносились голоса Симона и Тани. Снова та же песня.

— I'll see you by the waters. The dark and lonely waters.

Алекс тихо выругался, в несколько быстрых гребков подплыл к плато и выбрался из воды. Карина не глядя швырнула ему полотенце. Мари, стуча зубами, пыталась натянуть кофту.

— Ну и холодина, — простонала она. — Может, вернемся к костру?

— Да брось. — Джо снова — точно уже в третий раз — навел фонарик на Карину. — Еще разок. Я не купался. И те двое, наверху, тоже.

Алекс завернулся в полотенце. Ноги слегка дрожали, и не только от холода.

— Да, давайте, это же последнее летнее купанье, — крикнул он. — Исккупаться должны все. — Он вышел на тропинку, ведущую наверх, на плато, и заорал: — Симон! Симон!

Гитара замолчала.

— Чего? — Голова Симона показалась над краем камня.

— Пора купаться.

Симон скривился.

— Спасибо, мне и так хорошо.

Рядом с ним возникла Таня, с зажженным косяком в руке.

— А ну давай сюда! — со злостью крикнул Алекс. — Ты тоже еще не купалась. Последнее летнее купанье, а? — Он повернулся к ребятам.

— Давай, Симон! — крикнул Бруно. К нему присоединилась Мари:

— Давай купайся, Симон. Это традиция. Не отвертисься.

Джо направил свет фонарика на Симона и завел:

— Симон, Симон...

Симону явно не хотелось их слушать. Таня что-то прошептала ему на ухо, сунула ему в губы косяк. Он глубоко затаился, и оба несколько секунд смотрели друг на друга, что Алексу совсем не понравилось.

Губы у Симона растянулись в таинственной улыбке. Он стал спускаться по пляжной тропинке. Стянул свитер через голову, но остался в джинсах. Джо продолжал светить на него фонариком, словно Симон — рок-звезда по пути на сцену. Скандирование стало громче:

— Симон, Симон, Симон!..

Симон, к изумлению Алекса, не пошел к купальному камню, а принялся карабкаться вверх по скале. Торжественное скандирование “Симон, Симон” продолжалось, Алекс присоединился к хору голосов. Он замолчал, когда Симон миновал уступ, с которого прыгал сам Алекс, и полез еще выше. Скандирование пошло вразнобой, в голосах слышалась тревога. Таня снова начала выкрикивать: “Симон, Симон!”, и это подстегнуло остальных.

Симон лез все выше, и свет карманного фонарика следовал за ним, как прожектор. Метр, еще метр, и вот он наконец добрался до самого высокого уступа. Алекса вдруг затошнило. Скандирование эхом отдавалось между скал. Возвращалось снова и снова, и вот уже вся каменоломня гудела:

— Симон, Симон...

Симон шагнул на уступ и посмотрел вниз. Джо продолжал направлять на него конус света, освещая худенькое светлое тело на скале.

Алекс облизал губы. Надо что-то сказать. Симон никогда не прыгал с самого высокого уступа, и прыгать в темноте, да еще нетрезвым, опасно для жизни. Алекс покосился на Таню; та не отрываясь, как приклеенная, смотрела на Симона, и это было словно

удар под дых. Незнакомый неприятный холод походил на страх, но не был им. Симон, похоже, колебался. Он оглянулся на скалу и как будто вдруг протрезвел. Сообразил, во что встрял и что зря он сюда залез.

Алекс знал, что Симон сейчас чувствует. Как одиноко там, наверху. Симон струсит. Алекс почувствовал, как дурнота уходит и сменяется ощутимым облегчением.

— Кишка у него тонка! — крикнул он — достаточно громко, чтобы Таня услышала.

Симон продолжал колебаться, скандирование распалось было, но Джо снова подбросил дров, и все принялись хлопать в такт.

— Симон, Симон, Симон.

Симон набрал воздуха в грудь и бросил последний взгляд на Таню. Закрыл глаза.

Быстро шагнул вперед раз, другой и прыгнул прямо в темноту.

Черт, успел подумать Алекс.

Ч-черт!

Глава 17

Осень 2017 года

Тот сон снова вернулся. Больничная палата, порождающая клаустрофобию. Запах казенного одеяла, лекарств и смерти. Вздохи инфузионного насоса. Насос доставляет облегчение в кровь Хокана, делает непереносимое чуть менее непереносимым. Серая коробочка — достаточно лишь нажать плоские резиновые кнопки в определенном порядке, и заструится морфин, свободно, без ограничений, унося Хокана в великий сон. Последовательность крепко сидит у нее в голове.

Три, три, семь, пять, девять, два. Кнопка ввода. Всего-навсего.
“Спаси меня, Анна!”

Она вдруг понимает: что-то изменилось. Голос с постели — не голос Хокана. На подушке — не его осунувшееся лицо. Там какой-то молодой мужчина со светлыми волосами. Волосы рассыпались по подушке, как нимб. Глаза уставились в потолок, который сейчас — свинцово-серое утреннее небо. Черная вода проступает сквозь одеяло, узкие поначалу ручейки ширятся, стекают на пластиковый пол, и вот пол уже темное озеро, в котором тонет кровать. Гипсокартонные стены исчезают, сменяются скалами и осенним лесом.

“Спаси меня!”

Она стоит у самой кромки воды. Вот вода уже доходит ей до колен, еще пара шагов — и придется плыть. Тело Симона Видье колышется прямо у поверхности, совсем как на фреске. Но вода беспокойна, и лицо то и дело меняется. Бледный юноша превращается в исхудавшего взрослого мужчину, который из последних сил цепляется за жизнь.

“Анна, спаси меня!”

Она делает шаг к нему. На дне острые камни, она спотыкается, едва не теряет равновесие. Вода доходит ей до пояса, холод заставляет судорожно вдохнуть.

— Мама!

Кто-то зовет ее сзади, она оборачивается; на берегу стоит Агнес, рядом с ней Мило. Собака держит в пасти мертвого кролика, и Анна

уже знает, что кролик пуст, выпотрошен. Деревья позади них тихо гнутся под ветром. Шум их напоминает шум инфузионного насоса.

“Иногда приходится делать то, что должно”, — говорит Агнес и указывает на темную воду, на тело, которое одновременно тело Хокана и тело Симона Видье.

“Обещай, что сделаешь”.

Три, два, семь, пять, девять, два.

Ввод.

Анна дождалась, когда на часах будет начало шестого, закрыла дверь кабинета и отправилась в подвальный архив. Прошел уже почти целый день, но свидание никуда не делось и не давало ей работать спокойно.

В кабинете Морелля, за стеклянной стеной, было тихо и темно, так же как почти во всем участке, — на это она и рассчитывала. Вообще ей не обязательно было таиться. С понедельника она тут хозяйка и уже сейчас имеет право интересоваться любыми делами. Но Анна знала, что дело Симона Видье — чувствительная тема, и не хотела, чтобы у нее спрашивали, чем ее привлек именно этот случай. Особенно потому, что у нее нет хорошего ответа. Или хоть сколько-то разумного. Неужели она всерьез собирается влезть в дело тридцатилетней давности ради того, чтобы наладить отношения с дочерью? Неужели она настолько отчаялась?

Архив располагался в конце подвала, и по дороге к нужной двери Анна прошла мимо раздевалок. Там было тихо и спокойно, радио в спортзале молчало, отчего скрип, который производили ее подошвы по новенькому пластиковому покрытию, слышался особенно отчетливо. Анна заметила, что ускорила шаг.

Считывателя пропусков рядом с дверью архива не оказалось, но вполне хватило мастер-ключа, который Морелль дал Анне еще в понедельник. Стальная дверь закрылась за ней с ненужным грохотом. Лампы дневного света на потолке среагировали на движение и зажглись, прежде чем Анна успела зашарить по стене в поисках выключателя. В помещении без окон было сухо, как в пустыне, и пахло старой бумагой и чернилами. Шесть притиснутых друг к другу двойных стеллажей — вот и все. На боковой стенке каждого стеллажа имелась табличка с годами, а под ней черный руль. Нужная полка оказалась где-то в середине, и Анне пришлось немало потрудиться,

чтобы повернуть руль и привести стеллажи в движение. Перед ней неохотно открылся ряд синих папок.

Просматривая даты, Анна наконец нашла 1990 год. Большинство папок содержали по несколько разных дел. Она вытащила одну наугад. Первое дело — вождение в нетрезвом виде — имело место в июле. Второе — кража со взломом — в том же месяце. Пожелтевшая бумага, текст отпечатан на машинке. Анна взяла другую папку. Обнаружила случай домашнего насилия, за ним — злостное незаконное вождение, и то, и другое — август 1990 года. Анна стала листать дальше, но остальные три дела оказались примерно того же масштаба — совсем не то, что она ищет. Но еще не успев вытащить следующую папку, Анна поняла: вот оно. Согласно номеру на корешке, папка, в отличие от своих соседок, содержала всего одно дело. Она оказалась легче, чем Анна ожидала. Анна раскрыла папку.

29 августа 1990 года. Патрульная машина 3495 направлена по вызову к каменоломне Мёркабю, причина — смертельный случай.

Вот оно! Анна продолжила читать, пульс пошел вскачь.

Тело Симона Видье обнаружено на месте происшествия плавающим в воде лицом вверх. На месте находились четверо свидетелей.

Александр Морелль, Бруно Сорди, Мари Андерсон и Карина Педерсен, всем по 19 лет, друзья скончавшегося.

Не Катрин, а Карина — так звали четвертую участницу, или пятую, смотря как считать. Анна вознамерилась было читать дальше. Но тут лампы на потолке погасли, и архив погрузился в кромешную тьму. Датчик движения был где-то у двери, а Анна стояла, скрытая стеллажом; устройство решило, что в помещении пусто. Анна зажала папку под мышкой и стала пробираться к двери, ощупывая полки свободной рукой. Неожиданный звук заставил ее остановиться. Скрип резиновой подошвы по новому пластиковому полу. Анна прислушивалась, стоя между стеллажами.

Повернулся ключ, дверь распахнулась, и лампы ожили, залили ее резким белым светом.

— Вы что тут делаете? — изумился Йенс Фриберг.

— Ищу кое-какие старые дела. — Анна постаралась, чтобы ее голос прозвучал небрежно. — Кстати, хорошо, что вы пришли. — Она переждала заикание. — Свет погас, и я не могла найти выход. — Она натянула улыбку, которая, похоже, не произвела никакого эффекта.

— Можно узнать, какие именно дела? — Фриберг рассматривал папку, зажатую у Анны под мышкой. Потом перевел взгляд на проход между стеллажами, оставшийся открытым — на табличке отчетливо был виден год. Анна видела, как мозг Фриберга связывает одно с другим, как сузились его глаза, когда до него дошло, что Анна здесь делает. Анна покрепче прижала папку к себе. Вдохнула поглубже.

— Спасибо, Йенс, вы меня спасли. Я наверх... — Она кивнула на открытую дверь у него за спиной.

Фриберг не сделал ни малейшей попытки посторониться. Он продолжал пристально смотреть на нее. Анна взглянула ему в глаза, стараясь не показать своего замешательства. Сделала шаг вперед, чтобы расстояние между ними стало ощутимо меньше комфортного, и произнесла:

— Если позволите. — Теперь они стояли почти нос к носу. Последнее слово Анна разделила надвое, чтобы обезопасить себя от заикания.

Фриберг еще немного постоял, сверля ее взглядом. Казалось, кислород в темном помещении вот-вот кончится. Анна чуть вздернула бровь, словно интересуясь, что это на него нашло. Фриберг отвел глаза, неловко кашлянул и шагнул в сторону.

— Хорошего. — вдох, — вечера, — сказала Анна через плечо, заставляя себя спокойным шагом прошествовать к выходу и дальше по коридору. Папку она прижимала к себе как приклеенную.

Вернувшись в кабинет, Анна заперла дверь и только после этого с облегчением рухнула на стул. Выделила две секунды похвалить себя за то, как разобралась с Фрибергом и ситуацией, а потом накинулась на папку с делом Симона Видье. Как она уже успела понять, документов в папке содержалось немного — семь, при более точном подсчете. Само дело, изложенное полицейским, который первым прибыл на

место и имя которого было Анне незнакомо, четыре коротких протокола допроса свидетелей. За протоколами шли заключение медэксперта и служебная записка.

Уже через несколько минут Анна поняла, что материалы следствия не много добавят к тому, что она уже знает, зато теперь у нее, по крайней мере, есть общая картина, которая поможет связать в единое целое разрозненные элементы головоломки. Симон Видье и четверо его друзей — Алекс Морелль, Бруно Сорди, Мари Андерсон и Карина Педерсен — разбили лагерь в каменоломне Мёркабю, на гряде. Алекс и Бруно приехали на одной машине, девочки на другой, а Симон, живший всего в нескольких километрах, в Энглаберге, прикатил на велосипеде. Устройство лагеря явно было какой-то традицией, чем-то, что они уже много раз делали, а это значило, что местность им знакома. Развести костер, поболтать, поесть, выпить спиртного и разбрестись по трем палаткам. Алекс и Бруно спали в одной палатке, Мари и Карина в другой, а у Симона имелась своя. Ночью пошел дождь, и, как и говорил Морелль, камни стали скользкими, а капли, барабанившие по палаткам, заглушали все остальные звуки. Рано утром Симона обнаружили мертвым, плавающим в воде лицом вверх.

В отчете о вскрытии говорилось о повреждениях на теле, характерных для падения. Самой серьезной была рана на затылке — по мнению медэксперта, она и стала причиной немедленной смерти Симона. Этот вывод подкреплялся тем, что в легких не обнаружили воды — значит, Симон уже не дышал, когда упал в воду. Судебный медик также констатировал, что из-за холодной воды определить время смерти затруднительно, однако фатальное падение произошло между часом и тремя часами ночи.

Но Анна обнаружила и некоторую новую информацию. Тем вечером на каменоломне были еще два человека: мужчина по имени Джо и женщина по имени Таня, оба несколькими годами старше пятерых друзей и не местные. Оба они часа два принимали участие в импровизированной вечеринке, но, как единодушно показали свидетели, покинули каменоломню на мотоцикле около половины первого, когда начался дождь. Короткая служебная записка содержала полное имя и удостоверения личности этих двоих. Имелась еще запись о том, что Джо в самом начале второго часа ночи ввязался в ссору на

автозаправке в Рефтинге, в пяти милях от каменоломни, и провел ночь в полицейском участке, то есть никак не мог быть на каменоломне в момент гибели Симона. На этом — все. Протоколы допроса свидетелей — по полстранички каждый, текст практически один в один. Пошел дождь, Джо и Таня уехали на мотоцикле, а прочие залезли в палатки около половины первого. Свидетели дружно показали, что всю ночь крепко спали и ничего не видели и не слышали.

Тело обнаружила Мари Андерсон около пяти утра; она тут же подняла остальных. Ребята пытались выловить Симона из воды, но безуспешно, поэтому Бруно на машине Мари поехал в магазин в Мёркабю и по телефону Гуннель вызвал помощь. Первый полицейский патруль прибыл на место в 05.54, за ним приехали “скорая” и пожарная машина.

Анна закрыла папку и откинулась на спинку стула. Как и говорил Хенри Морелль, в деле вроде бы нет ничего странного. Дождь, темнота, скользкие камни, может быть — в комбинации со спиртным, служили совершенно естественным, хотя и трагическим, объяснением смерти Симона Видье. Вывод, который по какой-то причине слегка разочаровал Анну.

Глава 18

28 августа 1990 года

Пузырьки. Вокруг него везде пузырьки. Вырываются из одежды, волос, ноздрей и рта, как серебристые шарики, и исчезают в темноте. Звук от удара о воду все еще звучал у Симона в ушах, отдавался дрожью во всем теле. Холод охватил кожу, заставил кровеносные сосуды и легкие сжаться, а сердце — биться сильнее. И все же он словно завис — неподвижный, утративший вес. Закрыв глаза и позволил холодной тьме сомкнуться вокруг себя.

“Наверное, именно так умирают”, — подумал Симон; под закрытыми веками замерцал белый свет.

Он открыл глаза, оттолкнулся ногами. Один раз, два, три; помочь руками, прямо к слабому свету там, наверху; наконец Симон вынырнул на поверхность. Получилось!

Симон шумно втянул в себя воздух и заорал от радости. Ему тут же ответила Таня с плато, а потом — с меньшим энтузиазмом — все остальные.

Бруно помог Симону вылезти из воды. Мари тут же пихнула его и закричала ему в лицо:

— Идиот паршивый! Ты же убится мог!

— Вы сами хотели, чтобы я искупался. — Симон широко улыбнулся. — Последнее купание в этом году или как там? — Последняя фраза была адресована Алексу, который стоял поодаль, скрестив руки на груди. Одна из их обычных пикировок, хотя Симон пожалел о ней, едва закрыл рот.

Алекс не ответил, и Джо посветил ему в лицо.

— Похоже, кто-то оказался храбрее тебя, альфа-самец.

— Отстань! — Алекс заслонился от слепящего света рукой и отвернулся.

Таня сбежала по тропинке, протиснувшись между Бруно и Мари, и Симон тут же забыл про Алекса и его обиду.

— Ты все-таки прыгнул! Господи, как круто!

Таня обхватила Симона за шею и поцеловала. Сладкий вкус — трава и что-то еще. Что-то возбуждающее, отчего Симон тут же

прижал ее к себе. Второй поцелуй за десять минут; к нему добавился адреналин — прыжок, после которого Симон остался жив. Голова чуть не взорвалась.

На одно неловкое мгновение остальные отвели глаза. Все, кроме Джо: он навел луч фонарика на пару, которая целовалась все более страстно. Он словно приглашал других тоже посмотреть.

— Поздравим Симона, который сегодня стал победителем! — Голос Джо сочился иронией. — Спасибо всем, кто принял участие в соревновании. Спокойной ночи!

Таня сняла одну руку с шеи Симона и показала Джо средний палец, после чего закончила поцелуй. — Идем, — позвала она. — Надо снять с тебя мокрую одежду. — Она взяла Симона за руку и потянула за собой, к плато. Симон почувствовал, как напряглось лицо, как рот растянулся в широкой улыбке.

Уходя, он услышал, как Мари каким-то жалобным голосом сказала: “Мне холодно”.

Они миновали палатки; Таня потянула его к дальнему краю плато. Она захихикала, потом рассмеялась, и смех перекинулся Симону. Холодные, мокрые насквозь джинсы облепили ноги; Таня все тянула Симона за собой вниз по склону, к сортирной тропке, а потом дальше, в лес. Они спотыкались на неровной земле, один раз Таня чуть не упала, он успел подхватить ее, и оба смеялись как заведенные. Наконец они пришли к большому дубу; Таня снова обняла и поцеловала Симона. Его руки обрели собственную жизнь, зашарили по ее телу. Таня прижалась к нему, и не успел Симон опомниться, как оба уже стягивали с себя штаны.

Ноги Тани оказались у него на поясе, спина прижалась к дереву. Симон почувствовал, как она схватила его и направила во что-то мягкое и теплое, что сомкнулось вокруг почти как та темнота в воде. Таня вцепилась ногтями ему в шею, прижалась к нему бедрами. Громко застонала, и вот он уже двигался в такт с ней, все быстрее, пока наконец весь мир — или всего лишь его голова? — не разлетелся на атомы.

Глава 19

Осень 2017 года

Семья Морелля обитала в одноэтажном доме светлого кирпича с подвалом — вероятно, виллу построили в конце шестидесятых. Сад выглядел на удивление ухоженным — на лужайках, клумбах и между садовыми фигурами ни единого осеннего листочка. Анна насчитала трех гномов, двух садовых жокеев и целое семейство ланей на одном только дворе перед домом. У ворот стояла большая синяя “BMW”, и Анна подумала, не принадлежит ли эта машина лично Мореллю, но потом увидела на заднем стекле небольшую эмблему “Glarea”.

Агнес слегка дулась из-за того, что ей пришлось ехать в гости, но не стала демонстративно хлопать дверями, и хрупкое перемирие между матерью и дочерью, порожденное историей Симона Видье, все еще держалось. Жена Морелля Эва-Бритт оказалась приятной элегантной женщиной лет шестидесяти, волевой и с чувством юмора. Она обняла Анну и Агнес, словно добрых знакомых, и уже через несколько минут заставила Агнес растаять, предложив ей тот же напиток, что и взрослым.

— Хенри все равно смешивает не очень крепко, — прошептала Эва-Бритт, провожая их в гостиную.

В доме пахло почти так же, как у дедушки и бабушки Анны. Слабый запах, который ни с чем не спутаешь — домовый плесени. Этот запах пропитывает одежду, и ты уносишь его с собой.

В гостиной было прохладно, как будто батарею включили недавно; кроме Хенри Морреля, здесь сидели еще два человека.

— Ты уж прости, Анна, но Бенгт и Мари только-только вернулись из Стокгольма. Очень хотели познакомиться с тобой. — Морелль кивнул на двух гостей, присутствие которых вроде бы не предполагалось.

— Бенгт Андерсон, — представился мужчина и протянул руку. — Добро пожаловать в Неданос, Анна.

Анне он представлялся типичной шишкой из сконского муниципалитета — толстенький, с зачесом через лысину, что-то от Эдварда Персона^[23]. Однако Бенгт Андерсон оказался высоким и

худым, как бегун на длинные дистанции. Волосы у него, конечно, были жидковаты, но вместо того, чтобы бороться с неизбежным, он сбрасывал седину. Взгляд за стеклами дорогих очков был цепким, костюм куплен явно не в “Дрессмане”.

— Спасибо, — сказала Анна, не очень зная, как продолжить.

Женщина рядом с Бенгтом решила эту проблему за нее.

— Мари Сорди, — представилась она и энергично пожала Анне руку. — С нетерпением ждем возможности поработать с вами вместе. Вы просто образец, идеал. Женщина, руководительница, мать, служите в полиции.

Высокий рост и лошадиные черты лица делали Мари Сорди похожей на отца. Очки и темный брючный костюм еще больше усиливали сходство. Волосы наверняка кудрявые, вроде дикой шевелюры ее младшего брата Матса, но локоны усмирены короткой модной стрижкой.

— Я познакомилась с Бруно в ресторане, — сказала Анна. — Ваш муж очень вкусно готовит.

— Здорово! Вот увидите, как он развернется, когда у него будут развязаны руки и он перестанет придерживаться ветхозаветного меню отца.

— Ну-ну, — улыбнулся Бенгт. — Иногда очень даже неплохо припасть к опыту старших поколений, верно?

Сначала Анна подумала, что комментарий адресован Мари. Лишь когда Бенгт подмигнул и кивнул на Хенри Морелля, она поняла, что он обращается к ней.

— Хенри мне очень помог, — пробормотала она, на что Морелль с довольным видом кивнул. Анна уже хотела продолжить, но тут ей вспомнились встреча в ресторане и знакомство с Алексом Мореллем. То самое чувство. Подстроенная “случайная” встреча. Мари третья из четырех друзей, бывших той ночью в каменоломне. Анна перезнакомилась с ними всего за несколько дней. В ушах зазвучал голос Элисабет Видье.

“Хенри Морелль вами манипулирует!”

— Значит, вы ездили в Стокгольм? — Анне хотелось переключить мозги. Мари кивнула:

— Встреча с коллегами по партии и еще кое с кем. Папа, ничего, если я расскажу?

Бенгт благосклонно кивнул.

— Это пока неофициально, но министр путей сообщения одобрил появление новых маршрутов на юге Швеции, — восторженно сказала Мари. — К концу следующего года в Неданосе начнут останавливаться поезда дальнего следования. К тому же мы только что подписали меморандум о намерениях с одной крупной компанией, которая занимается интернет-продажами, они будут строить логистический центр, надеюсь — с привлечением государственных фондов. Много новых рабочих мест. Новые возможности для муниципалитета.

— Ясно. Поздравляю, — сказала Анна. — Вот это новость.

— Мы с министром путей сообщения когда-то сидели в одной комиссии, — поделилась Мари. — Связи — полезное дело.

— Было время, Мари заседала в риксдаге, — вставил отец. — Но сочетать риксдаг с семейной жизнью трудновато. — Тон безмятежный, и лишь едва заметная недовольная гримаса свидетельствовала о глубоком разочаровании. Анна ясно поняла это. Наверняка и Мари тоже.

— Еще мы успели перекинуться парой слов с полицеймейстером Стокгольма. — Мари не стала притворяться. — Он очень хорошо отзывался о вас. Сказал, что вы можете стать настоящим сокровищем и для полиции Сконе, и для коммуны. Что в Стокгольме вас будет не хватать.

У Анны похолодело в животе. Неужели Мари на что-то намекает? На Хокана, на расследование? Мари поднесла ко рту стакан, отчего выражение ее лица стало трудно разобрать. Анна покосилась на Бенгта, но, к счастью, не обнаружила ничего, что подтвердило бы ее опасения.

— Как здорово, — сказала она, но избавиться от тревоги не удалось.

Они еще несколько минут светски поболтали — Анну уговорили прийти на ближайший завтрак клуба “Ротари”, — после чего Бенгт и Мари вежливо простились и уехали.

Тем временем Эва-Бритт развлекала Агнес; они, похоже, нашли общий язык.

— Агнес обещала дать Хенри пару советов. Ему на шестьдесят пять лет подарили отличный системный фотоаппарат, но за два года я

так ни одной фотографии и не увидела.

— С ним что-то не так, — буркнул Морелль, убирая бокалы. — Изображение расплывается.

— А вы пробовали настроить автофокус? — спросила Агнес.

— Ну да, пытался. Извините, я только позову Александера.

— По-моему, Хенри даже инструкцию не читал, — зашептала Эва-Бритт, когда Морелль вышел. — Он сейчас смущается, но после ужина наверняка захочет выслушать экспертное мнение. — Женщина заговорщически подмигнула Агнес.

С нижнего этажа поднялись Алекс Морелль и две его дочери. Одиннадцатилетняя, любопытная и открытая, стала расспрашивать Агнес, почему у нее розовые волосы и не больно ли, когда в ушах столько дырок; Агнес отвечала дружелюбно и терпеливо. Четырнадцатилетняя чуть смущенно посматривала из-под челки — казалось, она чувствует себя неловко, но вскоре все трое уже сидели на диване и, сдвинув головы, смотрели какое-то видео на телефоне Агнес.

Алекс чувствовал себя более свободно, чем во время знакомства в полицейском участке. От него пахло духами “Курос”, на нем были классические синие кроссовки “New Balance” и красная футболка “Lacoste”, рукава натянулись на бицепсах. Короткие волосы не успели просохнуть, а обрывок красной туалетной бумаги на шее над воротником свидетельствовал, что Алекс брился в спешке. Одно чуть оттопыренное ухо вздуто, как бывает у борцов. Анна не могла отделаться от мысли, что это довольно привлекательно.

За столом ее усадили рядом с Алексом; Эва-Бритт ловко направляла разговор, они успели обсудить и погоду, и времена года еще до коктейля из креветок. В качестве главного блюда Морелль приготовил говяжье филе с картофельной запеканкой, а Агнес получила тарелку с веганской едой. Атмосфера становилась все приятнее, они болтали о том о сем, а Морелль так щедро подливал вино, что Анне пришлось несколько раз напомнить, что она сегодня за рулем, однако Морелля это не остановило, и он снова наполнил ее бокал.

Алекс оказался чудесным собеседником, с чувством юмора и заразительным смехом. Впечатление, которое он произвел на Анну в участке, сменилось более благоприятным. Может быть, дело было в вине, но они с Агнес чувствовали себя по-настоящему хорошо.

Выяснилось, что Морелль — увлеченный садовод. К концу третьей забавной истории о растениях Алекс поймал взгляд Анны и слегка закатил глаза, отчего понравился ей еще больше.

— Похоже, ты часто бываешь в спортзале, Алекс, — сказала она.

— Стараюсь. Когда девочки не у меня, хожу раза три-четыре в неделю. — Алекс машинально потрогал пустое место на безымянном пальце, и Анна тут же отметила, что начала играть с волосами. Черт, что она делает? Всерьез флиртует с недавно разведенным сыном своего предшественника, в первую же неделю на новом месте? Она опустила руку и выпрямилась. Решила не пить больше ни капли, сколько бы Морелль ни уговаривал.

— Александер был многообещающим борцом, — вставил Морелль. — Он чуть не вошел в олимпийскую сборную.

— Вот как! А в каком году?

— В 1992 году, готовился к Барселоне. Повредил колено прямо перед отборочными соревнованиями, а второго шанса уже не дождался. — Алекс пожал плечами. — К тому же я подался в строительство, нашел настоящую работу — тоже неплохо. Когда ты в последний раз слышала о шикарной жизни борцов?

Фраза прозвучала неестественно, словно на самом деле принадлежала кому-то еще, а глаза, в отличие от губ, не улыбались. 1992 год, через два года после случая в каменоломне, заключила Анна про себя.

Как и предсказывала Эва-Бритт, перед кофе Морелль принес фотоаппарат. Похожий на ту же эксклюзивную модель, что и у Агнес. Анна осторожно задумалась, кто же сделал Мореллю такой дорогой именинный подарок. Оказалось, правильный ответ — Бенгт Андерсон. Похоже, Элисабет Видье сказала правду — они с Хенри близко дружили.

Агнес села рядом с Мореллем и принялась привычными движениями показывать разные тонкости и настройки фотоаппарата. Анна сбегала в туалет, но там оказалось занято. Эва-Бритт показала ей лестницу, ведущую вниз.

— Налево, за занавеской.

Внизу оказалась комната для отдыха, обшитая сосновыми панелями. Два кожаных дивана, которым явно не один десяток лет, стеклянный столик и к нему — тележка для напитков, а также

обязательный, слишком большой плоский телевизор на стене. Следуя указаниям Эвы-Бритт, Анна отвела бамбуковую занавеску и вышла в коридорчик. Запах подвала смешивался с ароматом моющего средства. Туалет оказался за первой дверью справа. Стены выложены зеленым кафелем, в углу душевая кабина, через еще влажное стекло виден синий флакон геля для душа. В шкафчике — крем для ног, блистер давно просроченного ипрена, вскрытая упаковка одноразовых бритв и баллончик дешевой пены для бритья. Анна устыдилась своего несколько чрезмерного любопытства, но убедила себя, что именно это качество делает ее хорошим полицейским. Любопытство, а также способность сомневаться. Она все больше убеждалась, что в словах Элисабет Видье есть смысл. Вдруг Морелль, при помощи своего закадычного друга Бенгта Андерсона, пытается подтолкнуть ее в определенном направлении. Заставить ее принять их версию о смерти Симона Видье. Тому может быть много причин. Самым простым и объяснимым казалось предположение, что раны, нанесенные трагедией, так до сих пор и не затянулись, и люди — ни жители поселка, ни четверо переживших ту ночь — не хотят снова вскрывать их. Но Анна никак не могла отмахнуться от того, как Элисабет Видье критиковала расследование, и от собственных подозрений. Возможно, Хенри Морелль потому так цеплялся все эти годы за свою должность, что хотел быть уверенным: правда о гибели Симона никогда не выйдет на свет божий.

На обратном пути Анна заметила, что дверь напротив туалета приоткрыта. В полоске света, падавшего из коридора, она заметила что-то вроде витрины с призмами, не удержалась и заглянула. Помещение оказалось довольно большим; как и в комнате отдыха, разноцветные мозаичные окна здесь помещались прямо под потолком. В комнате царил полумрак, но в свете из коридора были видны с десяток коробок для переезда, составленных одна на другую; за ними стоял письменный стол и тумбочка с проигрывателем и двойным кассетником лет тридцати, не меньше. В глубине комнаты виднелась небрежно застеленная кровать. Пахло ковровином и мужскими духами “Курос”, отчего Анна тут же оказалась мыслями на вечеринке в честь окончания средней школы. Шарящие руки, вкус жвачки “Хубба-Бубба”. “Take my breath away” на вертушке проигрывателя.

Еще не успев зажечь свет и получить подтверждение своей догадке, Анна поняла, что, во-первых, это старая детская Александера Морелля и, во-вторых, он здесь живет.

Витрина была набита медалями, дипломами и кубками, в основном за соревнования по борьбе, хотя она нашла несколько других — школьные соревнования по легкой атлетике, середины 1980-х годов. За шкафчиком висели фотографии молодых мужчин в борцовской форме и со стрижками “маллет”. Александер был на всех фотографиях, и Анна констатировала, что в юности он отлично выглядел. Почти на всех снимках он улыбался и уверенно смотрел в объектив. На всех, кроме последнего. Здесь Алекс выглядел почти отсутствующим. Анна взглянула на год. 1991. Год назад погиб Симон Видье. А через год Алекс повредит колено и не попадет на Олимпиаду.

Полку с лазерными дисками под hi-fi заполнял рок восьмидесятых. “Bon Jovi”, “Europe”, Брайан Адамс. Подальше штуки потяжелее, вроде “Iron Maiden” и “AC/DC”.

В одном углу она обнаружила застекленный фотоколлаж. Юноши и девушки в белом и в студенческих фуражках. Подпись “Выпуск-1990”, увеличенные снимки младенцев, маленькие бутылочки шампанского, цветочные венки на шее. Белозубые улыбки, сияющие глаза. Снимкам было без малого тридцать лет, но Анна почти слышала, как скандируют ребята. “Гимназия позади. Мы кру-ты!”

Одна фотография была больше остальных. На ней Александер Морелль во взятом напрокат смокинге обнимал за талию фигуристую блондинку в платье со смелым вырезом. Анна предположила, что фотография сделана на студенческом балу и что молодая блондинка — подружка Алекса. Может быть, даже мать девочек?

В правом нижнем углу коллажа помещалась групповая фотография. Пять человек — трое парней и две девушки, все в белом, в студенческих фуражках, стояли, обняв друг друга за плечи и лучась улыбками в объектив.

“Friends forever”, значилось на приклеенном комиксовом “пузыре”, такие были в ходу во времена, когда фотографии еще печатали на бумаге.

Она сразу узнала в центре снимка Алекса Морелля и его светловолосую подружку и довольно быстро поняла, что юноша рядом с ним — это Бруно Сорди. Рядом с Бруно стояла высокая кудрявая

девушка с длинным лицом. Без очков, да и вид гораздо счастливее, чем теперь, но это, несомненно, Мари Андерсон, ныне Сорди. С левого края пристроился какой-то юноша. Длинные светлые волосы спускались из-под студенческой фуражки до плеч. Бледный, кожа почти прозрачная, но глаза удивительно живые, а сам он такой счастливый. Анна сразу поняла, кто это. Симон Видье.

— А, вот ты где!

Алекс стоял в дверях, в каждой руке по бокалу. Голос, как и выражение лица, веселые, но между бровями залегла недовольная морщинка.

— Я увидела при... — Анна разогнулась, превратила заикание в паузу, — шкаф из коридора. Впечатляет!

Он расслабился, протянул ей бокал.

— Я сто раз говорил маме и папе, что надо убрать вещи и устроить тут гостевую комнату. Мама бы с удовольствием, но отец отказывается. Хочет, чтобы все было, как всегда. Машина времени прямиком в восьмидесятые.

— Ты здесь живешь? — Анна кивнула на коробки.

Алекс очень симпатично покраснел.

— В доме осталась Юссан. Мы решили, что так лучше, ради девочек. Им там хорошо — бассейн, баскетбольная площадка, все, что хочешь.

Его лицо на миг исказилось, и Анне стало ясно, что развод дался ему нелегко.

— Я строю четыре таунхауса на Смедьевонген. Один для себя, но проект идет с опозданием, так что я пока, так сказать, приземлился здесь. — Он, словно извиняясь, взмахнул рукой. Лицо у него еще немного покраснело.

— За приземление! — Анна подняла бокал. — И за восьмидесятые.

Алекс криво улыбнулся в ответ и прибавил:

— И за мамин и папин подвал.

— Я случайно увидела твои студенческие снимки, — сказала Анна, когда они опустили бокалы. — Сравни мальчика, которым ты был, с мужчиной, которым ты стал.

— Что это значит?

— Ничего особенного. Где-то вычитала.

— Ясно. — Он неуверенно улыбнулся. — А ты сама какой была в девятнадцать лет?

Анна усмехнулась.

— Невыносимой, наверное. Какими мы еще бываем в этом возрасте?

Алекс не ответил. Вместо этого спросил:

— Все сложилось, как ты себе представляла?

— Что именно?

— Жизнь, вообще все. Все сложилось так, как ты мечтала в юности?

— И да, и нет.

Эта тема немного встревожила Анну, и она указала на фотографию с бала:

— Это твоя бывшая жена?

— Нет. — Алекс покачал головой. — Это Карина Педерсен. Мы с седьмого класса были вместе. Все думали, что мы поженимся. Но любовь кончилась после... — Пауза вышла короткой, но внятной, если не говорящей, — после гимназии, — закончил он, хотя имел в виду совсем не это.

Анна сама должна была догадаться. Карина Педерсен, пятая участница той трагической вечеринки. Пятеро друзей на фотографии — те же пятеро, что и в каменоломне. Анна решила, что виновато вино.

Алекс снова улыбнулся, и она отметила, как защекотало где-то в животе. Легкая вибрация, которая устремилась вниз. Анна прогнала щекотку. Надо воспользоваться возникшим между ними притяжением, чтобы подобраться к Симону Видье. Но она упустила момент.

— Слушай, Анна, можно кое-что спросить?

— Что?

— Завтра в парке праздник. Смотр талантов, ярмарка, качели-карусели. Надувной замок, если ты такое любишь. — Алекс заразил ее своей улыбкой. — Вечером — ужин и танцы. Я подумал: не хочешь пойти со мной?

Анна готова была сказать “с удовольствием”, но вдруг вспомнила, что уже обещала пойти с Просто-Лассе. Алекс истолковал ее молчание неверно.

— Ну, если не хочешь, это не проблема... — смущенно заговорил он.

— Нет-нет, я бы с удовольствием пошла с тобой. Но я уже кое-кому пообещала. Просто. — Она сделала паузу, припоминая, как на самом деле зовут семейного юриста. — С Лассе Гуннарсоном. Агнес немного знакома с его сыном. — Последнее было не вполне верно. Анна солгала, чтобы спасти гордость Алекса. — Но мы же там увидимся?

Алекс кивнул и допил, что оставалось у него в бокале. Анна чего-то не понимала в Александре Морелле. Он флиртовал, демонстрировал чувство юмора и уверенность в себе, а в следующую секунду делался молчаливым и неуверенным. Конечно, виной мог быть развод. Мужчины переносят расставание тяжелее, чем женщины, а в сорок пять лет переезжать к маме и папе в подвал — такое вряд ли сильно поднимет самооценку. И все-таки Анне казалось, что дело не только в этом.

Анна украдкой взглянула на фотографию в углу коллажа. Пятеро юных друзей, радостные восклицания — мгновение остановилось почти тридцать лет назад.

Friends forever.

Глава 20

28 августа 1990 года

Когда Симон и Таня скрылись за гребнем, остальные так и остались стоять на пляжной тропинке. Карина посмотрела на троих друзей, получила в ответ уклончивые, почти растерянные взгляды, словно никто из троицы не верил в произошедшее. О таком можно вспоминать всю оставшуюся жизнь. У них на глазах родилась еще одна легенда, связанная с каменоломней. Как Симон Видье посреди ночи спрыгнул с самого высокого уступа.

Настоящая легенда. И все же в воздухе разливалось напряжение.

— Это ты виноват, — набросилась Карина на Алекса. Тот в ответ пожал плечами.

— Я замерзла, — проскулила Мари.

— Ну что, молодежь. — Джо выключил фонарик. — Видали?

Ему никто не ответил. Внезапно Мари развернулась, и ее вырвало прямо в черную воду.

Вскоре ребята снова поднялись на плато. Симона и Тани не было видно, но никто не прокомментировал этот факт. Бруно подбросил еще поленьев в костер, после чего все четверо заползли в палатки, чтобы снять мокрые плавки и купальники. Искры улетали к небу, где звезды уже почти скрылись за тучами. Карина переоделась первой. Она снова поставила кассету с разными песнями, нажала кнопку и села на камень у костра рядом с Джо. Кажется, музыка немного разрядила напряжение. Карина злилась на Симона, даже еще сильнее злилась. Алекс весь вечер распускал хвост перед сестрицей Джо, но это ожидаемо. А вот то, что Симон предпочел эту шалаву ей, Карине, уязвляло гораздо больше. Злоба на то, что Симон отверг ее, все росла и наконец превратилась в обжигающий ком где-то в грудной клетке.

— Сигарета есть? — спросила она Джо.

— Конечно! — Он протянул ей сигарету, зажег, прикрыв огонек ладонями. Порылся в сумке-холодильнике, открыл ей и себе по банке пива.

— Где-то учитесь? — спросила Карина. — Вы с сестрой?

— “Где-то учитесь!” — Джо фыркнул от смеха, словно эта мысль его позабавила.

— А тогда где работаете?

— Мы с Таней занимаемся, к чему душа лежит. — Джо глубоко затынулся, выдул дым через ноздри.

— Где вы живете?

— Не многовато вопросов? — усмехнулся Джо. — Уже захотела перебраться ко мне? Мы же только сегодня познакомились. — Он еще затынулся. — Мой отчим выделил мне угол. Но обычно мы ищем, где перекантоваться. Таня умеет устроить так, что нас зовут в гости. Сейчас, летом, много вечеринок.

— Твой отчим? Не Танин?

Джо, не отвечая, отпил пива и придвинулся ближе, так что их руки соприкоснулись. Карина почувствовала, как он обшаривает ее взглядом.

— Так что вы будете делать? Когда лето кончится? Ну то есть — по-настоящему.

Вопрос Карины как будто развеселил Джо.

— Все вы один к одному, — сипло рассмеялся он — Сопляки, которые уверовали в свою уникальность. Что никто никогда не чувствовал и не думал, как вы. Но вы просто статисты в шоу, посвященном вашему эгоизму. И мечты у вас детсадовские. — Огонек сигареты описал круг. — Посмотри на себя и своих приятелей. Через тридцать лет соберетесь на какую-нибудь унылую годовщину выпуска и будете разливаться, как все легко и просто было в юности. И как вам хочется, чтобы можно было начать все сначала, но на этот раз ничего не упустить.

Он в последний раз затынулся и щелчком отправил окурок в костер.

— Мы с Таней делаем именно то, что хотим. Мы, в отличие от вас, не успеем постареть настолько, чтобы пожалеть о сделанном.

Рот у Джо разъехался в широкой ухмылке, и Карина в который уже раз не смогла понять, говорит он серьезно или издевается над ней. Она склонялась ко второму. Находиться по эту сторону шутки было не так уж приятно.

Из палаток потянулись остальные. Мари, с красными глазами, решительно отказалась от предложенного Джо пива. Алекс открыл

банку, опрокинул в себя содержимое и рыгнул. Карина с отвращением повернулась к нему спиной.

У Бруно, как всегда, был растерянный вид. Он подбросил еще дров и опустился рядом с Мари, которая сидела, уткнувшись лбом в колени.

— Как ты? Хочешь чего-нибудь? Может, водички?

Мари помотала головой. Какое-то время все молчали, глядя на огонь; из бумбокса изливалась Мадонна.

— Ну что, молодежь, — сказал Джо. — Как-то быстро ваш праздник сдулся, или как вы там выражаетесь. — Он легонько пихнул Карину локтем. Ухмыльнулся и банкой пива указал на Алекса. — Посмотрите на альфа-самца. Ему всю картину мира в ключья порвали. Какой-то хилый музыкантишка скovyрнул его с трона.

— Заткнись, — буркнул Алекс, отвернулся и сплюнул в темноту.

— А несчастный влюбленный повар, какой-то всегда неуверенный. — Джо жестом указал на Бруно. — Не тревожьтесь, детишки, сейчас дядя Джо объяснит вам, что произошло. Произошло вот что: ваш друг Симон оказался выше вас на голову. И сам понял это, считай, только что. Понял, что он слишком талантлив, слишком хорош и слишком умен и для этой дыры, и для лузеров вроде вас.

Снова воцарилось молчание, неприятное гнетущее молчание, которое каким-то непонятным образом звучало громче музыки из магнитофона. Карина ощутила, как растет в груди пылающий уголь. Ей хотелось сказать Джо, чтоб заткнулся, чтобы убрал свою грязную лапу с ее поясницы. Пусть садится на свой сраный мотоцикл и уматывает ко всем чертям. И все же она промолчала. Во всей этой ситуации было что-то, что завораживало и ее, и других. Слова Джо крутились у нее в голове. Змеей из букв, из фраз, запретных, но в то же время таких правдивых.

Симон в их компании всегда был аутсайдером. Сказал бы спасибо, что они вообще все эти годы пускали его к себе, что сносили его опоздания и задротскую музыку. К тому же Карину бесило, что люди всегда говорили про этого придурка Симона Видье с нежностью в голосе, в отличие от того, как они говорили о ее семье. Как будто он какой-то такой особенный только потому, что умеет бренчать на гитаре и петь.

Мари вдруг вскочила со своего места рядом с Бруно, открыла рот и наставила палец на остальных. Взгляд ее блуждал, казалось, ей трудно сфокусироваться.

— Он насра... — заплетающимся языком начала она, — насрал на нас. — Мари пошатнулась. Она вознамерилась продолжать, но повалилась между палаток, и ее вырвало. Бруно подбежал к ней. На кассете началась новая песня — “Black Velvet”, одна из любимых песен Карины. Сама не зная почему, она поднялась, сделала погромче и начала танцевать. Закрыв глаза, она кивала в такт басам.

— “Black Velvet in that little boys smile.” — пела она, в одной руке сигарета, в другой — банка пива. Вскоре к ней присоединился Джо. Обнял ее за талию, притянул к себе, прижался промежностью. Через пару секунд Карина ощутила, как он затвердел.

Карина взглянула на Алекса, но тот злобно таращился на сортирную тропинку, словно все еще не очень понимал, почему там, внизу с Таней, не он. Джо все крепче терся о Карину, басы пульсировали почти непристойно.

Карина снова взглянула на Алекса, ей хотелось, чтобы он хоть как-то отреагировал. В глубине души она сознавала идиотизм ситуации. Она словно снова стала девятиклассницей, которая хочет вызвать ревность в своем мальчике, танцуя с другим парнем. Но сейчас ей это было необходимо, необходимо подтверждение того, что ее хотят. Необходимо чувство, которое подавило бы растущую в ней ярость.

Алекс вдруг встал, и Карине показалось, что будет драка. Что Алекс сбросит с нее руку Джо и заедет ему в челюсть. Какая-то ее часть даже пришла в возбуждение, прямо-таки обрадовалась. Но Алекс только проворчал, что ему нужно отлить, и, пошатываясь, удалился по тропинке, ведущей вниз, к шлагбауму.

Едва Алекс скрылся из виду, как Джо начал целовать ее в шею. Пару секунд Карина терпела, но потом отстранилась.

— Да ладно... — Он снова схватил ее, попытался притянуть к себе.

— Нет. Прекрати! — Карина оттолкнула Джо, но он снова прижал ее к себе и попытался поцеловать в губы.

— Хватит.

— Не надо меня динамить. Ты весь вечер мне знаки подавала.

Джо снова полез целоваться, и на этот раз она ответила, без особого желания. Попыталась угодить детской части себя, которой так хотелось быть желанной, любимой.

— Пошли в палатку, — прошептал Джо. — У меня остался еще косяк. Поделим.

Глава 21

Осень 2017 года

В субботу Анна спала долго и проснулась оттого, что Мило лаял и скреб входную дверь. Анна завернулась в старый халат, который по хорошему надо было бы выбросить во время переезда. Ткань замахрилась, вышитое на груди название гостиницы едва читалось. И все же Анна не могла заставить себя расстаться с ним. Расстаться с памятью о тех выходных — Париж, осенние листья, они с Хоканом моложе и лучше — и обо всем, что исчезло бы вместе с этим халатом. Что бледнело бы и расплывалось, как буквы на кармашке, пока не останутся разрозненные частицы того, что было.

Частички нас, прошептал Хокан, когда Анна вышла на крыльцо и вдохнула холодный осенний воздух. Мило рванул к ближайшим деревьям. Он уже еле терпел и последние метры проскакал на трех лапах. Анна рассмеялась. Пес, кажется, это заметил — пробегая через двор назад, он с обиженным видом проскользнул мимо ее ног. Анна еще несколько минут постояла на крыльце, наблюдая за протянувшимся по небу гусиным клином. Слава богу, выпотрошенные кролики на крыльце больше не появлялись. Агнес считала загадочную историю с кроликами не столько противной, сколько захватывающей — хоть какое-то облегчение. Анна глубоко вдохнула, вобрала в себя запахи, красоту, краски осени. С неба слабо доносилась гусиная перекличка. Анна старалась подавить отвращение, но ей это плохо удавалось.

Я любил тебя больше всего на свете, прошептал Хокан. *А ты — меня. Правда?*

Ночью она спала без сновидений, во всяком случае, никаких снов она не помнила. И все же в голове у нее застряла какая-то мысль, и Анна никак не могла отследить ее. Что-то, связанное с фреской и трагической смертью Симона Видье. Надо бы думать о другом, надо связаться с адвокатом. Он обещал позвонить, как только закончится следствие, но с их последнего разговора прошло уже больше недели. В понедельник, сказала себе Анна. Если никаких известий не будет, я позвоню ему в понедельник.

После завтрака она помогла Агнес погрузить фотопринадлежности в машину. Воодушевившаяся Агнес несколько раз показывала ей в телефоне спутниковые снимки.

— Смотри. Вот это черное озерцо посреди леса и есть каменоломня. Если увеличить, то и скалы немножко видно.

Они уселись в машину. Мило, как всегда, запрыгнул Агнес на колени и оскорбился, когда его согнали на пол. Он обиженно поглядывал на водительское сиденье, словно обвинял в своей ссылке Анну.

— Проедешь километра три, потом будет съезд.

Анна следовала инструкции, радуясь, что они с Агнес разговаривают, что у них какое-то общее дело. По обеим сторонам дороги убегал назад удивительный холмистый пейзаж. Лиственные деревья, маленькие пастбища, широкие ограды. Рядом с дорогой показалась маленькая лесопилка.

— Смотри! — Агнес показала на стадо оленей на лесной опушке.

Натянуло темные тучи, но тумана не было, и белые щипцы Энглаберги светились издалека. Какая-то машина вывернула от белой сторожки в самом начале аллеи. Машина оказалась пикапом Брура Клейна, и, проезжая, Агнес помахала ему.

— Далеко еще до каменоломни?

Агнес посмотрела в телефон.

— Меньше двух километров.

Для велосипеда в самый раз, отметила Анна. Она бросила взгляд на тянувшиеся по обеим сторонам дороги вспаханные поля. Попыталась представить себе, как Симон едет здесь на своем “крещенте”.

Неожиданно припустил дождь. Когда они, оставив поля позади, ехали уже среди деревьев, дождь перешел в ливень и, несмотря на кроны деревьев, почти заливал лобовое стекло. Анна включила дворники на полную, сбросила скорость — и все же чуть не пропустила неожиданно крутой поворот и не уехала прямо в лес.

— Ой, мам. Спокойнее! — Агнес схватилась за ручку над окном и раздраженно глянула на нее.

— Сорри. — Анна поехала еще медленнее. Дождевая вода лилась потоками, дворники не справлялись.

— Вон съезд! — Агнес указала на еле видную гравийку, которая начиналась прямо между двумя крутыми поворотами.

Анна поехала медленнее, потом остановилась, дважды удостоверилась, что навстречу никто не едет, и свернула налево. Точнее, как выяснилось, вверх: дорога довольно скоро начала взбираться по склону. Поверхность была неровной, Анне приходилось петлять между больших выбоин. Лиственный лес становился все жиже, а после перевала и вовсе превратился в широкую просеку. Когда они выбрались из леса, дождь напустился на них в полную силу, забарабанил по окнам и жестяной крыше. Машина еле ползла.

— Вон! Вон там дорога! — Агнес подалась к лобовому стеклу, чтобы лучше видеть. Анна осторожно ввела машину в крутой поворот, но все равно угодила колесом в выбоину, отчего в салоне гроыхнуло. Они попали на узкий волок — двухколесная колея, посередине зеленая полоска травы, такой высокой, что она время от времени скребла по днищу машины.

— Стоп! — взвыла Агнес, но Анна уже заметила перегородивший дорогу шлагбаум из толстой оцинкованной стали, с желтой предупреждающей табличкой посередине. Текста когда-то было больше, но непогода и ветер стерли все, кроме двух больших слов посередине.

ОПАСНЫЙ УЧАСТОК!

Они несколько минут посидели в машине, пережидая дождь. Агнес отложила телефон, Мило смирно сидел у нее на коленях. Просека за шлагбаумом, метров через двадцать, переходила в густой ельник, который, казалось, поглощал и свет, и узкий волок.

Мило заворчал, уперся лапами в приборную доску и прижался носом к лобовому стеклу, словно что-то заметил. Грохот дождя ослабевал и наконец совсем прекратился.

— Ну, пойдём? — спросила Анна. Агнес в ответ сосредоточенно кивнула.

Дорога за шлагбаумом шла немного под уклон; метров через двести они оказались в густом высоком ельнике. Пахло здесь иначе, чем в лиственном лесу. Мрачный дух гниения в сочетании с тусклым светом производил гнетущее впечатление.

Примерно через километр лес расступился, открыв полузаросшую разворотную площадку. Землю здесь густо засыпали щебенкой —

видимо, чтобы не дать лесу поглотить расчищенное место полностью. Поодаль, за деревьями, угадывалось водное зеркало, но берег почти весь зарос, и получить общее представление о нем было трудно. Там и сям между травой, корнями и упавшими ветками собирались дождевые лужи, по которым бегали водомерки. Пока Агнес фотографировала их, Анна размышляла.

Она знала, что плато, на котором устроили лагерь пятеро друзей, располагалось слева и выше самой каменоломни. После недолгих поисков Анна нашла старую тропинку. Она позвала Агнес и Мило, несколько минут они сражались с колючими кустами, порослью и все более крутым подъемом и наконец вышли на плато в левой части каменоломни. Должно быть, именно здесь и стояли палатки. Перед Анной открылся красивый и хорошо знакомый вид. Лиственные деревья на берегу были выше, а трава гуще, чем на фреске, но черная вода и острые скалы не позволяли ошибиться. Анну поразило, каким тонким художником был, должно быть, Карл-Ю. Не только потому, что он схватил все детали и сумел передать поразительные оптические фокусы водной поверхности. Он воссоздал настроение, повисшее над озерцом. Печаль, которую подчеркивали оранжевые листья и черная вода. Кажется, Агнес тоже уловила ее.

Они молча постояли у края плато, глядя на воду. Анне представлялись очертания тела прямо под темной поверхностью. В душу закралось новое чувство — Анна не понимала, откуда оно взялось. Как будто там, наверху, произошел не просто несчастный случай. Там было еще что-то трагическое и в то же время отвратительное, о чем умалчивали семь пожелтевших документов из старой архивной папки.

Когда они вернулись в Табор, их ждал какой-то фургон. Задние дверцы были открыты, из грузового отделения спускался небольшой пандус. Разговорчивый продавец из велосипедного магазина с величайшим тщанием выводил из машины “веспу” Агнес, но остановился, когда Мило залаял на него.

— Вот и вы, — сказал продавец, когда они подошли. — Я уж начал думать, не случилось ли чего. Мы же на сегодня договаривались с доставкой? Во всяком случае, у меня в ежедневнике так записано.

Он достал из кармана комбинезона пакетик снюса и сунул под верхнюю губу, кончиком языка пристроил на место.

— Извините, это я виновата, — сказала Анна. — Я вообще забыла, что вы сегодня приедете. Огромное спасибо, что привезли в субботу. Хотите кофе?

— Вот спасибо!

Анна включила кофеварку, а Двухколесный Йоран тем временем показывал Агнес, как тронуть “веспе” с места, как остановить, какие кнопки для чего. Когда кофе был готов, они уже управились. Агнес надела шлем и покатила по гравийной дорожке, Мило помчался следом, а Анна позвала говорливого продавца на кухню.

— Вот, значит, тут как? — Он с любопытством огляделся. — Никогда не бывал в Таборе. Видел только со стороны, да и то лет двадцать пять-тридцать назад. Я заметил — горушку убрали.

Анна наморщила лоб, пытаясь сообразить, что он имеет в виду. Безуспешно.

— Карл-Юхан устроил в торце горушку, — пояснил продавец. — Синюю, жестяную. — Он сделал скользящее движение рукой, и Анна, еще немного подумав, сообразила, что он имеет в виду детскую горку.

— Все думали — это он для мальчишки, но Карл-Юхан сам по ней съезжал. Говорил: “Скучно спускаться по лестнице”. Карл-Юхан смотрел на мир по-своему.

Продавец усмехнулся и продолжил рассматривать кухню.

— Как он вообще сюда попал? — спросила Анна, наливая ему кофе. Сочетание “наливать кофе и задавать вопросы” не подвело.

— Карл-Юхан познакомился с Элисабет, когда она училась в Лунде. — Продавец подался вперед и понизил голос. — Элисабет вскоре забеременела, так что со свадьбой пришлось поторапливаться. А там и старый Видье отбросил коньки. Кое-кто говорил, что его из-за потрясения удар хватил. — Двухколесный Йоран ухмыльнулся, и из-под губы выглянул табак.

— Элисабет бросила университет и вернулась домой, в Энглабергу, чтобы помогать матери с усадьбой. Карл-Юхан приехал с ней и водворился здесь. Дело было в семидесятые — зеленая волна, все такое. Сколько же горожан тогда вбило себе в головы, что они должны изменить свою жизнь и заделаться фермерами. За несколько недель научиться тому, чему учатся поколениями.

Он снова усмехнулся, незаметно выбросил табачную жвачку и отхлебнул кофе.

— Значит, из Карла-Юхана фермер был так себе?

— Да уж. Идей море, и одна глупее другой. То пытался выращивать виноград. То держал лам в загоне за домом. Представляете? Ламы. В Сконе. Да нафига они ему? Соревнования по плевкам устраивать?

От собственной шутки продавец поперхнулся кофе.

— Вообще-то удивительно, что Элисабет так долго разрешала ему развлекаться, — сказал он, прокашлявшись. — Через несколько лет банк пригрозил забрать Энглабергу. Так что Элисабет устроила в Таборе ателье для Карла-Юхана и дала ему возможность снова начать рисовать. Неглупо, и не только потому, что картины теперь стоят целое состояние. Еще и потому, что сегодня Элисабет Видье, спасибо Клейну, одна из самых крупных землевладеллиц здесь, на гряде. Клейн так заботился об Энглаберге все эти годы, как будто это место — его собственное.

Йоран, похоже, закончил рассказ. Чтобы побудить его продолжать, Анна достала печенье.

— А вам самому каким казался Карл-Юхан? — спросила она, когда гость проглотил первое печенье с малиновым джемом.

— Ну, я время от времени натыкался на него. Так, болтали о том о сем, не больше. Он редко спускался с холмов. Общался в основном с Элисабет и Клейном. Особенно после того, как парень, ну, вы понимаете... — Потянувшись за очередным печеньем, он скорчил печальную рожу. — Жуткая история, для всех, кто в ней оказался замешан. — Он замолчал, откусил печенье.

Анна вызвала в памяти пятерых друзей с групповой фотографии. Радостные вопли в камеру. Друзья навеки. А потом — чувство, которое она испытала совсем недавно, на каменоломне.

— Симон был хороший парень, — продолжал продавец. — Пел и играл в церкви на похоронах моей матери. Даже мне пришлось носовой платок достать. — Он снова улыбнулся, на этот раз Анна испытала к нему больше симпатии. — Я помогал ему доставать яичные лотки. У меня шурин работает на птицефабрике. Можно еще?

Анна налила ему еще чашку “смазочного материала”, одновременно ввернув вопрос, который заставил бы Йорана

продолжать.

— Яичные лотки?

Йоран кивнул.

— Для шумоизоляции. Симон устроил в Энглаберге музыкальный зал на втором этаже гаража. Ну, или студию. Я притащил туда двести яичных лотков всего за пару месяцев до несчастья. Там все очень здорово было устроено — магнитофон, микрофоны и всякие штуки, на которые он накопил. Тысячи крон пошли коту под хвост.

— В каком смысле?

— Все сгорело в пожаре.

Анна подняла бровь.

— Гараж в Энглаберге сгорел дотла, — пояснил Йоран. — На следующую же ночь после того, как Симон убился. Парень наподключал усилителей и еще кучу всего, вот электросеть и не выдержала. Во всяком случае, так сказал начальник пожарной команды. — Йоран еле заметно покачал головой, но Анна наметанным глазом заметила это почти неуловимое движение.

— Но вы так не думаете?

Она, похоже, застала Йорана врасплох, словно прочитав его мысли, хотя на самом деле просто правильно интерпретировала его жесты.

— Да черт его знает, — проворчал Йоран и забросил в себя печенье. — Но кое-кто говорит, что пожар устроили, чтобы заткнуть рот Элисабет.

Любопытно. Информация была совершенно новой и, вероятно, важной, но Анна давно научилась скрывать свой интерес от собеседника.

— А многие сомневались в выводах полицейского расследования? Что гибель Симона — несчастный случай?

Продавец пожал плечами.

— Ну, большинство вообще воздерживалось от суждений. Почти каждый знает лично кого-то, кто имел отношение к тому случаю. Алекс, Бруно и Мари так и живут здесь, а Хенри Морелль и Бенгт Андерсон — все еще большие люди.

— Но вы их не боитесь?

— Я, наверное, слишком глуп, чтобы бояться. — Продавец снова широко улыбнулся. — Или же уверен, что мне ничего не грозит,

потому что мой бизнес привлекает сюда людей со всего севера Сконе. Содействую, так сказать, тому, чтобы Неданос появился на карте. А уж Бенгт Андерсон так печется о доброй славе нашей коммуны. Прямо заикнулся, если хотите знать мое мнение.

Анна еще постояла на лестнице, глядя, как фургон исчезает в лесу. Одновременно она пыталась соединить новые элементы головоломки с теми, что у нее уже имелись. Хенри Морелль никогда не упоминал ни о каком сгоревшем в Энглаберге гараже, хотя пожар, кажется, имел самое прямое отношение к смерти Симона. Почему он умолчал о пожаре? И почему то событие все еще тревожит местных жителей? Ведь двадцать семь лет прошло. И, может быть, еще более важный вопрос: почему ее саму все это так интересует? Сначала Анна видела в истории Симона способ сблизиться с Агнес, чтобы вместе разобраться в удивительной фреске и ее истории. Но хотя теперь она знала всю историю и к тому же у нее имелись собственные проблемы, Анна не могла удержаться и не раскапывать этот случай дальше. Фреска и визит на каменоломню задели в ней какую-то струну. Эта история будоражила воображение, хотя Анна не смогла бы толком объяснить, чем и почему.

Глава 22

28 августа 1990 года

Алекс спустился к разворотному кругу. Пьяный и под кайфом, он споткнулся уже в самом низу склона и растянулся во весь рост. От острой боли в колене перехватило дыхание. Он быстро поднялся, счистил грязь и осторожно попробовал согнуть и разогнуть колено. Боль понемногу проходила. Он выдохнул и оглянулся через плечо: не видел ли кто-нибудь его позора. Этим вечером все шло вкривь и вкось. И он не понимал почему. Карина разглагольствовала, что уедет без него. Бруно в основном топтался на одном месте, Мари напилась до рвоты. А все этот чертов Джо и его красотка-сестра, на которую он, Алекс, по какой-то непостижимой причине не произвел ни малейшего впечатления. И Симон, который вдруг стал, мать его так, героем вечера. Алекс, хромя, зашел за деревья и наощупь расстегнул штаны.

На него накатило воспоминание: вечер, когда они праздновали окончание гимназии. Алекс тогда вдруг непонятно с чего безутешно рыдал, запершись в туалете, чтобы никто ничего не заметил. Тогда, летом, он решил, что перепил шампанского и по пьяни расчувствовался. Но с тех пор подобное случалось дважды, и сегодня вечером это чувство снова вернулось, вдвое сильнее. Чувство, что все вот-вот выскользнет у него из рук. Веки обожгло: слезы. Дальше, он уже знал, он начнет шмыгать носом, еще потом задыхаться от всхлипов. Нельзя этого допустить. Только не сегодня.

Он помочился высокой дугой в кусты, крепко зажмурившись. Это странным образом помогло.

Он Алекс Морелль, звезда спорта и будущий олимпийский призер, и никто его не растопчет. Ни сраный Джо со своей змеиной улыбочкой и липкими руками, ни его стерва-сестра, которая не знает, как выбирают победителей. Вообще никто. Джо откатил свой мотоцикл с “пляжа” и поставил его рядом с велосипедом Симона. Алекс ненадолго прервался, сделал пару шагов и направил внушительную струю сначала на бак, а потом на руль черного мотоцикла.

“Ну ты у меня получишь, говнюк”, — удовлетворенно подумал Алекс; последние капли он направил на велосипед Симона.

Вдруг с плато послышались возбужденные голоса. Алекс засунул член в штаны, застегнулся. Голоса становились все громче. Кто-то выкрикнул его имя. Алекс захромал вверх по тропинке, сжимая кулаки. С каждым шагом только что испытанное им бессилие уходило. Шаг за шагом, сантиметр за сантиметром, и вот уже осталась только раскаленная добела ярость.

Глава 23

Осень 2017 года

“Пассат” Просто-Лассе въехал на площадку ровно в три — настолько ровно, что Анна заподозрила, что он ждал нужного времени где-нибудь за поворотом. Эрик выпрыгнул из машины и галантно распахнул заднюю дверцу перед Агнес. Анна устроилась на переднем сиденье.

Просто-Лассе не утратил своей обычной привлекательности. Приятный внешний вид, хорошая работа и сын, который явно нашел общий язык с Агнес. И все же через некоторое время Анна обнаружила, что думает об Александре Морелле и о том, что рассказал Двухколесный Йоран. Перед глазами снова встала групповая фотография. Симон Видье, Алекс Морелль, Мари Андерсон, Бруно Сорди и эта Карина Педерсен, белокурая и излишне миленькая подружка Алекса, на которой он не женился. Почему, интересно? Анна даже немного обрадовалась, что было, мягко говоря, странно. Карина Педерсен — единственная из четверки друзей, с кем Анна еще не познакомилась лично. Ну и неважно. Она же не расследование ведет.

Ну конечно, усмехнулся — довольно иронично — Хокан ей в ухо. Его мы тоже повесим на Деда Мороза?

Анна не стала отвечать. Отчасти потому, что Хокан был прав, отчасти потому, что он только пустился бы разглагольствовать в ответ. Но в основном потому, что Хокан умер.

Спускаясь по склону, они проехали знаменитые четыре крутых поворота — теперь Анна чувствовала себя спокойнее. На третьем они встретили тот самый белый пикап “Glarea”, с которым она чуть не столкнулась на днях. Как и в тот раз, водитель круто повернул, и Просто-Лассе пришлось немного съехать с дороги на гравий. Анна услышала, как он выругался сквозь зубы.

— Со мной то же самое на днях было, только я ехала в другую сторону. Рулит, как псих, — сказала она.

— Ага. — Просто-Лассе помолчал. — Кстати, на днях — это когда?

— В среду вечером, — припомнила Анна.

— И вы уверены, что это была та же машина?

— Номера я не успела заметить, но на крыше тоже было такое, вроде крана. А что?

— Да, в общем, ничего.

Они помолчали. Почему Просто-Лассе соврал? Эта машина, ее присутствие на дороге что-то значит для него. Что-то важное.

— Это бур, — сказал Просто-Лассе. — Та штука на крыше. “Glarea” он нужен, чтобы брать пробы грунта.

— Да, они ищут новое месторождение, взамен тому, что внизу. — Анна решила показать, что она уже в курсе местных проблем.

Просто-Лассе промолчал. На лбу у него залегла тревожная морщинка, которой Анна раньше не видела. И хотя он сменил тему и следующие десять минут беззаботно болтал ни о чем, морщинка оставалась на месте всю дорогу до самой стоянки перед парком.

Увеселения здесь были именно того провинциального пошиба, как описывал Алекс Морелль. Передвижной луна-парк с тиром, дартсом и тремя разными аттракционами, которые, вместе взятые, выглядели более или менее опасными для жизни. Спортивный союз Неданоса организовал и лотерею, и уличные лотки с кофе и сосисками. Обещанный батут раскинулся в свободном торце, на большой, посыпанной гравием площадке. Еще здесь имелась летняя сцена, крытая танцплощадка и ресторанчик. На сцене ансамбль аккордеонистов играл бодрую мелодию; между аттракционами тяжело висели запахи сладкой ваты, попкорна и жаренных в масле пончиков. Народу было полно — наверное, человек с тысячу.

Эрик и Агнес быстро исчезли в толпе, оставив Анну один на один с Просто-Лассе. Анна кивнула двум сержантам в полицейской форме, похвалив себя за то, что помнит, как их зовут.

Аккордеонисты доиграли, и голос из громкоговорителя объяснил, что они — последние участники программы “Мы ищем таланты”. Три человека, по всей вероятности, судьи, начали в углу сцены нечто похожее на совещание. Первый судья — Бенгт Андерсон, второй — его дочь Мари. А вот третья судья выделялась на общем фоне. На расстоянии она выглядела как дама из Голливуда: накладные локоны, пухлые губы, сапоги на высоких каблуках. Искусственный мех. Абсолютно не на своем месте — и здесь, на сцене, и вообще в Неданосе.

— Кто это? — спросила Анна у Просто-Лассе, не разобрав имени.

— Кайя Бьянка? Я думал, ты ее знаешь.

Анна помотала головой и тут же поняла: это женщина, чью фотографию показывала ей Агнес.

— Кайя участвовала в самых первых реалити-шоу в начале девяностых. Турне по барам, полуобнаженные фото для обложки — все как всегда. Потом она вышла замуж за какого-то финансиста и на деньги, которые унаследовала после него, создала собственную марку декоративной косметики. Сейчас она снова замужем, за королем автопрома из южной Швеции, часто появляется в иллюстрированных вкладках в газетах. — Он вопросительно поднял бровь.

— Единственная знаменитость Неданоса, — заметила Анна, мысленно поблагодарив Агнес, источник информации.

— Именно, — кивнул Просто-Лассе. — Кайя почти никогда не появляется на таких мероприятиях, так что ее согласие — приятная неожиданность.

Анна промычала что-то в ответ и принялась изучать женщину на сцене. Через некоторое время она несколько изменила мнение. Светловолосая женщина, безусловно, выглядела как блондинка из пивной, но держалась, несмотря на концерт самодеятельности, уверенно и гордо. В конце именно она взяла микрофон и назвала трех девочек, победивших в смотре талантов, а потом еще и довольно профессионально провела интервью с победительницами, не оттягивая внимание на себя. Анне понадобилось несколько минут, чтобы понять: одна из этой троицы — младшая дочка Алекса Морелля. Она подтащила Просто-Лассе поближе к сцене и обнаружила, что Алекс стоит в первых рядах, высоко подняв телефон с камерой. Рядом с ним стоял Бруно Сорди. Случайно она поймала выражение лица Алекса. Гордость, конечно, а еще что-то, слабо напоминавшее выражение его лица на фотоколлаже.

— Кайя Бьянка — это же псевдоним. — Анна повернулась к Просто-Лассе. — Как ее раньше звали?

— Карина, Карина Педерсен.

Последний элемент головоломки встал на место. Кайя Бьянка — это Карина Педерсен, бывшая подружка Алекса Морелля, с которой он бегал на танцы, последняя из четверки на групповой фотографии из подвала. Анна мысленно повторила имена, прошлась по снимку справа

налево, одновременно наблюдая за теми же людьми, но почти на тридцать лет старше. Мари Андерсон, ныне Сорди, на сцене, рядом с отцом. Бруно Сорди, ее муж, ждет внизу. Карина Педерсен, она же Кайя Бьянка, машет публике и благодарит за аплодисменты, и совсем рядом со сценой — Алекс Морелль, который не может ни глаз от нее отвести, ни выпустить из объектива камеры. Все старые друзья собрались у Анны перед глазами. Все, кроме Симона Видье.

Глава 24

28 августа 1990 года

Симон и Таня медленно, держась за руки, возвращались на плато. Примерно на полпути до них донеслись взбудораженные голоса.

— Ах ты сволочь! — кричала Мари. Симон ускорил шаг, таща Таню за собой.

Карина и Мари, обнявшись, стояли у костра; Бруно и Джо, казалось, затеяли соревнование по тычкам, а потом они вдруг покатались по земле. Похоже, Бруно одолевал, но Джо ткнул ему пальцами в глаза и, воспользовавшись замешательством, схватил за горло. Бруно ловил ртом воздух, лицо стремительно бледнело.

— Алекс! — почти в один голос кричали Мари и Карина. — Алекс!

Бруно вцепился в руки, сдавившие ему горло. Джо, не ослабляя хватки, навалился на него.

По склону с шорохом скатились камешки, и в круг влетел Алекс. Он оторвал руку Джо от шеи Бруно, вывернул ему запястье и рванул назад, дав Бруно время выползти из-под врага. Джо свободной рукой захватил горсть камешков и швырнул Алексу в лицо. Воспользовался минутным преимуществом, поднялся на ноги и нацелился пнуть Алекса, но силы не достало, и Алекс просто отскочил в сторону. Схватив Джо за плечо и шею, он выставил вперед ногу и ловким движением бросил его через бедро. Джо тяжело приземлился на спину. Он громко застонал, задохнулся, и тело его обмякло. Таня ахнула, попыталась вырваться, но Симон не пускал ее.

— Он хотел изнасиловать Карину! — крикнул Бруно, указывая на Джо. — Если бы мы с Мари не появились...

Джо сделал попытку протестовать, но из горла у него вырвался только кашель.

— Сволочь, — прошипел Алекс сквозь зубы, шагнул вперед и пнул Джо в бок. На левом виске налилась и билась крупная жилка.

— Хватит! — Таня вырвалась, бросилась в полукруг и упала на колени над Джо. Алекс остановился, уверенности у него поубавилось.

— Сгинь, шалава, — шикнула Мари. — Займись им, Алекс. Плевать на нее.

Симон неохотно протолкался в круг и встал рядом с Таней.

— Так что случилось-то? — спросил он.

— Этот гад хотел изнасиловать Карину, — повторил Бруно.

— Брехня. — Джо, корчась, поднялся, оттолкнул Танину руку. Лицо в полосах грязи и слез. Из яркокрасной ссадины на щеке сочилась кровь. — Она сама захотела. — Он кашлянул, судорожно вдохнул. — Ну давай, скажи...

Он указал на Карину, которая спрятала лицо у Мари на плече.

— Гадина! — Алекс сжал кулаки и шагнул к Джо и Тане.

— Погодите! — Симон встал между ними. — Кто-нибудь может сказать точно, что произошло?

Мари зло глянула на него.

— Я была в кустах, меня рвало. Когда мы с Бруно вернулись на плато, мы слышали какие-то звуки из палатки, а потом Карина вдруг начала кричать.

Симон повернулся к Джо, который стоял, упершись руками в колени; Таня положила руки ему на плечи.

— А твоя версия?

— Она попросила еще травы. — Джо сплюнул. — У меня оставалось полкосяка, и мы вытянули его на двоих у нее в палатке. Начали обжиматься, а потом слышали, что кто-то идет. И тут она вдруг подняла крик. — Он покачал головой.

Карина по-прежнему молчала, уткнувшись головой Мари в плечо. Симон посмотрел на нее, потом на Джо и, наконец, на Таню. Магнитофон, который все это время не прекращал звучать, переключился на “Роксетт”. Бодрая музыка и высокие голоса придавали ситуации оттенок абсурда.

— Слушайте, — медленно начал Симон, — Мы все пьяны, устали.

— Ты что думаешь, она врет? — выпалила Мари.

Симон вскинул руки.

— Я просто хочу сказать, что под кайфом легко принять одно за другое. — Он бросил взгляд на Таню. — Джо и Таня сейчас уедут. Но сначала он попросит прощения, да?

Таня кивнула.

— Если Джо сказал или сделал что-то недопустимое, он просит прощения. Ты просишь прощения? — спросила она Джо.

Джо, стараясь не смотреть ей в глаза, выпрямился и стряхнул с себя камешки.

— Конечно, да! — сказала Таня, на этот раз резче.

Джо поднял голову и сжал губы. С усилием скорчил покаянную гримасу.

— Извините. Мне жаль. — Он сделал два шага к костру, рванул к себе кожаную куртку. — Мне жаль, что вы — кучка сопляков-недорослей.

Джо влез в куртку и решительно зашагал по тропинке вниз, к разворотному кругу. Таня еще какое-то время постояла на месте.

— Я правда прошу прощения, — сказала она Мари и Карине, но они даже не взглянули в ее сторону. Таня пошла было по направлению к тропинке, но обернулась и взглянула на Симона. — Сорри.

Пока Таня медленно спускалась по тропинке, он так и стоял в полукруге, но потом что-то вспомнил. Нырнул в палатку и отыскал кассету в кармане гитарного чехла. Догнал Таню на тропинке и отдал кассету ей.

— Вот. Ты сказала: тебе понравилась эта песня.

Таня посмотрела на кассету, прочитала вслух: “Property of Simon Vidje^[24]”. Сунула кассету себе в карман. Сказала спасибо, встала на цыпочки и поцеловала его в губы.

— Ты станешь звездой, Симон. — Она повернулась и стала быстро спускаться к разворотному кругу.

Внизу Джо уже высек искру, и мотоцикл взревел.

Таня едва успела перекинуть ногу через седло, как Джо рывком тронул мотоцикл с места по лесной дороге. Последним, что они увидели, была вытянутая над головой рука Джо с торчащим вверх средним пальцем.

Симон вернулся на плато. Бумбокс с “Роксетт” начал хрипеть — батарейки садились. По брезенту палаток застучал дождь. Сначала упало несколько капель, потом все чаще, гуще. Холодный дождь. Совсем не такой, как летние дожди, он вскоре потушил догоравший костер. Остальные стояли полукругом на краю лба и поджидали Симона. Капли осеннего дождя падали все чаще, превращая мир в острые штрихи.

— Ну, — Симон легонько пожал плечами, — на сегодня, наверное, все? Что скажете?

Карина высвободилась из объятий Мари и подошла к Симону.

— Предатель! — выпалила она. Лицо пылало от злости, под глазами чернела размазанная тушь.

— Почему?

Не отвечая, Карина дала ему пощечину. От боли и неожиданности Симон взялся за щеку.

— Но я только хотел... — Он искал слова, но не нашел подходящего продолжения. По брезенту застучало громче.

— Как ты мог? — выкрикнула Мари и встала рядом с Кариной. — Как ты мог защищать такого типа? Насильника?

— Но я... — Симон поднял руки.

— Ты с ней трахался? — Карина шагнула вперед. — Ну конечно, да. — Она повернулась к Алексу и Бруно. — Симон трахался с этой шалавой, пока ее братец пытался меня изнасиловать. Поэтому и дал им смывать. — Карина уже почти кричала.

— Сволочь, предатель, — зарычал Бруно и тоже шагнул вперед. — Решил, что лучше нас, да? Всыпать бы тебе как следует.

— Давайте все немного успокоимся. — Симон так и стоял с поднятыми руками; он сам слышал страх в своем голосе. Бумбокс внезапно замолчал. Дождь припустил еще сильнее. По палаткам уже не стучало — гремело.

Глава 25

Осень 2017 года

Ресторан оказался просторнее, чем выглядел снаружи; в нем царил поблекшая атмосфера былых времен. Под высоким потолком нашлось место для балкона в форме подковы, который начинался у короткой стены и тянулся вдоль длинной почти до самой сцены, где джазовое трио играло что-то жизнерадостное. За семьдесят лет праздников сигаретный дым вьелся в стены, смешался с кухонным чадом из буфета и парфюмом гостей.

Просто-Лассе купил Анне и Агнес приглашения на ужин и отказался взять с них деньги. Эрику и Агнес, похоже, было неплохо вместе — они что-то оживленно обсуждали, набирая еду у шведского стола. Маленькие таблички сообщали, где какое блюдо, и так как у половины, а то и больше, блюд были итальянские названия, Анна заключила, что они происходят из семейного ресторана Сорди. Ее подозрения подтвердились, когда она увидела Бруно Сорди, который нервно отдавал распоряжения официантам.

Алекс Морелль и две его дочери сидели на почетном месте, рядом с ними родители, Бенгт Андерсон и супруги Сорди. В какой-то момент Алекс и Анна встретились глазами. Анна уже готова была помахать ему, но ограничилась улыбкой и кивком.

После главного блюда Агнес и Эрик куда-то убежали. Анна решила воспользоваться случаем и поговорить с Просто-Лассе начистоту.

— Элисабет Видье...

— Да?.. — Он подождал продолжения, чтобы понять, куда она клонит.

— Почему она вдруг взяла да и сдала Табор? Он же пустовал годами.

— Я уже говорил. Она решила, что сейчас самое время пустить недвижимость в дело.

— Но почему именно сейчас? Почему — именно нам?

— А почему нет? — Просто-Лассе выдал улыбку “славный малый”, которая наверняка подействовала бы на кого угодно. Но не на

Анну.

— Ответьте, пожалуйста. Зачем понадобилось так быстро отремонтировать Табор и почему его сдали именно нам?

Просто-Лассе посерьезнел.

— Элисабет позвонила мне где-то с месяц назад, примерно в то время, когда стало известно, что вы займете должность. Попросила меня связаться с вами и рассказать о Таборе.

— И вы не спросили почему?

Просто-Лассе покачал головой.

— Я уже давно имею дело с Элисабет и знаю: спрашивать бесполезно.

— Но какие-то подозрения у вас появились? Насчет того, почему Элисабет Видье так хотела, чтобы я поселилась в Таборе. Из-за Симона, да?

— Элисабет Видье — моя клиентка, — сказал Просто-Лассе после короткого молчания. — Вряд ли я должен объяснять вам, что такое профессиональная тайна...

— Ладно. — Анна поняла, что дальше не продвинется. — А если я спрошу так: почему она попросила вас заняться сдачей дома? Обычно в таких случаях обращаются к риелтору.

Просто-Лассе, казалось, обдумывал, как лучше ответить

— У Элисабет Видье есть несколько доверенных лиц. Я — один из таких людей.

— Вы, Брур Клейн — а кто еще?

Просто-Лассе пожал плечами и откинулся на спинку стула; вид у него был немного обиженный.

— Я думал, мы пришли сюда отдохнуть, а не чтобы вы меня допрашивали насчет моих клиентов. Можно же поговорить о чем-нибудь другом. — У него на лице расцвела приветливая улыбка. — Например, о вас, Анна. Почему вы оставили Стокгольм ради этой дыры? От чего пытаетесь скрыться?

Попадание в десятку.

— Мы сд-д... — Во фразу прорвалось мучительное заикание, и Анна сжала губы, чтобы не пустить его дальше. Задержала дыхание, перемещая воздушную пробку из горла ниже, глубоко в живот. Неужели Просто-Лассе что-то знает? Если да, то с кем он говорил? А вдруг он вообще знаком с ее адвокатом?

— Ладно, признаюсь как на духу... — Она медленно завела руки за голову. — Мы с Агнес в бегах. На самом деле мы сестры, нас разыскивают за ограбление банка.

Алекс Морелль понял бы шутку сразу, но Просто-Лассе лишь через несколько секунд сообразил, где тут надо смеяться.

— Ха, я так и знал, что с вами дело нечисто. На самом деле вы Сельма и Луиза. — Он запрокинул голову и расхохотался.

Тельма, прошептал Хокан. Но смотри не исправляй его. Nobody likes a smartass!^[25]

— Мне нравится ваше чувство юмора, — сказал Просто-Лассе. — Может, еще вина? Сидите, я принесу. И постарайтесь никого не ограбить, пока меня нет.

Анна растянула губы в улыбке. Дождалась, пока он повернется к ней спиной, и лишь тогда позволила себе выдохнуть.

За кофе Бенгт Андерсон произнес речь. Когда высокий харизматичный мужчина поднялся на возвышение, зал быстро затих, хотя гости уже подвыпили. Андерсон говорил о том, как Неданос прошел путь от маленького промышленного района до того, что Бенгт не меньше трех раз назвал “местом динамичных встреч”. Анна предположила, что с этой броской фразой муниципальному совету помогло какое-нибудь рекламное бюро. За спиной у Бенгта сменялись слайды, изображавшие прошлое и настоящее и демонстрировавшие прогресс, которого достигла коммуна.

— Разве речь должна была произносить не Мари? — прошептала Анна Просто-Лассе, перегнувшись через стол.

— Мари, но муниципалитету есть за что поблагодарить Бенгта Андерсона. Неданос долго был никому не интересен, а сейчас сюда едут новые люди. Число жителей с каждым годом растет, цены на недвижимость — тоже. Так что Мари позволила папуле постоять пару секунд в свете рамп. Умно, если хотите знать мое мнение.

Анна припомнила, о чем они разговаривали за коктейлем у Морелля.

— Мари рассказывала, что заседала в риксдаге?

— Да, но всего половину срока полномочий. — По голосу Просто-Лассе Анна поняла: ему есть что рассказать.

— Почему?

— Слишком сложно совместить семейную жизнь и собственный бизнес с работой в Стокгольме — во всяком случае, такова официальная версия. Насколько я понял, Мари выгорела на работе. Ей пришлось много времени провести на больничном.

— Печально. — Анна вспомнила, какое недовольное выражение лица стало у Бенгта, когда речь зашла о риксдаге. Эта рана в отношениях между отцом и дочерью явно еще не зарубцевалась. Но сегодня она никак не проявилась.

В конце речи Бенгт вызвал дочь на сцену, и они с Мари вместе объявили хорошие новости: поезд и логистический центр.

— Разве Бенгт не имеет отношения к политической жизни муниципалитета? — спросила Анна во время аплодисментов.

— Официально — не имеет. — Просто-Лассе дождался, когда восторги немного стихнут, и продолжил: — Но Бенгт — председатель правления “Glarea”, а это означает, что он держит руку на пульсе.

— Тогда выходит, это он решает вопрос с закрытием карьера, — сказала Анна. — Чтобы положить конец грохоту и воню в поселке.

— Верно, — протянул Просто-Лассе. Морщинка вернулась, и когда Мари и Бенгт спускались со сцены, он поднялся. — Прошу прощения, я сейчас вернусь.

Анна воспользовалась его уходом, чтобы понаблюдать за Алексом, который не остался сидеть за почетным столом. Спустя какое-то время она обнаружила его в углу беседующим с кругленькой женщиной лет на пять моложе его. Разговор, кажется, шел на повышенных тонах; когда к ним подошла одна из девочек, женщина обняла ее. Наверное, бывшая жена Алекса.

Один из официантов осторожно тронул ее за плечо, прервав наружное наблюдение.

— Прошу прощения. Нам надо отодвинуть столы, чтобы освободить место для танцев.

Анна встала, подхватила сумочку и двинулась к дверям. Алекс вернулся на свое место. Анна увидела, как он пьет из бокала; Бруно что-то говорил ему на ухо, положив руку на плечо. Анна подумала, не составить ли им компанию, но решила не вмешиваться и пошла к туалетам. Примерно на полпути ей встретилась компания пьяных в стельку женщин в несколько тесноватых платьях; Анна резко свернула вправо. Она оказалась за деревянными колоннами, которые тянулись

вдоль стены фойе, и чуть не врезалась в спину двум мужчинам, увлеченным беседой.

— Ты обещал не брать пробы на холмах. — Голос Просто-Лассе. — Есть ли разрешение, нет ли — Элисабет не согласится, чтобы в Энглаберге был карьер, ты это знаешь не хуже меня.

Анна встала, частично скрытая за колонной. Мужчины, кажется, ее не заметили.

— Успокойся, Лассе, — сказал второй, оказавшийся Бенгтом Андерсоном. — Ты хороший парень. Лояльный и аккуратный — совсем как твой отец. Элисабет есть за что вас благодарить. Мы оба знаем, что она не очень здорова. Прости, конечно, но если Элисабет нас покинет, то не помешает подготовиться заранее. Мы ведь не хотим, чтобы “Сюдстен”, “Сверок” или еще какая-нибудь компания явились сюда и присвоили богатство коммуны, верно?

Просто-Лассе повернулся, и Анна быстро отступила за колонну, чтобы не быть замеченной. Она оказалась вне пределов видимости и слышимости и упустила ответ Просто-Лассе. Ей было немного стыдно, что она подслушивает, и она решила не продолжать. Анна медленно пошла к туалетам, раздумывая над услышанным. Разговор, вероятно, имел какое-то отношение к автомобилю, который они встретили на склоне и который вызвал ту самую морщину на лбу у Просто-Лассе. “Glarea” проводит какие-то разыскания на гряде — вероятно, чтобы закрыть разработку внизу, в поселке. Судя по тому, как злился Просто-Лассе, горняки брали пробы на территории Энглаберги. Анна знала, что так делать можно, что землевладелец не является автоматически хозяином полезных ископаемых. Наверное, Элисабет Видье и сама об этом знала, но не готова была принять. Вероятно, поэтому она и имеет зуб на Бенгта Андерсона.

Возвращаясь из туалета, Анна заметила в дверях спину Александера — он выходил на улицу. Повинуясь импульсу, она вышла следом и нашла его на углу. Алекс курил.

— Можно одну? — спросила Анна.

Алекс поднял глаза. Он, похоже, удивился и немного обрадовался.

— Привет. Конечно. — Он протянул ей пачку, которую только что открыл. Анна взяла сигарету, и Алекс дал ей прикурить, заслоняя огонь рукой.

— Не знал, что ты куришь.

— А я и не курю. Курить дорого и вредно для здоровья. К тому же зубы желтеют. Дураком надо быть, чтобы курить, правда? — Она демонстративно затянулась, вызвав у Алекса улыбку.

— Точно. Курение — удел дураков. — Алекс тоже глубоко затянулся. Зыбкая связь между ними как будто восстановилась.

— Я видела твою младшую на смотре талантов. Поздравляю!

Не успел Алекс ответить, как откуда-то снова вынырнула та же компания смешливых девиц. Они, похоже, знали Алекса. Две девицы обняли его за шею, и на Алекса полился сочувственный лепет: “Бедняжка”, “Юссан не понимает, чего лишилась”, “Детям повезло, что у вас хорошие отношения”.

Алекс подыгрывал им, но время от времени бросал на Анну взгляд, который говорил о его истинном отношении к сочувствию девиц. Осенний воздух, холодный и сырой, заставил Анну вздрогнуть. Она кивнула на ресторан, Алекс кивнул в ответ, освободился от девиц и пошел за Анной к ресторану.

— Как свидание? — с досадой спросил он.

— Блестяще! Лассе Гуннарссон — завидная добыча.

Алекс как будто не сразу понял, что она шутит, и пару секунд стоял с подавленным видом. Анна наморщила лоб и покачала головой, и Алекс расцвел широкой улыбкой. Только теперь она заметила, что он в изрядном подпитии.

— Ты тоже в разводе, верно? Давно?

— Два года. — Анна подождала, не скажет ли чего Хокан, но именно сейчас он счел за лучшее придержать язык.

— Можно спросить, кто захотел развестись?

— Я.

— А... — В его голосе прозвучала печаль, и Анна решила продолжить.

— Мы с Хоканом познакомились, когда учились в полицейской академии. Поженились в 2000 году, через год родилась Агнес. Он был моим лучшим другом. Я и правда думала, что эта дружба будет вечной. А потом узнала, что он изменяет мне с одной женщиной, коллегой. Не такая уж редкость у полицейских.

— Понимаю. Ну и дурак. Неудивительно, что ты дала ему отставку. Ты, наверное, просто взбесилась.

Анна покачала головой.

— Дело не в злости. Точнее... — Она остановилась, переживая заикание. — Сначала я злилась. Хокан правда очень страдал. Клялся, просил прощения.

Анна замолчала, чтобы раздышаться. Она еще никому не рассказывала эту историю по-настоящему. И вот она стоит под сконским ветром и изливает сердце человеку, с которым всего два дня назад была абсолютно незнакома. И все же она продолжила.

— Я пыталась простить Хокана. Но рана оказалась слишком глубокой.

Алекс молчал, и она это оценила. Он просто медленно кивал, словно понимал ее мысли, хотя Анна сама едва их понимала. Она снова вздрогнула.

— А вы?

— Да не знаю, — сказал Алекс, хотя жесты и мимика указывали на обратное. — Развод был идеей Юссан. — Пару секунд он молча смотрел в сторону. — Мы изо всех сил стараемся сохранить хорошие отношения. Ради девочек. Но это так трудно. Вы с Хоканом все еще друзья?

— Были. Хокан умер год назад от п-п...

Она заметила у Алекса то же выражение лица, что и у многих, когда люди сталкиваются с ее заиканием. Люди не знают, стоит ли помалкивать или лучше помочь ей, сказать за нее трудное слово.

Алекс поступил правильно. Дал ей время справиться с одышкой и выбрать другую формулировку.

— Рака печени, — закончила Анна.

— Мои соболезнования, — тихо сказал он. Несколько секунд они молчали, стоя метрах в десяти от входа в ресторан.

— Ты скучаешь по прошлому? — спросил Алекс.

— По тем временам, когда мы были женаты? Да, случается.

Он помотал головой.

— По еще более далекому прошлому. До брака, дома, ипотеки. До того, как все стало так сложно.

Анна поняла, куда он клонит, и стала осторожно направлять его дальше.

— Такое со всеми случается. Пока тебе нет двадцати, жизнь проста. Все возможно.

— Да, именно. — Алекс помолчал, глядя в землю. — Я бы что угодно отдал за это чувство. Чтобы снова... — Он не закончил.

К ресторану подкатил блестящий дорогой внедорожник. Открылась водительская дверца, и из машины вышла Кайя Бьянка. Уже в дверях на нее набежали люди, желающие сделать селфи. Алекс Морелль выпрямился, в глазах у него появилось совершенно другое выражение. Он смотрел на Кайю до тех пор, пока она не скрылась, потом глупо улыбнулся Анне, словно совершенно забыл, о чем они говорили.

— Наверное, нам лучше войти, — сухо сказала Анна.

Алекс кивнул и так заторопился, что Анна отстала от него на несколько метров. Она подумала, не догнать ли его бегом, но поняла, что бежать глупо. Подождала несколько минут и только потом вошла. В ресторанном зале она увидела Кайю Бьянку за почетным столом — они с Мари и Бруно обнялись и расцеловались в щечку; Алекс с глуповатым видом стоял и как будто дожидался своей очереди. Кайя сменила искусственный мех на белое узкое платье, которое демонстрировало, сколько времени его владелица проводит в спортзале и что ее грудь значительно моложе, чем все остальное.

Сама Анна стояла посреди зала, не зная точно, куда двинуться. Ее столик убрали, Просто-Лассе еще не появился. Люди двигались туда-сюда, кто-то выходил, кто-то входил, официанты сноровисто убирали, готовя зал к танцам.

У входа привалился к стене какой-то мужчина. Исхудавшее лицо по большей части скрыто бородой, над которой темнеют тонированные очки. Полицейский инстинкт сработал; Анна задержалась взглядом на мужчине всего на несколько секунд, сразу уверилась, что он явился сюда не с добрыми намерениями. Не грабитель — слишком тощий. Скорее мелкий воришка, поджидает удобного случая.

Мужчина — лет, наверное, пятидесяти — стоял в расслабленной позе, упершись одной подошвой в стену, в руке банка пива. Взгляд как будто направлен на один из еще не убранных столов, но из-за темных очков трудно было понять, на что именно он смотрит. На оставленную без присмотра сумочку? На пиджак с мобильным телефоном во внутреннем кармане? Анна медленно двинулась к мужчине, чтобы помешать ему. Он так и стоял, беззаботно попивая пиво и не сводя глаз с того, на что смотрел. Большую руку, державшую банку, с внешней

стороны покрывали татуировки, еще больше усиливавшие впечатление, что перед тобой мутный тип.

Анне оставалось метров пять-шесть до мужчины, когда он ее заметил. Их взгляды на миг встретились, и хотя глаза мужчины были скрыты тонированными очками, Анна заметила, что он сразу раскусил: перед ним женщина из полиции. Губы растянулись в усмешке; он оттолкнулся от стены и скользнул в дверь. Когда Анна вышла в фойе, мужчина уже исчез. Последовать за ним? Но Анна не видела, чтобы он делал что-то незаконное, и к тому же сейчас она не на службе. И все же она постаралась запомнить, как выглядел бородатый.

Кто-то позвал ее; поодаль, в фойе, она обнаружила Просто-Лассе, Агнес и Эрика вовлеченными в разговор о Кайе Бьянке, которую явно знали все на свете, кроме Анны.

Через несколько минут диджей запустил танцевальную музыку, и Агнес с Эриком, которые, похоже, нашли друг друга, снова скрылись.

— Потанцуем? — спросил Просто-Лассе.

Анне хотелось отказаться; она предпочла бы найти место потише и продолжить разговор. Увы, правила вежливости требовали другого.

Анне неплохо давались парные танцы; проблема была лишь в том, что она часто начинала вести сама. Так бывало, когда она танцевала с Хоканом, к его неудовольствию. Но Просто-Лассе не имел ничего против ее манеры. Похоже, он был скорее благодарен за помощь.

— А вы входили в эту компанию, когда были помоложе? — спросила она, кивнув на почетный столик: с появлением Кайи Бьянки настроение у собравшихся за ним значительно улучшилось. Анна помахала Хенри и Эве-Бритт Морелль, но оба были слишком заняты, чтобы заметить ее. Сидевшая напротив Мореллей четверка с фотографии провозгласила общий тост. Алекс Морелль ни на миг не сводил блестящих глаз с Кайи Бьянки.

— Нет, — ответил Просто-Лассе. — Это было закрытое общество, они к себе никого не пускали.

— Похоже, в этом смысле они не изменились.

— Алекс, Бруно и Мари — нет. А Кайю здесь не часто видят.

— Вот как?

Просто-Лассе покачал головой.

— Они с новым мужем несколько лет назад выстроили огромную виллу на побережье, возле Хельсингборга. Не все соседи от этого в

восторге. Ну знаете — старые деньги против новых денег.

— Вы говорили, ее первый муж умер? Он был намного старше?

— Всего на несколько лет. Я слышал, его нашли мертвым в их летнем домике во Франции. Финансовый кризис был в разгаре, так что ходили кое-какие слухи. Но надо признать, Кайя достойно распорядилась его деньгами.

За почетным столиком кто-то сказал что-то смешное: вся компания разразилась громким хохотом, заглушив музыку. Диджей прибавил громкости, и скоро на танцполе стало так тесно, что разговаривать уже не было возможности. Анна заметила, что Просто-Лассе притянул ее поближе к себе, ощутила запах его воды после бритья. Он сделал попытку прижаться щекой к ее щеке; Анна не знала, как быть. Она осторожно ответила на прикосновение, устроив так, что оба они приблизились к почетному столу, настроение за которым стало еще лучше.

Когда они добрались до торца стола, Анна заметила, что что-то не так. Голоса, выражения лиц, смех — все было несколько нарочитым, словно собравшиеся за столом люди изо всех сил демонстрировали, как им весело.

Проходя в танце мимо, Анна увидела, как Алекс поднимается и приглашает Кайю Бьянку на танцпол. Анна взглянула на обоих поверх плеча Просто-Лассе. Заметила, как Алекс почти незаметно прижал Кайю ближе к себе, как ее рука обхватила его шею. Его щека прижалась к ее щеке, и Анна ощутила небольшой укол в груди.

Не будь ребенком, Анна, прошептал Хокан. Тебе же не пятнадцать лет.

— Заткнись, — прошипела она сквозь зубы. Просто-Лассе вздрогнул.

— Вы что-то сказали?

Анна покачала головой, не спуская, однако, взгляда с Алекса.

— А эту песню вы все, конечно, знаете, — объявил диджей — мужчина лет тридцати пяти, в очках и с пирсингом в ноздре, — стоявший в кабинке посреди сцены.

Напористая танцевальная музыка сменилась спокойной мелодией. Мягкая баллада, единственный инструмент — гитара. Певец, судя по голосу, молодой.

– “I saw a friend today, someone I knew long ago. But I still recall her name...”

Чистый красивый голос. Мягкий гитарный перебор. Анна позволила Просто-Лассе сделать пару танцевальных па, прежде чем заметила, что настроение в огромном зале медленно меняется. Алекс, похоже, отреагировал первым. Анна увидела, как он замер, словно не понимал до конца, что именно слышит. Потом то же стало происходить с остальными.

– “And she told me this. My friend from long ago. That things will never be the same”, — пел чистый голос, и перебор постепенно становился громче.

Алекс бросил танцевать и замер на месте, бледный, как бумага. Кайя Бьянка сначала, казалось, не знала, что делать, а потом тоже остановилась. За почетным столом послышался громкий смех. Женщина — кажется, Мари Сорди — смеялась громче других. Визгливый смех прозвучал, как крик.

– “I’ll see you by the waters, — пел голос в динамиках. — The dark and lonely waters”.

И наступил полный хаос.

Глава 26

28 августа 1990

Симон не понимал, что происходит. Всего несколько минут назад он был на вершине счастья. Стокгольм, турне, прыжок с уступа, Таня.

А теперь — он сам не знал, как так вышло — его обступили его лучшие друзья. Но держались они совсем не по-дружески.

Мари, вся красная, явно была еще пьяна, Бруно стоял перед ней с поднятыми кулаками, нацеленными на Симона, взгляд у Алекса потемнел, как когда бывало ясно: кому-то сейчас не поздоровится, а губы у Карины побелели от ярости.

И — слова, которые они швыряли в него со всех сторон. Которые брызгами вырывались у них изо рта, почти одновременно с дождем. Слова разъедали его кожу, глубоко впивались в него.

— Предатель.

— Ты хоть понял, что он сделал?

— Защищать сволочь, насильника!

— Да как ты мог?

— Кем ты себя возомнил?

Симон, вскинув руки, попытался отступить. Он оглянулся через плечо на круг, где остался его велосипед. Дождь лупил все сильнее.

— Поеду-ка я, пожалуй, домой...

Он уже готов был обернуться, уйти, уже успел сделать шаг.

— Симон пытался поцеловать меня, — громко объявила Карина.

Внезапно воцарилась полная тишина. Слышался только стук дождя.

— Что? — почти одновременно спросили Алекс и Бруно.

— Сегодня вечером, на сортирной дорожке!

Симон остановился и обернулся. Глаза Карины сверкали в темноте.

— Все было не так. — начал он и сам заметил, как дрогнул голос. Увидел, как наливается чернотой взгляд Алекса, и в первый раз испугался. Испугался Алекса, испугался всех остальных, того, что может случиться.

— Ты целовал мою девушку? — каким-то утробным голосом спросил Алекс и придвинулся к Симону.

— Да это она.

Симон и сам не знал, как это получилось; его мозг словно не зафиксировал пары секунд из хода событий. Он просто вдруг почувствовал, что летит по широкой дуге. Симон в ужасе вытянул руки, чтобы смягчить падение, но не успел — каменный лоб вырос прямо перед ним в долю секунды.

Глава 27

Осень 2017 года

Анне и раньше приходилось видеть такое, чаще всего — на службе. Как в острые моменты время замедляется, подчеркивая мельчайшие подробности происходящего.

Алекс ринулся к кабинке диджея. Он ломился к сцене, как регбист, расшвыривал людей, оказавшихся у него на пути. Бруно тоже бросился к сцене, прямо от стола. Его жена поднялась, и стул, на котором она сидела, упал на пол. Супруги Морелль и Бенгт Андерсон смотрели на Мари — та стояла, сжав губы, и на лице у нее были одновременно ужас и отвращение. Кайя Бьянка осталась посреди танцпола одна. Вокруг нее образовалась пустота, словно люди, которые только что рвались к ней, отступили назад. Прожектор окрасил ее белое платье кроваво-красным, конус света лег на лицо со ртом, полуоткрытым, словно в немом крике.

– “The dark and lonely waters”, — снова пропел в динамиках красивый голос, и в какой-то миг губы у Кайи шевельнулись, будто она подпевает.

На все это Анна успела обратить внимание, а потом Алекс добрался до кабинки диджея. Раздался грохот, музыка внезапно стихла. И время снова пошло в обычном темпе, высвободив какофонию голосов.

Анна отпустила Просто-Лассе и тоже бросилась к сцене. Ей пришлось проталкиваться через толпу к тому, что совсем недавно было кабинкой диджея, а теперь превратилось в грудку фанерных обломков, из которых торчали провода и какая-то мелкая электроника. Алекс лежал посреди кабинки, подмяв под себя диджея и держа его за шею борцовским захватом. Лицо у Алекса было красным, взгляд потемнел, сжатые губы делали его похожим на зверя. Бруно стоял над ними, широко расставив ноги и сжав кулаки, но вместо того, чтобы попытаться оттащить Алекса, он наклонился и заорал что-то диджею в лицо. Одни и те же слова, снова и снова; но за плотной звуковой завесой из голосов Анна не смогла разобрать, что он говорит.

Диджей не сопротивлялся, лицо у него посинело, губы хватали воздух, глаза вот-вот закатятся. Анна выбралась на сцену.

— Алекс, отпусти его!

Бруно Сорди заступил ей дорогу.

— Пусть сначала признается.

Ростом Бруно был примерно с нее; судя по цвету лица и тому, как он двигался, Бруно изрядно выпил. Анна пошла прямо на него, одним движением обхватила за подбородок и плечо, и пока Бруно пытался вывернуться, подсекла его под ноги. Бруно повалился на пол. Анна бросила его и рванулась к Алексу. Диджей не подавал признаков жизни, однако Алекс все сжимал его горло. Анна схватила Алекса за волосы и рванула назад. Алекс выпустил диджея, но не сдался; он резко повернулся, вцепился Анне в руку ниже плеча и пригнул ее к полу. Почти двухметровый Алекс весил под сотню килограммов. К тому же он был борцом элитного дивизиона, так что Анна не много могла ему противопоставить. Колени ударились о пол, и от боли слезы брызнули из глаз. Еще немного, и она упадет плашмя; Анна сопротивлялась, слыша над головой тяжелое сопение Алекса. Зал начал кружиться — смещение звуков, голосов, движений. *Бодни*, прошептал Хокан у нее в голове. *Бодни его. Давай!*

Анна извернулась и ударила головой Алексу в переносицу. Алекс застонал и ослабил хватку настолько, что Анна смогла опереться на одну ногу, собраться с силами и врезать ему коленом в промежность. Алекс захлебнулся криком, колени у него подломились, и он скорчился за полу, обеими руками сжимая свои фамильные ценности.

— Сука! — Бруно Сорди уже поднялся на ноги. Лицо пунцовое, руки сжаты, глаза — две узкие щелочки. Он сделал шаг назад, занес кулак, и Анна инстинктивно подняла руки, чтобы защититься. Но удара не последовало. За спиной у Бруно возник Йенс Фриберг в полицейской форме. В воздухе мелькнуло что-то черное, Анна услышала свист, за которым последовал глухой стук, и телескопическая дубинка Йенса ударила Бруно по коленям, уложив его на пол во второй раз.

На потолке зажглись лампы, и зал залило резким белым светом. Голоса и звуки каким-то образом стали глуше.

— Вот! — Фриберг бросил Анне наручники — наверное, ту запасную пару, над которой она потешалась каких-нибудь два дня

назад, когда увидела его в полной экипировке в первый раз. Фриберг нагнулся и сковал Бруно Сорди своей парой. Алекс корчился в позе эмбриона; под носом виднелась кровь. Он не сопротивлялся, когда Анна сковала ему руки за спиной. Она выпрямилась, отряхнула колени от пыли и взглянула на диджея.

Тот лежал на спине среди обломков оборудования. Лицо порозовело. Он захрипел, медленно взялся за горло и попытался сесть.

— В порядке? — спросила она. Диджей в ответ медленно кивнул.

— Что будем делать? — Фриберг кивком указал на танцпол, откуда за каждым их движением следили сотни глаз. Впереди стояли Хенри Морелль и Эва-Бритт. Лицо злое; Хенри пытался встретиться с Анной глазами. Рядом Мари Сорди и ее отец.

Анна отвела глаза и повернулась к Йенсу.

— Этих двух забираем, — коротко распорядилась она. — Алекс Морелль — нанесение увечий и нападение на полицейского. Сорди... — Она запнулась, пытаясь сообразить, в совершении какого преступления виновен Бруно. Какое-нибудь простое решение даст ей время обдумать случившееся.

— Бруно — в вытрезвитель, — постановила она.

Йенс некоторое время помолчал, поглядывая на край сцены. Потом медленно кивнул. Жестом подозвал двух полицейских в форме, которые вошли в зал следом за ним.

— Забираем обоих.

Полицейские вывели Алекса и Бруно, Анна помогла диджею подняться на ноги. Спросила, не нужна ли “скорая”, но он в ответ покачал головой.

— Я должна попросить вас последовать со мной в полицейский участок, — сказала она. Диджей кивнул.

Анна помогла ему найти среди обломков очки и осторожно увела со сцены, причем успела заметить шею Хенри Морелля, который решительным шагом выходил из зала. Хенри даже не взглянул в ее сторону, но тем больше на нее глазели другие. Кайя Бьянка, Мари Сорди, Бенгт Андерсон, Просто-Лассе и целая толпа других людей — все они, казалось, не могли оторвать от нее глаз.

Анна поискала взглядом Агнес, но не обнаружила ее и с облегчением подумала, что дочь, наверное, не видела случившегося.

Снова загудели голоса, они становились все громче по мере того, как Анна с диджеем приближались к выходу. Проходя последние метры, Анна даже различила отдельные фразы.

— ... повалила Алекса Морелля.

— и Бруно тоже.

— Ничего не боится.

— Какая муха их укусила?

— А вы не слышали?

Уже у самой двери, готовясь выйти из зала, Анна снова увидела тощего бородача с татуировкой. Он снова стоял, небрежно привалившись к стене, на губах ухмылка, и, несмотря на темные очки, Анна была вполне уверена: когда она проходила мимо, бородач взглянул на нее.

Просто-Лассе отвез ее и диджея — его звали Кристиан Персон — в полицейский участок. Анна попросила его вернуться в ресторан и поискать Агнес. Кристиан производил впечатление самого обычного парня, с обычной работой, который подхалтуривает диджеем. Он говорил, что понятия не имеет, с чего Алекс и Бруно на него набросились, утверждал, что вообще с ними не знаком. Ничто в его голосе и манере держаться не указывало на то, что он лжет. Анна попросила его подождать в приемной, а сама пошла к задержанным.

Как она и ожидала, Хенри Морелль был там. Они с Йенсом, похоже, вели какой-то серьезный разговор, который прервался, как только она вошла. Бруно не было видно, а Алекс сидел в отделении, куда помещали задержанных перед тем, как отправить их под замок. К носу он прижимал пакет со льдом; другая рука обхватила промежность. Наручники с него сняли; Алекс сгорбился, взгляд направлен в пластиковый коврик.

— Хорошо, что ты пришла, — преувеличенно радостно сказал Морелль. — Спасибо, что не растерялась и произвела задержание. Хочу попросить прощения за Александра. Разумеется, он вел себя совершенно неприемлемо.

— Почему он не под арестом? — Вопрос был адресован обоим, но глаза отвел только Фриберг.

Хенри Морелль отозвал ее в сторонку.

— Анна, между нами: у Александра сейчас трудный период, — тихо начал он. — Развод дался ему тяжело. Он вложил кучу денег и

еще больше времени в виллу, надеялся, что его семье будет хорошо в этом доме. А теперь ему приходится жить в подвале у родителей и видеть своих девочек только по выходным. — Морелль в отчаянии махнул рукой и еще больше понизил голос. — У Александра раньше были кое-какие проблемы. Еще до Юссан и девочек. Пару раз он лежал в психиатрической клинике. — Хенри сделал короткое движение головой. — Если его посадить под замок, все начнется по новой, понимаешь? — Он истолковал ее пораженное молчание как согласие. — Поступим так. Бруно проспится в арестантской. Примерно через полчаса я аннулирую арест Александра и заберу его домой. Это позволит нам переговорить с диск-жокеем. Я понимаю, что Александр поставил тебя в неприятное положение, но уверен, что ты и не такое видела. К тому же ты прекрасно разрешила ситуацию. Если хочешь знать мое мнение — Александр получил по заслугам, к тому же весь поселок видел, кто был хозяином положения. — Он замолчал и одарил Анну отеческой улыбкой, которой так трудно было противиться.

— Зн-начит, вы хотите, чтобы я уговорила истца, которого я только что сюда на себе притащила, не подавать заявления, несмотря на сотни свидетелей? — Анна хотела сказать это спокойно. Не вышло.

Отеческие интонации из голоса Морелля не исчезли.

— Нет-нет, такого я бы никогда от тебя не потребовал. Практическую сторону уладит Йенс. Я только хочу попросить: не фиксируй нападение на полицейского. Ради меня. В качестве прощального подарка, если угодно.

Анна поколебалась, подождала, не скажет ли чего Хокан в глубине ее головы. Не предложит ли еще один свой обычный совет. Морелль тем временем говорил дальше, уже не так дружелюбно.

— К тому же формально я все еще глава полицейского округа. До утра понедельника это мой участок, полицейские работают под моим начальством. И ты тоже. — Лицо у него застыло, после чего снова расцвело отеческой улыбкой. — Но я, конечно, надеюсь, что мы договоримся. По-дружески.

Анна поерзала. В каком-то смысле ей было жалко Алекса, тем более после рассказа Хенри. К тому же Алекс ей нравится. Или нравился, всего каких-нибудь полчаса назад. Но он совершил преступление, напал и на этого несчастного диджея, и на нее саму.

— Ну, Анна, что скажешь? Мы договорились? — Морелль продолжал улыбаться, но она уловила резкость в его взгляде. “Нет” означало бы сейчас конец их приятельским отношениям и сильно осложнило бы ее положение.

Хокан очнулся. Анна и так знала, что он сейчас скажет, и, как часто случалось, ей захотелось, чтобы он промолчал. Но он, конечно, не промолчал, потому что даже смерть не заставит Хокана заткнуться. *Иногда, милая Анна, прошептал он, приходится просто смириться с происходящим.*

Анна улизнула через черный ход, чтобы не смотреть диджею Кристиану в глаза. Просто-Лассе, Эрик и Агнес ждали ее на парковке. Ребята были взбудоражены: до них только что дошли слухи о случившемся, и они хотели, чтобы Анна подробно расписала, как она одолела двух здоровых мужиков. У Анны не было никакого желания рассказывать о своих подвигах. Просто-Лассе, похоже, понял ее и набросал общую картину, избегая подробностей. Анна с благодарностью взглянула на него и пообещала себе, что впредь будет с ним поласковее.

Когда они свернули во двор Табора, свет над крыльцом горел. На ступеньках лежали два кролика с мертвыми глазами и выпотрошенными брюшками.

Глава 28

Осень 2017 года

Спала она плохо. Вернулся сон о фреске, каменоломне и мертвом теле, но теперь там, в воде неподвижно плавал не Симон Видье и не Хокан. Теперь там был Александер Морелль.

“Помоги мне!”

Осенний дождь усиливался, превращая вид за окном в угрюмый, зловонный туман, от которого едко свербило в ноздрях, и вдруг — всего за несколько секунд — все изменилось. Явилась совершенно новая сцена — та, что могла только присниться. Анна снова в той маленькой допросной, слева сидит ее адвокат, напротив за столом — оба следователя. Один из них кладет на стол фотографию.

— Вам известно, что это?

Ей не нужно смотреть на фотографию, но она все же смотрит. На снимке серая плоская коробка с проводами и шлангами с обратной стороны и дисплеем на передней панели. Инфузионный насос с плоскими резиновыми кнопками; достаточно нажать их в определенной последовательности — и морфин заструится свободно, Хокану больше не будет больно.

Три, три, семь, пять, девять, два. Ввод.

— Вы сделали это? — спрашивает следователь. — Убили своего мужа?

Анна проснулась на вдохе. Было раннее утро, на улице дул ветер и лил дождь. Анна натянула дождевик и вышла, чтобы разобраться со следами того, что Агнес уже начала называть “Тайна белых кроликов”. Вчера она слишком устала, чтобы разгадывать тайны. Хорошо, что Агнес видит в этом какую-то шутку; сама Анна восприняла появление кроликов гораздо тяжелее. Она взяла в каждую руку по тушке и вышла к сараю и мусорным бакам. Подойдя ближе, увидела припаркованную у короткой стены сарая машину — из жилого дома Анна ее не увидела. Пикап Брура Клейна.

Дверь в торце была открыта, и Анна услышала, что внутри кто-то копошится.

— Эй! — окликнула она, постучала по дверному косяку и шагнула в сарай. То, что она считала сараем, было некогда гаражом, но теперь больше походило на крытую свалку. В темном помещении пахло сыростью и ржавчиной, пол завален хламом, на жестяных полках вдоль стен теснятся банки с краской, бутылки и картонные коробки — не стоит даже пытаться их пересчитать. В дальнем углу темнел тесный дверной проем. Звуки исходили оттуда.

— Эй! — снова позвала Анна. Звуки прекратились, и из проема вынырнул Клейн.

— А, — смущенно сказал он. — Я заехал забрать кое-что. Не хотел вас тревожить в такую рань.

— Ничего страшного.

Оба помолчали.

— Ну как вам здесь? Удобно?

Попытка Клейна завести светский разговор захватила Анну врасплох.

— Ну да. Здесь очень красиво и тихо. То, что надо.

Клейн что-то одобрительно прогудел.

— А работа? Как там Хенри Морелль? Передал бразды правления?

— Да, думаю, все в порядке. Я приступаю к работе завтра утром. — Первая фраза оцарапала язык. Анна не могла избавиться от мыслей о событиях вчерашнего вечера.

Клейн кивнул. Похоже, он решил, что разговор окончен. Глаза Анны немного привыкли к темноте, и теперь она рассмотрела, что там, в глубине сарая. Различила что-то большое, синее.

— Там горюшка Карла-Ю? — спросила она и указала на синий предмет. Клейн помедлил — очень недолго, но ее натренированный глаз это заметил.

— Откуда вы знаете про горюшку?

— Продавец велосипедов рассказал.

— Йоран — трепло, каких поискать.

Стало тихо; слышалось только, как капли дождя там и сям просачиваются сквозь ветхую крышу.

— Фреска, — не думая, сказала Анна. — Я видела место, которое на ней изображено.

На этот раз Клейн лучше справился с мимикой. И бровью не повел, никак не показал, что думает, однако Анне показалось, что она слышит, как все клокочет под неподвижной с виду поверхностью. Что-то в Клейне интересовало ее. Что-то вызывало у нее желание расколоть эту каменную маску и попытаться вытащить на поверхность то, что скрывал Клейн. — Карл-Юхан тоже не смирился с тем, что произошел несчастный случай, — продолжала она. — Вот почему он писал фреску десять лет, хотя под конец почти ослеп.

— Это вас никак не касается, — глухо сказал Клейн. От натужной приветливости не осталось и следа. — Вы его не знали, вы понятия не имеете о...

Он оборвал себя посреди фразы, вытер капли слюны, вылетевшие изо рта вместе со словами и попавшие ему на подбородок.

— Извините, — пробормотал он и демонстративно посмотрел на часы. — К сожалению, мне пора.

Анна вышла из сарая вместе с Клейном и стояла рядом, пока он запирает боковую дверь на громадный амбарный замок. То, как Клейн смущен, было заметно даже со спины. Он коротко кивнул Анне на прощанье, забрался в машину и уехал в дождь. Что все-таки ему понадобилось в сарае? Анна обошла постройку. Спереди две гаражные двери на расстоянии нескольких метров друг от друга, обе заперты на засов с висячим замком. Левая, наверное, ведет в помещение с горкой, а правая — в помещение, из которого вышел Клейн. Двери были одного размера, и Анна решила, что пространства за ними тоже должны быть схожими. Она поискала какую-нибудь щель, чтобы заглянуть в сарай, и обнаружила в задней стене отошедшую доску. Покрутив ее так и сяк, Анна расширила дыру настолько, что смогла просунуть руку. Из сарая пахло воздухом еще более затхлым, чем в отсеке с горкой. Сыростью, ржавчиной и еще чем-то, как будто горелым. Света щель пропускала не много, но Анна включила карманный фонарик и просунула руку как можно дальше. Фонарик осветил несколько метров бетонного пола и какой-то темный силуэт. Анне понадобилось несколько секунд, чтобы понять, на что она смотрит. Перед ней темнел обугленный остов того, что некогда было спортивным автомобилем.

Глава 29

Осень 2017 года

В понедельник утром Анна приехала в участок пораньше. В коридоре верхнего этажа было пусто и тихо. Она села за компьютер, ввела субботнюю дату и проверила поступившие заявления. Нашла пару, но ни то, ни другое не касалось происшествия в парке. Она поискала в базе Александера Морелля, но совпадений не оказалось. Бруно Сорди тоже никак не засветился. Похоже, Йенс Фриберг образцово выполнил задание.

Анна молча посидела перед экраном, а потом ввела собственный личный номер. Люди обычно не ищут сами себя, но, учитывая вчерашние события, она всегда сможет сказать, что хотела проверить, не отмечена ли она как заявитель. Она знала, что увидит, знала свой номер наизусть, но все же внутри что-то перевернулось, когда на экране возник номер дела. Анна не стала щелкать по нему, зная, что доступ заблокирован. Никто, кроме отдела внутренних расследований, не мог ознакомиться ни с делом, ни с подозрениями в ее адрес.

Но Анна все же вычитала нечто такое, отчего у нее в животе завязался еще один узел. В графе “статус”, несмотря на заверения адвоката, что дело вот-вот развалится, все еще не было кода, указывающего, что дело прекращено.

Тихий стук заставил ее поднять глаза. В дверях стоял Йенс Фриберг. Анна поспешно закрыла окно на экране.

— Есть пара минут? — спросил Йенс. Дождался, когда Анна скажет “да”, и только тогда вошел, закрыв за собой дверь. Анна жестом предложила ему сесть, но не стала тратить время на формулы вежливости. С этого дня она руководит участком; ей хотелось поставить его на место, как только представится возможность, объяснить, кто здесь принимает решения. Но Фриберг ее удивил.

— Выражаю восхищение, — сказал он. — Тем, как ты разобралась и с Александром, и с Сорди. Меня это... — он запнулся, поискал нужное слово, — впечатлило. — В последнее слово он вложил столько воздуха, что оно прозвучало почти как вздох.

— Спасибо. — Анна не очень понимала, что еще сказать. Неожиданная, трудно разрешимая ситуация. Может, это ловушка? Хорошо проверенный способ сломать ее авторитет? Но в голосе Фриберга как будто не было ни угодливости, ни фальши; не было их и в жестах. Скорее казалось, что похвала далась Фрибергу мучительным усилием над собой. И все же он похвалил Анну.

— Хорошо, что вы подросли, — сказала Анна — в основном, чтобы запустить пробный шар.

— Да мы просто стояли во дворе. Кто-то закричал, что в ресторане пьяная драка.

— Как там с истцом? — спросила Анна, хотя уже знала ответ.

— Он... немного подумал и решил не заявлять.

Анна уже собралась было сказать что-нибудь ядовитое, но заметила, как Фриберг беспокойно ерзает, и решила промолчать.

— Ну. — начал Фриберг и прикусил верхнюю губу, словно чтобы не дать остальной фразе выйти на свет божий. — Я очень уважаю Хенри Морелля. Смотрю на него почти как на наставника. — Он снова заерзал.

Но, подумала Анна. Потому что знала: “но” обязательно последует. Она пыталась не показать, насколько неожиданным для нее выходил разговор.

— Но то, о чем он попросил нас в субботу, неправильно. Я и раньше пару раз подтирал за Александером, но там было по мелочи. А в субботу дело могло кончиться по-настоящему плохо. К тому же он напал на полицейского.

Анна еще помолчала, снова пытаясь определить, не хитрость ли это, но снова ничто не указывало, что ее обманывают.

— Когда Бруно Сорди вчера утром выпускали, ты был здесь? — спросила она.

Фриберг кивнул.

— Сколько он просидел?

— Четыре часа. Его забрали жена и тесть. Сильно огорченные.

— Ты с ним разговаривал? — Она поняла, каким будет ответ, еще до того как Фриберг кивнул. Фриберг был въедливым полицейским, который ненавидел совпадения и не любил необъяснимых “хвостов”.

— И что он сказал?

— Твердил, что все вышло по пьяни. Вроде как недоразумение.

— Недоразумение?

Фриберг выпрямился и бросил взгляд на закрытую дверь.

— Сорди рассказал, что диджей поставил одну старую песню. Что они все были потрясены и решили, что истец над ними издевается. Хочет испортить им вечер. И поэтому они на него набросились.

— Как это? Как он мог кому-то навредить, просто поставив песню?

— Там пел Симон Видье.

Анна перевела дух, пытаясь вызвать песню в памяти. Чистый голос, гитара, текст. Что-то про темную одинокую воду. Анну вдруг затрясло.

— Истца ты спрашивал про песню?

Фриберг покачал головой.

— К этому времени он уже давно уехал домой. Мне не хотелось будить его звонком в воскресенье, к тому же он наверняка послал бы меня к черту после нашего маленького вечернего совещания. Но выслушать его версию было бы интересно.

Фриберг достал из кармана рубашки сложенный вдвое лист бумаги и положил на стол перед Анной. Потом поднялся, коротко кивнул и пошел к двери. Анна развернула листок. Номер мобильного телефона.

Какое-то время она постояла с листком в руках, в третий раз пытаясь понять, не западня ли это, но сдалась.

Диджей Кристиан ответил после третьего гудка. Судя по голосу, он был, мягко говоря, не в восторге от звонка.

— Да понял я, понял, — сказал он, едва Анна успела назвать себя. — Ваш гестаповец еще в субботу объяснил мне, что заявлять на Александера Морелля — плохая идея. Могли бы сказать мне это прямо в парке, а не тащить в участок, и звонить уж точно не обязательно...

Анна перебила его, чувствуя, как щеки пылают от стыда.

— Я звоню не поэтому. Я хотела спросить насчет песни, которую вы поставили перед тем, как все началось.

В трубке несколько секунд было тихо.

— Вы имеете в виду ту демо-запись, или что там оно было? — Похоже, он больше не злился. Он удивлялся.

— Именно. Как она к вам попала, почему вы ее поставили?

— Мне дал ее тем вечером один парень, на флешке. Такое бывает. “Концерт по заявкам” образца 2017 года. Обычно я отказываюсь, не люблю совать левые флешки в свой компьютер, но парень уж очень настаивал. Дал мне пятисотку, чтобы я поставил песню, когда на танцполе будет Кайя Бьянка, и обещал еще столько же потом. Диджеям платят не особенно хорошо, так что я подумал: а, ладно. Лишняя тысяча только за то, чтобы поставить песню.

— Что за парень?

— Понятия не имею. По-моему, он не местный.

— Как он выглядел?

Кристиан задумался — в трубке несколько секунд было тихо.

— Обтрепанный немного. Полтинник или около того. Худой, бородатый, татуировки на руках.

— Очки? — Анна уже знала ответ.

— Да, очки были, такие темные, когда глаза едва видно.

Анна поняла, про кого он говорит.

— Еще что-нибудь помните? Что он сказал или сделал?

Снова задумчивое молчание.

— Нет. Он только сказал, что эта песня — старый хит, она наверняка поднимет всем настроение. Что Кайя и ее приятели сразу ее узнают.

Узнали, это точно, подумала Анна. Даже слишком хорошо узнали.

Глава 30

Осень 2017 года

Анна едва успела войти в прихожую Табора, как у нее зазвонил новый рабочий телефон. Агнес уже прислала сообщение: она поехала домой к Эрику. Мило, как всегда, при виде Анны проявил умеренную радость.

— Здравствуйте, это Ульсон, я сегодня патрулирую, — сказал голос в трубке.

— Здравствуйте.

— Мы сейчас на карьере “Glarea”. Звонил один из бригадиров. Тут на дереве мертвого парня нашли. — Что?

— Прыгун, — пояснил полицейский. — Там, где карьер выходит к северной оконечности гряды, есть крутой уступ. У нас тут каждый год один-двое вот так самоубиваются.

— Ладно, я еду. Можете объяснить, где именно вы находитесь?

Уже успело стемнеть, когда Анна въехала в главные ворота “Glarea”. Ее ждал белый джип с эмблемой охранного предприятия.

— Поезжайте за мной, я покажу. Тут можно заплутать, пока найдешь, — предупредил водитель.

Оказалось, что “можно заплутать” — это мягко сказано. За воротами и административными постройками дорога круто уходила вниз. Верхний край почвы все поднимался, каменистые склоны с обеих сторон становились все круче, и наконец Анна оказалась на дне гигантского карьера. Запах гари, который разливался иногда над поселком, стал таким сильным, что Анна нажала на кнопку кондиционера, чтобы воздух извне больше не поступал в машину.

Дорога выводила на площадку размером с четыре или пять футбольных полей. Следуя за джипом, Анна миновала несколько больших строений и железных вышек — по ее предположению, дробилок, а также вереницу тяжелых машин и грузовиков, оставленных на ночь. Площадку освещали прожекторы, резкий свет которых усиливал впечатление лунного пейзажа.

Машина охранника свернула вправо между двумя кучами гравия, рассекла большую лужу и на новой развилке взяла налево. Анна

поняла, что карьер — это не единый гигантский прямоугольник, каким она его себе представляла. Карьер походил скорее на колесо, где большая площадка, по которой они проезжали, была ступицей, от нее во все стороны отходили спицы-овраги. Однако когда овраг, по которому они ехали, разделился еще на несколько, Анна констатировала, что и это сравнение неверно. На пятом ответвлении она поняла, что никогда не нашла бы дороги сама, и порадовалась, что ей требуется всего лишь следовать за красными огоньками едущей впереди машины.

Она почти перестала ориентироваться, когда овраг вывел их на открытое место, на краю которого высилась крутая скалистая стена. У подножия стены стояли полукругом три машины, их фары освещали одну и ту же березу. В воздухе висели дождевые капли, брызги чертили штрихи в световых конусах.

Анна остановила машину и последний отрезок пути прошла пешком. Одной из машин оказалась патрульная полицейская, откуда Анне и позвонили; вторая была большим экскаватором. А третья — автомобиль Хенри Морелля. Анна обнаружила его беседующим с полицейским из патрульной машины и еще одним человеком — судя по светоотражающему жилету, кем-то из руководства “Glarea”.

— Здравствуй, Анна, — сказал Морелль, когда она приблизилась. — Боюсь, здесь нет ничего красивого.

Он включил фонарик и направил свет куда-то в крону березы, куда не доставали фары машин. Сцена была отвратительной и абсурдной одновременно. От самой верхушки дерева протянулась целая просека сломанных ветвей, а в четырех метрах от земли в развилке застряло что-то похожее на тряпичную куклу. Конечности покойного были вывернуты под каким-то диким углом, одежда кое-где разорвана. Толстый сук вошел прямо в грудь и торчал между лопатками. Листья, ствол и земля под березой потемнели от крови.

— Десять лет назад здесь был еще один самоубийца, — сказал Морелль. — Предприниматель из города. Потерял и семью, и друзей. Но он упал прямо на склон. С этим беднягой нам придется повозиться.

Морелль посветил на скалу за деревом. Обрыв уходил вверх метров на пятьдесят-шестьдесят, свет фонарика не доставал до верхнего края.

— Там наверху есть плато, смотровая площадка. Летом туда ездят на пикники, любят закатом. Вообще проход туда запрещен, но кого это останавливает.

Дождь припустил сильнее, и Анна застегнула куртку. Как хорошо, что она купила настоящий классический дождевик, непромокаемый. Морелль выключил фонарик.

— Я поговорил с дежурным диспетчером. Мы решили не звать пока экспертов, подождать до завтрашнего утра. Этот бедолага уже никуда с дерева не денется, зачем без нужды взваливать на людей сверхурочную работу. Бюджет и так трещит по швам. “Glarea” обещала помочь, присмотреть за телом до утра, но вряд ли кто-нибудь за ним туда полезет. А мы с тобой, может быть, прокатимся по гряде, поищем его машину. Мне кажется, я примерно представляю себе, где она стоит.

Анна не знала, что и как отвечать. Морелль вел себя так, будто все еще принимает решения, и распоряжался с такой самоуверенностью в голосе, что Анна разозлилась. Он это заметил — хоть какое-то утешение.

— Ты уж прости, что я вмешался. Ульсон позвонил сначала мне — конечно, в основном по старой привычке. Я был тут рядом, так что подумал...

— Кто обнаружил тело? — перебила она. Не надо бы так грубо.

— Один из водителей. Это один из старейших участков карьера, он закрыт уже много лет. — Морелль жестом указал на скалу и хребет. — Водитель хотел зайти за березу отлить. Бедняга.

— Он еще здесь?

Морелль покачал головой.

— Ульсон провел короткий допрос и отправил парня домой, к семье. На нем лица не было. Да уж, повезло.

Он снова включил фонарик и направил свет на мертвеца. В ветвях что-то блеснуло, и Анна попросила:

— Посвети туда. Поближе к стволу.

Анна достала синие бахилы, которые захватила, прежде чем выехать, и натянула на ботинки. Потом включила собственный фонарик, значительно меньше, чем у Морелля, но более яркий, и, осторожно шагая, подошла к дереву. Капли дождя с размаху падали на нейлоновый дождевик. Отдающий железом запах крови становился все сильнее, он почти перебил вонь жженой глины.

Анна остановилась в полуметре от ствола, немного не доходя до залитых кровью березовых листьев, и присела на корточки. Направила фонарик туда, где заметила ответ. Какой-то предмет застрял под трупом, косо засел между корнями. Наверное, когда несчастный падал, что-то вывалилось у него из карманов. Анна увидела пластиковую дужку. Понятно.

Она достала из одного кармана дождевика одноразовые перчатки, которые захватила с собой, из другого — ручку. Ручкой осторожно подцепила предмет, застрявший в корнях. Как она и предполагала, там оказались разбитые очки. Дужки погнулись, одного стекла нет. Анна посветила на очки. Уцелевшее стекло было темным, тонированным. Она на миг замерла, потом подняла глаза и направила свет фонарика вверх, в ветки. Труп висел спиной вверх, и Анна быстро нашла лицо — разбитое, с искаженными чертами. Зияла пустая глазница. И все же Анна сразу узнала погибшего. Бородач с субботнего праздника.

Анна осторожно вернула очки туда, где нашла их, и медленно пошла назад, стараясь ступать в свои следы. Не глядя на Морелля, сняла перчатки. Подозвала полицейского, который звонил ей.

— Ульсон, удалите машины и проследите, чтобы участок оцепили. Мне нужно пятьдесят раз по пятьдесят метров вокруг дерева. И чтобы никто туда не входил до прибытия экспертов.

— Но это же прыгун... — Полицейский, явно растерявшись, заговорил слишком громко, заглянул ей через плечо. Анна и не оборачиваясь поняла: он пытается поймать взгляд Морелля.

— Мы будем считать это дело подозрением на убийство до тех пор, пока не будет доказано обратное, поэтому прошу убрать машины и оцепить участок. Понятно? — Не заикнулась, не проявила нерешительности. Отлично!

Ульсон, колеблясь, снова покосился на Морелля.

— Понятно, Ульсон? — Анна повысила голос.

— Конечно, — промямлил полицейский и неохотно двинулся к машине.

Рядом с Анной возник Морелль — он, без сомнения, все слышал.

— Так-так, Анна... — Он покачался на пятках. — Это, конечно, теперь твой округ, твой бюджет. Но действительно ли это дело первоочередной важности, учитывая.

— К сожалению, я должна попросить тебя уехать, — перебила Анна. Она старалась говорить дружелюбно, но решительно. — Прямо сейчас, Хенри, будь добр.

Глава 31

Осень 2017 года

Самое первое убийство, доставшееся Анне, было сравнительно несложным. Старый добрый шведский разбой, тип 1А: двое алкоголиков устроили посиделки в одной запущенной квартире. В начале вечера они были не разлей вода и братья, угощались сосисками, пили “Эксплорер” и грейпфрутовый тоник. Потом, незадолго до полуночи, слетели с катушек. Спиртное кончилось быстрее, чем они рассчитывали, и один пьянчуга воткнул другому в грудь хлеботорезный нож, после чего завалился на диван, рядом со своей жертвой. Отпечатки пальцев, ДНК подозреваемого обнаружили в полуметре от жертвы. An open and shut case^[26], как говорят в детективных сериалах.

И все же во время того расследования Анна усвоила кое-что важное: мотивом самого тяжкого преступления может послужить то, что человек влил в себя грог покрепче того, какой считается приемлемым. В последующие годы этот опыт оказался для нее весьма полезен. Ни один мотив, каким бы незначительным он ни казался, нельзя списывать со счетов.

Йенс Фриберг появился примерно через полчаса после того, как она ему позвонила. Он привез с собой в минивэне “фольксваген” трех полицейских в форме, еще двое сидели в машине с полицейской маркировкой. Хенри Морелль к тому времени давно уехал, злобно рванув машину с места, а дождь из мороси превратился в настойчивый ливень. Фриберг не совершил никаких глупостей вроде поднять ленту ограждения и с любопытством протопать к березе, чтобы взглянуть на труп. За это Анна добавила ему еще балл. Фриберг припарковал минивэн за ее машиной, поднял заднюю дверцу, защитившись ею от дождя, и развернул большую карту.

— Я подумал, тебе стоит сориентироваться, — сказал он и указал место, где они сейчас находились, а потом перевел палец на несколько сантиметров, к тесным зубцам, изображавшим гряды. — Наверху лесная дорога, по ней часто ездят те, кто хочет попасть на смотровую площадку. Если наш покойник приехал туда на машине, то она, вероятно, там. Если ты не против, я думал взять туда с собой двух

человек, поискать машину. И еще надо огородить смотровую площадку и закрыть ее от дождя. Мы взяли в гараже пару брезентовых чехлов.

— Очень разумно. Эксперты из Хельсингборга уже едут, но пока они начнут, пройдет не меньше часа.

— Ясно.

— И вот что, — сказала Анна, когда Фриберг уже повернулся, чтобы уходить. — Убитый — причина субботней драки. Он передал диджею флешку с песней Симона Видье и сунул ему деньги, чтобы тот поставил песню, когда на танцполе будет Кайя Бьянка. С той песни все и началось.

— Вот черт! — Фриберг остановился. — Ты сказала об этом Хенри?

Анна покачала головой. Фриберг покусал верхнюю губу, но промолчал.

Анна все еще не знала, как относиться к Фрибергу; всего несколько дней назад она рассматривала его как соперника, может, даже врага. А сейчас он — ее единственный ресурс. Иногда приходится просто смириться с происходящим, подумала она, прежде чем Хокан успел указать ей на это.

— Я видела покойного в парке в субботу. Он наблюдал за дракой — похоже, от души забавлялся. Так что я задним числом все больше уверена, что... — Анна замолчала, пытаясь определить выражение лица Фриберга, однако безрезультатно. Она все равно договорила до конца: —...что все было спланировано. Наш покойник явился в парк, чтобы запустить какую-то цепочку событий.

Фриберг медленно кивнул и покосился на березу.

— В таком случае ему это более чем удалось.

Фриберг позвонил ей минут через сорок: они обнаружили древний “сааб-900” всего метрах в двухстах-трехстах от смотровой площадки.

— Машина с 2005 года числится в списках развалюх одной фирмы из Клиппана. Неисправная. Незастрахованная, поэтому хозяин не стал заявлять об угоне, но она вполне может оказаться угнанной. Такие конторы вряд ли следят за своим автопарком. Явных признаков того, что машину завели без ключа, я не вижу, но снаружи определить

трудно. Мы все-таки говорим о машине, которой тридцать лет, а девятисотку вообще можно завести палочкой от мороженого.

Анна отметила, что Фриберг не стал вскрывать машину, и поставила ему еще один плюс, а потом еще запоздалый плюсики за то, что он догадался взять брезент. Что бы она ни думала о Фриберге как о человеке, Морелль верно описал его. Фриберг был хорошим полицейским.

— Как вообще выглядит машина? — спросила она.

— Обычная тачка. Я отправлю пару фоток, сама увидишь.

— А смотровая площадка? Что там?

— В смысле следов — плохо. В основном мокрые листья, земля, а после дождя стало еще хуже. Но мы ее оцепили и прикрыли сверху, чтобы эксперты, как рассветет, сделали, что могут. Я позвоню, если мы найдем что-нибудь интересное.

Они разъединились, и телефон Анны пискнул. Здесь, в карьере, покрытие было неважным, и фотографии загружались долго. Анна перешла на другое место в попытке получше поймать сигнал, одновременно глядя на вершину скалы, где между деревьев беспорядочно мелькал свет фонариков.

На первой фотографии был белый “сааб-900” в пятнах ржавчины; машина стояла на обочине, накрываясь в кювет. На второй — водительское сиденье, снятое через боковое окошко. Грязная потертая обивка, под зеркалом заднего вида — плюшевые кубики с выцветшей на солнце подвеской-ароматизатором. Замок зажигания прикрыт пакетом из “Макдоналдса”, так что не видно, торчит из него отвертка или нет. Третья фотография — заднее сиденье. Вспышка дала блик на залитых дождем стеклах, но Анна разглядела два синих пакета из “ИКЕА” и кучу одежды. Лучше самой поехать на грядку и рассмотреть машину поближе. Эксперты все еще не появились, отчего Анна чувствовала разочарование и беспокойство, и в то же время — странную бодрость. Она знала почему, но не хотела признаваться себе в этом. Хокан, как всегда, видел ее насквозь.

Потому что это — твое любимое. Ты обожаешь трудные задачи, охоту, напряжение. Тебе нравится, что у тебя все это отлично получается. Поэтому ты не заикаешься, когда говоришь о работе.

Анна набрала в грудь воздуху, закрыла глаза, представила себе регулятор громкости и крутила колесико, пока не дошла до нуля. Трюк сработал; Хокан замолчал — во всяком случае пока. Надо позвонить. Она и так откладывала уже полчаса, а то и больше.

Надо предупредить Агнес, что она не придет вечером домой.

Глава 32

Осень 2017 года

Около семи утра Анна съездила в Табор — переодеться и подбросить Агнес на поезд. Ее встретил обиженный Мило — собака пролезла у нее между ногами и унеслась к лесу. На кухонном столе лежала записка.

Сегодня ночью у Эрика.

Четыре слова, без подписи. Просто к сведению: ты не волнуйся. И все же немногословная записка сказала Анне кое о чем еще; их хрупкое перемирие, похоже, закончилось. И это ее, Анны, вина — она обещала Агнес, что больше не станет работать ночами и оставлять ее одну. Однако по дороге назад, в полицейский участок, Анна разозлилась. Несколько раз она уже готова была позвонить Агнес и объяснить, что не дело спать в гостях, не поговорив сначала с ней. Но каждый раз, как она бралась за телефон, ее перебивал Хокан.

Есть вещи и поважнее, верно? Вещи, о которых лучше бы тебе рассказать самой, прежде чем она узнает о них из других источников. Внутреннее расследование еще продолжается...

Анна попыталась утихомирить его. Попыталась объяснить, что пустая графа “статус” на экране компьютера абсолютно не означает то, на что он намекает. Что, наверное, прокурор был слишком занят и просто не успел принять решение о закрытии дела. Что дело могут закрыть хоть завтра, и пусть он уже успокоится. Оставит ее в покое и будет вести себя прилично, как и положено мертвецам.

Продолжая внутренний диалог с Хоканом, Анна подъехала к полицейскому участку. Перед зданием стояло несколько машин, знакомых Анне с ночи. Фургон экспертов, подкрепление из угрозыска лена, минивэн Фриберга, еще несколько автомобилей. Анна пошла на запах мокрой одежды и обнаружила всю компанию в “кофейной” комнате; собравшиеся говорили с Хенри Мореллем. Комната была набита битком, настроение — приподнятое; когда Анна вошла, полицейские как раз досмеивались.

— Вот и ты, Анна, — сказал Морелль. — А мы тут предавались воспоминаниям. Они не имеют отношения к новому делу, так что

можешь быть спокойна. — Он улыбался, голос был подчеркнuto приятным — разумеется, еще один способ продемонстрировать Анне, как он недоволен ее вчерашним поведением.

Анна проигнорировала вызов, просто молча ждала. В то же время она отметила, что Морелль все еще в полицейской форме, хотя официально уже на пенсии. Спустя несколько секунд неловкого молчания Морелль сдался, взял свою чашку и встал из-за стола.

— Ну, пора приниматься за новую главу, которую я обещал полицейской академии. В конце концов, я уже получил аванс. Удачи, ребята! — Он поднял чашку, словно произнося тост, и ушел к себе.

Анна дождалась, когда закроется дверь его кабинета.

— Я в курсе, что большинство из вас хорошо знают Хенри Морелля, — медленно начала она. — У Хенри много заслуг, и руководству... — она сделала паузу, вдохнула, выдохнула, — есть за что его благодарить. Но со вчерашнего дня он не состоит на службе и не должен иметь доступа к информации, которая касается тайны следствия. То есть информации о текущем расследовании. Это понятно?

У представителей угрозыска и экспертов ее слова, похоже, замешательства не вызвали, но Анна заметила, что двое полицейских из ее участка многозначительно переглянулись. Фриберг сидел неподвижно.

— Тогда наливайте себе кофе, и увидимся внизу, на планерке.

Анна начала собрание, только когда дверь плотно закрыли. Без намека на заикание изложила, при каких обстоятельствах было обнаружено тело, и передала слово главному эксперту Грэнваллю, который как раз подключил свой ноутбук к видеопроектору.

— Жертва — мужчина в возрасте под пятьдесят, — начал он и вывел первую фотографию, представлявшую изуродованное лицо бородатого. — Рост — метр семьдесят пять, вес на момент смерти — около семидесяти килограммов. Согласно предварительному выводу судмедэксперта, смерть наступила за двенадцать-семнадцать часов до обнаружения тела. Такой большой разброс во времени объясняется холодом и дождем, но в любом случае это ночь с воскресенья на понедельник, вероятно — где-нибудь после полуночи. Больше информации появится после вскрытия. — Грэнвалль отпил кофе и продолжил: — Предварительная причина смерти, как вы наверняка

уже установили, — сильный удар, вполне соответствующий падению. Здесь я тоже сошлюсь на вскрытие, которое даст нам больше подробной информации. Там много ран, которые требуют более внимательного взгляда.

Грэнвалль ввел новую фотографию бородатого — тот лежал на спине на брезенте. Руки и ноги ему уложили ровно, однако они все равно казались неестественно вывернутыми. Ветку, которая проткнула тело, отпилили, и она так и торчала из груди, отчего тело, с вывернутыми под углом конечностями и пустой глазницей, походило на страшную марионетку. Зрелище было настолько отвратительным, что Анна не сразу поняла, что не так с погибшим.

— Он что, был босой? — спросила она.

— Да, обувь осталась в машине. Удивительное обстоятельство, даже при том, что у нас в Куллаберге один прыгун был совершенно голым. Оставил на себе только новогодний колпак.

Грэнвалль собрал урожай ожидаемых смешков и продолжил:

— В нашем случае личность покойного не установлена. Мы не обнаружили ни удостоверения личности, ни других документов — ни при самой жертве, ни в машине. Однако имеются другие следы, которые помогут нам быстро установить, кто наш погибший.

Он снова поменял картинку, выведя коллаж из множества уродливых татуировок, покрывавших руки мужчины от кисти до плеча и его грудь. Анна узнала размытое пятно на тыльной стороне руки, вероятно, представлявшее спасательный круг с крестом. Эксперт снова поменял изображение и предъявил собравшимся сгибы локтей покойного. Маленькие белые шрамы складывались в знакомый узор.

— На теле имеются следы тюремных татуировок, а также шрамы от инъекций, а это значит, что покойный с большой вероятностью окажется в наших базах данных. Для начала попробуем найти совпадения по отпечаткам пальцев, это быстрее всего. Пробы ДНК, как вы, наверное, знаете, должны быть переданы в лабораторию. — Он остановился и вздохнул. — Я, конечно, имею в виду ШИК — шведская исследовательская комиссия, как теперь называются наши друзья из Линчёпинга. Светлую голову, которая придумала это название, надо отправить в тюрьму пожизненно.

Он подождал, когда полицейские отсмеются второй раз.

— Если у нашего мертвеца брали отпечатки пальцев, результатов можно ожидать самое раннее к вечеру. В детективном сериале, конечно, все было бы быстрее.

Еще один взрыв предсказуемого смеха.

— Мобильный телефон нашли? — перебила Анна, прежде чем Грэнвалль продолжил свой стендап.

— Нет. Мы искали с металлодетектором. И рядом с телом, и на смотровой площадке — безрезультатно. В прикуривателе машины было зарядное устройство, но телефон отсутствовал, что в наши дни выглядит слегка странным. Кстати, вот смотровая площадка.

Он вывел новое изображение. Вдоль длинного каменистого плато протянулась дырявая ограда из сетки-рабицы. За ней угадывался вид, с милую шириной. Табличка “ОПАСНЫЙ УЧАСТОК” на ограде напомнила Анне ту, что они с Агнес видели на шлагбауме возле каменоломни. Следующие снимки были сделаны уже в лесу. Земля под деревьями покрыта сырыми листьями, кое-где кучками насыпана почва, что могло быть делом как людей, так и диких животных.

— Вы понимаете, что обнаружить сколько-нибудь весомые улики на такой поверхности нелегко. Будем надеяться на рабицу. Чтобы подойти к самому краю плато, надо перебраться через сетку, и у нас появляется шанс обнаружить обрывок одежды. Мои ребята сейчас как раз заняты поисками. Кстати, выношу благодарность коллегам, которые вчера ночью прикрыли площадку брезентом.

Он одобрительно кивнул Фрибергу.

Новый снимок, на этот раз — белый “сааб”. Про него Анна и так уже знала. Модель, год, регистрационный номер. Название фирмы-владелицы и то, что об угоне никто не заявлял.

— Мы пока не можем связать машину с покойным, но учитывая, где ее нашли, вполне можно принять как рабочую версию, что это его машина. Мы отбуксировали машину в гараж. Займемся ею, как только разберемся с тем, что там снаружи, — заключил он. — Да, сейчас все зависит от экспертизы. Мы пока не можем сказать, было это самоубийство или убийство. Ждем ответа по отпечаткам пальцев и результатов вскрытия, а также обследования машины.

Совещание вышло недолгим. Допрашивать почти некого — водитель оказался единственным свидетелем, а домов на последних километрах дороги, ведущей к смотровой площадке, не имелось. Анна

поблагодарила полицейских за напряженную работу ночью и отпустила всех по домам, спать. У самой Анны были совершенно другие планы.

Она спустилась в гараж и обнаружила белый “сааб” стоящим в углу; машину обнесли заграждающей лентой. Как она и надеялась, эксперты еще ничего не забрали из машины и не начали снимать отпечатки пальцев.

Натянув пластиковые перчатки, Анна осторожно открыла дверцу со стороны водителя. В нос ей ударили запахи сигарет, старой обивки, высушенного ароматизатора и другие более или менее приятные ароматы, которые способна источать старая машина. Анна постояла, стараясь представить себе бородач за рулем. Не касаясь водительского сиденья, она по поясу сунулась в машину и осторожно приподняла пакет из “Макдональдса”, прикрывавший замок зажигания. Фриберг оказался прав. Из замка торчало нечто, похожее на обломок ножовки; обломок-то и работал как ключ. Как и говорил Грэнвалль, из прикуривателя свисал провод зарядного устройства, а на полу у пассажирского сиденья стояли стоптанные кроссовки, настолько грязные, что цвет различить было почти невозможно. Зачем бородач их снял?

Анна переключилась на заднее сиденье. В одном икеевском пакете содержался дешевый бритвенный набор, под которым лежала смятая одежда. В другом оказались спальник мешок и подушка. Здесь, сзади, отчетливо пахло немытым человеческим телом. Карманный фонарик, втиснутый между потолком и ручкой над дверцей, убедил Анну: бородач жил в машине.

Багажник предъявил набор разнообразных ржавых инструментов, несколько метров садового шланга и пластиковую канистру. Два последних предмета, судя по запаху, использовались, чтобы сливать бензин из припаркованных машин.

Анна немного отступила назад и снова оглядела машину. Попыталась увязать увиденное с информацией от эксперта и с тем, что она знала о погибшем, — и через десять секунд поняла: что-то не так. Еще через двадцать она уже знала, что именно.

В бородаче метр семьдесят пять роста — он чуть выше ее самой (наверное, правильнее сказать “был чуть выше”). По шведским меркам

— мужчина среднего роста. К тому же худой, почти истощенный. Но водительское сиденье отодвинуто максимально далеко от руля.

Анна снова сунулась в машину, взглянула на зеркала заднего вида и попыталась рассчитать углы. Она изо всех сил старалась сомневаться, но ей не удалось обнаружить ничего, что изменило бы ее первоначальные выводы: если бы бородатый сидел на водительском месте, зафиксированном так далеко от руля, ему было бы очень сложно нажимать на педали или смотреть в зеркала заднего вида. Странному положению кресла было два разумных объяснения. Первое — машина принадлежала вовсе не бородатому. Такое объяснение не вписывалось в рабочую гипотезу, что уже само по себе было веским поводом обдумать его. Второе объяснение лежало, можно считать, на поверхности. Машина принадлежала бородатому, но последний отрезок до смотровой площадки ее вел не он, а кто-то еще. Кто-то гораздо более рослый, и этот кто-то забрал мобильный телефон жертвы, вероятно — чтобы скрыть свое участие в преступлении.

Несмотря на все усилия Анны, в голове у нее почти сразу же всплыло лицо Алекса Морелля. Алекс отказывался уходить, сколько бы она его ни гнала.

Глава 33

Осень 2017 года

Анна уже собиралась поехать домой и отдохнуть, но сначала решила разобраться с неприятным вопросом насчет Хенри. Она остановилась у полуоткрытой двери Морелля и тихонько постучала по косяку.

— Входите!

Морелль в очках для чтения сидел за столом.

— Анна! Хорошо, что ты пришла. Никак с проклятым курсором не совладаю. Я уж и так, и эдак. — Он с отчаянием указал на экран.

— Сейчас, — сказала Анна, пытаясь скрыть удивление.

Она обогнула стол, склонилась над плечом Морелля и поставила курсор в нужное место. От Хенри, как всегда, пахло водой после бритья и — немного — плесенью.

— Ну вот. — Она выпрямилась.

— Спасибо! Ты меня просто спасла.

Анна осталась стоять над ним, чуть в стороне. Очки у Хенри съехали на кончик носа, что придавало ему вид симпатичный и слегка рассеянный. Анна пожалела, что так резко обошлась с ним в каменоломне, и решила сказать ему об этом.

— Хенри, я правда не хотела... — начала было она, но Морелль прервал ее.

— Не нужно ничего говорить! Это я должен извиниться перед тобой.

Он медленно снял очки и поерзал.

— Я всю свою профессиональную жизнь проработал в этом участке. Неданос и его жители как будто стали мне большой семьей. И чувствовать, что тебя исключили. — Анна уже хотела было что-то сказать, но Морелль протестующе замахал руками. — Нет, нет. Ты все сделала правильно. Это теперь твой округ, твой участок, твои сотрудники и, не в последнюю очередь, твои решения. Я уверен, ты со всем разберешься тактично и простишь старого динозавра, которому трудно выпустить штурвал из рук. Остаться сидеть в участке — есть в

этом, если подумать, что-то нездоровое. Цитируя мою умную жену, это было не совсем продуманное решение.

Анна не очень понимала, что сказать. Отчасти она была рада внезапному прозрению Морелля. С другой стороны, ей было немного жаль его.

— Ничего страшного, — примирительно сказала Анна. — Я правда очень ценю, что благодаря тебе чувствую себя как дома, и рада, что ты здесь, если мне понадобится. — Перед словом “помощь” в голове резко прозвенел звонок, и Анна остановилась, поняв, что оно прозвучит неправильно. Взвесила слово “поддержка”, но его тоже отвергла. — Совет, — сказала она, сильно выдохнув, и Морелль просветлел.

— Конечно, Анна! Обращайся по любому вопросу.

— Спасибо, Хенри.

Они помолчали, как будто не знали, как закончить разговор.

— Ну, я на пару часов домой. Ночь выдалась длинная, — вырвалось у Анны.

— Понимаю. — Хенри кивнул. — У ребят в “кофейной” был слегка уставший вид. Но они хорошие полицейские, свое дело знают. — Он встал, как будто раздумывая, продолжать ли. — Анна, можно один вопрос?

— Конечно!

— Вы нашли что-нибудь, что указывало бы не на самоубийство?

Анна припомнила положение водительского кресла, но решила оставить это незначительное наблюдение при себе.

— Пока нет, — протянула она.

Морелль кивнул — старый добрый медведь. И все же Анне показалось, что у него с души свалилась какая-то тяжесть.

По дороге домой Анна включила в телефоне GPS, чтобы найти смотровую площадку, но, как и раньше, на гряде GPS ловил только время от времени. Он увел ее направо, к двум табличкам; на одной, старой, значилось “Которп”, другая, поновее, сообщала: “Норрбликка Bed & Breakfast”, после чего GPS пришел в смятение и никак не мог выбрать правильный съезд. Анна обнаружила еще одну табличку, которая вела к чему-то под названием “Волчий дол”, но это странное название она помнила по карте Фриберга. Анна решила просто ехать прямо. Ей повезло встретить минивэн экспертов, и она махнула, прося

посторониться. В машине сидели двое немолодых экспертов, Анна узнала их по предыдущей ночи.

— Нашли что-нибудь?

Водитель устало кивнул.

— Сняли несколько обрывков одежды с ограды, прямо у края, и рядом нашли отпечаток ноги.

— Больше ничего?

Мужчины переглянулись.

— Так, косвенное, — сказал тот, что сидел на пассажирском месте. — Несколько дней шел дождь, так что земля мягкая, и в лесу отпечатков нет. Есть только кучки листьев — там, где их резко сдвинули ногой. Это так, рассуждения без доказательств... — Мужчины снова переглянулись. — Но мы с Бёрье не первый раз видим подобное, и у нас обоих впечатление, что все происходило очень быстро.

— В смысле? — Анна обернулась к водителю — несомненно, он и был Бёрье.

— Похоже, он бежал. Пустился бежать в лесу, прорвался сквозь ограду и шагнул прямо в воздух. Вот и отпечаток ноги на это указывает.

— Там видна только подушечка стопы, — пояснил эксперт с пассажирского сиденья. — Как когда человек бежит что есть сил.

Анна поблагодарила экспертов и, перед тем как отпустить их, спросила дорогу на смотровую площадку.

Она нашла нужный волок, попетляла между выбоинами в дороге и остановила машину прямо перед следами от покрышек “сааба” и эвакуатора, который его забрал.

По обеим сторонам дороги тянулся густой лиственный лес, деревья высокие, как вокруг Тора. Землю покрывал толстый слой прелых листьев. Сверху листья этого года, в середине — прошлогодние, и чем ниже, тем больше они затронуты гниением; самые гнилые лежат на земле. Анна заметила свет между стволами, пошла вниз по склону и метров через сто оказалась на смотровой площадке.

Площадка представляла собой плато “бараний лоб” шириной метра три-четыре. Идущему из леса ее было не видно, единственным предупреждением служило светлое небо. Впечатляющий вид, хотя и не

такой красивый, как из окон Табора. Под скалой тянулся лунный пейзаж “Glarea”. Отвратительные коричнево-серые рваные раны взрывали землю, тянулись до самых окраин Неданоса. Анна видела, как ворочаются машины, как поднимается дым между оврагами. Несмотря на высоту и ветер, ее ноздрей достигал запах обжигаемой глины. Жители окраинных домов, видневшихся вдали, у окончания карьера, наверное, в полной мере ощущают и взрывы, и вонь. Неудивительно, что карьер хотят закрыть.

Ограда из рабицы выглядела еще хуже, чем на фотографиях экспертов. В высоту она едва достигала метра; сетка кое-где растянулась и провисла. Если взрослый человек будет бежать вниз по склону, под дождем и в темноте, она вряд ли его удержит. Анна осторожно перебралась через сетку и посмотрела с кручи вниз. Метрах в пятидесяти-шестидесяти внизу она разглядела искалеченную березу, на месте сломанных ветвей тянулась светлая рана.

Может быть, все так и было? Скорее несчастный случай, чем самоубийство? Анна прокрутила версию в голове. Исключать подобное, конечно, нельзя, но версия с несчастным случаем не объясняет, почему бородатый оказался наверху или почему он бежал вниз по склону босиком. Так же, как отсутствие у него мобильного телефона и неправильное положение водительского кресла. Место, где произошло несчастье, не содержало однозначных улик, пригодных для того или иного сценария. Все двери пока открыты, говорила себе Анна.

Она забралась в машину и поехала домой; в задумчивости свернула не на тот съезд, однако заметила это, лишь когда въехала на чей-то двор с красивым длинным домиком. Однако сейчас место не выглядело гостеприимным. У входа протянулась большая канава. Грузовая паллета выполняла роль мостика, половину двора покрывали стройматериалы: бетонные водосточные трубы, штабели досок, груды кирпича и черепицы; поодаль, возле экскаватора — цистерна с дизелем. Анна узнала логотип фирмы — она видела такой в подвале у Морелля. Здесь работала фирма Александра, и несколько минут Анна опасалась, что нарвется на него. Но, несмотря на разгар буднего дня, вторника, работа, кажется, встала; барак для рабочих был заложен засовом с большим висячим замком.

Анна стала разворачивать машину между двумя наполненными водой колеями и угодила в одну задним колесом; глухой удар по подвеске показал ей, что колея глубже, чем кажется. Анна уже собиралась переключить скорость, чтобы уехать, когда из дома кто-то вышел. Долговязая фигура в кепке и с двумя крупными овчарками на поводке. Уши у обеих собак стояли торчком, взгляды прикованы к ее машине.

Из-за одежды Анна не сразу сообразила, что перед ней Мари Сорди. Мари остановилась; она явно напряглась.

Анна опустила окошко и высунула голову.

— Здравствуйте, Мари. Это всего лишь я. Анна Веспер.

— А, здравствуйте. — Лицо у Мари смягчилось, но не до конца. Неудивительно, учитывая обстоятельства их последней встречи. Мари подошла к водительской дверце; она остановилась, и обе собаки тут же сели рядом с хозяйкой.

— Вы уж простите за прием. Я не узнала машину. Из-за стройки сюда кого только не несет. — Мари махнула на дом у себя за спиной.

— Это Которп? — спросила Анна.

— Сейчас это называется Норрбликка, — сказала Мари с едва уловимой гримасой. — Вы хотели поговорить с Бруно? Насчет субботнего? — Судя по голосу, Мари встревожилась. Анна покачала головой:

— Нет. Я просто немного не туда заехала.

— Вот как. — Мари явно полегчало. — Да, ошибиться не трудно. На склонах столько узких проселков!

Одна из овчарок тихо заворчала, но затихла, когда Мари шикнула на нее.

— Хотите зайти? Здесь беспорядок. Сейчас мы, как видите, живем на строительной площадке.

Анна помотала головой. Сейчас у нее не было сил на светские беседы; после ночных событий ей хотелось одного: попасть домой, принять душ и часок вздремнуть.

— Спасибо, как-нибудь в другой раз. Неплохо вы тут все задумали. — Она кивнула на домик. — Я слышала, здесь будет конференц-центр.

Мари устало улыбнулась.

— Во всяком случае, мы так планировали. Сейчас тут как-то не очень. Вода и электричество у нас только в половине дома, а то, что Бруно и архитектор постоянно меняют чертежи, дела не улучшает.

— Вот как. Но когда все закончится, получится наверняка очень красиво. — Анна не знала, зачем это сказала, но ей было немного жаль Мари, которой приходится с семьей жить в таком беспорядке.

Мари кивнула.

— Я Бруно тоже так говорю. Между нами — он хуже детей ноет, что приходится принимать душ в подвале.

Женщины обменялись улыбками.

— И, Анна, пока вы не уехали. — Мари склонила голову к плечу. — Я искренне прошу прощения за то, что Бруно устроил в субботу. У него столько дел — и стройка, и отцовский ресторан. Фаббе считает, что он слишком много времени проводит здесь, лучше бы работал. — Мари покачала головой. — Бруно и Алекс выпили лишнего, а тут еще напряжение и все прочее...

Мари виновато взмахнула рукой, отчего обе собаки перевели взгляд на нее.

— Я, конечно, понимаю — это не извинение, а просто объяснение. Но я в любом случае хочу попросить прощения и сказать спасибо за помощь. Мы уже отправили диджею подарок в качестве извинения. И, конечно, купим новую аппаратуру взамен испорченной, — закончила Мари с примирительной улыбкой.

— Бруно говорил, что все началось с той песни, — сказала Анна. — Диджей поставил какую-то старую песню Симона Видье.

Мари продолжала улыбаться, но при упоминании Видье выражение ее лица изменилось. На нем отразились тревога, неприязнь, откровенный страх.

— Насчет этого не знаю. Там было так шумно. Я собственные мысли еле слышала.

Ложь, да еще откровенная; Мари выдавали и жесты, и голос. Как и ее друзья, она узнала ту песню. Но почему она лжет? Анна знала почему — она и раньше сталкивалась с этим феноменом. Мелкая ненужная ложь — защитный механизм, способ дистанцироваться от чего-то неприятного, чего-то, с чем человек не хочет иметь дела.

— Вы с Симоном ведь были двоюродными? — спросила Анна. Мари поежилась.

— Ну да, были. Элисабет Видье — моя тетка.

— Значит, вы с Симоном хорошо знали друг друга.

Собака снова заворчала, словно уловив беспокойство хозяйки.

— Мы были как родные, — глухо сказала Мари.

Снова зарядил дождь, лужи пошли маленькими кругами. Где-то вдалеке кричала птица — хрипло, монотонно. Звук тихо отдавался над верхушками деревьев.

— Ну, я лучше пойду к себе. — Мари, как положено политику, совладала с лицом и выпрямилась, отчего обе собаки тут же поднялись. — Повторю: мы с папой очень благодарны за то, как деликатно вы решили проблему в субботу. С нетерпением ждем возможности поработать с вами вместе.

Глава 34

Осень 2017 года

Добравшись до Табора, Анна выпустила Мило и быстро приняла душ. Она собиралась вздремнуть, но в голове вертелось слишком много мыслей. На кухне Анна намазала кусок хлеба печеночным паштетом, села на диванчик и снова стала одно за другим вспоминать события субботнего вечера, пытаясь воспроизвести их в точности. Она помнила, как кричала Алексу отпустить диджея и как Бруно Сорди сказал что-то, когда встал у нее на пути. Что-то про “признается”. Анна закрыла глаза, пытаясь вызвать в памяти Бруно Сорди. Налившееся красным лицо, бешенство в глазах, губы шевелятся. Пусть сначала признается, примерно так он сказал. Признается в чем? Что он поставил песню? Но тут сомнений нет. Так что имел в виду Бруно? Разговор с его женой ни к чему не привел, хотя было очевидно, что она не хочет обсуждать Симона Видье.

Рано или поздно Анне придется поговорить с Алексом и Бруно. Пока только Анна и Фриберг знают, что снятый с дерева погибший и был тем, кто спровоцировал драку на празднике, и Анне хотелось бы, чтобы какое-то время так оно и оставалось. Она знает, кто этот человек на самом деле, и, может быть, ей удастся узнать, что им двигало. А до того с допросами лучше подождать. К тому же тогда будет время обдумать, как вести себя с Хенри Мореллем.

Усталость обрушилась на нее, как удар кувалды. Анна вытянулась на диване и закрыла глаза, обещая себе, что подремлет всего несколько минут.

Ее разбудил звонок. Мобильный телефон крутился на кухонном столе, как гигантское злобное насекомое; Анне наконец удалось поймать его.

— Алло?

— Здравствуйте, это Грэнвалль, эксперт. Мы идентифицировали покойного. Я подумал, вы захотите узнать сразу.

— Ага, отлично. И как? — Анна схватила бумагу и ручку.

— Совпадение по отпечаткам пальцев, как мы и думали.

— Как его звали?

— Кент Юаким Рюландер, родился 16 июня 1969 года, еще много как себя называл. Список преступлений длинный, как чек из “Уллареда”. Наркотики, кражи, кражи со взломом, незаконное вождение. Из последнего — мелкое мошенничество и хищение денег.

— Где он жил?

— Зарегистрирован по тому же адресу возле Клиппана, что и фирма-владелица “сааба”, так что можно заключить, что машина его. Кстати, мы только что обследовали ее на предмет отпечатков пальцев и ДНК. Я ожидаю совпадения, но это уже почти формальность.

— Хорошо. — Анна поразмыслила. — И ни мобильного, ни бумажника так и не нашли?

— Нет. У Рюландера не было водительских прав, так что не факт, что у него имелся бумажник. В переднем кармане нашли пару мятых сотен.

— Ладно. — Анна подавила зевок. — Нужно провести обыск дома в Клиппане. У вас есть кого туда отправить?

— Не раньше завтрашнего дня. Мои парни работали за полночь, как закончат — пусть едут по домам. Мне бы, кстати, тоже домой.

Анна взглянула на часы. Почти половина третьего. На крыльце возбужденно лаял Мило. Он бегал под дождиком почти полтора часа и наверняка вымок и замерз.

— Конечно, — сказала она. — Встречаемся завтра в участке ровно в восемь, поедem вместе.

Анна закончила разговор и открыла дверь Мило, который лаял без передышки. Прямо за дверью сидел на корточках Матс Андерсон. Он играл с собакой.

— Зд-дравствуйте, — удивленно произнесла Анна.

Здоровяк поднял на нее глаза и наморщил лоб, одновременно удерживая Мило, который пытался вскарабкаться на него.

— Агнес дома?

— Нет, в школе.

— Вон как. — Матс, похоже, огорчился. Собака вывернулась у него из рук и попыталась обнюхать потертый кожаный рюкзак, который Матс пристроил у себя за спиной.

— А вы что-то хотели?

— Да не. — Он помотал головой, отогнал Мило и поднялся. — Просто принес ей кое-что. Подарок.

— Может, кофе? — Анна спросила с умыслом. У нее был свой интерес к Матсу, и этот интерес отчасти объяснялся тем, что Матс — младший брат Мари Сорди-Андерсон и всего на несколько лет моложе Симона Видье. Анна шагнула в сторону, сделала приглашающий жест в сторону кухни.

Матс сначала просиял, но потом как будто заколебался, словно соблазнительную мысль о кофе перебила какая-то другая.

— Не знаю. Тетя говорила, что в Табор никому нельзя... — Он неловко повернулся. Мило вертелся у его ног, не сводя глаз с рюкзака.

— А если я вынесу нам по чашке сюда?

Матс подумал и кивнул. На кухне Анна собрала поднос: две керамические чашки, сахар, молоко. В шкафчике нашлось печенье. Прежде чем выйти, надела куртку. В воздухе еще висела морось, но Матс, казалось, ее не замечал. Он взял у Анны чашку, вежливо поблагодарил, насыпал сахару, налил молока. Размешал так тщательно, что Анне показалось, что он считает обороты, сделанные ложечкой. Пять по часовой стрелке и столько же — против.

— Ваша тетя на днях нас навестила, — сказала Анна, в основном чтобы начать разговор.

— Я слышал. Клейну это не очень понравилось. — Матс осторожно отхлебнул кофе.

— Не понравилось?

Матс покачал головой.

— Тетя больна. Ей бы не надо ездить так далеко.

— В Энглаберге все решает Клейн?

Матс сморщился, но Анна не смогла понять почему — из-за кофе или из-за вопроса. Во всяком случае, ответа она не получила. Анна зашла с другой стороны:

— Я недавно познакомилась с вашей сестрой Мари. В субботу в парке мы тоже виделись.

— Праздник по поводу возвращения домой, — констатировал Матс и стер упавшую на бороду каплю кофе. — Папа, как всегда, говорил речь. Он обожает речи.

— Но вас там не было?

Матс покачал головой.

— Мне хорошо на холмах, в лесу.

Мило сидел, привычно демонстрируя Матсу, как ему хочется угощения: умильно поскуливает, голова набок, из пасти иногда капает слюна. Анна бросила ему печенье, но в ответ получила обиженный взгляд, как будто Мило хотелось вовсе не печенья. Потом он все же принялся за подачку.

— Почему вы живете у тети в Энглаберге?

— После дедушкиной смерти Энглабергой пришлось заниматься тете. Когда мама с папой поженились, им достался Которп. Но в восьмидесятых папа почти всю землю продал “Glarea”. Вы в карьере были?

— Да.

— Там которпские участки. Жутко выглядит.

— Почти как на Луне, — сказала Анна и в ответ получила согласный кивок.

— Значит, вы с Мари выросли в Которпе?

— Угу. Но мама часто болела, и мы оставались с тетей в Энглаберге. Мари, кстати, не нравится, когда говорят “Которп”.

— Правда?

— Ну. Они с Бруно окрестили усадьбу Норрбликка. — Он скептически покачал головой. — Когда отец продал Которп Мари и переехал в поселок, Мари с тетей решили, что я переберусь в Энглабергу. У меня же там коллекция.

Матс осторожно захрустел печеньем, не объясняя, что он хотел сказать последней фразой.

— И когда это было?

Матс как будто задумался.

— Мама умерла в две тысячи седьмом, так что я уже десять лет как живу у тети.

— У вашего папы, Бенгта, не очень хорошие отношения с Элисабет, да?

Матс покачал головой.

— Они с папой под одной крышей не уживутся. Никогда не уживались. Тете не нравилось, что он продал дедушкину землю “Glarea”.

— А с Хенри Мореллем?

— С ним то же. У тети тяжелый характер. С ней вообще только Клейн может столкнуться.

— Это из-за Симона, да?

Матс упорно смотрел в свою чашку.

Анна решила поговорить с вопросами и предоставить молчанию завершить начатое, но Матс только хрустел печеньем. Анна решила зайти с более безопасного угла.

— Симон устроил в гараже, в Энглаберге, собственную студию звукозаписи. Это мне рассказал продавец велосипедов на днях. Вы ее видели?

Матс взглянул на Анну, коротко улыбнулся.

— Не Симон, а я ее устроил. У Симона руки не из того места росли. Я сколотил кабинку, мы ее за-изолировали яичными клетками, и еще окошко, чтобы можно было заглянуть. Хорошо получилось.

Он неловко улыбнулся, словно воспоминание доставило ему удовольствие.

— Вы бывали в студии, когда он записывал музыку? Матс кивнул.

— Симон накопил на настоящий магнитофон. Иногда, когда он сидел в студии, я нажимал кнопки. Он красиво пел. Всем нравилось. Симона все любили. — Матс замолчал, снова уставившись в чашку.

— А другие из той компании бывали в студии? Ваша сестра, Алекс, Бруно и Карина?

Матс пожал плечами.

— Да нет. Симон не любил, когда туда кто-то приходил. Туда можно было только мне и Карлу-Юхану.

— Нельзя было даже вашей тете или Клейну? Почему?

Матс покачал головой.

— Симон говорил — ему это мешает.

— Карл-Юхан часто туда поднимался?

— Иногда. У него в гараже, под студией, была летняя машина.

— Летняя машина?

— Карл-Юхан так ее прозвал. Красный кабриолет, руль не с той стороны. Красивая, но уж возни с ней было. Карл-Юхан, когда копался в машине, открывал дверь на лестницу, чтобы слышать, как Симон играет. Симон орал, чтобы закрыл, Карл-Юхан кричал: ладно, но дверь все равно стояла открытая.

Матс перевел дух, словно запыхался, рассказывая. Допил чашку, покосился на дорогу.

— Как по-вашему, она скоро будет?

— Кто? Агнес? Не знаю. — Анна попыталась припомнить расписание Агнес и тут же почувствовала себя матерью-ехидной.

— Если хотите, я схожу уточню.

Матс покачал головой.

— Мне домой пора. Я уж в другой день как-нибудь.

Он поставил чашку на поднос. Влез в ляжки рюкзака, собираясь уходить.

— Студия сгорела, да? — спросила Анна. Матс остановился.

— Да, — без выражения сказал он. — Студия, магнитофон, летняя машина. Все сгорело. Ничего не осталось.

— Совсем ничего? — Анне вспомнился почерневший скелет в сарае, и она не смогла удержаться, чтобы не взглянуть в том направлении. Матс проследил за ее взглядом.

— Почти ничего, — прибавил он.

— Карл-Юхан сохранил машину. Во всяком случае то, что от нее осталось, верно?

Матс кивнул.

— Он хотел ее починить. Но так и не починил. Карл-Юхан же... — Матс поднял руку, указывая не то на зал для проповедей, не то на собственную голову.

— Фреска, — перебила Анна. — Вы ее видели?

— Нет. — Ответ последовал как-то слишком быстро, и Анна увидела, что губы в густой бороде тревожно задвигались.

— Но вы знаете, что на ней?

Матс не ответил.

— Ваша сестра была тогда на каменоломне. Она ничего не рассказывала о том, что случилось? О Симоне?

Матс покачал головой.

— Никто не говорил о Симоне. Ни отец, ни Мари, ни Бруно или Алекс. И другие тоже не говорили, во всяком случае вслух. Как будто его и не было никогда. Но Симон был. Он так мне нравился.

Матс замолчал и опустил глаза. Мило, поскуливая, придвинулся ближе к Матсу и склонил голову набок, словно разделяя печаль этого рослого человека.

— Я кое-чего не понимаю, — тихо сказала Анна. — Ваша теть, Элисабет. Она злится на вашего папу, на Хенри Морелля, Алекса, Бруно и Карину, потому что думает, что они врут насчет случившегося.

Но с вашей сестрой она разговаривает, хотя Мари тоже была в тот вечер на каменоломне. Почему так?

— Одежда, — буркнул Матс.

— Одежда? В смысле?

Матс покосился на лесную опушку, словно ему больше всего хотелось уйти отсюда.

— Когда они утром увидели Симона в воде, Мари прыгнула, чтобы вытащить его. Только она одна, больше никто не прыгнул. Остальные держались на берегу. Мари вымокла, а у них одежда была сухая.

Анна поразмыслила.

— Значит, ваша тетя решила: другие думали, что прыгать в воду, спасать, бессмысленно. Что они уже знали — Симон мертв.

— Вода в каменоломне ледяная. — Матс пожал плечами. — Они еще вечером промерзли до костей. У Карины губы посинели. — Он беспокойно потоптался на месте. — Мне пора. Спасибо за кофе.

На прощанье Матс погладил Мило, медленно пересек двор. Лишь когда он скрылся за деревьями, Анна поняла: что-то в его поведении фальшиво, царапает глаз.

Вечером Анну настигла бессонница. Они с Агнес почти не говорили, а из-за последних событий она забыла позвонить адвокату и спросить, что там с внутренним расследованием. Но ее мысли были заняты другим.

Как вообще Рюландер оказался здесь? Почему он объявился в Неданосе именно на этом празднике? Откуда у него песня Симона Видье, почему он хотел, чтобы ее поставили для Кайи Бьянки и трех остальных? Куда делся его мобильник, почему он не обулся и — самое главное — кто его убил? И хотя версия Анны висела в воздухе, Анна была уверена: смерть Рюландера — не самоубийство и не несчастный случай. В этой истории чего-то не хватает. Чего-то, что связывает части рассказа воедино. И это что-то необходимо найти.

Усталость брала свое, мысли начали путаться. Великан Матс и его история. Матс сказал, что Карина Педерсен замерзла так, что губы посинели. Откуда он знает? Может, сестра ему рассказала, но это вряд ли. Мари и Матс, похоже, не очень близки.

Мысли спутались, и Анна соскользнула куда-то между сном и бодрствованием. Она уже почти спала, когда ей показалось, что наверху, в зале для проповедей, скрипнула половица.

Глава 35

Осень 2017 года

На следующий день Анна была в кабинете уже в семь утра. Агнес уехала к поезду на “веспе”, так что они даже не виделись, не говоря уж о том, чтобы перемолвиться словом.

Руководитель группы экспертов — или кто-то из ее следователей — распечатал выдержку из реестра судимостей и отпечатки пальцев Рюландера и положил в папку на ее рабочем столе. Анна, конечно, оценила эффективность работы, однако решила, что неплохо бы впредь запираить дверь кабинета. Фото восьмилетней давности, борода чуть короче и очки обычные, но, без сомнения, Кент Юаким Рюландер и покойник с березы — одно и то же лицо.

Анна полистала документы. Рюландер начал свой путь, когда ему еще не было двадцати: мелкие кражи, наркотики, потом дорос до угона машин, краж со взломом и торговли краденым. Последовавшие затем более серьезные преступления, связанные с наркотиками, привели его в тюрьму на несколько лет. Едва Рюландер вышел на свободу, как карусель завертелась снова. Он колесил по южной и центральной Швеции, меняя адреса почти каждый год. Наркотики постепенно сменились мошенничеством, подделкой документов и хищениями — преступлениями, которые караются меньшим тюремным сроком, но требуют большей предприимчивости. Рюландер, безусловно, был совсем не дурак. У него, как у многих преступников, имелось несколько имен. Он называл себя Кента, Кекке, Юкке и подобными вариациями обоих своих имен. Фамилию он тоже менял не меньше трех раз, пока не остановился на “Рюландер”. Анна поискала родственников и выяснила, что родители Рюландера умерли, что женат он не был, но после недолгого исследования она обнаружила трех детей, все от разных женщин. Первая дочь родилась в начале девяностых, когда Рюландеру было немногим за двадцать. Двое других появились на свет, когда ему было уже хорошо за тридцать, и еще не достигли совершеннолетия. Анна решила поручить кому-нибудь из следовательской группы сообщить старшей дочери о гибели отца и узнать, что она намерена делать с телом, когда судебный медик

закончит вскрытие. Анна закрыла папку. Кент Юаким Рюландер жил паразитом, избегал любой ответственности; у него, имевшего трех детей, не было семьи. И дни свои он окончил примерно так же, как жил. В полном одиночестве. Анна подумала про Агнес. Их отношения снова оказались в исходной точке, и Анна должна что-то с этим сделать. Вернуть себе чувство, которое у них было в те выходные. *Расскажи ей, прошептал Хокан. Ты знаешь, что должна рассказать.*

Анна прогнала его, сняла паспортное фото Рюландера на мобильный телефон и отослала диджею Кристиану. Потом позвонила и без околичностей спросила, о чем хотела спросить.

— Да. Это тот парень, что дал мне флешку.

— Вы уверены?

— Насколько возможно. Фотке уже несколько лет. Кстати, а почему вы спрашиваете? Вы же закрыли дело?

— Вы когда-нибудь слышали имя Кент Юаким Рюландер?

— Нет, насколько помню. Его так звали?

— Да.

— Я уже говорил — раньше я его не видел. Почему это так важно?

— Вчера Рюландера нашли мертвым в карьере “Glarea”.

— Вот черт! — Легкое раздражение в голосе сменилось любопытством. — А что случилось?

— Пытаемся разобраться. Пока вы, похоже, последний, кто говорил с Рюландером, поэтому вспомните, пожалуйста, что именно он вам говорил и каким показался.

В трубке несколько секунд было тихо.

— Ну, насколько я помню, он просто появился передо мной. Протянул флешку и пятисотку и попросил поставить песню, когда на танцпол выйдет Кайя Бьянка. Сказал, что потом даст еще денег. Я подумал, что это немного странно, но я и хуже видел. Одно лето работал на Ибице...

— Что с флешкой? — перебила Анна, пока Кристиан не пустился в воспоминания.

— Да не знаю. В воскресенье я съездил в парк, забрал вещи, а ее там уж не было.

— Больше ничего не помните? Может, вы что-то забыли рассказать?

Снова молчание в трубке.

— Ну, запомнилось кое-что.

— Так? — Анна прижала трубку к уху.

— Когда Алекс Морелль вцепился в меня, тот, другой, что-то орал мне в ухо. Повар. Как там его?

— Бруно Сорди?

— Точно. Он несколько раз проорал, чтобы я признавался.

— В чем? — Анна помнила, что Бруно и ей так сказал.

— Да мне вот тоже интересно. Но мне вполне достаточно, что меня не придушили насмерть. Сейчас я задним числом уверен, что он говорил про мейл.

— Мейл? Какой еще мейл?

— Понятия не имею. Но мне кажется, он так говорил. Признавайся, кто отправил тебе мейл, что-то в этом роде.

Анна попыталась встроить мейл в общую картину.

— Спасибо, что уделили мне время, — сказала она. — Один из моих следователей позвонит вам насчет формального допроса, но если вы еще что-то вспомните — пожалуйста, дайте знать. — Анна продиктовала ему свой номер, после чего закончила разговор.

Она открыла папку и еще раз окинула взглядом уголовное досье Кента Юакима Рюландера, сосредоточившись на последнем годе его жизни. Последняя отсидка Рюландера завершилась в ноябре 2016 года. С этого времени и до самой смерти он проходил подозреваемым по семи делам, связанным с мошеннической торговлей в интернете: Рюландер продавал людям несуществующие товары. Для правонарушений такого рода требуется компьютер, планшет или хотя бы смартфон. Нечто такое, что подключалось бы к зарядному устройству в облезлом “саабе” Рюландера.

Анна сделала себе в ежедневнике пометку — во время обыска найти то, с чего Рюландер выходил в интернет. Приписала большими буквами “МЕЙЛ” и задала адрес фирмы на гугл-картах. Спутниковая фотография показала ей отдаленное хозяйство возле какого-то озера. Три главных здания, расположенные подковой, а в сотне метров — что-то, похожее на дом поменьше. Везде — вдоль узких подъездных дорог, во дворе, позади дома — виднелись светлые и темные прямоугольники, которые при ближайшем рассмотрении оказались остовами машин. Спутниковая картинка была такой четкой, что Анна

разглядела следы от шин и лужи грязи. Она уменьшила изображение. До ближайшего относительно крупного населенного пункта — Клиппана — было меньше четырех километров. Анна еще уменьшила картинку. Примерно в двух милях в противоположном направлении располагался район под названием Рефтинге. Знакомое название. Анна совсем недавно что-то слышала или читала о нем.

Анна пару раз произнесла его вслух, даже глухо, гортанно порычала “р”, чтобы звучало по-сконски, но сама поняла, что выходит смешно. Она сдалась и решила не думать о Рефтинге; лучше ввести в поисковик собственный личный номер. На экране появился регистрационный номер; графа “статус” все еще пустая. Черт, черт!

Анна набрала номер адвоката.

— Хорошо, что вы позвонили. Я сам собирался звонить сегодня.

— Ясно. — Анна собралась с духом. — Новости плохие или хорошие?

Ответом на ее вопрос послужило короткое молчание в трубке.

— Следователи хотят провести новый допрос. Прокурор сменился. Новый пока не хочет закрывать дело.

Анна вдохнула, выдохнула.

— Вы говорили, что все решится само собой, если выждать. Если мы ляжем на дно.

— Еще я говорил, что гарантировать ничего нельзя. Анна вздохнула.

— Когда?

— Как можно скорее. Когда вы сможете приехать в Стокгольм?

— У нас тут серьезное расследование... — Анна немного помедлила с ответом, чтобы выиграть время на размышления. — А нельзя провести допрос по телефону?

— К сожалению, нет. Вы должны явиться лично. Следователи настаивают.

— Вот как. — Пульс стучал все сильнее.

— Напишите мне эсэмэской пару дат, которые я смогу им предложить. Лучше всего — сегодня же, чтобы они не решили, что вы пытаетесь потянуть время, ладно?

— Все настолько серьезно? — Анна постаралась, чтобы ее голос прозвучал сосредоточенно.

— Трудно сказать. Я позвоню новому обвинителю, разведу, что и как. Самое главное — показать, что мы по возможности стремимся к сотрудничеству. Окей?

— Окей. — Анна отключилась, закрыла глаза и откинулась на спинку кресла. Жжение под веками скоро прошло.

Ты думала — мы в безопасности, промямлил Хокан. Что стоит тебе убраться оттуда, что, если тебя не будут видеть в коридорах управления, про тебя все забудут. Найдут другую, более привлекательную жертву. Именно так ты и думала?

Анна отмахнулась от него, прижала пальцы к векам; наконец ощущение безнадежности прошло. Надо собраться, выпрямить спину и сосредоточиться на работе. И ради себя, и ради Агнес.

Йенс Фриберг появился без десяти восемь. Сунул голову в дверь и спросил, не хочет ли Анна сделать перерыв на кофе. Анна еще не привыкла к его новому, более дружелюбному образу, но все же составила ему компанию в кофейном уголке. Дверь Морелля была закрыта, в кабинете темно, отчего Анна почувствовала некоторое облегчение.

Фриберг оказался не силен в светской болтовне. Какое-то время они сидели за столом молча. Анна решила бросить пробный камень.

— Я знаю, что это было до твоего рождения, — начала она, — но ты наверняка слышал разговоры о том, что Симон Видье погиб на каменоломне?

Фриберг кивнул и отпил кофе. Наживку он не проглотил.

— Это был несчастный случай?

Фриберг глянул на Анну поверх чашки, потом медленно поставил ее.

— Ты сама сказала — это было до моего рождения. У меня никогда не было причин сомневаться в словах Хенри.

— А что он говорил?

Фриберг pokrивился.

— Анна, мне не хочется играть в испорченный телефон. Поговори с Хенри, почитай материалы следствия.

— Я читала.

Фриберг медленно кивнул, словно и так об этом знал.

— Нашла что-нибудь, что выбивается из общей картины?

Анна заметила, что он ждал этого разговора, что теперь он испытывает ее.

— Может, еще по чашечке? — Она принесла кофейник и налила им еще по чашке. — Там есть одна странность, — начала она, поставив кофейник на место и снова усаживаясь.

— Какая? — Фриберг старался не показать интереса, но Анна была слишком опытной и на обман не поддавалась.

— Мари Андерсон была единственной из всей четверки, кто прыгнул в воду. Вытащить Симона пыталась только она.

Фриберг медленно кивнул.

— Может, этому есть разумное объяснение, — сказал он, тем самым обнаруживая, что точно знает, о чем говорит Анна и что он не настолько не в курсе того давнего дела, как пытается изобразить.

— Например? — спросила Анна, почти незаметно перехватывая инициативу.

— Например, что Мари обнаружила Симона раньше всех остальных и притащила тело на берег до того, как остальные успели проснуться.

Анна покачала головой.

— В протоколе допроса ничего подобного нет.

— Нет? — Фриберг изобразил неосведомленность, но Анна видела его насквозь.

— К тому же тело из воды доставала пожарная команда. Там небезопасное дно.

— Ага. Вот тебе и возможное объяснение. Мари увидела, что Симон мертв, уже ничего не поделаешь, и вытащить его на берег невозможно.

— Может быть. — Анна старалась не терять зрительный контакт.

На лестнице слышались шаги, и в дверях появился руководитель группы с одним из своих экспертов.

— Доброе утро, дорогие коллеги. К обыску готовы?

Фриберг через стол потянулся к Анне.

— Слушай, я хотел спросить... — Он остановился, дожидаясь, когда руководитель подойдет к столу. — Вы не против, если я тоже буду участвовать в обыске?

Анна ненадолго задумалась. Проще всего было бы отказать. Но Фриберг — хороший полицейский и уже снискал похвалу своими

инициативами на месте преступления. Прогонять его сейчас, в присутствии главного эксперта, значило бы вызвать некоторое недоумение, так что выбор у Анны был невелик.

— У нас как раз есть свободное место в автобусе. Верно, Грэнвалль?

— Конечно. Чем больше народу, тем веселее. Кстати, по пути надо будет заправиться. До Клиппана путь далек. Кто-нибудь знает, где ближайшая заправка “Шелл”?

— Где-то по дороге на Рефтинге, — сказал Фриберг, и в тот же миг в голове у Анны щелкнуло.

Рефтинге

автозаправка

Клиппан

Анна, ни слова не говоря, поднялась и торопливо прошагала к себе в кабинет. Отперла нижний ящик стола, достала дело Симона Видье и принялась листать пожелтевшие документы, ругаясь сквозь зубы: как она могла раньше не заметить связи? Пара секунд — и Анна нашла нужную бумагу: служебная записка, которую Хенри Морелль составил двадцать семь лет назад.

На каменоломне вечером находились еще два человека: Юаким Юнсон (другие называли его Джо) и Таня Савич, обоим по двадцать лет, место проживания — Клиппан.

Согласно показаниям всех четырех свидетелей, Юнсон и Савич покинули место происшествия незадолго до полуночи, в связи с начавшимся дождем. Той же ночью, в 01.35, Юнсон и Савич были задержаны полицейским патрулем после драки на круглосуточной автозаправке недалеко от Рефтинге. Юнсона задержали по подозрению в хранении наркотиков, угоне средства передвижения и незаконном вождении, и остаток ночи он провел в камере предварительного заключения. Тем не менее ни Юнсон, ни Савич не были на каменоломне в момент смерти Видье.

Нетерпеливо листая, Анна нашла и достала из папки распечатку уголовного досье Рюландера, положила рядом с меморандумом. Обвела кружком две верхние строки на первой странице. Недостающий элемент головоломки.

Кент Юаким Рюландер, изначально — Кент Юаким Юнсон. Еще назвал себя Кента, Кекке, Юкке, Джо.

Юаким “Джо” Юнсон.

Анна медленно перевела дух.

Бородатый Рюландер со своей подружкой был на каменоломне в ночь, когда погиб Симон Видье. Двадцать семь лет спустя он поставил песню Симона, чтобы спровоцировать остальных четырех участников и запустить цепочку неких событий. Через какие-нибудь сутки он погиб. С изуродованным лицом напоролся на березовый сук после того, как сорвался с кручи на той же гряде, где далекой осенней ночью кончилась жизнь Симона. Такое не может быть простым совпадением.

Глава 36

Осень 2017 года

Как и показывали гугл-карты, “автосалон” был когда-то устроенным в форме подковы крестьянским хутором. Сейчас строения и окружавшие их сотни машин в разной стадии распада больше всего напоминали громадную свалку. В осеннем воздухе висела изморось, переход от туманов к дождю усиливал запахи масла, ржавчины и мусора, и они вместе с ветром проникали через одежду.

Покрытую жидкой грязью подъездную дорогу перекрывал шлагбаум с табличкой, предупреждавшей о сторожевых собаках; когда криминалисты пешком подходили к главному строению, слышался впечатляющий собачий лай. Оба эксперта и следователь, которого Анна взяла с собой, встревоженно переглянулись. Анна их понимала; она сама боялась собак, хотя у них в семье собаки были всегда. По дороге сюда Анна могла бы рассказать коллегам о существовании связи между Рюландером и смертью Симона Видье, но по некотором размышлении решила подождать, во всяком случае до окончания обыска. В основном из-за Фриберга. Анна до сих пор не знала, на чьей он стороне, и пока не узнает — нет причины посвящать его во все детали расследования. Сейчас его присутствие раздражало, но и успокаивало. Не в последнюю очередь потому, что собачий лай становился все громче, и вот путь им преградил крупный ротвейлер.

Анна, следователь и эксперты замерли на месте. А вот Фриберг, не колеблясь, двинулся вперед. Собака лаяла глухо, как будто нутром. Шерсть вздыблена, зубы оскалены.

Когда Фриберг приблизился, ротвейлер подался вперед, понюхал воздух и стал пятиться по мере того, как расстояние между ним и человеком сокращалось. Фриберг шел вперед, даже не глядя на собаку. Когда между ними оставалось метра три, могучий зверь попытался накинуться на ногу Фриберга. Тот, не замедляя шага, пнул собаку в переднюю лапу. Ротвейлер заскулил, попятился и захромал прочь, сварливо взлаивая через плечо. Хладнокровие Фриберга впечатляло, но он, кажется, не собирался останавливаться, чтобы принять похвалы. Фриберг шагал дальше, к строениям.

Впечатление заброшенности еще усилилось, когда они обогнули угол главного строения. Двор покрыт лужами жидкой грязи с темной радужной поверхностью. Наваленные друг на друга остовы автомобилей притулились у стен дома; их наверняка доставил сюда погрузчик “вольво” без передней дверцы, стоявший наискось перед дверью с табличкой “Офис”.

Когда они приблизились, дверь с табличкой открылась, и вышел мужчина лет семидесяти с небольшим. На нем были зеленые штаны в пятнах и фланелевая рубашка — когда-то, вероятно, клетчатая, ныне она представляла собой пятьдесят оттенков грязного. Длинные сальные волосы, недельная, не меньше, щетина. Анна за несколько метров учуяла, что душ он, скорее всего, принимал тоже не меньше недели назад.

— Штонадо? — спросил он, склеив слова в одно.

— Кент Юаким Рюландер, — сказала Анна.

— Юкке? Что он опять натворил?

— Можно войти? — Анна указала на дверь у мужчины за спиной. Мужчина не сразу и неохотно, но подвинулся и впустил их в темное помещение, где стопки бумаг и грязные запчасти занимали почти все свободное место.

Вонь здесь стояла такая, что Анне пришлось дышать ртом. В углу на отвратительно грязной подстилке лежал ротвейлер. Собака, наверное, пролезла в люк в двери. Она глухо заворчала на них, но опустила голову и замолчала, когда Фриберг шагнул к ней.

— Как вы познакомились с Рюландером? — начала Анна, когда старик уселся за свой заваленный стол. Гостям он сесть не предложил — может быть, по той простой причине, что все стулья были чем-то заняты.

— Одно время я жил с его матерью, — проворчал старик. — Я, можно сказать, его отчим. Был, во всяком случае. Но скажу, как привык говорить полиции: во что бы ни вляпался Юкке, я тут ни при чем.

— Но живет он здесь?

— У Юкке тут своя старая хата. Он приходит и уходит, как хочет. Я когда еще хотел его дерьмо отсюда вышвырнуть, да вот не собрался. Я и не знал, что он прописался сюда, пока не начал находить у себя в ящике его почту.

Старик махнул рукой в сторону чудовищно захламленной комнаты.

— Я сказал Юкке, что у меня своих дел по горло. Пускай сам разбирается. Но он меня разве слушал когда?

Анна достала телефон и показала ему фотографии Рюландера. Выбрала — в основном под влиянием порыва — недавние, снятые после смерти. Лицо покрыто синяками, но снимок сделан сбоку, и пустую глазницу видно не сразу. Старик насадил на нос очки и потянулся к телефону. Руки в пятнах ввевшегося в кожу масла, ногти длинные, желтые. Анна подавила желание отвернуться и отодвинула телефон подальше, чтобы самые ужасные детали не бросались в глаза. Люди обычно не любят говорить о мертвых, поэтому Анна не стала пока рассказывать, что случилось с Рюландером.

— Да, это Юкке. Похоже, ему основательно досталось. И, конечно, по заслугам.

— Почему вы так говорите?

Старик фыркнул и стащил с себя очки.

— То, что Юкке надувал людей, — это одно. Но он еще и любил издеваться над ними. Подначивать, где надо и где не надо. С самого детства так делал. Слышали историю про скорпиона, который уговорил лягушку перевезти его через озеро? Который обещал не жалить ее, потому что тогда оба утонут, но все-таки ужалил? Вот и Юкке такой. Понимал, что себе же вредит, но не мог удержаться. Не в первый раз его так лупят. И уж точно не в последний.

Со словом “последний” изо рта у старика вылетели брызги слюны.

— Вы, похоже, знаете, о чем говорите.

Старик снова фыркнул.

— Я Юкке с самого его детства знаю. У меня иммунитет против его фокусов.

— И вы все же разрешили ему жить с вами?

Старик пожал плечами.

— Нам с его матерью было неплохо вместе. В детстве он был хорошим парнишкой. В то время здесь было поживее... — Он замолчал, обратив взгляд в себя.

— Хата, — перебил его мысли Фриберг. — Дом Рюландера. Где он?

В самом конце гравийки, метрах в трехстах от двора, они нашли “хату”, которая на самом деле больше походила на сарай. Покрытая жидкой грязью земля перед ней была вся в лужах и колеях от колес, половина низкой крыши затянута брезентом. Первоначальный цвет сгнивших, покрытых плесенью стальных панелей не поддавался определению. Дверь в длинной стене была заперта на замок, но старик принес ключ.

— Не говорите Юкке, — проворчал он. — Он не любит, когда кто-нибудь роется в его барахле.

Анна наконец сказала ему правду. Старик воспринял ее неплохо, только угрюмо кивнул.

— Я всегда предчувствовал, что все примерно так и кончится. Бедняга, мать его так. — Старик кашлянул и сплюнул в крапиву на углу дома. Сплюывая, он отвернулся, не желая, чтобы Анна заметила, что у него заблестели глаза.

“Хата” состояла из одной комнаты. У короткой стены стоял кухонный уголок-тройка с мойкой и плитой, в другом углу за щелястой раздвижной дверью виднелся унитаз. Вздувшееся волдырями напольное покрытие там и сям виднелось между залежами газет, картонных коробок и одежды, и практически везде лежали автомагнитолы, разбитые мобильные телефоны и другая электроаппаратура — вся, похоже, ворованная.

Посредине стоял большой диван, служивший, судя по одеялам и подушке, кроватью. На журнальном столике громоздились переполненная пепельница, коробки из-под пиццы и пустые банки. На стене напротив дивана висел плоский телевизор — слишком большой и дорогой, чтобы вписываться в обстановку. Запах оказался именно таким, как ожидала Анна. Сырость, сигаретный дым, грязь, мусор, плохая гигиена. Но острее всего здесь пахло одиночеством.

Анна кивком попросила руководителя экспертов приступать, а сама повернулась к старику.

— У Юкке был мобильный телефон?

— И не один. — Он указал на мойку, где лежали запчасти не меньше чем к трем телефонам.

— Вы знаете его номер?

Старик покачал головой.

— Новый — нет. Он их все время менял. Последний, что я знал, перестал обслуживаться несколько месяцев назад.

— Но вы знаете, что у него был телефон?

— А у кого нет? — Старик пожал плечами.

Анна поблагодарила старика за помощь и попросила уйти. Он, казалось, хотел запротестовать, но повернулся и, опустив голову, побрел к главным постройкам.

— Анна! — Фриберг взмахом руки звал ее к себе. Под коробкой из-под пиццы лежал ноутбук с наклейкой “Имущество школы Вестервонг” на крышке. По стене тянулись два провода. Один шел к выключателю, другой — к старому классическому двухкассетнику, какие были популярны в восьмидесятые, до появления лазерных проигрывателей. Анна натянула пластиковые перчатки и поискала кнопку “Eject”. Один из держателей медленно открылся, и показалась кассета. Анна осторожно вынула ее. На ярлычке было что-то написано округлым почерком, тушью, словно писавший старался, чтобы вышло красиво.

“Property of Simon Vidje”.

— Рюландер копировал музыку с кассеты на флешку с помощью программы Audacity. — Фриберг уже включил лэптоп. — Я тоже ей пользуюсь, когда переписываю винил.

Какое-то время он молчал — почти смущенно, словно случайно приоткрыл дверь в свое личное пространство. Однако быстро вернулся в служебную роль.

— Файл создан чуть больше недели назад.

Фриберг снова защелкал клавишами.

Главный эксперт и его команда методически обыскивали комнату, начав у дальней короткой стены. Анна пыталась составить представление о доме. Диван и журнальный столик, похоже, были сосредоточением всякой деятельности, но интерес Анны вызывало еще одно место.

Она проскользнула мимо шефа экспертов и потянула щелястую дверь туалета. Тесное пространство за ней не обмануло ожиданий и оказалось отвратительным донельзю. В душевой кабинке не хватало двери, пластиковые обои на одной стене отошли, и обнажившееся место поросло шершавой плесенью.

От шкафчика — места, в которое Анна заглянула бы в первую очередь, — остались только две дыры в стене, там, где были саморезы. Из-за неисправного поплавка в бачке унитаза издавал странный непрерывный шум. Анна сняла крышку бачка и обнаружила пакет, на вид содержащий граммов двести марихуаны.

Вылавливая добычу, Анна заметила корзинку, втиснутую между унитазом и стеной. Корзина содержала комиксы про Дональда Дака вперемешку с порнофотографиями. Под самой верхней Анна заметила уголок белого конверта. Нагнулась, вытащила. Конверт из толстой бумаги; имя и адрес Рюландера напечатаны на лицевой стороне. Рюландер, судя по рваному краю, вскрыл его пальцем. Из-за разрывов трудно было разобрать имя отправителя, напечатанное в левом верхнем углу, но Анна сложила разорванные края и сумела прочитать слова.

Юридическое бюро “Гуннарсон и сын”.

Анна помедлила. Зачем Просто-Лассе понадобилось связываться с Рюландером?

Она осторожно открыла конверт и достала один-единственный, аккуратно сложенный листок бумаги. Развернула и стала читать.

Дорогой Юаким,

Прошло уже двадцать семь лет с того дня, как наш Симон покинул этот мир, оставив нас безутешными. Симон был нашим единственным сыном, хорошим другом и невероятно талантливым музыкантом, которого ценили все знающие его люди. Хотя его смерть списали на несчастный случай, мы уверены, что правду не выяснят никогда. Поэтому мы обращаемся к вам и ко всем остальным, кто был в тот вечер на каменоломне Мёркабю, со следующей просьбой:

Если вам есть что рассказать — подробности, которые вы случайно упустили, воспоминание, которое всплыло в памяти лишь много позже, — или если вы просто хотите воспользоваться случаем и спустя все эти годы облегчить душу, свяжитесь с шефом полицейского округа Анной Веспер из

полиции Неданоса. Анна приступает к службе 9 октября, у нее нет связей в Неданосе, и кроме того, она известна как знающий следователь с многолетним опытом. Мы надеемся, что ей удастся выяснить, что на самом деле случилось с Симоном, и подарить нам, его родителям, покой, хотя бы и с опозданием на много лет.

Ваша помощь будет бесценной.

Искренне ваши,

Элисабет и Карл-Юхан Видье

Энглаберга

На штемпеле была дата — 17 сентября. Всего за несколько дней до этого Анна подписала договор аренды с владельцами Табора. Свежеотремонтированно-го Табора, который никогда никому не сдавали. Ателье Карла-Ю, в котором находится его последняя и, возможно, самая важная работа. У Анны и раньше имелись подозрения, но теперь доказательства были перед ней в буквальном смысле черным по белому. Ею манипулируют, и не только Хенри Морелль, но и Элисабет Видье.

— Анна, — позвал Фриберг. — Ты, наверное, захочешь взглянуть.

Что-то в его голосе заставило ее сунуть письмо в карман и подойти к дивану.

— Вот. — Он развернул экран к ней. Почтовая программа была открыта. Фриберг поставил курсор на последнее отправленное письмо.

— 25 сентября Рюландер отправил письма Алексу Мореллю, Бруно и Мари Сорди и Кайе Бьянке. — Фриберг открыл письмо двойным щелчком. — Почтовый аккаунт создан в тот же день. Смотри, какое имя пользователя он ввел.

— Симон Видье, — прочитала Анна вслух. — И что он им пишет?

Фриберг снова защелкал клавишами и вывел сообщение на экран. Оно состояло всего из одной строчки. Пять слов, тринадцать слогов — более чем достаточно, чтобы составить мотив убийства.

“Пришла пора заплатить за содеянное!”

Глава 37

Осень 2017 года

По дороге домой Анна молчала. Осмотр дыры, в которой жил Рюландер, занял большую часть дня. В багажнике они везли несколько пакетов с конфискованными вещами. В основном предположительно краденое и наркотики, но лэптоп и кассетный магнитофон тоже там были, аккуратно уложенные каждый в свой пакет. Анна попросила Фриберга до завтрашнего утра оставить содержимое у себя — сказала, что сама вечером и ночью займется стратегическим планированием, что было совершенной правдой. По той же причине она не упомянула о письме — ни Фрибергу, ни кому-либо еще, просто тайком сунула конверт себе в карман куртки. Поездка дала ей возможность все обдумать и подвергнуть ход событий всем возможным сомнениям, какие она только смогла в себе вызвать. И все же связь никуда не делась, начиная поисками работы в Неданосе и заканчивая выводом Хенри Морелля о том, что смерть Рюландера — это самоубийство.

Анна понимала, что должна допросить четырех друзей, причем задавать вопросы не только о смерти Рюландера, но и о давнем расследовании. Дознаться, что на самом деле произошло той осенней ночью девяностого. Но сначала надо кое-что прояснить, поговорить с человеком, чей дух осеняет все происходящее.

— Можете проследить, чтобы лэптоп и компьютер были должным образом записаны и опечатаны в архиве вещдоков? — спросила она эксперта.

— Я могу, — вызвался Фриберг. — И если хочешь, скопирую песню и отправлю тебе звуковой файл.

Анна заколебалась и поняла, что он это заметил.

— Конечно, спасибо, — сказала она, но трещина между ними уже поползла.

Анна с ненужной скоростью гнала машину вверх по холмам, по коварным поворотам, ей приходилось напоминать себе о недавней встрече с машиной “Glarea”. Однако, приближаясь к цели своей поездки, она все увеличивала скорость. Туман и дожди уходили,

солнечные лучи там и сям пронизали серый облачный занавес, и дорожное полотно сверкало так, что Анне пришлось опустить щиток.

Ивовая аллея после сторожки у ворот оказалась длиннее, чем когда Анна смотрела на нее с шоссе. Стволы и ветви клонились под ветром влево почти под одинаковым углом.

Старая часть Энглаберги состояла из четырех больших зданий с белыми оштукатуренными фасадами. Впереди Анна видела величественный особняк — два этажа со ступенчатыми щипцами и несколькими трубами. Слева протянулись два строения — по предположениям Анны, конюшни — с красивыми окнами с переплетом. Справа, в пару конюшням, шло такое же белое здание, судя по большим воротам — гумно. Дальний правый угол пустовал. Там, где, вероятно, предполагалось пятое строение, все было засыпано хорошо разрыхленным крупным гравием. Пустое пространство на этом ухоженном подворье смотрелось слегка неуместно. Как будто чего-то не хватает. Анна не сразу поняла, что именно там был гараж. Строение, на верхнем этаже которого Симон устроил свою студию, а внизу Карл-Ю держал спортивную машину.

Анна сбросила скорость, посмотрела на торец гумна, но следов огня или жара не обнаружила. Неудивительно. У хозяев было двадцать семь лет, чтобы убрать повреждения после пожара.

Машин во дворе Анна не увидела. Она все же решила припарковаться во дворе, но заметила дорожку, тянущуюся между конюшней слева и главным зданием. По этой дороге она въехала на другой, расположенный ниже двор, окруженный еще несколькими конюшнями, поновее. За конюшнями виднелись ангары с откатными воротами в стенах. Одни ворота были открыты, и Анна увидела в ангаре двух человек — они мыли из шлангов каждый свой трактор. Анна узнала одного: поляк из тех, кто помогал им с Агнес перебраться в Табор. Проезжая мимо, она помахала ему, но ответа не получила. Двор заканчивался низеньким бараком, похожим на школьную постройку, какие были когда-то во всех коммунах. Перед строением стояла пара машин с заграничными номерами, и Анна предположила, что барак используют как жилье для рабочих. Единственный навес для машин стоял стеной к жилому дому. Под навесом Анна увидела пикап Клейна и зеленый “лендровер” Элисабет Видье. Она остановила

машину, вылезла и по гравийной дорожке зашагала назад, к дому. Пахло землей, животными и немного перезревшими яблоками.

Дорожка через густую живую изгородь выходила к красивой беседке у торца дома и тянулась дальше, мимо фонтана с ангелом посередине. Окно вверху торца было приоткрыто. Анна уже огибала угол, выходя к фасаду, когда навстречу ей, застегивая дождевик, вылетел Брур Клейн.

— Какого черта вы тут делаете? — Ругательство прозвучало неожиданно и совершенно не вязалось с обычно сдержанным поведением Клейна. Как и напряженный взгляд.

— Мне надо поговорить с Элисабет.

— Она не хочет вас видеть.

Ненависть в его голосе поразила Анну. Его, похоже, тоже.

— То есть я... Элисабет неважно себя чувствует. Она никого не принимает. — Клейн наконец застегнул плащ и почти сразу же обрел свое обычное самообладание. — Вам лучше приехать в другой день.

— Речь о Симоне. О том давнем расследовании.

Клейн сделал каменное лицо, однако Анне показалось, что она заметила тревогу в его взгляде.

— Элисабет. — Он помолчал, подыскивая нужное слово. — Она больна. Очень больна. Ей сейчас меньше всего нужно, чтобы кто-нибудь начал рыться в.

— Клейн! — Окошко в торце теперь было открыто нараспашку, в проеме стояла Элисабет, в белой ночной рубаше и бледная. — Попроси Анну посидеть в курительной. Я спущусь через пару минут.

Прежде чем Клейн успел ответить, окно снова закрылось. Клейн что-то пробурчал, избегая взгляда Анны. Потом повернулся к ней спиной и жестом пригласил следовать за ним.

К главному входу надо было подняться по невысокой лестнице. Двойные двери темного дуба производили величественное впечатление. Клейн ввел Анну в просторный холл с высоким потолком. Потом повернул налево, в коридор поуже, и открыл какую-то дверь. В комнате за дверью помещался камин, окруженный четырьмя большими креслами. У одной стены стоял стол с телефоном, чьи огромные кнопки притягивали взгляд. Полоски бумаги, приклеенные к ним, указывали, где чей номер для быстрого набора. “1.

Клейн”, “2. Мари”, “3. Матс”. Стены и потолок слегка пожелтели от въевшегося сигарного дыма. Через окно, выходящее за задний двор, виднелся большой ухоженный газон, окруженный высокой буковой изгородью.

— Подождите здесь. — Клейн резко кивнул на кресла и не стал дожидаться, пока она сядет. Анна слишком глубоко утонула в мягком кресле, было неудобно. Она молча слушала, как тикают часы с позолоченным маятником, стоящие у камина. Спустя какое-то время ей стало казаться, что у этого большого старого дома особенная энергетика. Может быть, она все вообразила, ее фантазии произрастали из того, что она знала о Видье. И все же Анна не могла избавиться от мысли, что величавый дом скорбит.

На каминной доске выстроились несколько фотографий. Слева — черно-белые. На одной фотографии были мужчина и женщина лет сорока, оба хмурились, как Элисабет Видье, — вероятно, ее родители. Рядом — снимок, на котором та же женщина стояла между двумя принаряженными малышками. Анна предположила, что это Элисабет и ее сестра. Третье изображение тоже было черно-белым, но побольше. Молодая Элисабет Видье рядом с мужчиной, чью фотографию Анна уже видела в интернете. Карл-Юхан.

Привлекательная пара. Элисабет, одетая в простое, но элегантное белое платье, держала в руках букет цветов. Карл-Ю в черном, отлично сидящем костюме, выглядел щеголем. Оба улыбались фотографу и казались счастливыми, как бывают счастливы молодые в лучший день своей жизни.

Анна подошла к камину, чтобы получше рассмотреть фотографию. Элисабет и Карл-Юхан стояли на величественной каменной лестнице. Анна предположила, что это лестница ратуши в Лунде, а сам снимок — свадебная фотография. При более внимательном взгляде справа от молодоженов на ступеньках виднелась тень фотографа. Молодая Элисабет была очень красива, но Анна не могла оторваться от Карла-Юхана. От него исходило какое-то особое обаяние, которого не могла приглушить даже чернобелая фотография начала семидесятых. Глаза, улыбка, то, как длинные светлые волосы лежат на лбу.

Рядом со свадебной фотографией помещался цветной снимок, на котором мальчик лет двух, с льяными волосами, сидел на коленях у

отца. Лето, пикник, они устроились на подстилке, за ними видна зеленая трава. Мальчик обхватил отца за шею, оба щурятся в камеру — солнце светит в глаза. Следующая фотография тоже с пикника, но на ней присутствует и Элисабет Видье. Симон сидит между ними, обнимает маму с папой за шею пухлыми ручонками. На переднем крае подстилки снова угадывается тень фотографа.

На крайнем снимке справа был Симон-подросток: длинные светлые волосы, белый пиджак, студенческий картуз с белым верхом. Юноша смотрел в камеру тем же увлеченным выражением, что и его отец на свадебной фотографии двадцать лет назад. Анна не удержалась и повернула фотографию, чтобы сравнить лицо с лицом фигуры с фрески. Прозвенели часы, словно стеклом о металл, и Анна не услышала, как дверь открылась.

— У него отцовские глаза, да?

Элисабет Видье накинула на ночную рубашу светлый халат, на ногах кожаные тапочки. Элисабет выглядела утомленной: лицо серое, под глазами темные мешки. Взгляд у нее, однако, остался острым и настороженным, как при их последней встрече. Клейна видно не было, однако Анна была уверена: он где-то рядом.

Анна поставила фотографию на место и спросила:

— Как вы познакомились с Карлом-Юханом?

Элисабет коротко улыбнулась.

— В кондитерской в Лунде. Я была там с друзьями, а он сидел за столиком один. Когда Карл-Ю собрался платить, выяснилось, что он забыл кошелек. Так смутился, что мне стало его жалко. Сначала он не хотел, чтобы я заплатила, сдался, только когда я пообещала, что разрешу ему пригласить меня в кино. Мы смотрели, помню, “Уловку-22”. Оказалось, мы оба читали книгу. Карл-Юхан предложил выпить вина у него в квартирке, и мы всю ночь проговорили о книгах. Может, присядем?

Элисабет жестом указала на кресла; казалось, она испытывает облегчение от того, что не нужно стоять.

— Как вы себя чувствуете, Элисабет?

Да, она явилась сюда потребовать у Элисабет ответа, но старуха выглядела такой хрупкой, что Анна не могла собраться с духом, чтобы начать. Элисабет раздраженно отмахнулась от вопроса.

— Не слушайте Клейна, он истинная наседка. Я просто немного устала. А теперь рассказывайте, зачем приехали.

Анна достала письмо, развернула и положила на столик.

— Вы распорядились, чтобы Лассе Гуннарсон отправил вот это.

Элисабет кивнула, не выказывая ни неловкости, ни желаний извиниться.

— В этом письме вы ссылаетесь на меня и намекаете, что я готова возобновить расследование смерти Симона.

— Я ни на что не намекаю. — Элисабет поджала губы. — Я прошу всех причастных подумать и облегчить свою совесть. Полагаю, что подобное едва ли запрещено.

— Но вы хотите, чтобы расследование начали по новой. Вы много лет делали все, чтобы расследование возобновилось, но Хенри Морелль противился.

— Хенри Морелль с самого начала не должен был иметь доступа к делу. Он пристрастен. — Элисабет говорила спокойно, но в голосе отчетливее зазвучала злость.

— Вы пытались выдавить его, а когда вам это не удалось, стали ждать, когда он уйдет сам. Ждали двадцать лет.

Элисабет фыркнула.

— Честно говоря, я и представить себе не могла, что Хенри будет цепляться за должность так долго. Но это лишь доказывает, что я права и ему есть что скрывать.

— Поэтому вы в мгновение ока привели Табор в порядок и велели Гуннарсону связаться со мной. Предложили изумительный дом за низкую плату, чтобы уж наверняка завлечь меня. Чтобы я наверняка увидела ф-ф-фр... — Она не успела остановиться вовремя. Брови Элисабет поехали вверх. — реск-ку.

— Вы заикаетесь. — Не вопрос, а констатация факта.

— Иногда.

— Вам это мешает?

— Не особенно. Я привыкла.

Элисабет медленно кивнула.

— Карл-Юхан тоже заикался. Хотя сильнее, чем вы. В детстве его за это ужасно дразнили. Вас дразнили?

Анна покачала головой. Из-за вопроса Элисабет она потеряла нить беседы и теперь пыталась вернуться к прежней теме.

— Вам повезло, — продолжала старуха. — Дети умеют быть злыми. Карл-Юхан боялся, что заикание передастся по наследству, что Симон тоже будет заикаться. Но он зря тревожился. — Элисабет слегка улыбнулась воспоминанию, но потом снова посерьезнела.

— Карл-Ю потратил на фреску почти десять лет, — сказала она. — Под конец уже почти ничего не видел. Клейну приходилось провожать его из дома и в дом. Я подумала, что если вы увидите картину, то поймете глубину его скорби.

— Вы манипулировали мной. — Анна изо всех сил старалась говорить спокойно. — Использовали меня и даже Агнес как пешки. Вы об этом не думали?

— Думала, конечно. И уж поверьте, мне от этого никакой радости. Но мой отец говаривал: чтобы достичь высоты, иногда приходится опуститься на глубину. В этих словах что-то есть. — Она помолчала, задумавшись, и с усилием поднялась.

— Идемте, я вам кое-что покажу.

Они медленно прошли по дороге до дальней, короткой стены сада. Идти было метров сто, и Элисабет изо всех сил старалась скрыть, как ее вымотала эта прогулка. Клейн помог ей с курткой и сапогами и теперь встревоженно маячил где-то позади них. Солнце, проглядывавшее между облаками, уже садилось.

В живой изгороди за большой елью открылся проход, который тянулся к железной калитке. Элисабет попросила Анну открыть калитку, и они вышли на террасу. Перед ними и под ними раскинулся сказочный пейзаж с зелеными холмами и долинами, низенькими деревьями и кустами; пейзаж протянулся на несколько километров, до самой опушки. В одной из долин расположилось на отдых стадо белых коров. Две хищные птицы парили в небе под облаками, которые заходящее солнце окрасило розовым. От такой красоты захватывало дух. Анна узнала место. Одна из любимых тем Карла-Ю.

— Вон туда. — Элисабет указала налево, на старый дуб, под которым стояла деревянная скамеечка. — Присядем.

Помогая Элисабет сесть, Анна ни на что не обращала внимания и заметила надгробие у корней дуба, лишь когда они обе сели.

В этом красивом небольшом камне — светлый мрамор, золотые буквы — было что-то, отчего у Анны комок встал в горле.

“Симон Карл-Юхан Видье 22.12 1971 г. — 29.08 1990 г.
Любим. Тоскуем”.

— Мы с Карлом-Юханом приходили сюда летними вечерами. Симон тоже, когда подрос. Это было наше место.

Элисабет обвела рукой прекрасную долину.

— Мой отец вновь открыл здешний карьер в конце сороковых. После войны шло строительство, нужны были гравий и щебенка. Когда я была маленькой, какой здесь ужас творился! Везде все бурое, серое, черное. Пыль, выхлопные газы, камнедробилка грохочет. Не такой кошмар, который “Glarea” устроила на землях Которпа, но все же. Папе тоже не нравилось. Как только он заработал достаточно денег, чтобы купить еще земли, он закрыл карьер. Засыпал самые страшные ямы, посеял траву. Люди считали, что закрывать такое прибыльное дело — глупость. Но он любил эту гряду и не мог погубить ее.

Элисабет перевела дух и вздрогнула, несмотря на теплую куртку.

— Карл-Юхан тоже любил эти холмы. Я обещала ему, что мы оба упокоимся здесь, когда придет наш час. Что мы снова будем вместе, втроем. Но сначала я должна решить, что делать с Энглабергой.

Элисабет замолчала, словно рассказ лишил ее последних сил.

— А решения вы не примете, пока не узнаете правду?

Элисабет ничего не ответила. Помолчав, она продолжила.

— Врач сказал, что болезнь Карла-Юхана началась еще до смерти Симона. Чуть собачья. Я знаю, что он заболел от горя. Карл-Юхан понимал, что ему суждено ослепнуть, и все же почти все свое время посвящал фреске. Вы заметили, что она скрывает, ведь так?

Анна медленно кивнула.

— Эта картина — последняя работа Карла-Ю. Он переделывал ее сотни раз, работал день и ночь, последние силы бросил на то, чтобы она вышла безупречной. Все ради нашего сына и справедливости. — Элисабет замолчала, пытаясь взглянуть Анне в глаза. — Скажите, Анна, — резкий голос стал мягким, печальным, — как я могу успокоиться, если сделаю меньше, чем сделал он?

Глава 38

Осень 2017 года

Когда они медленно пошли назад, к дому, уже начало темнеть. Анна, как и по пути на террасу, поддерживала Элисабет под руку, но теперь что-то изменилось. Она держала старуху крепче и мягче, и шли они теперь ближе друг к другу. Анна рассказала о драке на празднике и о смерти Рюландера, но не упомянула о шантаже по электронной почте. И все же Элисабет, похоже, пришла к тем же выводам.

— Вы думаете, что его убили, да?

— Мы еще не знаем, как умер Рюландер... — начала было Анна, но старуха только махнула на нее рукой. — Вы считаете, что Рюландер знал что-то о смерти Симона и пытался надавить на виновного или виновных. И что они его за это убили.

— Такая версия есть, но мы пока ничего не отмечаем.

— Чушь, — фыркнула Элисабет, но в следующую секунду брюзгливое выражение сменилось довольной улыбкой.

— Значит, теперь вам придется заново открыть старое дело. Допросить Александра Морелля и всех прочих. Вот старший Морелль забегает. Да и Бенгт Андерсон тоже. — Улыбка стала шире.

— Я вот чего не понимаю, — сказала Анна. — Вы с Мари Андерсон, похоже, в хороших отношениях. Но Мари ведь тоже была на каменоломне, и вы обвиняете ее отца в том, что он вместе с Хенри Мореллем скрыл правду.

Элисабет задумалась.

— Мари — моя племянница, дочь моей сестры, я знаю ее с младенчества. Они с Симоном были как брат с сестрой. Даже собирались жить вместе в Лунде. У меня в голове не укладывается, что она могла бы желать ему зла.

Элисабет устало улыбнулась.

— Все эти годы Мари, как могла, поддерживала нас с Карлом-Юханом. Она даже раз в месяц навещает его в городской клинике. А вот насчет ее мужа у меня сомнения. Не говоря уже о тех двоих.

Улыбка превратилась в жесткую черту.

— Калле Педерсен был спившийся жулик, который лупил жену и детей почем зря. Его дочь Карина всегда была, на мой взгляд, слишком расчетливой. Вы, может быть, в курсе, что ее первый муж умер при странных обстоятельствах? А Александер... Жена его выгнала, не вынесла его нрава.

Старуха покачала головой.

— Бенгт Андерсон, скорее всего, пытался скрыть правду не столько ради Мари, сколько ради репутации Неданоса. Для Бенгта поселок всегда был на первом месте. Даже важнее семьи. Моя сестра, конечно, выбрала не того мужчину, но его дети из-за этого страдать не должны.

— Поэтому вы позволили Матсу Андерсону жить здесь?

Элисабет снова поджала губы.

— Вы, наверное, заметили, что Матс несколько с особенностями. Мне понравилось, что Мари купила Которп у Бенгта, хотя новое название — Норрбликка — звучит претенциозно, я Мари так и сказала. А бедняга Матс остался ни с чем, так что мы договорились — пусть живет здесь. У нас с Клейном достаточно места, а Бенгту на парня наплевать.

Они подошли к дому, где уже ждал Клейн. Клейн выглядел встревоженным, но Элисабет успокаивающе погладила его по руке.

— Не волнуйся, старый чудень. Мы с Анной хорошо поговорили, думаю, теперь мы понимаем друг друга. Но мне нужно отдохнуть.

Они простились, и Анна медленно пошла к своей машине. Разговор получился не совсем таким, как она себе представляла. Что же, она выбрала, на чьей она стороне? Решила, что версия Элисабет о сокрытии фактов верна? Хотелось бы ей сказать “нет”, сказать, что она ничего не отмечает и пестует сомнения. Но Анна больше не была уверена, что это так.

Покинув новый двор и медленно направляя машину между старых конюшен, Анна заметила у гумна старый, довольно грязный пикап. Под брезентом на платформе виднелось что-то белое, и Анна успела проехать полдороги к аллее, прежде чем поняла, что это такое. Она резко затормозила и сдала назад. Поставила машину носом к кузову пикапа, выскочила и подняла брезент. На платформе лежала белая “веспа” Агнес. Первой мыслью Анны было, что произошла

авария. Что Агнес лежит где-то раненая. Пульс подскочил. Наконец Анна разглядела, что “веспа” цела. Но беспокойство не уходило.

Анна огляделась, но никого не увидела. Капот пикапа не успел остыть. Значит, машина стоит здесь не очень долго. Анна бросилась звонить Агнес, но попала на голосовую почту. Черт!

Анна обогнула угол гумна, и перед ней открылся плодовый сад с яблонями в четыре ряда, а за ними, в конце гравийной дорожки, — длинный дом, чем-то похожий на конюшни. В одном окне горел свет, и Анна побежала туда.

Дорожка шла слегка под уклон, и кирпичный домик казался сгорбленным, словно присел на корточки за спиной у других строений. Тревога внутри у Анны нарастала.

Анна шагнула на крыльцо и попыталась заглянуть в окна, но ничего не увидела. Ей показалось, что она слышит удары молотка, которые стихли, когда она постучала. Кто-то подошел к двери и как будто заколебался, стоя по ту сторону. Потом в замке скрежетнуло, и Матс открыл дверь. Здоровяк молча, с удивлением воззрился на Анну. Поверх обычной одежды у него был кожаный фартук, заляпанный большими, ржавого цвета пятнами. Кровью?

В темном коридоре у него за спиной послышался стук когтей, и Анна заметила что-то белое. Мило вышел под свет лампочки над дверью. Собака держала в пасти кролика, на брюшке которого зиял разрез.

— Гд-де Агнес? — выкрикнула Анна, не обращая внимания, что заикается. Она шагнула вперед, и здоровяк отступил в коридор. — Где она?! — Брызги слюны попали Матсу на рубашку, заставив его отступить еще на шаг. Он был на тридцать сантиметров выше и килограммов на пятьдесят тяжелее Анны, но явно испугался, неловко топтался и пытался избежать ее взгляда.

— П-простите...

Анна двинулась за ним. Тревога сменилась яростью, от осторожности не осталось и следа.

— Что ты сделал с моей дочерью?

Матс выставил перед собой руки; в глазах ясно был виден страх.

— Я не.

Он прижался спиной к стене, Анна занесла руку, заметила, как он дернулся. Пульс грохотал в висках.

— Мама!

В коридоре рядом с Мило возникла Агнес. Вид у дочери был потрясенный и рассерженный.

— Ты чего?

Анна опустила руку; гнев уходил, сменялся облегчением. Матс все еще прижимался к стене, выставив перед собой руки, словно боялся, что его побьют. Анна устыдилась.

— Извините, — пробормотала она великану и отступила на шаг. — Я не зн-нала.

Агнес осторожно погладила Матса по плечу, и тот опустил руки. Анну дочь одарила мрачным взглядом.

— Я ув-видела “в-веспу”. Ты не от-твеч-чала.

Она хватала ртом воздух, пытаясь собраться. Окинуть ситуацию взглядом, увидеть логическую связь. Она глубоко вдохнула, выдохнула. Вдохнула и выдохнула еще несколько раз, после чего повернулась к Матсу.

— Прошу прощения, — очень медленно проговорила она. — Я увидела “веспу” на платформе вашей машины и подумала, что с Агнес что-то случилось. Она не отвечала на звонки, и когда я увидела вас и Мило вот с этим... — Она указала она пса — тот сидел на полу в коридоре, склонив голову набок. Кролика он так и не выпустил.

Матс уставился на нее, словно не мог сообразить, правду она говорит или нет. Посмотрел на Агнес, на Мило, снова на Анну.

— Простите меня, Матс, — повторила Анна. — Я просто мать-наседка.

Матс кивнул и криво улыбнулся.

— От наседок вреда нет. Дикае свиньи куда опаснее. Я бы не стал вставать между свиноматкой и ее поросятами.

— Не стал? — Анна улыбнулась в ответ.

— Нет. Опасно для жизни. — Матс с важным видом кивнул.

Анна взглянула на Агнес.

— Сорри, — сказала она. — Почему у тебя телефон выключен?

Агнес достала телефон. Поперек экрана тянулась большая трещина.

— Мило так торопился, когда я вернулась, что кинулся мне под ноги. Я уронила телефон на крыльцо. Потом пришел Матс. Это он оставлял кроликов на крыльце. Для Мило.

Великан снова улыбнулся.

— У меня коптильня на заднем дворе. Собаки моей сестры с ума сходят по копченым кроликам. Погрызть любят, для зубов хорошо.

— Ага. — Анна сама услышала, как глупо это прозвучало. — Ну, хоть тайна белого кролика раскрыта. — Она улыбнулась Агнес, но та никак не ответила на улыбку. — Так что ты здесь делаешь? — быстро добавила Анна.

— Матс спросил, не хочу ли я пофотографировать его коллекцию. Мне все равно нечем было заняться.

— Коллекцию?

Агнес, похоже, не хотела вдаваться в подробности, но Матс сделал шаг и открыл какую-то дверь.

— Там, внизу. Спускайтесь, посмотрите.

Подвалу, кажется, была не одна сотня лет. Он являл собой одно длинное помещение. Вероятно, в прошлом его использовали как склад. Пол из того же красноватого камня, что и стены. Сводчатый потолок такой низкий, что Матс мог стоять выпрямившись только посреди подвала. Воздух, против ожидания, оказался не влажным, а прохладным и довольно сухим, что объяснялось большим квадратным осушителем. В комнате пахло какими-то химикатами — Анна не смогла определить какими.

Посредине тянулся проход, по обеим сторонам которого помещалось что-то, что Анна приняла за подвальные чуланы, но что на самом деле оказалось самодельными витринами. На задней и боковых стенках были изображены разные пейзажи, а внутри стояли и сидели чучела животных. Зайцы, барсуки, звери покрупнее — косули и даже олени. Все они застыли в позах, придающих им вид живых. Лиса прыгает вверх, хищная птица распростерла крылья, вот-вот вонзит когти в кролика. Стая гусей пасется в траве, с тревогой поглядывая на небо.

Тщательно продуманное освещение усиливало иллюзию, что перед Анной живые звери. Стекланные глаза сверкали, мех и перья казались ярче. Все вместе напомнило Анне одну давнюю школьную экскурсию.

Матс выключил люминесцентные лампы на потолке, отчего ощущение музейности усилилось, и повел ее по проходу. Агнес и

Мило скользнули вперед, к витрине у торца.

— Я еще пацаном увлекся, — говорил Матс. — Началось с птиц. Мне помогал Карл-Юхан. Он-то и сказал, чтобы я устроился здесь, внизу.

Они прошли мимо барсука с оскаленными зубами, который изготовился стащить яйца из птичьего гнезда.

— Это все ваша добыча? — спросила Анна — в основном из вежливости. В коллекции Матса было что-то отвратительное. Одно дело — убивать животных ради пропитания. Но делать чучела, тратить столько времени и сил, чтобы они выглядели как живые... Жуть.

— Некоторые — да, — кивнул Матс. — Хотя я в основном достаю из капканов, вот как эту. Капканы у меня хорошо получаются.

Он указал на большую рысь, которая забралась на сухое дерево. Задняя лапа была прихвачена тяжелым капканом, прикрепленным цепью к стволу. Зубья с такой силой вонзились в плоть бедного зверя, что кое-где виднелись сломанные кости. Рысь погибла много лет назад, но на морде у нее навечно застыло выражение боли.

— Вот эта рысь — мой самый крупный хищник, — сказал Матс с какой-то почти нежностью в голосе. — Хотя надеюсь заполучить волка.

Анна вопросительно подняла брови, и он тут же заметил это.

— Сюда, бывает, забредают одинокие волки. В прошлом году один до Эстерлена дошел, и всего три недели назад какой-то дальнобойщик сфотографировал волка в Персторпе. Я поставил пару капканов в волчьих местах. Таких же, каким я взял рысь. — Он снова указал на витрину с погибшим мучительной смертью зверем. Анна подавила содрогание, не в силах понять, что такого увлекательного нашла Агнес в этом жутком подвале.

— А это не опасно? Вдруг кто-нибудь попадет в капкан? Собака или ребенок?

— Я ставлю капканы только там, где никто не ходит, — пробурчал Матс. — К тому же я вешаю таблички. Не моя вина, если люди их не читают.

Наконец они дошли до дальней стены, где уже стояли штатив, камера и вспышка Агнес. В витрине сидели на ветке три белых голубя, спинками к зрителю. Птицы смотрели на сказочный пейзаж, нарисованный на стенке. Анна узнала его. Зеленые холмы и долины,

низкие деревья и кустарник тянутся на несколько километров, до самой лесной опушки. Закат окрашивает небо над лесом в розовый цвет. Все это Анна видела совсем недавно, когда они с Элисабет сидели на скамейке.

— Рисунок Карла-Юхана?

Матс кивнул и слегка потянулся.

— Этот и еще два. Остальные я сам нарисовал.

Анна постояла перед витриной, отдавая должное композиции. Было что-то прекрасное в трех голубях, которые сидят, любуясь закатом. Красота даже перевешивала неприятное ощущение.

Один голубь был поменьше — наверное, птенец. Элисабет, Карл-Ю и Симон — может, так следовало понимать?

— Очень красиво, — совершенно искренне сказала Анна и заслужила благодарный поклон Матса. Агнес взялась за фототехнику, немного подвигала экран и принялась щелкать камерой. При каждом щелчке лампочка на экране мигала, освещая голубей и нарисованный закат.

Щелк, щелк.

Через несколько секунд от ритма уже можно было впасть в транс.

Щелк, щелк.

— Голуби у меня лучше всего получаются, — невнятно проговорил Матс. — Я на них практиковался.

Щелк.

— Почему? — спросила Анна, в основном по старой привычке.

Щелк.

— Когда-то давно я любил одну девушку. Ей нравились голуби, вот я и делал их для нее.

Щелк.

— Она была такой красивой. Все так считали. — Голос смягчился.

Щелк.

— Как белая голубка.

Щелк.

Белая голубка, прошептал Хокан у нее в голове, а затем иронически запел “Una Paloma Blanca”. Анна вдруг поняла, о ком говорит Матс.

Белая голубка, Бланка-Бьянка.

— Карина Педерсен. Вы ее имеете в виду?

Матс не ответил, но по его молчанию Анна поняла, что не ошиблась.

Глава 39

Осень 2017 года

Утром Анна приготовила на завтрак большую миску фруктового салата, хотя был четверг. Однако ее жест примирения пропал втуне. Агнес, конечно, съела салат, но злиться из-за случая в доме Матса не перестала, к тому же она осталась без телефона, что ситуации не улучшало. Молчание становилось тяжелым, Анна ощутила, как в ней самой нарастает раздражение, так что разрешила Агнес забрать веганский горячий шоколад к себе в комнату, выпить его за компьютером. Лишь бы избежать ссоры.

Хокану точно было что сказать по поводу вчерашнего, но сегодня Анне не хотелось его слушать. Она высадила Агнес у вокзала и в ответ на свое бодрое “пока!” получила невнятное бурчание, отчего настроение ухудшилось еще больше. Открывая дверь в безвоздушное пространство кабинета Просто-Лассе, Анна чувствовала, что вот-вот закипит.

— А, Анна! Рад видеть! — Просто-Лассе быстро сдернул с носочки для чтения и спрятал их в ящик стола. Работал он в тесной и какой-то старомодной комнатухе, как будто ее настоящий хозяин был из другого времени. Впечатление усиливали пожелтевшие фотографии и дипломы на стенах.

— Садись. — Просто-Лассе жестом указал на стул для посетителей, хотя Анна уже села.

Не тратя времени на светские разговоры, Анна достала найденное у Рюландера письмо и положила на стол перед Просто-Лассе. Тот поморщился, но удивленным не выглядел — наверное, успел поговорить с Бруром Клейном или Элисабет Видье.

— Ну...

Просто-Лассе откинулся на спинку стула, хотя вид у него был не такой расслабленный, как обычно. Стул протяжно проскрипел.

— Наверное, я должен извиниться. — Он слегка покраснел; стул снова застонал. — Элисабет Видье — моя клиентка. Наши с ней дела конфиденциальны. К сожалению, я оказался в очень странном положении, потому что мы с тобой.

Анне не понравилось, как он на нее смотрит. Как будто между ними что-то происходит, и он хочет, чтобы она это подтвердила.

— Вы с Элисабет Видье меня использовали, — прошипела она, хотя хотела промолчать. — Втянули меня в эту историю, к тому же отправили письмо, которое, по всей вероятности, погубило человека.

Просто-Лассе застыл.

— Мы всего лишь дали возможность тем, кто был тогда на каменоломне, облегчить совесть.

— Но один или несколько человек не захотели ничего облегчать. Вместо этого они убили того, кто, вероятно, что-то знал.

Просто-Лассе сидел с оскорбленным видом.

— Если и так, то вряд ли в этом виноваты я или Элисабет.

— Да? А сколько было мертвых свидетелей до того, как вы отправили письмо?

Через пару секунд Анна поняла, как смешно прозвучали ее слова. Однако они, кажется, подействовали: лицо Просто-Лассе страдальчески исказилось.

— Между нами, Анна... — Он снова поерзал. — Элисабет Видье очень больна. Она недолго протянет. Когда мой старый приятель, который работает в полицейской администрации, сказал, что ты подала заявку на должность, Элисабет увидела в этом знак свыше. Последний шанс докопаться до правды.

Просто-Лассе взглянул на закрытую дверь, словно опасался, что кто-то войдет.

— Энглаберга и земля, на которой она стоит, стоят больших денег, и сейчас Элисабет думает, что будет с усадьбой после ее смерти. Родных наследников у нее нет, ближайшие наследники — ее племянники Мари и Матс Андерсон. Элисабет они как родные дети. А вот их отец Бенгт.

Анна отмахнулась от его слов.

— Элисабет мне вчера уже сказала, что доверяет Мари.

— Доверяет. Но она уверена, что не вся правда раскрыта и что есть люди, готовые на все, лишь бы дело не выплыло наружу. Она это твердит со дня смерти Симона.

— Пожар в гараже?

Просто-Лассе кивнул.

— Дело было еще до моего рождения, но отец много раз рассказывал эту историю. Элисабет пыталась заставить старого шефа полиции Грина отстранить Хенри Морелля от расследования, хотела, чтобы он затребовал полицейских из города. Людей, у которых в поселке ни родни, ни друзей. Сначала Грин согласился, но в тот же день вдруг передумал. Ясно, что кто-то на него надавил. Элисабет взяла с собой моего отца и поехала в участок, чтобы поспорить с Грином. Но Хенри Морелль и Бенгт Андерсон тоже явились туда. Кончилось тем, что Элисабет и папу просто выставили из участка. В ту же ночь гараж в Энглаберге сгорел дотла.

Просто-Лассе замолчал, его лицо начало приобретать прежнее выражение.

— При таком раскладе понятно, что Элисабет хватается и за соломинку. Конечно, надо было тебе все сказать сразу, я, собственно, это Элисабет и предложил, но она и слушать не хотела. Сказала, что ты составишь собственную картину, а мы просто запустим процесс.

— Поселив нас с Агнес в Таборе и разослав письма шести причастным?

Просто-Лассе вздохнул.

— Да, примерно так. Кстати, оказалось, что живы только пятеро. Таня Савич скончалась еще в 2002 году.

Анна собиралась найти информацию о Тане, когда вернется в участок, но теперь необходимость в этом отпала. Таня умерла до того, как ей исполнилось тридцать пять. Просто-Лассе, похоже, предвидел ее вопрос.

— Я разговаривал с дочерью по телефону. Передозировка. Таня только-только выписалась из клиники. Она периодически лечилась от зависимости, у нее много лет были проблемы с наркотиками. Так что ничего неожиданного.

Едва открыв дверь кабинета, Анна поняла — что-то неладно. Она совершенно точно задвинула кресло так, чтобы спинка касалась стола. А теперь между ними сантиметров двадцать. А бумаги на столе? Вроде все там, где она их оставила, но не совсем. Анна подергала нижний ящик, где держала материалы по делу Симона Видье. Ящик был заперт, она открыла его своим ключом. Папка с материалами на месте. Анна быстро просмотрела бумаги. Вроде ничего не пропало. Анна

проверила мусорную корзину. Она оказалась пустой. Значит, у уборщика или уборщицы есть ключ от кабинета, и он или она могли сдвинуть бумаги. И все же у Анны остались сомнения. Она взяла кружку и пошла в “кофейную”. Кабинет Морелля был открыт, Хенри, сгорбившись, сидел за компьютером.

— Привет.

— Привет, Анна.

Анна налила себе кофе, хотя ей и не очень хотелось. Морелль, как она и надеялась, заглотнул наживку и через несколько секунд появился в дверях.

— Как вчерашний обыск? Нашли что-нибудь у Рюландера? — Голос Морелля звучал почти буднично.

Анна пожала плечами, стараясь не показать, что изучает его.

— У нас пока мало материала.

— Прости за любопытство. У нас в Неданосе убийства — редкость. Кстати, причину смерти установили?

— Пока нет.

Анна пыталась соотнести его жесты и мимику с интонацией и словами. Может, Морелль знает, кто на самом деле Джо Рюландер? Но в таком случае он знает и о шантаже по электронной почте, и о том, что она держит материалы по делу Симона Видье у себя в кабинете. Значит, кто-то сливает ему информацию. И скорее всего, утечка идет через наследного принца Йенса Фриберга.

Тем не менее Хенри Морелль никак себя не раскрыл. Он не вздрогнул, на его лице ни на долю секунды не возникло бессознательной гримасы — ничто не указывало, что он что-то скрывает. Хенри просто улыбался обезоруживающей отеческой улыбкой и скреб в бороде.

Вернувшись к себе в кабинет, Анна захлопнула дверь и открыла папку с делом Рюландера. Следующий шаг очевиден: допросить тех четверых, кого Рюландер, вероятно, пытался шантажировать. Но основное правило при проведении допросов — как следует подготовиться и до встречи с подозреваемыми выяснить как можно больше. В головоломке все еще не хватает пары элементов. Вскрытия Рюландера пока не проводили, и даже если причина смерти кажется очевидной, вскрытие может дать неожиданную информацию. Неожиданную и даже решающую для следствия. То же касается

машины и обыска в доме Рюландера. И хотя полицейский инстинкт подзуживал Анну немедленно допросить четырех старых друзей на предмет шантажа и алиби в воскресную ночь, опыт говорил ей, что горячиться не стоит.

От размышлений Анну оторвал звонок мобильного. Звонил адвокат. Он, как обычно, не стал тратить времени на светские разговоры, которых ей сейчас хотелось, как никогда.

— Я только что говорил с главным обвинителем, Тордом Сантесоном. Он сам будет заниматься делом.

— Почему?

— Мне не объяснили толком. Сантесон утверждает, что всплыла новая информация, и вы должны как можно скорее явиться к следователям. Может, конечно, он и блефует. На Сантесоне пробы негде ставить, извините за выражение, и с чего бы ему меняться. Но вообще такое впечатление, что он имеет в виду именно то, что говорит.

— И что это означает? Чисто практически?

В трубке послышался глубокий вздох.

— Это означает, что, если вы не явитесь к следователям в ближайшие несколько дней, Сантесон с большой вероятностью вызовет вас на допрос. Что почти невозможно будет скрыть от прессы. “Детектив подозревается в убийстве” — великолепный заголовок. Сантесону наверняка понравится.

Адвокат замолчал, и Анна услышала в трубке удары собственного сердца.

— Предлагаю вам бросить все и как можно скорее лететь в Стокгольм.

Остаток дня Анна провела у себя в кабинете. Разослала следователям краткие инструкции по электронной почте. Потом заказала первый же утренний рейс на Бромму.

Анна пыталась успокоиться, твердила себе, что все дело в новом, жаждущем результатов прокуроре. Что на самом деле у следствия нет ничего нового. Что все под контролем. *А вдруг ты ошибаешься?* прошептал Хокан. *Вдруг они все знают? Вдруг тебя уличат, вдруг Агнес прочтает об этом в газете, вдруг...*

Анна попыталась заткнуть его, растолковать, что видит его насквозь, что его штуки и на этот раз не пройдут. Но Хокан не слушал и продолжил зудеть. Слово за словом он уничтожал ее защиту.

Она заслуживает, чтобы ей сказали правду. Ты и так долго тянула. Она сильная. Ты — тоже.

Под конец Анна уже не могла сопротивляться.

Она уложила папки с делами Видье и Рюландера в портфель, заперла кабинет и села в машину. Едкий дым обжигаемой глины едва заметным туманом висел над крышами. Анна посидела в машине, не заводя мотор.

Ну, и чего ты добиваешься? спросил Хокан. *Чтобы Хенри Морелль явился к Агнес и сказал ей, что тебя арестовали? Или Йенс Фриберг? Чтобы.*

— Ладно, ладно! — пронзительно выкрикнула она и стукнула по рулю. — Ты получишь, что хочешь, только заткнись на минутку, заткнись, пожалуйста! Дай подумать спокойно.

Хокан замолчал. Анна посидела еще несколько минут, потом взяла себя в руки, завела машину, переключила передачу и медленно покатила на запад. После того как она набросилась на Матса, ее отношения с Агнес снова в минусе. Если она хочет, чтобы они с Агнес снова разговаривали — Анна сделала ударение на первом слове, — придется поднести примирительный дар. Анна проехала три мили до ближайшего торгового центра, нашла непрременный магазин с мобильными телефонами и купила дорогой айфон последней модели, цвета, который, по ее предположению, понравится дочери. Еще купила две порции суши на ужин и успела вовремя вернуться в Неданос, чтобы встретить Агнес на вокзале.

Агнес все еще дулась, но подарок приняла. Она вставила в айфон сим-карту со старого телефона и, поиграв с ним некоторое время, пробурчала что-то, что при известном желании можно было истолковать как благодарность.

Они приехали домой, и пока Агнес выгуливала Мило, Анна накрывала к суши-ужину. Большую часть их молчаливой трапезы она посвятила попыткам собраться с духом.

Справится ли она?

Конечно, да. Я не знаю никого сильнее тебя, прошептал Хокан. *Давай, прямо сейчас. Ради меня.*

Когда луна стояла уже высоко, Анна вошла к Агнес и терпеливо дождалась, пока дочь отложит телефон и одарит ее взглядом “чего тебе?”.

— Мужчину, который затеял драку в парке, нашли мертвым, — начала Анна. — И оказалось, что в ночь гибели Симона он был на каменоломне.

Агнес явно заинтересовалась.

— Ой! — Неприветливое выражение исчезло. — Расскажи?

Анна кивнула. Но сначала я расскажу про твоего папу. Расскажу, как он умер. Анна собиралась продолжить именно так. Она обещала Хокану. Она слышала, с каким нетерпением он ждет от нее этих слов. Но в последний момент мужество изменило ей.

Вместо этого Анна пустилась рассказывать о жестоком противостоянии между Элисабет Видье, Хенри Мореллем и Бенгтом Андерсоном, которое началось после смерти Симона. О письме и о том, что вызвала к жизни смерть Юакима Рюландера.

Конечно, так нельзя. Она же практически выбалтывает тайну следствия. И все же Анна продолжала рассказ — отчасти потому, что он захватил Агнес, отчасти потому, что он позволял не молчать. Не молчать, слушая обвинения Хокана.

Прости, подумала Анна, договорив до конца. Я не справилась. Слишком трудно. Мне нужно больше времени. Не злись, пожалуйста, не злись.

Хокан промолчал.

Глава 40

Осень 2017 года

Отдел внутренних расследований не относился к полицейскому управлению, а потому находился не в большом здании на Кунгсхольмен, а в совершенно другом помещении. В последний раз Анна была здесь в июне. Адвокат тогда обещал, что этот допрос вообще последний в этом расследовании. И он помнил обещание — это Анна поняла по слегка виноватому виду, когда адвокат без пяти девять здоровался с ней. Свежевыглаженная рубашка, ослепительно белые зубы, дорогой костюм — неудивительно, учитывая, сколько он заколачивает. Однако ей не хотелось, чтобы ее интересы представлял какой-нибудь прыщавый новичок, к тому же она может позволить себе такого адвоката. И неважно, если из-за этого она выглядит так, будто ей есть что скрывать.

Ровно в девять дверь открылась, и вошел следователь из тех, с кем Анна встречалась в прошлый раз, — невысокий мужчина с бульдожьей челюстью, Анна не стала запоминать, как его зовут. Бульдог пожал им руки, провел через несколько бронированных дверей и проводил в уже знакомое помещение без окон. В двух углах виднелись камеры, и Анна решила воздержаться от разговора с адвокатом. Они просто кивнули друг другу и стали ждать.

Почти четверть часа они просидели молча, обмениваясь многозначительными взглядами. Вряд ли Сантесон назначил еще одну встречу, не говоря уж о допросе, в четверг раньше девяти утра, так что задержка — просто способ поиздеваться. Маленький психологический пинок, чтобы вывести ее из равновесия. Анна сама много раз использовала этот трюк, и теперь ее поразило, насколько он эффективен. Тревожный сон ночью и неудобный утренний полет уже сделали свое дело. Она напряжена и ждет подвоха.

Успокойся, сказал бы Хокан. Но вчера вечером она предала его, и он больше с ней не разговаривает. Анна осталась совсем одна.

Дверь без предупреждения открылась, и вошел бульдог в компании невысокого полноватого мужчины в костюме. Под мышкой мужчина нес толстую папку с делом.

— Главный прокурор Торд Сантесон, — представился он. Сантесону было чуть за пятьдесят, и он, как и Бенгт Андерсон, решал вопрос облысения тем, что брился наголо. Рукопожатие его было жестким, дыхание — тяжелым.

— Итак... — Сантесон уселся напротив нее и положил папку на стол. Побарабанил по ней пальцами, разглядывая Анну. Темно-серые глаза, умный взгляд. — Вы уже прошли через одно разбирательство. — Сантесон, продолжая постукивать пальцами по папке, повернулся к сидевшему рядом с ним человеку-бульдогу. — Прежний руководитель предварительного расследования был готов закрыть дело, но я решил пройтись по материалам еще раз. Не оставить без внимания ни одной мелочи. И мне повезло. — Пальцы замерли. Анне остро захотелось сглотнуть, но она сумела удержаться. — У нас появилась новая информация, для вас не слишком благоприятная. — Толстый указательный палец постучал по папке.

— Начнем с того, что у нас есть новый свидетель. Медсестра...

Сантесон сделал паузу, позволяя ей осмыслить его слова.

— Она перешла в другое отделение незадолго до смерти вашего бывшего мужа, поэтому не сразу заявила о себе.

Пальцы снова забарабанили по папке. Анна чувствовала на себе взгляд Сантесона; сделав усилие, она взглянула ему в глаза.

— Медсестра показала, что вы довольно заинтересованно расспрашивали ее, как работает инфузионный насос. Настолько заинтересованно, что она помнит ваши вопросы по прошествии почти года. — Сантесон снова сделал паузу и криво улыбнулся.

— Кроме того, у нас есть вот что. — Он открыл папку, продолжая при этом сверлить Анну взглядом. — Мои сотрудники проверили ваш служебный компьютер и личный ноутбук. Они ничего не нашли, но я приказал проверить все компьютеры на вашем старом рабочем месте, и — глядите-ка.

Сантесон положил какой-то документ на середину стола, между Анной и адвокатом, так что обоим пришлось наклониться вперед.

— С компьютера одного из ваших коллег искали руководство по использованию инфузионного насоса той же модели, что стояла в палате вашего бывшего мужа. Поиск производился сразу после полудня, а ваш коллега уже признался, что не всегда разлогинивается,

отправляясь на обед. Еще он показал, что вы как руководитель группы часто заходили к нему в кабинет по делам.

Сантесон снова помолчал, переглянулся с ее адвокатом и с довольной улыбкой нанес последний удар.

— И еще кое-что. Инфузионный насос, доставивший вашему бывшему мужу смертельную дозу морфина... — Отвратительные пальцы вернулись на папку. — Мы обследовали его еще раз. Можете ли вы назвать причину, по которой на нем могли бы оказаться ваши отпечатки?

Указательный палец выбил торжествующую дробь. Анна заметила, как ее адвокат выпрямляется, но прежде чем он успел что-то сказать, Сантесон перегнулся через стол.

— Хокану недолго оставалось, Анна. — Его голос стал мягким. — Какая-нибудь неделя, не больше. Помочь избавиться от страданий — не убийство, не преступление. Скорее акт милосердия. Даже любви. — Сантесон печально улыбнулся. На этот раз Анна все-таки не удержалась и сглотнула.

— Я думаю, что собравшиеся согласятся со мной: мы можем поставить себя на ваше место. Может быть, некоторые или даже любой из нас поступили бы точно так же. — Сантесон склонил голову к плечу. — Это был он, Анна? Акт милосердия?

В комнате стало очень тихо и душно. Анна с трудом дышала.

— Д-д-д...

Заикание прорвалось совершенно не вовремя. Приступы такой силы с ней происходили всего несколько раз в год. Анна хватала ртом воздух, пыталась обычными способами взять заикание под контроль, но безуспешно. Голосовые связки судорожно сокращались, хотя она стиснула руки и смотрела в пол. От недостатка кислорода стучало в висках.

Анна почувствовала на плече ладонь адвоката и подняла руку, прежде чем он успел предложить перерыв.

— По-подождите! — выдавила она.

С трудом сглотнув, она наконец справилась с судорогами. Наполнила легкие воздухом. Один раз, второй. Виски отпустило. Анна подняла голову, встретила обеспокоенный взгляд адвоката, потом посмотрела на Сантесона. Тот так и сидел, склонив к плечу лысую голову и улыбаясь ей с фальшивым состраданием. Человек-будьдого

подался вперед, словно учуял кровь. Анна закрыла глаза, снова сделала вдох.

— Подумайте о своей дочери, — проникновенно сказал Сантесон. — Ведь Агнес имеет право знать, как умер ее отец?

Перед глазами у Анны всплыло лицо Агнес. Ее дочь, ее маленькая девочка, чье имя Сантесон произносит так, будто знаком с ней. Анна открыла глаза и облизала губы. Линзы камер устали на нее. Сантесон наклонился ближе, словно чтобы лучше слышать.

— В каком году вы прошли курс? — подчеркнуто спокойно спросила Анна.

— Какой? — Фальшивое сострадание Сантесона улетучилось, веко дернулось.

— Курс ФБР по технике допроса. В каком году вы его прошли? Я ездила в Нью-Йорк в 2010 году. — Злость комом встала в горле, но Анна загнала ее назад.

Веко у Сантесона задергалось быстрее. Ему пришлось сузить глаза.

— Вы хороший ученик, — продолжала Анна. — Положили в папку побольше бумаги, чтобы она выглядела набитой. В прошлый раз она и на четверть не такая толстая была. — Анна смерила папку пальцами.

— Потом вы как бы незаметно постукиваете по ней, чтобы я все время думала, что же там, в этой папке. Вон сколько доказательств накопилось! Отлично придумано.

Рот Сантесона превратился в жесткую линию, отчего прокурор приобрел легкое сходство с Элисабет Видье.

— Вы виртуозно жонглируете словами, — продолжала Анна. — Не сказали напрямую, что мои отпечатки пальцев оказались на инфузионном насосе. Вместо этого вы спросили, могу ли я указать причину, по которой они могли бы там оказаться. Звучит похоже, но это не одно и то же. А человек в состоянии стресса разницы не уловит.

Сантесон и бровью не повел, зато с лица человека-бульдога невозмутимое выражение сошло без остатка. Глаза забежали, бульдог то и дело вопросительно посматривал на босса, избегая встречаться взглядом с Анной.

— Ну а конец вашей речи и вовсе вишенка на торте. Вы умаляете деяние, чтобы оно выглядело более приемлемо. Не убийство, а акт

милосердия. Не убийство, а акт сострадания и любви. Ибо акт любви принять намного проще. Ты вроде как не закоренелый преступник, а хороший человек.

Сантесон выпрямился и так сжал губы, что рот почти исчез. Маленькая, едва заметная капля пота появилась на виске, и он сердито стер ее.

— Значит, так, Сантесон, — спокойно сказала Анна. — Да, я действительно спрашивала одну из медсестер, как работает инфузионный насос. Ничего странного в этом нет. В свои последние недели Хокан жил только благодаря морфину, так что неудивительно, что я интересовалась, как работает насос и какую дозу получает Хокан.

Анна помолчала. Отметила, что ни разу не заикнулась. Вдохнула полную грудь воздуха и заговорила медленнее — для надежности.

— Что касается поискового запроса с компьютера в угрозыске лена, то тут у меня нет объяснений. Да они мне и не нужны. Доказать, что я что-то искала, — ваше дело. Сумеете? Есть в этой кипе бумаги что-то, что связывает меня с компьютером моего коллеги?

Анна наклонилась вперед и постучала указательным пальцем по толстой папке — точно так же, как совсем недавно стучал Сантесон. Человек-бульдог поерзал и почти незаметно отодвинулся и от своего шефа, и от стола, словно желая отстраниться от происходящего. Сантесон теперь смотрел на Анну, уже не пытаясь скрыть гнев. Она ответила ему таким же злым взглядом, после чего откинулась на спинку стула. Теоретически Сантесон может задержать ее и без доказательств и отправить под арест на сорок восемь часов — просто чтобы сделать гадость. Поэтому лучше прекратить эту членомерку. Дать Сантесону возможность отступить, не потеряв лица, а не унижать его дальше.

— На самом деле... — Анна развела руками, вздохнула. — На самом деле я понятия не имею, как Хокан получил ту последнюю дозу морфина. Возможно, кто-то из врачей или медсестер пожалел его, или насос забарахлил. Реле отключилось, произошел скачок напряжения. Но в любом случае, я благодарна. — Анна немного опустила голову, приоткрывая свою печаль. Это оказалось легче, чем она ожидала. — Хокан был очень волевым человеком. Он боролся изо всех сил, прожил дольше, чем большинство с такой стадией рака. Но под конец даже он не в силах был выносить боль.

Сантесон не сводил с нее глаз; бульдог и адвокат словно окаменели. Самый воздух в допросной стал неподвижным. Анна смотрела на Сантесона, и где-то там, в глубине его взгляда — ей показалось — она заметила проблеск истинного сострадания. Под железной броней был человек — с чувствами, близкими людьми, способностью сопереживать.

— Хокан был отцом моего ребенка, — тихо произнесла Анна. — Я развелась с ним, но он остался любовью всей моей жизни и моим лучшим другом. Не проходит и дня, чтобы я не думала о нем. Не говорила с ним, не тосковала по нему.

Она сглотнула и собралась с силами.

— Я хотела, чтобы он умер. — Анна судорожно вдохнула. — Но я не убивала его.

Глава 41

Осень 2017 года

Пока Сантесон совещался с коллегами, они сидели в приемной. Как только Сантесон удалился настолько, что не мог ни видеть, ни слышать их, адвокат вздохнул.

— Это был или самый умный, или самый глупый ваш поступок.

Анна покачала головой.

— Да, я далеко зашла. Но когда он приплел Агнес... Тошнота возникла из ниоткуда. Началась где-то внизу живота и устремилась вверх.

— Простите, я. — Анна направилась к туалету, стараясь выглядеть спокойной. Последние два метра до кабинки она пробежала. Упала на колени, и ее вывернуло наизнанку.

Весь обратный рейс Анна проспала. Самолет приземлился в Стурупе поздним вечером. Мысли еле ворочались в голове, и итоги дня Анна смогла подвести, только уже сидя в машине. Она держалась молодцом, и ее не арестовали — безусловный плюс. Но расследование продолжается, да и то, что она раскатала Сантесона в лепешку в присутствии одного из его сослуживцев, вряд ли пойдет ей на пользу. Главный прокурор не из тех, кто спустит подобное, он отомстит при первой же возможности. Вопрос только, когда и как. Но сейчас у Анны не было сил думать об этом. Ей просто хотелось домой.

Вот как она теперь думает о Неданосе и Таборе. Прожила здесь всего пару недель — а Табор уже кажется ей их с Агнес домом.

На автоответчике ее ждали два пропущенных сообщения. Первое — от отчима Рюландера. Неприятный торговец автохламом прогундел что-то про почту Рюландера — он-де “отправил эту муть в полицию” — и положил трубку. Второе сообщение оказалось гораздо симпатичнее. Какая-то женщина приятным голосом сказала, что она Лиза Савич. Старшая дочь Юакима Рюландера. Лиза сообщила, что на следующей неделе приедет за вещами отца в Неданос и тогда еще позвонит.

Через пару миль туман у Анны в голове рассеялся, и факты начали вставать на свои места. Савич — та же фамилия, что у девушки, которая была с Рюландером на каменоломне, а потом на автозаправке. Таня Савич, умерла от передозировки в начале двухтысячных. Просто-Лассе упомянул, что говорил с ее дочерью, но молодая женщина проявилась только сейчас. У Юакима Рюландера и Тани Савич был ребенок. Дочь по имени Лиза. Значит ли это что-нибудь для дела? После некоторого размышления Анна склонилась к отрицательному ответу.

Она проехала мимо дорожного щита. Рефтинге. Вскоре ей попала большая автозаправка. Не здесь ли арестовали Рюландера в ночь, когда умер Симон? Анна решила проверить. Продавщица, девушка лет двадцати, оказалась дочерью владельца. Анна предъявила удостоверение и объяснила, что ее интересует; девушка позвонила отцу и спросила, помнит ли он тот давний случай. Анне повезло. Она нашла ту самую автозаправку и того самого человека. Девушка протянула ей трубку.

— Они прикатили на мотоцикле в начале второго ночи, — сказал мужчина на том конце. — Парень и девица. Парень, похоже, был пьян, вел себя агрессивно. Пару раз напускался на девушку, по-моему, даже затрещину ей дал. Я позвонил в полицейский участок Рефтинге. Когда они заправились и пора было платить, парень попытался стащить зажигалку. Дешевую чепуху, мы такие выкладывали у кассы. Я сказал, чтобы он заплатил за зажигалку, тут он и завелся. На меня наехал, чуть не разгромил витрину — как будто решил устроить драку. Девушка пробовала его утихомирить, но безуспешно. Тут явилась полиция, и его увели.

— А девушка?

— Мне стало ее жалко, и я отвез ее к ночному автобусу до Клиппана, автобус там останавливался около двух. Хорошая девочка, которая попала в плохую компанию.

Анна купила банку энергетика и выпила, не садясь в машину. Вскоре она почувствовала себя бодрее, да и настроение улучшилось. Резкий ветер обжег щеки, вдохнул в Анну новую жизнь, освежил голову. Остаток дороги до дома Анна употребила на то, чтобы избавиться от ощущений после стокгольмской поездки и поразмышлять о Юакиме “Джо” Рюландере. На момент гибели

Симона Видье ни самого Рюландера, ни его подруги Тани Савич на каменоломне не было, во всяком случае — со слов остальных четверых свидетелей, однако Рюландер в своем письме все-таки намекал, что кое-что знает о смерти Симона и что его молчание стоит денег. По всей вероятности, это и явилось причиной его собственной смерти.

Что же знал Рюландер? Письмо с угрозой было разослано всем четырем друзьям, так что тайна, вероятно, касалась их всех. Если только это не какой-то трюк. Способ надавить на того или тех из четверки, кому есть что скрывать. И еще: как кассета с песней Симона Видье попала к Рюландеру? Студия со всем, что принадлежало Симону, сгорела в ночь после его смерти. Имел ли Рюландер отношение к пожару или он раздобыл кассету каким-то другим способом?

Когда она добралась до Табора, в доме было пусто, ни Агнес, ни “веспы” не видно. Первым поползновением Анны было позвонить дочери, узнать, где она, но Анна просто отправила эсэмэску с вопросом, что Агнес хочет на ужин. С минуту подождала, не выпуская телефона из рук, но ответа не получила.

Анна выпустила Мило на улицу. Этот дурак, как всегда, обошелся с ней как с пустым местом. Пока Мило бегал, Анна принимала душ, смывала с себя Стокгольм, Сантесона и допрос. Она снова повторила себе, что держалась молодцом и что не стоит себя накручивать. Подождала, возразит Хокан или нет. Хокан промолчал, и Анна почувствовала себя ужасно одинокой. Струи стекали по волосам и лицу, и Анна стояла так, пока не кончилась горячая вода.

Агнес ответила на ее эсэмэску коротким “без разницы”. Не тот ответ, на какой Анна надеялась, но и такой пойдет. Отношения между ними выстраиваются тяжело, шаг вперед — шаг назад, но Анна постаралась уговорить себя, что они на верном пути. Что все будет хорошо. Сегодня вечером это далось ей труднее, чем обычно.

Анна надела майку, мягкие штаны, завернулась в мохнатый халат, сунула ноги в туфли на деревянной подошве. Снаружи начало темнеть, и когда Анна вышла на крыльцо, чтобы впустить Мило, она заметила свет, прыгавший между деревьев. Сначала Анна решила, что это фара “веспы”, но потом поняла, что по лесной дороге едет машина. Анна

стала ждать на крыльце. Подъехал пикап Клейна, и Анна увидела на пассажирском сиденье Агнес.

— Привет, мам. — Голос Агнес не был ни приветливым, ни неприязненным, обниматься дочь не стала, только криво улыбнулась. — Я была в Энглаберге, фотографировала другие картины Карла-Ю из коллекции Матса. Тетя Элисабет попросила Клейна отвезти меня домой. Он насыпал нам яблок.

Не успела Анна отреагировать на то, что Агнес начала называть Элисабет Видье “тетей”, как появился Клейн с большим деревянным ящиком.

— Оранжевый ренет, — сказал он. — У нас много.

— Спасибо. — Анна подвинулась и пропустила их на кухню. Клейн поставил ящик на стол, Агнес ушла к себе. Мило крутился рядом, как всегда загипнотизированный Клейном. Наконец Агнес позвала его.

Клейн беспокойно взглянул в сторону ее двери.

— Я бы хотел вам кое-что сказать. Если можно, на улице.

Анна вышла за Клейном к пикапу. В зябком вечернем воздухе чувствовался запах прелых листьев.

Только теперь Анна увидела, что “веспа” стоит на платформе, пристегнутая ремнями к кабине.

— Подождите, я помогу ее снять.

Клейн помотал головой, кивнул на ее халат и тапочки.

— Я сам. У вас одежда не та.

Клейн опустил заднюю стенку кузова и вытянул широкую доску, уперев ее в край платформы. Потом осторожно скатил “веспу” по импровизированному пандусу. С виду это было просто, но Анна услышала, как он закричал, и вспомнила, что Клейн гораздо старше, чем кажется.

— Ну вот. — Клейн поставил “веспу” возле дома, сдвинул кепку из той же зеленой ткани, что и дождевик, и вытер лоб. Агнес чем-то гремела на кухне. Похоже, готовила ужин.

— Так вот. — Клейн подошел ближе. Суровое лицо выглядело немного озабоченным. — Элисабет сказала: вы считаете, что человек, которого в понедельник нашли мертвым в “Glarea”, как-то связан с Симоном.

Анна медленно кивнула, ожидая продолжения. Клейн задержал дыхание, словно подыскивая нужные слова, и продолжил.

— Последние двадцать семь лет у Элисабет одно желание: возобновить дело Симона, она только этим и живет. — Клейн поправил кепку. — Не сомневаюсь, что Элисабет вам очень рада, и я вам благодарен. И все же...

Клейн замолчал и взглянул на открытую дверь.

— И все же должен предупредить вас, — тихо сказал он. — Некоторым совсем не хочется копаться в прошлом. И эти люди пойдут на все, лишь бы расследование не открыли снова.

— Сгоревший гараж? Студия Симона, спортивная машина Карла-Юхана. — Анна указала на сарай, где прятался остов автомобиля.

На лице Клейна появилось выражение человека, которого застали врасплох; на мгновение оно даже стало испуганным.

— Как... — начал было он, но взял себя в руки. Голос стал тверже. — Анна, я только хочу сказать: подумайте как следует, прежде чем действовать. — Клейн нагнулся, их лица теперь почти касались друг друга. — Элисабет Видье — самый важный для меня человек. Если ее это как-то ранит... если ее ранит что-то или кто-то.

Клейн не договорил. Он выпрямился, натянул кепку на лоб. Залез на водительское сиденье и резко тронул машину с места.

Агнес действительно занималась приготовлением ужина. Вместе они закончили с готовкой, а за столом поддерживали вежливую беседу. Разговор вскоре зашел о Симоне. Фреска и стоящая за ней история по-прежнему интересовали Агнес, и она задавала вопросы и насчет подробностей дела, и насчет его участников. Анна отвечала, как могла, стараясь не нарушить тайны следствия, но сейчас это было в принципе невозможно.

После еды Агнес сунула карту памяти из фотоаппарата в компьютер и показала снимки, которые сделала в удивительном подвале Матса.

— Это тоже рисунки Карла-Ю. — Она показала несколько небольших витрин. Лес, высокие серые стволы утопают в тумане, словно это наполовину деревья, наполовину призраки. В витрине Матс сложил каменную изгородь. Наверное, много времени потратил. Сидевшая на крупном камне гадюка с узорчатой шкуркой пожирала

мышь — из пасти свисали только задние лапки и хвост. Картина, увиденная через объектив фотоаппарата, выглядела совершенной реальностью, чучело невозможно было отличить от настоящей змеи.

— Матс не говорил, что его коллекция нравилась Карлу-Юхану?

— Он сказал, что Карл-Юхан рисовал здесь, в Таборе, а Матс потом отвозил рисунки к себе. Его коллекция в подвале с середины восьмидесятых, но Карл-Юхан ее не видел. Матс говорит — он не любил мертвых животных. Жаль, что не все так думают. — Агнес коротко улыбнулась.

Анна припомнила историю Морелля о раненом олене, который забрел в Табор. Может, рассказать Агнес?

Дочь откинулась на спинку стула и бессознательным движением завела прядь волос за ухо. Этот жест так напомнил Анне Хокана, что сердце чуть не разорвалось.

— Я спросила Матса о Симоне, — продолжала Агнес. — Он сначала обрадовался, долго рассказывал о студии, о музыке. Симон играл на пяти инструментах, его все любили. Но когда речь зашла о несчастном случае, Матс загрустил и не захотел продолжать. Сказал, что вся радость из Энглаберги ушла вместе с Симоном, да так и не вернулась. Потом Матс закрылся у себя. Мне пришлось выбирать самой. Когда я уже заводила “веспу”, тетя Элисабет позвала меня на кухню, выпить кофе. Матс прав, в Энглаберге как-то мрачно, да?

— М-м.

Они немного помолчали.

— Как по-твоему, от горя правда можно ослепнуть? — спросила Агнес.

— Не знаю. Но иногда бывает, что какое-то ужасное событие запускает болезнь. Не знаю, как это с...

— Пигментным ретинитом, — подхватила Агнес. — Я погуглила. Первые симптомы — проблемы с ночным зрением. Затем исчезают цвета и резкость, сокращается периферийное зрение, а под конец видишь только узкое черно-белое поле прямо перед собой. — Агнес грустно покачала головой. — Какой ужас для человека вроде Карла-Ю, который жил красками и образами. Просто кошмар.

— Есть болезни более жестокие.

Анна не успела обдумать слова. И взорвалась очередная миналовушка. Агнес застыла, глаза у нее заблестели, и Анна молча

отругала себя.

— Вот, ты наверняка захочешь послушать, — сказала она, чтобы разрядить атмосферу. — Запись Симона Видье.

Она взяла телефон и запустила аудиофайл, который ей прислал Фриберг. Из телефонного динамика заструился голос Симона Видье.

Агнес выпрямилась; теперь она выглядела не такой напряженной. Слушая, она наклонила голову — так же, как когда-то Хокан. Анна снова ощутила укол в сердце.

— Можешь мне отправить? — спросила Агнес. — Я хочу послушать у себя.

Глава 42

Осень 2017 года

Когда Агнес заводи́ла “веспе́”, Анна решила поспать еще полчаса. О том, что сегодня Морелля торжественно провожают в отставку, она вспомнила в последнюю минуту. Анна наскоро погладила форменную рубашку и поехала в участок. У себя в кабинете она достала из портфеля дело Симона Видье и снова принялась читать, отмечая последовательность событий.

В три часа Бруно и Алекс прибывают на каменоломню на машине Алекса.

Через полчаса приезжает на велосипеде Симон, а еще через час появляются Мари и Карина, тоже на машине.

Обе машины припаркованы возле шлагбаума, от которого, как известно Анне, до каменоломни меньше километра. Симон мог ехать на велосипеде и дальше.

В семь часов они развели костер, а в начале девятого появились на мотоцикле Джо и Таня. Очевидно, они проехали за шлагбаум.

Незадолго до полуночи (по словам Бруно, без двадцати двенадцать, а по словам Мари — без десяти двенадцать) Таня и Джо покидают каменоломню. Начинается сильный дождь.

В 01.36 Джо Рюландера арестовывают на заправке возле Рефтинге. Они с Таней провели там чуть меньше четверти часа. Согласно отчету о вскрытии, Симон Видье умер где-то между часом и двумя ночи.

К пяти часам утра дождь прекращается. Мари Сорди выходит из палатки, которую делит с Кариной Педерсен, и обнаруживает Симона в воде.

Убедившись, что Симон мертв, Бруно Сорди на машине Мари едет вызывать полицию и скорую помощь. Энглаберга недалеко, но Бруно почему-то отправляется в магазин в Мёркабю.

Первый полицейский патруль прибывает на место в 05.54. Вскоре после полиции приезжают скорая помощь и пожарная бригада.

Анна прошла по хронологии пару раз, но пробелов не обнаружила. Могло показаться странным, что Бруно отправился

поднимать тревогу в Мёркабю, а не в Энглабергу, но тому есть объяснение. Вряд ли Бруно хотел оказаться тем, кто сообщит Карлу-Юхану и Элисабет Видье о смерти их сына.

Анна дождалась обеденного перерыва и снова тайком спустилась в архив. Ей потребовалось всего несколько минут, чтобы найти сообщение о пожаре в Энглаберге, вынуть его из папки и вернуться к себе. Все расследование уместилось на двух страницах формата А4. Сначала шел отчет, составленный полицейским, чьего имени Анна не знала.

Патрульная машина номер 3485 приняла вызов о пожаре в гараже в усадьбе Энглаберга в 02.23 30 августа. На месте происшествия обнаружены владельцы усадьбы Элисабет и Карл-Юхан Видье, а также управляющий Брур Клейн. Клейн, который живет поблизости, рассказал, что увидел пламя из своего окна. Он вызвал пожарных, после чего бросился в усадьбу, чтобы попытаться справиться с огнем самостоятельно.

По прибытии патрульной машины гараж уже полностью сгорел, и пожарные сосредоточили свои усилия на спасении расположенных поблизости конюшен. Не считая незначительных ожогов на руках (следствие попыток самостоятельного тушения), Клейн не пострадал. Человеческих жертв нет, поскольку в строении никого не было.

Дальше в деле шел короткий меморандум, составленный Хенри Мореллем.

В ходе беседы с владельцами усадьбы выяснилось, что на верхнем этаже гаража была музыкальная студия, чем объясняется непрофессиональное устройство электрического хозяйства. По словам начальника пожарной охраны Эйнарсона, пожар наверху произошел, по всей вероятности, из-за короткого замыкания. Огонь

усилился благодаря использованным в студии изоляционным материалам. В конце концов огонь добрался до горючих жидкостей, хранящихся на первом этаже гаража, вследствие чего воспламенился топливный бак стоявшей там машины, и пожар разгорелся в полную силу.

Анна положила оба листа в папку с делом Симона. На семью Видье с промежутком в какие-нибудь сутки обрушились смерть и пожар. Два трагических происшествия, между которыми прошло двадцать четыре часа, были описаны как несчастные случаи. И в обоих активно участвовал Хенри Морелль.

Чествование Морелля в столовом зале муниципалитета оказалось вполне предсказуемым. Вокруг картонных тарелочек с пирожными и пластиковых стаканчиков с дешевой кофой собрались все коллеги из полицейского участка, а также сотрудники муниципалитета и кое-кто из местных предпринимателей. Играл местный духовой квартет, настроение было приподнятым. Пахло актовым залом, кофе и пятницей.

Анна поздоровалась в Эвой-Бритт, потом с Фаббе Сорди; оба дружески кивнули в ответ, но ни та, ни другой не подошли поговорить, что Анна связала с инцидентом в парке. Бруно тоже был здесь, но, кажется, избегал ее. Алекса Морелля вообще не было видно, отчего Анна одновременно ощутила облегчение и разочарование.

Первой слово взяла Мари Сорди. Она сообщила, что знает Хенри Морелля с детства. Рассказала, как они с Алексом, Бруно и Кариной проводили время у Мореллей в подвальной комнате отдыха. О Симоне она не упомянула. Заканчивая свою речь, Мари с дрожью в голосе назвала Морелля “дядей Хенри”; по ее мнению, он более чем заслужил наконец отдохнуть. Закончила Мари тем, что крепко обняла Морелля.

Следующим место оратора занял отец Мари. Бенгт Андерсон долго говорил о своем сотрудничестве с Мореллем и о том, как они вместе вели Неданос через годы лишений в золотой век, который уже не за горами. Затем Бенгт и Мари вручили Мореллю ожидаемый именной почетный лист с гербом муниципалитета. Затем — нечто менее ожидаемое: большую коробку, на которую, по словам обоих

ораторов, собирали всем поселком. Подарком оказался робот-газонокосилка, при виде которого Хенри просиял, как ребенок на Рождество.

— Не очень-то вписывается в политику коммуны касательно подарков, — прошептал Анне Йенс Фриберг. — Но подарок заслуженный, вопросов нет, — прибавил он, вроде бы без иронии.

Следом выступал полицеймейстер, серьезный низенький человек, с которым Анна познакомилась только на рабочем собеседовании. Перед началом церемонии они успели обменяться парой слов, но Анна знала о своем начальнике лишь одно: как человек он соответствует общему мнению о себе — скучный бюрократ. Юрист, без полицейского опыта, но мастер составлять бюджеты, за что его ценят в администрации. Полицеймейстер, подобно большинству ненастоящих полицейских, питал слабость к форме. Ботинки его блестели, мундир казался ушитым в талии. Пуговицы и погоны сияли. Наверняка чистит их, как и кокарду на фуражке — которую упорно носит под мышкой, как американский морской пехотинец — несколько раз в месяц.

Полицеймейстер скрипуче восхвалял Морелля за его усилия и доверие, которое тот завоевал в обществе. Он также воздал должное курсам, которые Морелль вел все эти годы и которые повысили компетенцию не только самого полицеймейстера, но и многих других.

Последней Морелля чествовала губернатор, хорошо одетая женщина под шестьдесят. Она быстро определила, что нужно публике, и произнесла образцово короткую речь. Похвалила Морелля, передала эстафету Эве-Бритт — ведь теперь Морелль целыми днями будет дома — и в заключение выразила надежду, что полицейские, подобные Хенри Мореллю — не вымирающий вид и что ему на смену придет человек той же породы. Потом она вовлекла присутствующих в то, что она назвала сконским “ура!” — это означало, что “ура!” следует прокричать не четыре, а три раза. Последним выступал сам Морелль. Он явно был тронут, благодарил за подарки и пожелания счастья, после чего воздал хвалу сначала своим соратникам, потом — жене. В конце он неожиданно повернулся к Анне, пожелал ей удачи и благополучия и провозгласил тост.

— За тебя, Анна. Надеюсь, тебе будет хорошо здесь, в Неданосе, среди нас.

Голос Хенри был бодрым, глаза веселыми. Но взгляд показался Анне жестким.

Глава 43

Осень 2017 года

В понедельник утром Анна проснулась отдохнувшей. Она успела прочитать интернет-страницу местной газеты и вовремя доставить Агнес к поезду. В машине они слушали радио и вели вежливую беседу. Несмотря на небольшую размолвку, случившуюся в четверг, их отношения шли на лад, что показали последние выходные. Кажется, даже Мило заметил, что ветер поменялся: теперь он время от времени замечал Анну, а не игнорировал ее, как обычно.

В управлении Анна радостно поздоровалась с Хенри, поблагодарила за добрые слова, и они немного поболтали, стоя в дверях его кабинета. Морелль выглядел довольным; почетный лист с гербом коммуны уже успел разместиться между другими фотографиями и дипломами, покрывавшими стены кабинета.

— Как там насчет Рюландера? Что-нибудь еще узнали?

Анна покачала головой.

— Пока ждем отчета о вскрытии и протоколов от экспертов.

Йенс Фриберг торопливо заглянул к ней примерно через полчаса. Форма, как обычно, тщательно отутюжена, причесан волосок к волоску. Анна собралась было послать пас Хокану, но тут вспомнила, что он с ней не разговаривает. Какая ирония, ведь с Агнес у нее разговоры наконец начали складываться.

Отношения с Фрибергом также как будто шли на лад. Он спросил о расследовании, и Анна ответила ему то же, что и Мореллю.

— А что потом, когда отчеты придут? — спросил Фриберг.

Закономерный вопрос. А у Анны было достаточно времени на подготовку.

— Если зацепок не появится, придется допросить Алекса, Бруно, Мари и Кайю Бьянку.

Фриберг скривился.

— Ты понимаешь, что тут все на уши встанут? Члена муниципального совета, местную знаменитость, ресторатора и сына начальника полиции допрашивают из-за случая двадцатисемилетней

давности, который большинство жителей и вспоминать-то не хочет. Да полицеймейстер и губернатор уже через пару дней сюда примчатся.

Анна кивнула.

— Понимаю, конечно. Но мы вообще-то убийство расследуем. И различий не делаем. К тому же расследование касается Юакима Рюландера, а не Симона Видье.

Фриберг фыркнул.

— Тебе надо как следует отрепетировать эту фразу, а то звучит как-то не очень. — Он встал. — У меня сегодня патрулирование, но ты звони, если моя помощь понадобится.

— Да, я как раз хотела тебя кое о чем спросить. Можно даже сказать — попросить совета.

Фриберг криво улыбнулся — скорее неловко, чем радостно.

— Ты хочешь знать, стоит ли тебе посвящать Хенри в свои планы. — Он покачал головой. — Прости, но тут я лучше промолчу.

Оба отчета пришли вскоре после обеда. Осмотр белого “сааба” в основном подтвердил то, что они и так уже знали. Анна бегло пролистала страницы. В машине везде отпечатки Джо Рюландера, на окурках, найденных на полу — его ДНК. Помимо этого в машине обнаружили с полдесятка других отпечатков, почти все низкого качества и, по всей вероятности, старые. В самых важных местах — на руле, на рычаге передач и зеркале заднего вида — только “пальцы” Рюландера; ничто не показывало, что машину на место, где ее нашли, пригнал кто-то другой. Исследование волос и ворса тоже мало что дало. Со старых продавленных сидений, конечно, сняли множество самых разных ворсинок, человеческие волосы и шерсть собак разных пород, но в тридцатилетнем “саабе” такое вряд ли можно считать неожиданной находкой. Сказать, относится ли обнаруженное к текущему расследованию, было в принципе невозможно. Экспертам удалось связать пару ворсинок со штанами Рюландера и сеткой на смотровой площадке, но эта информация тоже никуда не привела.

Отчет о вскрытии был составлен образцово. Судмедэксперт поделил травмы Рюландера на две группы. В первую вошли те, что соответствовали падению с большой высоты. Ушибы, переломы и глаз, выпавший из глазницы, перечислены в алфавитном порядке. К списку прилагались фотографии.

Вторая группа являла собой список самых разных рваных ран, от небольших ссадин на лбу до дыры, которую оставила в груди Рюландера проткнувшая его ветка. Судмедэксперт сухо указывал, что при всей своей нетипичности эти травмы могут объясняться тем, что тело упало на дерево.

Анну заинтересовала пара фотографий в конце отчета. Окровавленный бинт, небрежно намотанный на голень Рюландера.

На правой лодыжке бинтовая повязка, под которой обнаружена недавно обработанная серьезная рана. При обследовании обнаружены перелом малоберцовой (икроножной) кости и повреждение большеберцовой кости. Кровь и разрывы на джинсах Рюландера соответствуют указанной травме. Разумно предположить, что при таких ранах Рюландер передвигался с большим трудом.

Следующие фотографии представляли саму рану — глубокую, с рваными краями.

Анна припомнила свою первую, короткую встречу с Рюландером в парке. Заметив, как Анна приближается, он оторвался от стены и быстро просочился в дверь — без малейшего намека на хромоту. Значит, описанные травмы и переломы Рюландер получил после драки в парке, но до гибели.

Анна полистала отчет об осмотре машины и нашла нужную страницу. Три фотографии грязных кроссовок Рюландера и описание:

Кроссовки, черные, “Найк”. Покрыты толстым слоем глины, в которой застряли частицы растений: листья бука и березы, еловая хвоя, мелкие веточки. Внутри правой кроссовки пятно крови настолько большое, что не успело высохнуть. Анализ показал, что кровь принадлежит Рюландеру.

Анна посидела молча, пытаясь увязать полученную информацию с тем, что ей уже было известно. Между субботой и воскресеньем Рюландер был ранен настолько тяжело, что с трудом мог

передвигаться. Повязка указывала, что рана не имеет отношения к смерти — еще одно свидетельство того, что гибель Рюландера не была самоубийством. Кто станет перевязывать рану, намереваясь покончить с собой? Но тогда откуда она? Где и — что еще важнее — с кем Рюландер провел последние часы жизни? Самое время узнать. Но сначала Анна расскажет о своих планах Хенри Мореллю.

Анна постучала по косяку, вошла в кабинет и закрыла за собой дверь. Морелль оторвался от экрана, слегка вскинул брови и снял очки.

— Похоже, дело серьезное.

Анна кивнула.

— К сожалению, да. — Она набрала в грудь воздуха. — Рюландер. Тот, что погиб на “Glarea”. Его звали Юаким Юнсон. Он и его подруга Таня Савич были на каменоломне в ночь смерти Симона Видье. Рюландер спровоцировал драку в парке и, похоже, пытался шантажировать Алекса, Бруно, Мари и Кайю Бьянку.

Она замолчала — в основном чтобы посмотреть, удивится ли Морелль.

Морелль скривился.

— Черт знает что... — Он с задумчивым видом поскреб бородку. — И теперь ты думаешь, что кто-то из них причастен к смерти Рюландера. Так я должен понимать твой визит? — Голос стал жестче. Не сильно, но Анне это не понравилось.

— Мы сейчас не отмечаем никакой. — начала было она, но Морелль вскинул руку.

— Анна, я слишком долго прослужил в полиции, чтобы выслушивать подобную чушь. У тебя есть смерть, которую ты, несмотря на отсутствие фактических доказательств, толкуешь как убийство. К тому же ты вбила себе в голову, что гибель прыгуна связана с делом двадцатисемилетней давности. То расследование довели до конца и пришли к выводу, что имел место несчастный случай. А теперь ты собралась обрушить небо на землю? — Морелль недовольно покачал головой. — Должен сказать, Анна, ты меня разочаровала.

В его голосе было что-то, отчего внутри у Анны все сжалось. Со злостью у нее проблем не было. Разочарование гораздо хуже. Ее отец

поступал точно так же. Никогда не повышал голос, просто давал ей понять, что “она его разочаровала”.

— Я пытался предупредить тебя насчет Элисабет Видье, — продолжал Морелль. — Под видом хрупкой старушки скрывается хитрый, расчетливый манипулятор. Я думал, что ты, опытный полицейский, поймешь это.

Он снова покачал головой, лицо его помрачнело.

— Я в первый же день сказал тебе: в небольшом городке вроде Неданоса полицейская работа завязана на необходимости строить отношения с людьми. Я думал, тут ты со мной согласна, наши взгляды совпадают. Я пригласил тебя в свой дом, я даже заступался за тебя перед людьми, которые сомневались, что ты будешь мне хорошим преемником.

Морелль страдальчески сжал губы.

— А ты на посылках у Элисабет Видье. Похоже, я ошибся в тебе.

Анна хотела как-нибудь достойно ответить, но не смогла найти слов. Она не ожидала, что Морелль обрадуется ее откровениям, но все же надеялась хоть на какое-то понимание.

Морелль снова надел очки. Лицо приобрело жесткое выражение.

— Что ж, Анна, это твой полицейский участок, и я, конечно, не могу тебе препятствовать. Тебе не требуется мое одобрение, чтобы вскрыть рану, на лечение которой ушло почти тридцать лет. Но и моего благословения ты не дождешься.

Морелль перевел взгляд на экран, одновременно кивнув на дверь, чтобы показать: разговор окончен. Анна не знала, что сказать, поэтому поднялась и пошла к двери.

— И кстати, — резко сказал Морелль и поднял глаза на Анну, которая уже взялась за ручку. — Чтобы не тратить времени зря: в прошлое воскресенье Александер был дома. Не выходил из подвала ни вечером, ни ночью, мы с Эвой-Бритт можем это подтвердить.

И Морелль снова деловито уткнулся в экран.

— Ладно, спасибо за информацию. — Анна секунду постояла, держась за ручку. Но Морелль вел себя так, будто ее здесь уже нет.

Глава 44

Осень 2017 года

Анна знала, что не может и не должна проводить допросы самостоятельно. С чисто практической точки зрения двое следователей лучше одного. Две пары глаз и две пары ушей увидят и услышат больше, чем одна. К тому же случай во многих смыслах был особо деликатным, и Анне требовался противовес. Кто-то, кто, в отличие от Морелля, не считает, что она на поводке у Элисабет Видье. Самое разумное — позвать кого-нибудь из следователей, но Анна еще не очень хорошо их знала и, кроме того, не была уверена, что они не побегут на доклад к Мореллю. Посвятив размышлениям вечер понедельника, Анна остановилась на Йенсе Фриберге. Фриберг не по уголовным делам, но его уважают и в участке, и в поселке. К тому же эти двое раньше не всегда ладили, что усиливает беспристрастность Фриберга. И третье, самое главное: Анне хотелось, чтобы Фриберг был рядом. Она начала доверять ему.

Во вторник утром Анна поговорила с ним. Как она и надеялась, проблем с заданием у Фриберга не возникло. Он по собственной инициативе решил переодеться и через десять минут снова появился у нее в кабинете в кожаной куртке, флисовой кофте, свободных штанах цвета хаки и в коричневых ботинках на рифленой подошве. Анна помолчала, ожидая, когда Хокан съезвит: “полицейские типа Фриберга носят форму, даже когда они в гражданском”. Но Хокан продолжал наказывать ее молчанием.

— С чего начнем? — спросил Фриберг, заводя машину. — Или, точнее, с кого.

— С Которпа. Мари и Бруно там, я позвонила, уточнила.

Фриберг вел машину уверенно и несколько агрессивно, как большинство полицейских. Он хорошо знал дорогу, идущую вверх по гряде, и ему не надо было слишком осторожничать на поворотах. Ветер, дувший в воскресенье, сорвал много листьев, и блеск ручья в самом конце оврага теперь угадывался издалека.

Стройка у Сорди, похоже, возобновилась. Двое рабочих в желтых касках и грязных светоотражающих жилетах неспешно перетаскивали

стройматериалы по покрытому жидкой грязью двору.

Анна и Фриберг прошли по доске через канаву и постучали. В доме послышался собачий лай, потом кто-то прикрикнул, и стало тихо. Дверь открыла Мари Сорди.

— Проходите, — сухо сказала она. — Обувь можете не снимать.

Мари проводила их на кухню, где уже сидел Бруно. Он кивнул, но не сделал никакой попытки встать, чтобы поздороваться. Бруно смущенно смотрел в сторону, и неудивительно. Кухонный стол перед ним был завален чертежами и кипами бумаги. На некоторых документах Анна заметила “шапку” муниципалитета. Другие документы выглядели как счета каких-то компаний.

— Так в чем дело? — спросила Мари, не предлагая гостям ни присесть, ни чего-нибудь выпить. По ее тону и выражению лица было ясно, что она и так знает, зачем они явились.

Анна достала копии отпечатков Джо Рюландера и выложила в центр стола, поверх чего-то, похожего на счет из архитектурного бюро. Бруно проворно убрал бумагу, но Анна успела заметить слово “напоминаем”.

— Это Кент Юаким Рюландер, его нашли мертвым в карьере “Glarea” чуть больше недели назад.

Анна сделала паузу, давая им время рассмотреть изображение. Лучше всего было бы предъявить им фотографию Рюландера после смерти, как она сделала в случае с отчимом, но сейчас следовало соблюдать осторожность. Не подставляться.

— Так, — сказала Мари, помолчав. — А при чем здесь мы?

— Вы видели его раньше? — спросил Фриберг. Еще в машине они решили, что вопросы будет задавать он.

— Нет, никогда. — Мари покачала головой.

— А вы, Бруно?

— Трудно сказать. — Бруно пожал плечами.

Анна внимательно наблюдала за обоими. Она заметила, как Мари дернулась и бросила на мужа злой взгляд. Очевидно, она ждала не такого ответа.

— Ну то есть... — Бруно потер губы. — В ресторане столько народу бывает. Всех не упомнишь. — Он смущенно улыбнулся.

— Вы оба его видели, — сказал Фриберг. — Двадцать семь лет назад на каменоломне Мёркабю. В те дни он называл себя Джо. С ним

была девушка по имени Таня.

Супруги Сорди промолчали. Судя по нейтральным лицам и позам, слова Фриберга их отнюдь не ошеломили. Бруно и Мари кто-то предупредил — не только о визите полицейских, но и о деталях дела.

— Именно Рюландер позаботился о том, чтобы в субботу поставили песню Симона Видье. Когда вы набросились на диджея, вы набросились не на того человека. За всем этим стоял Рюландер.

Супруги Сорди переглянулись. Бруно прочистил горло.

— Мы с Мари получили письмо по электронной почте, всего пару дней назад, — начал он, не отрывая взгляда от жены. — Отправитель называл себя Симон Видье. Алекс тоже такое получил. Мы поговорили и решили, что это какой-то больной развлекается. Когда диджеем поставил ту песню... — Он виновато взмахнул рукой. — Мы выпили лишнего, вот и вышло черт знает что. Мы правда не хотели никого бить.

Бруно пытался изображать непосредственность, но было видно, что его речь отрепетирована. К тому же, отметила Анна, назвать Рюландера больным — изящный способ принизить его как жертву. Ее память продолжала впитывать детали.

— Мы с Бруно в воскресенье были дома, и вечером, и ночью, — сказала Мари, хотя ее никто не спрашивал. — Нам надо было обсудить случай в парке, поэтому дети ночевали у родителей Бруно.

Бруно еле заметно кивнул в ответ, чем, похоже, рассердил жену. Мари не совсем довольна выступлением Бруно, отметила Анна.

— Может быть, вы видели или слышали что-нибудь необычное вечером или ночью? Незнакомую машину или еще что-то? — Фриберг кивнул на окно. — От Которпа до смотровой площадки всего несколько километров по прямой.

— Это место называется Норрбликка, — резко сказала Мари. — И нет, я ничего такого не слышала. Насколько я помню, шел сильный дождь. Да, дорогой?

Бруно кивнул.

— Лило как из ведра. Канаву у дома затопило. Мне пришлось выйти с лопатой. — Он хотел было продолжить историю, но замолчал, встретившись взглядом с Мари. Наградой ему был еле заметный кивок.

Мари улыбнулась Фрибергу.

— Нет, мы не видели этого человека, Рюландера или как там его, последние двадцать семь лет. И в воскресенье вечером мы оба были дома. Может быть, запишете, чтобы не возникло недопонимания? — Последняя фраза прозвучала ядовито, в ней не было ничего от фальшивой доверительности остальной беседы.

— Симон Видье, — произнесла Анна. И хотя имя прозвучало не в первый раз, Анна отметила, что Бруно слегка дернулся. — В ночь его смерти вы оба были на каменоломне. Рюландер в своем письме написал, что знает правду о тех событиях. И хочет, чтобы вы заплатили. — Анна внимательно наблюдала за четой Сорди и заметила, что Фриберг тоже не спускает с них глаз.

Рот Мари превратился в жесткую черту, глаза сузились. Бруно теперь выглядел куда более встревоженным.

— Смерть моего двоюродного брата была несчастным случаем, — несколько раздраженно сказала Мари. — Это установило полицейское расследование. И мы говорили на допросах, что все легли спать срезу после полуночи, когда он и его спутница уже уехали. — Мари кивнула на фотографию Рюландера. — Начался дождь, и все расползлись по палаткам. Мы с Кариной... мы с Кайей, — поправилась она, — спали в одной палатке, Бруно и Алекс — в другой. Симон всегда спал один.

— Почему? — спросил Фриберг.

Бруно пожал плечами.

— Ему так хотелось. В первые годы, как мы разбивали лагерь, у нас была палатка на четверых, но Симону не нравилось спать с кем-то. Он предпочитал по вечерам уезжать домой.

— Почему Алекс и Карина не спали в одной палатке? Они ведь были парой? — спросила Анна.

Супруги Сорди переглянулись. Кажется, они не ожидали этого вопроса.

— В последний год гимназии отношения между Алексом и Кариной начали портиться, — сказала Мари после некоторого колебания. — Они окончательно порвали друг с другом через несколько месяцев, когда Карина сбежала из Неданоса, то есть я хочу сказать — Кайя, — снова поправилась Мари.

— Как Алекс это воспринял? — спросила Анна. Фриберг вопросительно взглянул на нее.

Мари и Бруно опять переглянулись.

— Не очень хорошо, — промямлил Бруно.

— Это тогда он оказался в клинике?

Воцарилось молчание. Бруно и Мари беспокойно пошевелились.

— Мы не знаем, — сказала Мари. Голос выдал ее, а взгляд и напряженная верхняя губа подтвердили, что Мари лжет.

Анна еще несколько секунд подержала паузу, потом кивнула Фрибергу, прося продолжать допрос.

— Каким вам показался Симон, когда ложился спать?

— Как обычно. — Мари пыталась держать лицо, но вопросы об Алексе вывели ее из равновесия. — Мы пожелали друг другу спокойной ночи, а потом... — Мари отвернулась и прикусила губу. — Потом. — Голос у нее дрогнул.

Бруно поднялся, обнял жену и ласково прижал ее голову к своей. Мари была чуть выше мужа, и если бы не глубокая печаль на их лицах, они выглядели бы немного забавно.

— Больше мы Симона живым не видели, — тихо сказал Бруно.

— И ни вы, ни Алекс не покидали палатку?

Бруно покачал головой.

— За всю ночь ни разу.

— Вы в этом абсолютно уверены? — спросил Фриберг. Бруно раздраженно глянул на него:

— Вы когда-нибудь спали в палатке на двоих?

Фриберг кивнул.

— Значит, знаете, что это такое. Вот лежите вы рядом с кем-то. Чтобы открыть и закрыть палатку, надо потянуть как минимум две молнии. Ни выйти, ни войти незамеченным невозможно. Тем более что человек вышел бы под дождь и промок насквозь. Никто из нас ночью не выходил — ни я, ни Алекс, ни Карина, ни Мари. Симон поскользнулся на камнях и убился насмерть в каких-нибудь десяти метрах от нас, спавших в палатках. Вы понимаете, как нам тяжело это сознавать? — Он нежно погладил жену по спине.

Фриберг снова кивнул и покосился на Анну. Она не собиралась сдаваться, пока не получит ответ еще на один вопрос. Анна спросила:

— Бруно, почему ты не прыгнул в воду, чтобы вытащить Симона? Мари ведь прыгнула.

Бруно вдруг разозлился. Он открыл было рот, словно собираясь заорать, однако совладал с собой.

— Я проснулся от криков Мари, — угрюмо сказал он. — Пока мы с Алексом обувались и вылезали из палатки, прошло несколько минут. Карина тоже только проснулась, и когда мы поняли, кто кричит, спустились к воде, Мари уже насквозь промерзла, и ей пришлось выпустить Симона. Мы помогли ей выбраться. Там жутко холодно, в разгар лета больше трех-четырёх минут не выдержишь, а Мари пробыла в воде дольше.

Бруно помолчал.

— И потом, — проямлил он, — ясно же было, что Симон мертв. Причем уже давно. Мне трудно объяснить, но из нас как всю силу вытянули. Конечно, надо было прыгнуть в воду, вытащить тело, но у нас сил не осталось. Нам по девятнадцать лет, и перед нами — наш мертвый друг.

— Что думаешь? — спросил Фриберг, когда они шли к машине. — Они говорят правду?

Анна хотела ответить, но вдруг заметила в дверях барака знакомую спину. Александер Морелль.

Вообще-то она собиралась допросить его в последнюю очередь, но решила воспользоваться шансом.

— Алекс!

Алекс обернулся. Удивление на его лице быстро сменилось смущением.

— А, Анна. Привет. Я думал позвонить тебе на прошлой неделе... — Он не закончил и уставился на свои грязные ботинки.

Анна ждала.

— Ну, насчет того, что случилось в парке. Я правда не знаю, как так вышло. У меня как черная пелена была перед глазами. Мне жаль, что я... что ты. — На лице у Алекса появилось страдальческое выражение. — Так нельзя.

Анна кивнула и незаметно сделала Фрибергу знак отойти. Похоже, он все сразу понял. Еще одно очко в его пользу.

— Тебе отец позвонил, верно? — спросила она Алекса. — Рассказал про Рюландера?

Алекс тяжело вздохнул.

— Да, вчера вечером. Черт. Я не вспоминал про Джо лет двадцать пять точно.

— Что ты про него помнишь? Каким он был тем вечером, на каменоломне?

— Не очень много. Он угостил нас травой, пиво пил. Он был на несколько лет старше, мы сначала подумали — о, круто, мотоцикл и все такое. К тому же он приехал из Клиппана. А из Клиппана тогда приезжали крутые парни. — Алекс коротко улыбнулся.

— А девушка, которая была с ним?

— Помню, я подумал — она похожа на девушку из клипа “Whitesnake”.

— Это хорошо?

Алекс медленно кивнул.

— Во всяком случае было в то время. — Он снова улыбнулся, и Анне пришлось сделать над собой усилие, чтобы не улыбнуться в ответ. Несмотря на вспышку ярости и потасовку в парке, Алекс все еще нравился ей.

— Симон Видье? — Она вздернула бровь, давая Алексу самому закончить вопрос. Алекс почти сразу помрачнел.

— Симон был одним из моих лучших друзей, — тихо сказал он, но развивать мысль не стал.

— Почему ты не прыгнул в воду, когда вы его нашли?

Алекс вздохнул.

— Я двадцать семь лет себя об этом спрашиваю. Может, если бы я прыгнул, то не... — Он взмахом руки указал на строительный хаос вокруг них, но смысл жеста ускользнул от Анны.

— Хенри говорит, ты в прошлое воскресенье был дома. И вечером, и ночью.

Алекс снова кивнул со смущенным видом.

— В основном из-за похмелья. Но и твоя вина в этом есть.

— Моя вина?

Алекс указал себе на промежность.

— После твоего пинка два дня не мог ходить нормально. И спал с холодным компрессом. Но по заслугам, чего уж.

Он снова улыбнулся неловкой и грустной улыбкой, против которой так трудно было устоять.

— Честно сказать, я и не думаю, что мама с папой меня бы выпустили, даже если бы я захотел. Комендантский час для сорокашестилетних... Ну, ты поняла.

На этот раз Анна все-таки не смогла сдержать улыбку.

— Алекс! — Через двор шла Мари, рядом с ней бежали овчарки. — Есть разговор, — сказала она, не глядя на Анну. — Бруно хочет обсудить кое-какие изменения.

— Да, конечно. — Алекс пожал плечами, словно давая Анне понять: рад бы поговорить еще, но что поделаешь.

Рядом с Анной встал Фриберг. И стоял, пока Алекс и Мари не скрылись в доме и дверь за ними не захлопнулась.

Глава 45

Осень 2017 года

Карина Педерсен, ныне Кайя Бьянка, проживала к северу от Хельсингборга в месте, которое Фриберг именовал Золотым Берегом. Жилой район располагался на крутой гряде, протянувшейся до самого моря, и состоял в основном из вилл, обнесенных каменными или деревянными оградами. С улицы были видны только крыши.

По дороге Анна и Фриберг молчали, только договорились придерживаться избранной тактики: он задает вопросы, она слушает и наблюдает.

Фриберг нажал кнопку домофона. Они поднесли к глазку камеры удостоверения и объяснили, зачем пришли. Высокие кованые ворота поехали вверх, и полицейские зашагали по крутой подъездной дорожке через парк к дому. Хотя слово “дом” тут не совсем подходило. Коробка из стекла и бетона занимала, наверное, больше пятисот квадратных метров. И была на этом гигантском участке не единственным строением. Полицейские миновали гараж на четыре машины и обширный крытый бассейн. Анна припомнила слова Просто-Лассе о строительстве и жалобах соседей.

Женщина, представившаяся помощницей Кайи Бьянки, проводила их в салон с потрясающим видом на Эресунн и датский берег. Дул сильный ветер, на серых волнах мелькали белые барашки. Огромный автомобильный паром отчалил от датского берега; он успел пройти уже половину пролива, когда появилась Кайя Бьянка. В черных брюках и белой рубашке она выглядела значительно скромнее, чем на празднике в парке. Кайя села на диван, пристроила рядом сумочку и достала большой телефон цвета розовый металлик. Бросила взгляд на экран — нет ли сообщений — и положила телефон на стеклянный столик перед собой.

— Я слышала, что Джо разбился на “Glarea”, — начала она, прежде чем Анна или Фриберг успели объяснить, зачем пришли. — И да, я тоже получила письмо. Но, честно говоря, что оно мне? Женщин в нашей сфере деятельности странными сообщениями не удивишь. Вы

бы знали, сколько членofоток я получаю в неделю. Хоть выставку устраивай.

Кайя коснулась телефона, улыбнулась и подмигнула Фрибергу, прикрыв глаз длинными ресницами. Фриберг, похоже, не знал, какого ответа от него ждут.

— Вам приходилось раньше иметь дело с Джо Рюландером? — спросила Анна, чтобы помочь коллеге справиться с ситуацией.

Кайя Бьянка покачала головой.

— Насколько я знаю, нет. Мы общались всего несколько часов, в тот самый вечер. У меня хорошая память на лица, но я вряд ли его узнаю. У вас есть фотография?

Фриберг выложил на стеклянный столик фотографию Рюландера. Кайя достала из клетчатого футляра элегантные очки и принялась изучать снимок.

— Нет, — сказала она через некоторое время. — Я уверена, что раньше его не видела. Хотя... да, мы встречались до, но не после “этого”, если вы меня понимаете.

Кайя снова улыбнулась Фрибергу. Розовая помада подчеркивала безупречную форму губ.

— Что вы помните о Джо Рюландере? — спросил Фриберг.

— Что он был мудаком. — Кайя достала из сумочки электронную сигарету, со щелчком закурила и выпустила клуб пара. Другой рукой она взяла телефон и снова проверила экран на предмет новых сообщений. Жест не выглядел невежливым — скорее бессознательным. Пальцы у Кайи были длинные, ногти с элегантным маникюром.

— Срок давности давно прошел, но, насколько я помню, Джо и та... — Кайя взмахнула сигаретой, — сучка, которая была при нем, предлагали траву. — Кайя сделала паузу и выдохнула новое облачко пара. — Да, знаю, нельзя так говорить о других женщинах. — Она закатила глаза. — Но и меня как только не называли. Эта Тина, или как там ее, выглядела как плохая девочка из команды рок-звезды — рваные джинсы, крашенные волосы. В восьмидесятые парни по таким с ума сходили.

— А почему Джо мудака? — вставил Фриберг. В ответ он получил новую улыбку.

— Потому что он напоил меня в стельку, заставил обкуриться и попытался употребить меня в палатке. Но Алекс взял его на себя. Выдворил и Джо, и его. — Кайя выдохнула пар, — сестрицу.

— Джо и Таня не были братом и сестрой, — сказала Анна.

— Правда? — Кайя вздернула аккуратно выщипанную бровь.

— Правда. У них даже был ребенок.

— Ах вот как. Ну, я не удивлена. Это только доказывает, насколько они оба прогнили. Притворяться братом и сестрой, чтобы подбивать клинья еще под кого-нибудь. Ну и ну. — Кайя снова выдохнула пар. Другая рука потянулась к телефону, словно пора было снова проверить его.

— У вас нет детей, — констатировала Анна, сама не понимая зачем. Возможно, телефонозависимость Кайи напомнила ей об Агнес. Кайя покачала головой.

— Нет, дети — это не мое. В свое время мне пришлось стать матерью для младших братьев и сестер. Мне хватило.

— А потом? — спросил Фриберг, которому явно хотелось вернуться к теме разговора. — Что произошло, когда Джо и Таня уехали?

— Потом, насколько я помню, начался дождь. Костер погас, и мы разошлись по палаткам. У нас с Мари была одна на двоих. Утром я проснулась оттого, что она встала пописать, а через несколько минут я услышала ее крик. Я выбежала из палатки и почти столкнулась с Бруно и Алексом. А потом мы увидели в воде Симона.

Кайя опустила сигарету, Глаза стали печальными.

— Никогда этого не забуду. И никто из нас не забудет. Несколько секунд все молчали.

— Что вы делали в прошлое воскресенье? — спросил Фриберг.

— Была на концерте в культурном центре “Дюнкер”. Я вхожу в правление благотворительного фонда и стараюсь бывать там почаще.

— Вы ходили на концерт одна?

Кайя сделала последнюю затяжку и потушила сигарету. Пальцы бессознательно потянулись к телефону.

— Со мной был мой муж, Мартин. Вообще культурные мероприятия — это не его, поэтому я его и потащила. Что-то же ему должно понравиться. Во всяком случае, мы вернулись домой около

одиннадцати, в спальне вполглаза посмотрели какой-то сериал и уснули. “Нетфликс” не способствует половой жизни...

Кайя снова подмигнула Фрибергу, но тот уже успел приготовиться, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Я видела вас на празднике с Алексом, Бруно и Мари. Похоже, вы до сих пор общаетесь. Часто бываете в Неданосе? — спросила Анна.

— Почти не бываю. — Голос Кайи стал резким, и, похоже, она это сознавала. — Видите ли. Растить в дыре вроде Неданоса нелегко. Все всех знают, не думай, что ты особенный. Вот это вот всё.

Кайя подняла глаза, словно ожидая поддержки.

— Мой отец был не подарок. Он пил, избивал и маму, и нас, детей. В округе об этом знали все, но никто ничего не делал. Конечно, он присел пару раз, но за другое. Мама не хотела на него заявлять. Знала, что будет только хуже. У отца была плохая репутация, чего удивляться, что она пристала ко всей семье. Нас прозвали “оборвыши Педерсенов”. Моим старшим братьям часто доставалось из-за фамилии. Так что вы, наверное, понимаете, что я убралась отсюда при первой возможности. — Она снова взяла телефон, словно разговор начинал ей надоедать.

— И все же на празднике вы появились, — сухо заметил Фриберг.

Кайя ненадолго замерла, словно не ожидала от него такого комментария.

— Меня пригласила Мари Сорди. К тому же... — Она несколько секунд молчала, покачивая телефон в руке. — К тому же приятно иногда окинуть взглядом прошлое. — Кайя усмехнулась, продемонстрировав белоснежный, ровный фарфоровый ряд зубов, и взмахнула свободной рукой: — Вы, конечно, думаете, что все это — заслуга Мартина? Участок, дом, машины? Но я зарабатываю намного больше его. Возможно, вы слышали, что мой первый муж оставил мне много денег? На самом деле он был по уши в долгах. Все, что вы видите, — моя заслуга. Та самая Карина Педерсен из Неданоса, на которую все смотрели свысока. Я вкалывала, как сто чертей, а уж скольким я пожертвовала ради успеха! И иногда... — Она замолчала и безрадостно улыбнулась. — Иногда малютке Карине просто хочется явиться в Неданос и ткнуть людям в глаза своим успехом. Хенри Мореллю, который считал меня недостойной его чудо-Александера.

Бенгту Андерсону, который винил в плохой репутации коммуны мою семью. Теперь-то они шеренгой выстраиваются, да с улыбками, каждый раз, как я появляюсь. *Тллллк* гордятся, что я украшаю их скучные празднички.

Кайя протянула Анне мобильный телефон, чтобы они с Фрибергом полюбовались на входящие сообщения и уведомления.

— Если у вас все, то мне надо...

— Какие у вас отношения с Алексом Мореллем? — спросила Анна. Кайя опустила телефон.

— Мы с Алексом вместе учились в школе и гимназии. Но это было давно. Между нами все кончилось той же осенью, когда умер Симон.

Кайя сделала грустное лицо.

— Из-за его характера?

Какое-то время Кайя изучала Анну, словно пытаясь понять, к чему она клонит.

— Это вы дрались с Алексом на сцене, да? И пнули его коленом в промежность?

Анна кивнула. Похоже, она почти произвела впечатление на Кайю.

— У Алекса был жуткий характер. И остался, как вы заметили. Но наши отношения кончились не из-за его характера. И не потому, что его родители считали меня голодранкой. Понимаете, бедный Алекс оказался из породы школьных королей.

— Это кто? — удивился Фриберг.

Кайя криво улыбнулась и отложила телефон.

— Люди, чей жизненный пик приходится на весенний семестр девятого класса. Вы понимаете, о ком я. Мальчики-звезды школьной футбольной команды; те, что крутят двойное сальто на батуте. Девочки — сплошь популярные: у каждой своя свита, мальчики постарше и приглашения на все вечеринки.

Кайя потеряла нижнюю губу, словно боялась, что там что-то пристало.

— Все хотят поскорее повзрослеть. Чтобы получить водительские права и уехать из поселка в город, в гимназию. — Она покачала головой. — Тут-то все и начинает меняться. Вперед выдвигаются другие. Эстафету перехватывают те, кто раньше не мог похвастаться силой, быстротой или красотой и кого не принимали в компанию.

Алекс и ему подобные оглянуться не успели, как оказались не у дел, они даже не поняли почему. Конкуренты вытеснили.

— Вы имеете в виду людей вроде Симона Видье? — спросила Анна, впиваясь взглядом в Кайю. Глаза у женщины были ясными, умными.

— Я имею в виду именно таких, как Симон Видье, — кивнула Кайя.

— Наверное, Алексу было очень горько, когда он это понял, — сказала Анна.

— Да уж. — Кайя отвернулась. Человек с не наметанным взглядом решил бы, что она просто поменяла положение.

— Когда?

— Когда что? — Кайя изобразила непонимание, явно пытаясь выиграть время.

— Когда Алекс Морелль понял, что Симон Видье обошел его? Той ночью, на каменоломне?

Кайя покачала головой.

— Ну, я имела в виду — в общем и целом. Не то чтобы Алекс и Симон... — Она замолчала, глаза стали холодными. — Я думаю, на сегодня мы закончили.

Несмотря на ветер, Кайя проводила их до машины. Когда Анна собиралась садиться (Фриберг уже успел захлопнуть свою дверцу), Кайя взяла ее за руку.

— Я не хотела так гадко говорить об Алексе, — сказала она. — Он хороший парень, которому пришлось нелегко. Не представляю себе, чтобы он мог иметь отношение к смерти Джо.

Ей на лицо сдуло прядь светлых волос, и Кайя завела ее за ухо — совсем как Агнес.

— Вы с ним общаетесь? — спросила Анна, заранее зная ответ.

— Алекс начал звонить мне после развода. Сказал — хочет поговорить о старых временах. Но прошлое меня не интересует. Повлиять можно только на настоящее и будущее, я пыталась донести это до него. Чтобы он перестал заикливаться на прошлом. В последние разы он говорил в основном о Которпе. Они с Бруно и Мари вложили туда все свои сбережения и хотели, чтобы я тоже поучаствовала.

— Вы согласились?

Кайя покачала головой.

— Одно из правил, усвоенных мной за эти годы, — не вести бизнес с друзьями. Ничего хорошего не выйдет.

Она отступила назад, вскинула руку и усмехнулась.

— Передайте привет Неданосу. Меня, наверное, там еще долго не увидят.

Когда они уезжали, Кайя стояла на крыльце своего громадного дома, вызываясь скрестив руки на груди. Ее фигура в боковом зеркале все уменьшалась и наконец совсем исчезла.

— Что думаешь? — спросил Фриберг.

— Что они врут, — буркнула Анна. Фриберг поднял бровь:

— Кто именно?

— Все.

Глава 46

Осень 2017 года

Вереду утром Анна перепутала кнопки на мобильном и вместо того, чтобы повторить звонок, вообще отключила будильник. Завтракать пришлось, стоя у кухонной раковины, а потом гнать вниз по серпантину с такой скоростью, что Анне самой было страшно. В участок она влетела все еще на взводе и не сразу заметила, что атмосфера изменилась. Анна отперла дверь кабинета и едва успела сесть, как Фриберг сунул голову в дверь. Анну удивило, что он снова в полицейской форме.

— Привет, — сказала она. Сначала ей показалось, что Фриберг пришел обсудить вчерашнее. А потом Анна увидела, какое застывшее у него лицо.

— Я хотел сказать, что возвращаюсь к патрулированию. Так будет лучше.

Не успела Анна ответить, как Фриберг закрыл дверь. Она ничего не понимала. Хотелось догнать Фриберга и дознаться, в чем дело, но тут зажужжал мобильный. Звонил адвокат.

— Вы видели статью?

— Какую статью?

— В “Экспрессен”. Третий заголовок сверху.

Адвокат подождал, пока Анна включит компьютер и найдет нужный сайт.

НАЧАЛЬНИЦУ ПОЛИЦЕЙСКОГО УЧАСТКА ДОПРАШИВАЮТ В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ ЕЕ БЫВШЕГО МУЖА

При виде заголовка в животе у Анны образовалась ледяная дыра, которая ширилась по мере того, как Анна читала статью. Ее имя не упоминалось, но в этом не было нужды: газета называла ее недавно назначенным начальником полицейского участка в Сконе и сообщала о большом опыте следовательской работы.

— Это еще не все, — добавил адвокат. — Я только что говорил с главным прокурором Сантесоном, и он, разумеется, отрицает, что утечка произошла через его ведомство. Разливался, как ему жаль, что дело стало достоянием гласности, вообще ерунду нес. Сантесон не собирается закрывать дело. Он потребовал провести еще одну техническую экспертизу инфузионного насоса. На этот раз местных экспертов недостаточно, он отправил аппарат в лабораторию в Линчепинге, указал, что дело первостепенной важности.

Адвокат помолчал — кажется, ждал, что Анна что-нибудь скажет, — и продолжил:

— У нас, наверное, есть еще неделя, прежде чем он получит результат. Сантесон намекнул, что в ответ на признание они могут провести дело по более мягкой статье. В Швеции такое не практикуется, но в нашем случае имеют место, как он выразился, смягчающие обстоятельства”.

Анна продолжала молчать. Сейчас она могла думать только об одном: что Агнес или кто-нибудь из ее друзей, читая новости в смартфоне, наткнется на эту статью. Что она должна сначала поговорить с дочерью, должна...

— Советую все обдумать и связаться со мной, обсудить, что вы собираетесь делать. Какое бы решение вы ни приняли, я приложу все усилия, чтобы все закончилось по возможности хорошо.

— Я перезвоню, — сказала Анна и отсоединилась. Пальцы дрожали так, что она едва сумела нажать на номер Агнес в списке вызовов. Переадресация на голосовую почту. Анна сделала еще одну попытку; результат оказался тем же. Она набрала эсэмэс большими буквами: “ПОЗВОНИ МНЕ”.

Едва она успела нажать “Отправить”, как зажужжал телефон. Анна подумала, что это Агнес, но в трубке послышался скрипучий голос полицеймейстера. Она еще не совсем осознала происходящее и с трудом вслушивалась, пока начальник раздраженно выговаривал, что Анна утаила от него важную информацию и что ему совсем не нравится узнавать такие сведения из газет.

— Еще я поговорил с Хенри Мореллем, — сказал полицеймейстер. — По его словам, вы используете самоубийство в качестве предлога, чтобы открыть дело двадцатисемилетней давности. Мне, честно говоря, было трудно поверить, что такой опытный

следователь, как вы, стал бы тратить скудные ресурсы управления на расследование несчастного случая, произошедшего почти тридцать лет назад, но Хенри говорил очень убедительно.

— Д-дело в т-том... — Из-за чертова заикания, накотившего совсем не вовремя, слова прозвучали вяло и неуверенно.

— Морелль также утверждает, что у вас с его сыном произошла крупная ссора и что ваши действия — нечто вроде личной мести. Это правда?

— Александер Морелль и его друг напали в Народном парке на одного человека и едва не уб-би-ли его. — Черт. Анна помолчала, сделала глубокий вдох. — Когда я вмешалась, они набросились на меня. Если бы не появились полицейские, дело могло бы кончиться очень плохо.

— Можете продиктовать регистрационный номер заявления?

Анна поняла, что попала в ловушку.

— Нет.

— Почему?

— Потому что заявления не подавали. Хенри Морелль попросил меня и патрульных не писать рапорт о происшествии. — Анна хотела упомянуть о вмешательстве Фриберга, но решила, что он вряд ли ее поддержит, и промолчала.

— Понятно. — Несколько секунд в трубке было тихо. Анне казалось, что она слышит, как полицеймейстер барабанит пальцами по столу, как барабанил по папке Сантесон в допросной. Она почти видела его худые пальцы на полированной поверхности.

— Вот как я смотрю на все это, Анна. — Голос стал подружелюбнее. — Хенри Морелль руководил полицией Неданоса двадцать пять лет, и за все время на него не поступало ни письменных, ни устных жалоб от других полицейских. А вы занимаете должность чуть больше недели... — Он не закончил фразы. — Хенри Морелль надежный товарищ. У него отличная репутация в полицейских кругах, много связей и в администрации, и за ее пределами. Мой вам совет: немедленно помириться с ним. Как только. — Начальник полиции помолчал, барабанная дробь вернулась. — Как только вы это сделаете, отправьте мне все материалы касательно смертельного случая, который вы расследуете. Я уважаю ваш опыт и хочу, чтобы вы объяснили, какие обстоятельства заставляют вас сомневаться, что это

самоубийство. Если ваша точка зрения не покажется мне убедительной, я немедленно закрываю дело. Я достаточно ясно выразился?

Закончив разговор с полицеймейстером, Анна сделала еще одну попытку дозвониться до Агнес. Она снова и снова нажимала на кнопку вызова и в конце концов наговорила сообщение, хотя Агнес терпеть этого не могла. “Это мама. Позвони, когда прослушаешь. Очень важно”.

Какое-то время Анна сидела молча, пытаясь собраться с мыслями. Сначала газетная статья, потом известие о том, что Сантесон не намерен закрывать дело, а под конец — выволочка от полицеймейстера. Что ж такое, господи! А если не дозвониться до Агнес, все станет еще хуже. Ее мысли прервал звонок по внутреннему телефону.

— Это из приемной. К вам посетитель. — Женщина на том конце положила трубку, прежде чем Анна успела спросить, о ком речь. Делать нечего; Анна отправилась вниз, к стойке приемной. По дороге она прошла мимо кабинета Морелля. Морелль смотрел на экран компьютера и делал вид, что не замечает ее.

Посетителем оказалась невысокая блондинка лет тридцати, одетая в джинсы, сапоги и толстый вязаный свитер.

— Здравствуйте, меня зовут Лиза Савич. Я на днях звонила, насчет отца.

Анна на пару секунд впала в ступор.

— Юакима Рюландера, — уточнила женщина.

— Да! Вы же хотели забрать вещи, — вспомнила Анна — информация достигла наконец нужного центра в мозгу. — Боюсь, там в основном всякий хлам.

Женщина кивнула.

— У меня еще одно дело. — Она бросила многозначительный взгляд на дальний конец стойки. Обе секретарши даже не пытались сделать вид, что работают. Анна посмотрела на экран своего мобильного. От Агнес ничего. Черт, черт!

— У меня сейчас не очень со временем, — сказала Анна. — Можете прийти завтра? Вы тут в городе остановились?

Женщина кивнула.

— Сняла номер в “Естис” на неделю. В девять утра будет нормально?

— Да, вполне. Тогда до завтра.

Они распрощались. Анна гневно взглянула на подслушивающих. Обе секретарши нахально воззрились на нее в ответ.

— Еще немного, и перестанешь контролировать участок, — пробормотала она про себя. Если бы Хокан разговаривал с ней, он сказал бы то же самое.

Анна стала подниматься в кабинет, на ходу проверяя мобильный. Агнес молчала. Может, позвонить в школу, попросить кого-нибудь из секретариата привезти ее? Нет уж, лучше съездить самой. Но сначала выполнить обещание, данное полицеймейстеру.

Анна остановилась у кабинета Морелля. Сквозь стеклянную стену ей было видно, как он сидит, слегка склонившись над компьютером. Анна постучала.

— Войдите! — отозвался Морелль официальным голосом.

Анна набрала в грудь воздух. Пора принять горькое лекарство.

Когда она вошла, Морелль даже не оторвался от экрана. Печатал он одним пальцем, не спеша. Анна огляделась в поисках стула для посетителей, но стулья куда-то делись. И вряд ли Морелль вынес стулья просто так. Анна должна стоять, должна позориться, прежде чем Морелль соизволит заговорить с ней. Она уловила движение за стеклянной стеной. На середине лестницы стояли обе дамы из приемной, к ним присоединилась наглая блондинка, которая передразнивала заикание Анны. По коридору медленно шли в своих “биркенштоках” двое следователей с кружками кофе, призванными замаскировать истинную цель прогулки. Все эти люди явились, чтобы увидеть, как Морелль поставит ее, Анну, на место. Она услышала шепоток и повернулась, чтобы закрыть дверь.

— Дверь можно оставить открытой, — сказал Морелль, рассеивая любые ее сомнения по поводу происходящего. Анна ощутила, как в ней набухает гнев, как пульсирует жилка на виске. Но она должна контролировать себя, должна подчиняться приказам. Морелль все еще смотрел на экран.

— Хенри, — начала Анна, — я подумала, нам надо кое-что прояснить. — Она покосилась на открытую дверь; шепот стих. Щеки и шея горели от унижения. Морелль наконец поднял глаза и снял очки.

— Да, Анна. О чем ты хотела поговорить?

— Ну, мы, кажется, не очень удачно начали, и й-ях... ах... — Анна сделала паузу, вдохнула, чтобы пресечь заикание, но стало только хуже. Ей показалось, что с лестницы доносится хихиканье.

Морелль кивнул ей с отеческим выражением, которое больше не казалось ей приятным.

— ...ах...ах... — Заикание не сдавалось, голосовые связки превращали дыхание в серию мелких ахов.

Анна перевела взгляд с Морелля на фотографии, во множестве висевшие на стене позади него. Трюк, призванный заставить мозг переключиться на новую, более эффективную связь между мыслью и речью.

Взгляд упал на групповое фото. Трое мужчин в костюмах и один в форме. Посредине Хенри Морелль. Стоявший рядом с ним почти лысый человек со знакомым лицом вручал ему медаль — вероятно, ту самую, что висела рядом с фотографией. Под эмблемой прокуратуры шла золотая гравировка “За безупречную службу в судебных органах”. Рядом с Мореллем стоял главный прокурор Торд Сантесон.

Все вдруг встало на свои места. Возобновление расследования, газетная статья, разговор с полицеймейстером. Это не невезение, не просто неудачное стечение обстоятельств, и не случайно на нее пролилось столько дерьма. Все было спланировано, и спланировано кем-то, кто вознамерился добраться до Анны. Пульс уже не стучал в висках — он гудел во всем черепе.

— Так что ты хотела мне сказать? — Хенри бросил взгляд сквозь стеклянную стену, в коридор. Углы губ поднялись в торжествующей улыбке, которая застыла, едва Хенри встретился с Анной глазами.

— У тебя ровно десять минут, чтобы собрать вещи и покинуть мой участок. — Анна призвала на помощь все свое спокойствие. — Не пойдешь сам — я тебя собственными руками поволоку вниз по лестнице.

Не дожидаясь ответа, она повернулась и вышла. В дверях задержалась и посмотрела на полицейских на лестнице. Их лица удивительно напоминали скворечники.

— Эй вы. Вас же Фрида зовут? — Анна махнула женщине, которая высмеивала ее заикание. — Даю вам и вашей компашке

тридцать секунд, чтобы вернуться к работе. Если не хотите, чтобы вас сию минуту уволили. Это понятно?

Женщина что-то невнятно пробурчала.

— Это понятно? — повторила Анна, сама поражаясь, как жестко звучит ее голос.

— Да, — буркнула Фрида громче, глядя в пол.

Через пятнадцать секунд лестница была пуста.

Глава 47

Осень 2017 года

Больше всего Анне хотелось броситься на поиски Агнес, но ссора с Мореллем означала, что придется оставаться в участке до конца рабочего дня и время от времени появляться в коридорах. Ни у кого не должно возникнуть ни малейшего сомнения насчет того, кто здесь хозяин.

Анна поговорила с коллегой, ответственным за допуск в участок, и убедилась, что пропуск Морелля аннулировали. Потом приказала поутратившим любопытство тетушкам из приемной освободить кабинет Морелля, а то, что он не забрал, упаковать и отослать ему домой. Сама она в последний раз видела Хенри, когда он шагал к машине, неся в руках коробку, набитую бумагами.

Остаток дня Анна посвятила тому, чтобы сформулировать выводы по делу Рюландера и отправить их полицеймейстеру, как и обещала. Анна постаралась подчеркнуть, что шантажистское письмо, неправильное положение автомобильного кресла, отсутствующий телефон, а также недавно залеченная рана на ноге и есть причины, по которым смерть Рюландера не стоит списывать на самоубийство. Морелль наверняка позвонил полицеймейстеру, пока ехал домой, и Анна почти всю вторую половину дня прождала еще одного начальственного внушения, однако его не последовало.

Ровно в пять Анна села в машину и поехала на вокзал, чтобы встретить Агнес с поезда. Не обнаружив “веспы” среди других мопедов, она поняла, что опоздала. “Веспы” не оказалось и во дворе Табора, и по тому, с каким нетерпением Мило ждал, когда его выпустят, Анна поняла, что Агнес домой не возвращалась. Так где же она?

Она снова набрала номер дочери — и снова попала на голосовую почту. Поиски в приложении “Найти айфон” тоже ни к чему не привели: похоже, Агнес его отключила. В начале седьмого, когда стали сгущаться сумерки, Анна уже была близка к панике. Кажется, даже Мило понял, что что-то не так; он скулил и беспокойно вертелся в коридоре. Может, позвонить патрульным, узнать, не произошло ли

аварии? Анна посадила Мило в машину и поехала на поиски. Когда она выруливала на шоссе, зазвонил мобильный. Анна резко затормозила и схватила трубку. На экране высветился незнакомый городской номер.

— Алло!

— Алло, Анна? Это Элисабет Видье.

— А-а, здравствуйте. — Анна тревожно осматривала обочины в поисках “веспы”.

— Агнес у меня. В Энглаберге.

Анне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать услышанное.

— У вас?

— Да, сидит на кухне. Она просто раздавлена. Бедняга прочитала о вас. И о своем отце.

Анна ощутила, как внутри нее снова расплзается дыра.

— Мы выпили кофе, поговорили. Кажется, она немного успокоилась, и я решила позвонить вам. Было бы неплохо, если бы вы заехали.

Анна поставила машину там же, где в прошлый раз. Бросив Мило в машине, она побежала по гравийной дорожке. Элисабет ждала ее у беседки, возле фонтана с ангелом. Из-за платка на голове и толстого пальто она казалась еще худее.

— Агнес приехала в начале шестого. — Голос Элисабет прозвучал необычно мягко. — Постучалась к Матсу, но он в последнее время не слишком разговорчив и открыть не захотел. С ним иногда такое случается. Я заметила, что Агнес несколько не в себе, и позвала ее в дом. Клейн показал мне статью в газете. Про вас...

Элисабет замолчала. Анна стала ждать очевидного вопроса, но он так и не прозвучал. Элисабет продолжила:

— Мы с Агнес долго говорили. О горе, о потере. У меня, как вам известно, имеется некоторый опыт. — Элисабет грустно улыбнулась уголком рта и кивнула на калитку, которая вела на задний двор большого дома. — Кстати, можно я возьму вас под руку, как в прошлый раз? В последнее время ноги меня подводят.

Анна кивнула, и Элисабет уцепилась за ее руку. Они прошли в калитку и дальше, вдоль дома.

— Карл-Юхан любил Энглабергу. — Элисабет слабо махнула в сторону сада и простирившейся за ним долины. — Но под конец болезнь уже не позволяла ему жить здесь. Он почти ослеп, да и в голове у него все чаще путалось. Вставал ночью, бродил по двору и в лесу — искал Симона. В конце концов мне не осталось ничего другого, как перевезти его в город, в специальный пансионат. — Она медленно покачала головой. — Карлу-Юхану там хорошо, я знаю. Он не жалуется. Когда я его навещаю, он всегда радуется.

Они шли мимо большой террасы; Элисабет замолчала, потом указала на лесенку в дальнем конце дома. Рядом с лестницей стояла старая скамейка, такая же, как у могилы Симона.

— Я сказала Агнес, что иногда приходится совершать поступки ради тех, кто тебе дорог. Поступки сложные, иные могут даже разбить тебе сердце. Но ты все-таки идешь на такой поступок. Из любви.

Старуха остановилась и указала на лестницу.

— Агнес на кухне. Вы, наверное, захотите побыть один на один, так что я подожду здесь. — Она села на старую скамейку. Анна замешкалась, и старуха махнула на нее рукой.

— Ну идите же. Я прекрасно обойдусь одна.

Анна повернулась, медленно одолела шесть ступеней и положила руку на дверь. Агнес сидела спиной к окну. Волосы заколоты за ухом, отчего в линии подбородка проявлялось что-то, напоминавшее о Хокане.

Скажи ей, прошептал он, совершенно без предупреждения, и сердце сделало легкий перебой — от радости. *Скажи правду. Прямо сейчас. Всю правду.*

Анна, не отвечая, постояла, глядя на их красавицу-дочь. Агнес заметила ее и медленно обернулась.

Она, видимо, плакала, но сейчас казалась сосредоточенной. Взгляд не злой, не презрительный — просто печальный. Анна открыла дверь и встала в проеме, не в силах сделать хоть шаг дальше.

— Мама, ты правда сделала это? Убила папу?

Анна набрала в грудь воздуха и закрыла глаза.

— Нет, — сказала она, нежно подталкивая Хокана вглубь головы, к затылку. — Нет, я его не убивала.

По дороге домой они почти не разговаривали. Агнес держала Мило на коленях; пес, как всегда, уловил настроение хозяйки и изо всех сил старался подбодрить ее. Зарывался головой ей под подбородок, ворчал, лизал шею и щеки. Агнес не стала отпихивать его; она крепко обняла собаку и так долго не выпускала из рук, что под конец Мило утомился и попытался вывернуться. Дома Агнес скрылась у себя в комнате. Анна услышала первые аккорды песни Симона, а потом Агнес надела наушники.

Клейн, как и в прошлый раз, погрузил “веспе” в кузов своей машины и последовал за ними в Табор. Молча выкатил мопед и поставил его около дома.

— Спасибо, — сказала Анна, но Клейн лишь коротко кивнул.

— Я. — Она поколебалась. — Я выгнала Хенри Морелля из участка. — Анна сама не очень понимала, зачем говорит об этом Клейну. Может быть, хочет, чтобы он сию минуту уехал и оставил их с Агнес вдвоем.

— Вот как. — Голос у Клейна был резкий, но глаза блеснули.

— Он пытался вмешаться в мое расследование. Пытался помешать мне разобраться в смерти Симона.

— Смелый поступок. — Клейн задумчиво кивнул. — Смелый, но глупый.

Его слова рассердили Анну.

— Зачем вы храните машину Карла-Ю? — спросила она, кивая на сарай. — Летнюю машину? Он же так ее называл?

Клейн еле заметно вздрогнул.

— Он хотел ее отремонтировать... Я даже помог ему взяться за дело. Но потом он начал. — Клейн кивком указал на верхний этаж Табора.

— Фреску?

— Он просто заикнулся на ней. Как проснется, так сразу за кисть. И все ему не нравилось, он ее переделывал до бесконечности. Писал новые слои поверх старых. Я вам так скажу: Карл-Юхан ослеп из-за этой фрески, а не от горя. Будь моя воля, мы бы давно сожгли и Табор, и фреску. Идеи фикс никому на пользу не идут, ни Карлу-Юхану, ни. — Он помолчал. — Ни другим.

Анна не сразу поняла, что Клейн имеет в виду ее.

Глава 48

Осень 2017 года

Уезжая на работу, Анна решила не будить Агнес. Вчерашний день вышел нелегким для них обеих, и отоспаться Агнес полезнее, чем пойти в школу.

Анна понимала, что должна была воспользоваться случаем и рассказать, как все было. Хокан со всей ясностью дал ей это понять своим угрюмым молчанием. И все же она никак не могла заставить себя рассказать правду.

У себя в кабинете Анна некоторое время посидела, глядя на телефон и ожидая звонка полицеймейстера. Конечно, сейчас, когда события вчерашнего дня поблекли, ей казалось, что не следовало вестись на провокации Морелля, не следовало проявлять такую несдержанность. Вот уже второй раз за какие-нибудь несколько дней она позволяет своему характеру навредить ей. Опасно восстанавливать против себя Хенри Морелля и главного прокурора Сантесона, но Анна умудрилась внести в этот список еще и полицеймейстера. Интересно, вчерашней вспышки достаточно, чтобы он ее уволил? Может, и нет. Она в должности совсем недавно, и репутация в полицейских кругах у нее — во всяком случае до статьи в газете — была хорошая. К тому же не стоит недооценивать, что она женщина. Анна решила потягаться с мужчиной, который больше не состоит на полицейской службе и к тому же оспаривал ее авторитет, и, увольняя ее, полицеймейстер рискует сам подставиться под удар. Поэтому он будет ждать более веской причины. Например, подозрений в том, что она имеет отношение к смерти Хокана.

Анна ни секунды не сомневалась насчет того, какая судьба ожидает дело Рюландера. Полицеймейстер — не настоящий полицейский, а кабинетный чиновник, который в жизни не допросил ни одного подозреваемого, не говоря уже о расследовании убийства. Он будет ждать вещей вроде тех, что показывают по телевизору. Орудие убийства, отпечатки пальцев, ДНК. Отслеживание мобильных телефонов, брызги крови и другие улики — все то, чем набиты детективные сериалы. Он ни кроны не поставит из своего любимого

бюджета на что-то столь простое и ненаучное, как старая добрая полицейская интуиция. Анна уже представляла себе, что он скажет.

При Рюландере не обнаружили мобильного телефона? Вероятно, он потерял его еще раньше. Или продал, кто его знает? А что касается положения кресла, то, может, Рюландеру нравилось рулить полулежа, не прибегая должным образом к помощи зеркал или педалей. Рана на ноге? С чего вы взяли, что она вообще как-то связана с его смертью?

Худшее во всем этом вымышленном разговоре с полицеймейстером — это что он до некоторой степени справедлив. У Анны до сих пор не было надежных доказательств того, что Рюландера убили. Она не сомневалась, что четверо друзей лгут; она только не знала, как это доказать. И что еще хуже — у нее нет ни следов, ни зацепок.

Зазвонил телефон. Секретарша вежливо представилась и сказала:

— К вам посетитель. Некая Лиза Савич. Вы, видимо, назначили встречу. Хотите, чтобы я ее проводила?

Лиза Савич производила такое же приятное впечатление, как и вчера; они пожали друг другу руки. Она снова была в вязаном джемпере, джинсах и ботинках, но сегодня дополнила свой наряд шарфом, призванным защищать горло от осеннего ветра. После вчерашних волнений Анна совсем забыла про встречу с дочерью Рюландера. Лучше поговорить с Лизой, чем сидеть, не сводя глаз с телефона.

— Я приехала не только из-за папы, — начала Лиза, усаживаясь на стул для посетителей; голос у нее оказался мягкий, акцент выдавал уроженку центральной Швеции. — Мама умерла, когда мне было одиннадцать лет. Я родилась, когда ей было чуть за двадцать, она еще не готова была иметь детей. Может, из-за наркотиков, может, еще из-за чего. В общем, она отдала меня в приемную семью, когда я была совсем маленькой. Мама меня не бросила, — продолжила Лиза, прежде чем Анна успела что-нибудь сказать. — Когда она хорошо себя чувствовала и не сидела на игле, она меня навещала, присылала подарки на день рождения. Она и мои приемные родители поддерживали отношения, после маминой смерти они даже привели в порядок ее квартиру.

Анна подалась вперед; несмотря на все происшествия последних дней, ей хотелось знать продолжение этой истории.

— А папа? — спросила она. Лиза пожала плечами:

— Он приезжал с мамой раз или два, но я была маленькой и ничего не помню. У меня в альбоме есть пара старых фотографий, где мы все втроем сидим в саду. Не слишком счастливая семья, скажем так.

Она грустно улыбнулась, и Анна едва удержалась от ответной улыбки.

— Когда мама умерла, мы с ним перестали общаться. Но пару лет назад я стала размышлять, кто я. Так бывает с детьми, которые выросли у приемных родителей. Мне захотелось больше узнать о маме. Все, о чем она не рассказывала. Какой она была в молодости, о чем мечтала. Почему жила так, как жила. Поэтому я связалась с отцом.

Лиза чуть застенчиво улыбнулась, словно ждала, что Анна что-нибудь скажет, а потом продолжила:

— Он сидел в тюрьме, и я написала ему письмо. Спросила о нем, о маме и как они познакомились. К моему удивлению, он ответил. Не то чтобы подробно ответил, но согласился встретиться. Когда он вышел, мы несколько раз обедали вместе. Он рассказал, что они с мамой из одних мест, в Сконе, познакомились в детском доме. И стали настолько близки, что иногда притворялись братом и сестрой, а не парочкой. За пару лет до моего рождения он сел, потом они разошлись и дальше то сходились, то расходились до самой маминой смерти в 2002 году. Отец сказал, что мама была любовью всей его жизни. Подозреваю — специально для меня сказал.

Молодая женщина неловко улыбнулась.

— После нашей первой встречи папа объявлялся где-то пару раз в год. Почти всегда просил помочь. Дать денег в долг.

— Вы ему помогали?

— Да, когда была возможность, и нет, я не дурочка, я понимала, что не получу назад ни эре. Папа не был святым. Но моя приемная мама всегда говорила, что иногда надо совершать добрые поступки даже ради не очень хороших людей.

Анна кивнула. Лиза Савич ей чем-то нравилась. Голос, мягкие черты, то, что она не осуждала других. Мать бросила ее, отец знать ее не хотел, и все же молодая женщина не держала на них зла. Была ли Анна такой в ее возрасте? Наверное, нет. К тридцати годам она уже

пять лет прослужила в полиции, и ее вера в добро успела сильно пострадать.

— Чуть больше месяца назад папа объявился и предложил встретиться, — продолжила Лиза. — Спросил, не осталось ли после матери каких-то вещей и можно ли ему взглянуть на них. Я решила, что это возможность побольше узнать о маме, и пригласила его к себе домой. Вообще-то встреча получилась приятная. Мы поужинали, выпили вина, стали разбирать мамины вещи. Пара картонных коробок: какие-то книги, мелочи — мои приемные родители их собрали, когда убирались в ее квартире. Ничего ценного.

— Когда это было? — Анна уже начала догадываться, куда приведет ее рассказ Лизы.

— Двадцатого сентября или около того.

— Вскоре после того, как вы получили письмо от Элисабет Видье?

Лиза кивнула:

— Где-то через неделю.

— Вы не помните, в этих коробках не было кассет? Лиза снова застенчиво улыбнулась.

— Были кое-какие. Помню “Триллер” Майкла Джексона, еще пара покупных кассет. Мы с Джо... — Лиза помолчала. — Да, я зову его Джо, а не “папа”. В общем, мы даже немного посмеялись над маминым вкусом. Я работаю на студии звукозаписи, так что для меня музыка — и профессия, и увлечение. Джо считал — это так здорово. Расспрашивал меня.

— Вы не заметили, кассеты все остались на месте? Может быть, Джо унес одну с собой?

— Нет, а что?

А то, что среди кассет твоей матери он, вероятно, нашел кассету Симона Видье, подумала Анна. Но как кассета оказалась у Тани?

— Да. Письмо от Элисабет Видье, — продолжила Лиза. — Джо признался мне, что тоже такое получил. Я попросила его рассказать, в чем дело.

— И что он сказал? — Анна подалась вперед.

Лиза потянула рукав джемпера.

— Ну, я еще и из-за письма приехала. Джо вдруг начал скрывать. Сказал, что они с мамой как-то попали на вечеринку на

какой-то каменоломне и что он до самого недавнего времени не понимал, что произошло тем вечером. Больше он не хотел ничего говорить. Но я поняла, что это как-то связано с деньгами. У Джо почти все всегда было связано с деньгами.

— А ваша мама? Она когда-нибудь говорила о каменоломне?

Лиза покачала головой.

— Никогда не упоминала, ни мне, ни моим приемным родителям. Это было до моего рождения, я родилась только на следующий год. В любом случае... — Она помолчала, поерзала на стуле. — Я подумала, что вы сможете рассказать больше. Объяснить, как на самом деле умер тот мальчик и не замешаны ли тут как-то мои родители. Ну то есть... — Лиза вздохнула. — Джо был из тех, кто считает себя умнее других. Мол, пусть мир подстраивается под него. Я с такими и раньше сталкивалась, в музыкальной индустрии их полно.

Лиза язвительно скривилась, вызвав у Анны улыбку.

— Они все считают прочих идиотами. Может, это глупо звучит. — Лиза пожала плечами. — Но я и представить себе не могу, чтобы Джо покончил с собой. Он слишком любил себя.

Анна уже собиралась ответить, как вдруг у нее зазвонил телефон. В другое время она просто сбросила бы звонок и отключила звук, но звонила Агнес. Анна извинилась и выскользнула из кабинета.

— Привет, милая! — Она сразу поняла, что перестаралась.

— Привет, мам. Ты занята? — Голос дочери не был ни злым, ни обвиняющим.

— Немного. А что ты хотела?

— Короче, тут Матс. Сказал — хочет поговорить с тобой. Что это важно. — Что-то шуркнуло, как будто трубку прикрыли рукой, и Агнес перешла на шепот. — По-моему, это насчет Симона Видье.

— Я сейчас.

Анна отсоединилась. Лизе Савич она сказала, что у нее срочный вызов, но попросила у девушки номер мобильного телефона и обещала перезвонить.

Матс и Агнес сидели на крыльце и играли с Мило. Когда Анна вышла из машины, здоровяк встал и смущенно потянул край плаща.

— Агнес сказала, вы хотели поговорить со мной?

В ответ Матс молча покосился на крышу Табора.

Агнес встала и осторожно тронула его за руку.

— Мама, Матс спрашивал, нельзя ли ему взглянуть на фреску.

Анна слегка вздернула бровь.

— Мне казалось, мы хотели поговорить о...

Агнес скорчила сердитую рожу, коротко помотала головой и тут же кивнула на верхний этаж.

— Конечно, можно, Матс. — Анна так и не могла взять в толк, что происходит.

Все трое поднялись в зал для проповедей. Когда Матс отвернулся, Анна изобразила знак вопроса, однако ответа от Агнес не получила.

Великан остановился перед фреской в молчаливом восхищении. Вскоре широкий лоб перерезала морщина. Матс разволновался.

— Вот каменоломня, — пробормотал он. — А он-то где? Никак не найду.

Агнес еще раньше поставила по фотолампе с обеих сторон фрески, чтобы свет падал на изображение. Сейчас она подошла и включила одну. Свет заставил тело Симона Видье проступить из темной воды.

Матс задохнулся. Попятился и поднес руки к глазам, словно пытаясь защититься от увиденного.

Анна вспомнила, что он говорил о воде. Что Карина посинела от холода. И поняла: пришла пора задать вопрос, который давно не давал ей покоя.

— Вы были там, Матс? — тихо спросила она. — Были тем вечером на каменоломне?

Матс медленно кивнул. По щекам великана потекли слезы.

— Подсматривали за Мариной Педерсен?

Он снова кивнул, вытер слезы тыльной стороной ладони.

— Она была такая красивая. Высокая, светлые волосы — как ангел. — Он покраснел.

— Другие знали, что вы там были?

Матс покачал головой.

— Нет. Мари всегда прогоняла меня, если видела. Мне пришлось пробраться туда тайком. Спрятаться в лесу. Там есть место, откуда в хороший бинокль видно почти все.

— Сколько... — Анна пыталась сдержать нетерпение, — сколько времени вы там пробыли?

— Пока не пошел дождь. Пока они не. — Он замолчал, переступил с ноги на ногу и снова посмотрел на фреску.

— Пока они не что? — Анна старалась говорить как можно спокойнее.

— Пока они не начали ругаться, — проямлил Матс.

— Кто — они? — Агнес не могла сдержать любопытства. Матс всплеснул руками:

— Они все. Алекс, Мари, Карина, Бруно. Начали сразу, как мотоцикл уехал. А потом стали драться.

— Кто именно? — Настала очередь Анны задавать вопросы.

— Алекс и Симон. Но куда Симону. Алекс был такой большой, сильный. Я решил не смотреть на это паскудство и пробрался туда, где спрятал мопед. Лил дождь, и по дороге я чуть не рухнул.

Последнее слово он произнес как “ухнул”.

— Что вы видели перед тем, как уехали?

Матс с трудом улыбнулся, словно воспоминание причиняло ему боль.

— Алекс повалил Симона на землю и держал за шею, как борец. Симон упал с размаху и не отбивался. Остальные кричали на него.

— На Алекса?

Здоровяк покачал головой.

— На Симона. Кричали всякие гадости, обзывали его, так что я смылся оттуда. Я должен был вмешаться, да? Сказать, чтобы Алекс не бил Симона. Чтобы они прекратили кричать.

Он замолчал, покосился на фреску и прикрыл руками рот и подбородок. Глаза снова заблестели.

— Помните что-нибудь еще? — спросила Анна после долгого молчания.

— Нет, — буркнул Матс, не отрывая взгляд от картины, на которой в темной воде плавало тело Симона Видье. — Помню только, что по дороге домой я упал и ушибся.

Анна оставила Матса и Агнес в зале для проповедей и спустилась во двор. Сердце возбужденно стучало, и Анна выждала несколько минут, прежде чем звонить Йенсу Фрибергу.

— Завтра утром привезешь Алекса Морелля на допрос, — сказал она, как только Фриберг ответил. — Остановишь его, когда он будет

ехать в Которп, где-нибудь, где вас никто не увидит. Очень важно, чтобы про допрос знали только мы. Ладно?

Несколько секунд в трубке было тихо.

— Анна, ты уверена, что так надо? — Голос у Фриберга был как во время их первой встречи. Выжидающий, скептический. С ноткой враждебности. В груди набухло разочарование, смешалось с ощущением, что она поспешила. — Хенри...

Но Анна перебила Фриберга.

— Делай, как приказано, — прошипела она и закончила разговор.

Глава 49

Осень 2017 года

Допросная в полицейском участке Неданоса была гораздо симпатичнее, чем в отделе внутренних расследований в Стокгольме. В стене напротив двери имелось окно, за окном росло дерево, с которого теперь облетала листва. На другой стене висели сине-белые плакаты предприятия, поставившего противоугонную сигнализацию. Ни камер, ни скрытых микрофонов — только старый честный диктофон на столе. Весь вечер четверга Анна обдумывала сложившееся положение. Зря она так рано втянула в дело Фриберга. Анна понимала, что поторопилась, но у нее была на то причина. Она все больше ценила Йенса и хотела перетащить его на свою сторону. Показать ему, как она крута, — теперь, задним числом, это казалось ей смешным. Ночью Анна почти не спала, более или менее ожидая, что Йенс возьмет больничный, чтобы избежать и самого задания, и дальнейшего участия в ее расследовании. Или, того хуже, расскажет все Хенри Мореллю. Но когда она в начале восьмого приехала на работу, личная машина Фриберга уже стояла на парковке, а одной патрульной не доставало. Фриберг позвонил без четверти восемь: Алекс Морелль у него в машине, они направляются в участок. Анна испытала одновременно облегчение и крайнее удивление. Йенс Фриберг оставался загадкой, но сейчас Анне надо было сосредоточиться на другом.

Анна вставила в диктофон кассету и пару раз проверила звук. Сколько раз она сидела в таких комнатах, допрашивая подозреваемых всех мастей. Это ее вотчина, ее территория. И все же Анна чувствовала: напряжение растет.

В дверь постучали, и Фриберг ввел Алекса.

— Садитесь! — Фриберг указал на стул напротив Анны, дождался, пока Алекс сядет за стол, и направился к двери.

— Ты тоже сядь, Йенс.

Фриберг в замешательстве постоял, потом вытащил стул и послушно сел рядом с Анной.

— Значит, хочешь поговорить со мной? — спросил Алекс. — Мое алиби не выдержало проверки?

Кривая улыбка не скрывала его нервозности. От Алекса почти пахло тревогой, ее не скрывали запахи строительной пыли и пота, исходившие от спецовки. Анна включила диктофон.

— Допрос Александера Морелля, дата рождения — 17 января 1971 года. Допрос проводится в связи с... — Анна помолчала, решив пока не объявлять Алексу, зачем его привезли. Она изучала сидевшего напротив мужчину. Алекс продолжал улыбаться, но Анна видела, как ходит вверх-вниз адамово яблоко под щетиной. Каблук нервно постукивает по полу. Алексу, сыну полицейского, на удивление неуютно в участке. Анна покосилась на Фриберга, но не поняла, что он думает о ней и о ситуации в целом.

— Из-за чего вы с Симоном Видье подрались тем вечером в каменоломне? — спросила она, слегка склонившись над столом.

Голос ее был мягким, движение неторопливым, но Алекс дернулся, словно от пощечины. Он открыл рот и судорожно вдохнул.

— Ты говорил, что он был твоим другом, — продолжила Анна, не дав ему собраться. Наклонилась еще ниже. — И все же ты бил его смертным боем, а остальные трое тебя подначивали. Крупный, сильный, будущий олимпийский борец против тощего музыканта. Результат мог быть только один, верно?

— Да... — Лицо у Алекса побелело, язык скользнул по губам, словно в попытке найти нужное слово. Анна заметила, что Фриберг тоже слегка подался вперед, и осторожно приподняла на колене правую руку, призывая его молчать.

— Ну. — Мозг и губы Алекса все еще не могли прийти к согласию. Анна видела, как мучительно он ищет выход. И подсказала ему путь.

— Расскажи, что на самом деле случилось той ночью.

Глаза у Алекса заблестели, он быстро переводил взгляд с Анны на Фриберга и обратно. Потом уставился в стол, ссутулился; Анне показалось, что он вот-вот упадет, но Алекс удержался, опершись на предплечья. Несколько секунд он посидел, собираясь с духом, набрал в грудь воздуха и заговорил.

Глава 50

28 августа 1990 года

Дождь лил как из ведра.

Алекс схватил Симона за шею, швырнул на землю и всем весом навалился сверху. Теперь он решает, теперь контроль у него, и злость, клокотавшая в теле, смешивалась с удовлетворением: он вернул себе власть. Остальные обступили его и кричали, чтобы он врезал покрепче, воздал Симону по заслугам.

Алекс зарычал, спружинился и перебросил Симона на другое место, как перебрасывал противника на борцовском ковре; лицо Симона оказалось в яме, которая быстро наполнялась дождевой водой.

Камешки впивались ему в щеки, отчего он пришел в себя после удара о каменный лоб.

— Пусти!

Симон забился, пытаясь отвернуться от воды, но Алекс крепко держал его. Вода залилась Симону в рот и нос, заставила закашляться. Симон повторил “пусти”, но вместо слов вышло бульканье. Трое остальных продолжали кричать, подначивать Алекса.

Алекс усилил захват и услышал, как хрустнули суставы у Симона в шее. Яма налилась водой уже до краев, Симон кашлял и отфыркивался, чтобы глотнуть воздуха. Остальные продолжали подзуживать, но Алекс решил, что довольно. Он разбил Симону нос, чтобы показать, что бывает, когда кто-нибудь посягает на его территорию.

Алекс разжал хватку и медленно поднялся, слыша в голосах друзей разочарование.

Симон откатился от лужи, выплевывая дождевую воду. Он хотел подняться на колени, но его тут же снова повалили.

— Решил, что ты особенный? — В голосе Бруно было столько злости и ненависти, что Алекс едва узнал его. — И можешь вытворять что угодно?

Симон, шатаясь, хотел уклониться. Его опять сбили с ног, на этот раз Карина.

— Ты просто мелкий засранец, Симон. Понял?

Симон перекатился на другой бок и снова хотел встать. Теперь его толкнула Мари — так сильно, что он ударился головой о камень.

— ...так предать меня. Мы же с тобой как родные.

Симон схватился за затылок, лицо сморщилось.

— Смотрите, он плачет, — сказал Алекс. — Ну и трус!

— Придурки, — выдавил Симон. Голос прозвучал ломко, неуверенно.

Симон сделал еще одну попытку подняться на ноги, но теперь уже Алекс толкнул его на землю.

— Это ты придурок, Симон. — Алекса переполняло ощущение собственного могущества, давно уже он не чувствовал себя так хорошо. — Скажи, что ты придурок — тогда мы, может быть, тебя отпустим.

Симон покачал головой; по щекам текли слезы. Слезы злости, слезы унижения. Он оперся на руки, приподнялся, но после хвата за шею и короткой драки он почти обессилел. Алекс знаком велел трем остальным сомкнуть круг. Ноги встали тесно, как деревья в лесу, отрезав Симону путь к бегству.

— Скажи, что ты придурок! — усмехнулся Алекс. — Скажи, что ты плакса и трус, и мы тебя отпустим.

Симон опять попытался встать; кто-то нажал ему коленом на щеку так сильно, что щелкнули зубы.

— Говори! — заорал Алекс.

Симон сжался, уперся локтями в колени и опустил голову.

— Я придурок, — промычал он.

— Громче! — выкрикнула Карина.

— Я придурок.

— Скажи, что ты предатель! — рявкнула Мари.

— Я предатель.

— Скажи, что твоему папе место в дурке!

Симон поднял глаза. Волосы насквозь промокли, дождевая вода ручьями стекала по лицу. Глаза странно заблестели.

— Скажи, — прошипел Бруно. — Скажи, что твоему папе самое место в дурке!

— Моему папе... — промямлил Симон; он как будто собирался с силами. — Моему папе самое место в дурке.

Несколько секунд было тихо, слышался только стук дождя. Симон встал на четвереньки прямо в луже, медленно распрямился. Зло оглядел их, одного за другим, вытирая с лица слезы и дождевую воду. Мари сделала шаг назад; кажется, она раскаивалась. Открылся проход; Симон протиснулся мимо Мари и бросился прямо в лес.

— Friends forever! — крикнул он через плечо — таким голосом, что у Алекса почему-то резануло в груди.

Глава 51

Осень 2017 года

— Мы все как с катушек слетели, — тихо сказал Алекс. — Под кайфом, пьяные и злые. Вывалили всю свою мерзость на Симона. — Он с тоской покачал головой. — Групповой психоз. По-другому я не могу это объяснить.

— Что было потом? — спросила Анна. — После того, как Симон кое-как поднялся на ноги и убежал в лес?

Алекс с измученным видом вздохнул.

— Через несколько минут проливной дождь вернул нас в чувство, и мы сообразили, что наделали. Девчонки стали звать Симона. Даже пошли в лес за каменоломней. Искали его.

— А вы с Бруно? — спросил Фриберг.

Алекс опустил голову.

— Мы остались у палаток. Пытались снова разжечь костер, но не вышло. Потом девчонки вернулись. Симон не отозвался, а искать дальше... было слишком темно, дождь лил. Мы решили, что он обошел каменоломню с другой стороны, спустился к шлагбауму, сел на велосипед и уехал домой, в Энглабергу. Думали — утром сходим к нему, извинимся.

— А вы не подумали спуститься проверить, на месте велосипед или нет? Или даже поехать за ним? — снова вступил Фриберг, но Анна не стала его останавливать — у него хорошо получалось. “Велосипед Симона?” — записала она в блокнот, не думая зачем.

Алекс выглядел подавленным.

— К тому времени мы оба устали, вымокли, как собаки, и нам было стыдно. К тому же никто из нас не в состоянии был сесть за руль, особенно в темноте и в дождь. Так что мы пошли спать. — Под конец у него сорвался голос.

— И ты ничего больше не слышал? Какой-нибудь звук или что кто-нибудь не спит?

Алекс покачал головой.

— Нет. Насколько я помню, лило так, что в палатке собственных мыслей не слышно было. Да и все равно я сразу вырубился. Проснулся

только утром, от криков Мари.

Алекс уставился на свои руки. Повернул, развел пальцы, словно искал что-то на покрытой мозолями коже.

Вдруг дверь распахнулась, и в допросную ворвался Хенри. Лицо белое, глаза потемнели. Йенс молниеносно вскочил и заступил ему путь, заставив Морелля замереть на месте.

— Ты что вытворяешь, Анна? — взревел Морелль через плечо Фриберга. Капли слюны полетели Фрибергу в лицо и на безупречно отглаженную рубашку. Фриберг не двинулся с места.

Не успела Анна ответить, как Морелль крутнулся и схватил сына за руку.

— Пошли, Александер, ты ни секунды не обязан здесь оставаться. — Он наставил толстый палец на Анну. — Разговаривать с Александером будешь в присутствии моем и адвоката. Слышала? — Морелль потянул сына за руку, призывая подняться. Но Алекс остался сидеть.

— Успокойся, папа, — сказал он. Мягко, почти нежно. Морелль, похоже, не слышал сына — он все тянул и тянул его за руку. Сыпь на подбородке полыхала красным.

— Идем же! Тебе и рта не надо раскрывать, ты не обязан. Она... — Он махнул на Анну, не глядя на нее. Алекс не шелохнулся, он лишь грустно покачал головой.

— Я носил это в себе почти тридцать лет. И теперь хочу выговориться. Хочу понести ответственность за то, что я сделал. За то, что мы сделали с Симоном.

Морелль отпустил руку сына.

— Александер, не надо. — он уже просил. — Зачем ты вредишь себе? Я не могу позволить, чтобы ты себе навредил.

Алекс встал и ласково погладил отца по плечу.

— Это моя жизнь, папа. Моя ответственность.

Он повернулся к Анне.

— Мы предали нашего друга. — В глазах была такая глубокая печаль, что Анне стало жаль его.

— Мы оскорбили его и прогнали в лес. Из-за нас он бродил под дождем и в темноте, совсем один, избитый, униженный. — Алекс судорожно вздохнул, взглянул на отца. Хенри был бледен, руки безвольно повисли.

— Все это — наша вина, — тихо сказал Алекс — и отцу, и Анне. Слезы потекли по его щекам. — Моя, Бруно, Мари и Карины. В смерти Симона виноваты мы. Нам давно пора это признать.

Алекс и Хенри остались в допросной; Анна с Фрибергом вернулись в кабинет, чтобы обсудить услышанное. Дамы из приемной и трое полицейских шептались, сбившись в кучку, но при появлении Анны и Фриберга замолчали.

— Как думаешь, кто позвонил Хенри? — спросила Анна, когда они поднимались по лестнице.

— Какая разница? — Фриберг пожал плечами.

— Может, и никакой.

Анна была рада, что Фриберг вернулся в ее угол ринга.

— Что дальше? — начал Фриберг, едва закрыв за собой дверь. — Насколько я могу судить, Алекс Морелль признался, что он и другие избили Симона Видье, но не более того. Думаешь, он врет? Признаться в мелком преступлении, чтобы отмазаться от более тяжкого?

Анна немного помолчала. Она уже успела прикинуть, насколько такое вероятно. Подозреваемые нередко так делали, но Анна не увидела у Алекса обычных признаков лжи.

— Нет, — сказала она. — Я думаю, что Александер говорит правду. А ты?

— Я тоже, — кивнул Фриберг. — И тогда эти четверо виновны в избиении, возможно, повлекшем за собой смерть другого человека, так?

Настал черед Анны кивнуть.

— Я сейчас не помню, что там со сроками давности, но, по-моему, двадцать семь лет — это все же слишком много, чтобы предъявлять обвинение? — Фриберг вопросительно поднял бровь.

— Пять лет. Десять, если речь идет о тяжком преступлении. В любом случае, мы опоздали на семнадцать лет. Сосредоточимся на Рюландере.

Фриберг сморщился.

— Тут хотя бы мотив ясен. Вопрос в том, как Рюландер прознал о случившемся? Думаешь, они с Таней вернулись и что-то видели?

Анна пожала плечами.

— Может быть. Хотя я думаю, что Рюландер ни черта не знал.

— Не знал?

Анна достала письмо Элисабет Видье и подождала, пока Фриберг спокойно прочитает его.

— Я по-всякому прикидывала, — сказала она, когда он закончил. — Мне кажется, Рюландер, получив это письмо, увидел возможность повернуть аферу. Он предположил, что на каменоломне произошло что-то такое, за что один или несколько человек из четверки готовы заплатить, лишь бы он молчал. Он разослал им шантажистское письмо, а потом отправился в парк на праздник.

Фриберг кивнул, не спрашивая, почему она показала ему письмо только сейчас.

— И он, похоже, угадал правильно. Кто-то очень не хотел, чтобы о случившемся стало известно, но платить за молчание не был готов. И вот Рюландер падает с кручи и погибает. Благодаря признанию Алекса Морелля мы знаем почему. Остается узнать, чьих рук это дело.

Анна с одобрительным видом отогнула большой палец.

— У Алекса Морелля алиби, к тому же он рассказал, что произошло на каменоломне.

Считая дальше, она отогнула указательный и средний палец.

— Мари и Бруно обеспечили алиби друг другу. Еще мы знаем, что у них с Алексом крупный строительный проект с довольно скудным финансированием... — Анна отогнула безымянный палец.

— Кайя Бьянка говорит, что была на концерте, но мы еще не проверили ее алиби. Теоретически она, если обстоятельства смерти Симона станут достоянием гласности, потеряет больше всех. Девятнадцатилетний юноша, которого затравили до смерти его же приятели, — это катастрофа для ее бренда. К тому же одна подозрительная смерть у нее в прошлом уже имеется.

Анна замолчала, наморщив лоб. И отогнула мизинец.

— И у нас есть пятый вариант. О Рюландере позаботился кто-то еще. Кто-то, кто на все готов, лишь бы скрыть, как погиб Симон Видье.

— И кто это может быть?

Анна не успела ответить: зазвонил телефон. На экране высветился номер коммутатора Мальмё. Анна поняла, кто это, еще до того, как услышала скрипучий голос полицеймейстера.

— Мне только что звонил Хенри Морелль, и, судя по тому, насколько он взвинчен, звонил он не только мне. — Голос

полицеймейстера был скорее усталым, чем злым. — Будьте любезны, объясните мне, каким образом вы, выполняя мой приказ помириться с Хенри Мореллем, выгнали Морелля из участка, в котором он прослужил больше тридцати лет? Да еще и арестовали его сына?

— Александера не арестовали. Его вызвали на допрос.

Полицеймейстер вздохнул.

— Друзья Морелля будут звонить мне весь остаток дня. А вы, Анна, сводите на нет возможность защитить вас.

Анна вдохнула поглубже, изложила начальнику признание Александера и объяснила, как оно связано с гибелью Рюландера. Полицеймейстер слушал, не перебивая.

— Рассказ, несомненно, интересный. И мотив убийства определенно имеется, — признал он, когда Анна договорила. — Я вижу только одну проблему.

— И какую? — Зря она спросила. Ответ и так понятен.

— Я внимательно прочитал материалы дела и не увидел ясных доказательств того, что Рюландер действительно был убит. Неясности есть, но его смерть могла оказаться и самоубийством, и результатом несчастного случая.

Анна услышала, как он, размышляя, барабанит пальцами по столу.

— Учитывая рассказ Морелля-младшего, даю вам добро продолжать. В понедельник вызывайте на допрос трех остальных.

— Мы должны вызвать их сейчас, — сказала Анна. — Прежде чем Хенри успеет обзвонить остальных и рассказать, что Алекс признался. Надо воспользоваться форой, застать их врасплох.

— На вашем месте я бы поосторожнее высказывал подобные мысли о Хенри Морелле. Он и так намекает, что вы затеяли вендетту, подобное обвинение ему только на руку. Я не вижу в этом деле ничего спешного или такого, из-за чего стоит тратить скудные средства из полицейского бюджета на работу в выходные дни. И уж точно не стоит подбрасывать дров в уже пылающий огонь и вторгаться в субботний уют трех почтенных граждан.

Полицеймейстер несколько секунд молчал. Продолжил он уже не так резко.

— Вы хороший следователь, Анна, и я не исключаю, что вы что-то раскопали. Но статья в газете вам навредила, и лишние неприятности не нужны ни вам, ни расследованию.

Он глубоко вздохнул.

— Выпускайте Александра как можно скорее и готовьтесь к понедельнику со всем тщанием. А я попробую еще пару дней удерживать союзников Хенри на расстоянии. И, Анна... желаю удачи.

Глава 52

Осень 2017 года

Анна поручила Фрибергу сообщить Мореллям, что они могут покинуть участок. Встав у окна на втором этаже, она смотрела, как отец и сын идут к машине. Одинаковый рост, похожие движения и манера держаться. Только Хенри чуть больше сутулится и тяжелее ступает. В кои-то веки выглянуло солнце, придав этой мрачной сцене почти неуместно красивое обрамление.

Когда оба садились в машину, Анна почему-то задалась вопросом, не отодвинуто ли одно из передних сидений в их “вольво” до упора.

В три часа Анна решила уехать домой. Машина медленно поднималась по гряде. Поколдовав немного, она закачала песню Симона Видье себе в телефон, и из магнитолы зазвучал мягкий приятный голос, слова красивые и в то же время пугающие.

“I’ll see you by the waters. The dark and lonely waters”.

Листья большей частью уже облетели, и крутые склоны покрывал оранжевый ковер, такой яркий, что глазам было больно. Свернув на съезд, ведущий к Табору, Анна остановилась подумать.

Александр Морелль рассказал о случившемся на каменоломне правду. Истину знают она и Фриберг, знает полицеймейстер. А также Хенри Морелль, и не исключено, что вскоре в курсе будет и весь остальной мир. Так почему бы правду не узнать тем, кто имеет на нее право как никто другой? Анна задом вернулась на дорогу и покатила к Энглаберге.

Свернув в аллею, она увидела у сторожки при воротах машины Клейна и Элисабет. Анна остановилась на обочине. Сторожку окружала колючая изгородь, такая высокая, что видна была только низкая крыша. Рядом с машинами в кустах открывался проход, который вел к короткой стене деревянного, выкрашенного зеленой краской домика. Крыльцо и окна украшали белые резные наличники, но от дома все равно веяло одиночеством. Сторожка словно пряталась среди колючих кустов в глубине аллеи, предпочитая держаться в стороне.

Где-то заговорили, и Анна пошла на голоса. За углом она увидела кладовую. Двустворчатая дверь была открыта; посреди кладовой висел олень. Крючок, воткнутый под нижнюю челюсть животного, крепился к цепи, которая тянулась к потолочной балке, задние копыта могучего оленя касались бетонного пола. Анна попыталась припомнить то немного, что учила про оленей в школе; она знала, что существует два вида, но различать их не умела. Клейн и Элисабет стояли перед животным, явно восхищенные. Услышав ее шаги, они обернулись.

— Он великолепен, правда? — спросила Элисабет.

— Да. А какой он породы?

— Благородный олень. — Клейна, кажется, позабавило ее невежество. — Лань меньше по размеру, и у них рога плоские. Не то что у этого гиганта. Я завалил его утром в Бенсиге. Стоило ждать. — Клейн похлопал оленя по шее. На руке остались кровавые пятна.

— Клейн хотел застрелить его еще в прошлом году, — сказала Элисабет, — но я упростила подождать. Это бык-производитель, и я хотела дать ему еще одно лето, чтобы он оставил после себя побольше генов. — Старуха улыбнулась. Усталые глаза, бледное морщинистое лицо до половины закрыто шарфом.

— Зачем вообще его убивать? — спросила Анна.

— Если его не убить, он бы рано или поздно ушел по гряде на юг, в Троллеберг. А там бы его подкараулил какой-нибудь охотник за трофеями, который заплатил за возможность завалить его большие деньги и который потом приладил бы его рога на стену где-нибудь в Германии или в Дании. А мясо объявилось бы на рынке в Стокгольме. — Элисабет покачала головой. — Этот олень родился и вырос на гряде, на здешних склонах пасутся его дети и внуки. Он остался с нами, до самого конца. — Элисабет нежно, ласково погладила оленя.

— Карл-Юхан не любил охоту. — Анна сама не поняла, зачем это сказала.

Услышав имя Карла-Юхана, Клейн и Элисабет подняли головы. Движение вышло синхронным и таким одинаковым, что выглядело почти комично.

— Не любил, — согласился Клейн, глядя на Элисабет.

— Карл-Юхан — романтик, — тихо сказала Элисабет. — Любит размышлять о природе, но с практической стороной у него

затруднения. Никак не может свыкнуться с идеей смерти как обязательном условии жизни.

Она в последний раз погладила оленя. Рот снова приобрел обычное резкое выражение.

— Но вы же приехали не для того, чтобы поговорить об охоте?

— Может быть, войдем, сядем? — спросила Анна.

Как Анна и подозревала, сторожка оказалась жилищем Брура Клейна. Из прихожей была видна ванная, слева кухня, переходящая в гостиную, справа — две закрытые двери.

Стены и потолок из пожелтевших сосновых досок напомнили Анне домик, который они с Хоканом и Агнес обычно снимали в горах. Даже пахло здесь так же: сухим деревом и камином. Интерьер был спартанским; за исключением оленьих рогов, Анна увидела только одно украшение — гобелен с изречением “И ищущий находит, и стучащему отворят”.

Элисабет села за обеденный стол. Воспользовавшись тем, что Клейн занялся кофе, Анна прокралась в туалет, собраться с мыслями. Как сказать Элисабет? И что именно можно открыть?

Ванная Клейна была такой же голой, как все остальное в его доме. Унитаз, ванна с душем, раковина и жестяной шкафчик, в который Анна, естественно, заглянула, приоткрыв дверцу. Зубная щетка, паста, кое-какие таблетки. Одни от давления, другие она не опознала. Гугл в телефоне сообщил ей, что это легкие антидепрессанты. Значит, Клейн-Каменное-Лицо принимает пилюли счастья. Кто бы мог подумать. Анна вернула пузырьки на место и закрыла дверцу. Вернувшись в прихожую, она услышала, как Клейн и Элисабет о чем-то говорят на кухне. У нее есть немного времени, чтобы узнать еще что-нибудь о таинственном Бруре Клейне. Ближайшая к ванной дверь ведет, вероятно, в подвал. На полу виднелись очертания верхней ступеньки, а в широкую щель под дверью тянуло запахом сырости.

Анна тронула ручку, но дверь оказалась заперта. Тогда Анна решила открыть дверь справа. За ней обнаружилась спальня с безупречно заправленной односпальной кроватью и несколькими платяными шкафами. Анна осторожно шагнула через порог и окинула комнату взглядом. Как и в остальном доме, здесь почти не было ни украшений, ни предметов, которые обнаружили бы вкусы хозяина.

Единственными личными предметами здесь были книга и фотография на тумбочке у кровати.

Книга оказалась “Божественной комедией” Данте, что поразило Анну почти так же, как антидепрессанты в ванной. Старинное издание. Анна открыла книгу на первой странице. Начало XX века. На первой странице изысканным почерком было написано: *“Бруру от Карла-Юхана, 1972 г”*

Не от Карла-Юхана и Элисабет, а только от Карла-Юхана. Дарственная надпись, да и сам подарок указывали, что Клейн и Карл-Юхан были или остаются близкими друзьями. Старинные вещи дарят только тем, кто сумеет оценить такой подарок, кому-то, кого хорошо знаешь. Фотография на тумбочке подтвердила ее версию. Похожий снимок Анна видела на камине у Элисабет. Пикник, подстилка на траве, двухлетний Симон щурится от солнца, обнимает папу за шею. Но на этой фотографии рядом с Карлом-Ю сидит не Элисабет, а мужчина того же возраста, с прямой спиной и жесткой линией щек и рта. И хотя фотографию сделали двадцать пять лет назад, Анна сразу узнала Брура Клейна. Из кухни донесся шум. Анна быстро поставила фотографию на место и осторожно закрыла за собой дверь. Клейн тоже был на том пикнике, это его тень протянулась на фотографии Элисабет. Анна почему-то была уверена, что свадебный снимок за два года до пикника тоже делал Клейн.

Анна села за кухонный стол; Клейн разлил кофе по чашкам. Значит, Брур Клейн не просто управляющий, не кто-то, кто приводил в порядок дела после ошибок Карла-Ю. Он очень близкий друг, даже член семьи. Продавец велосипедов намекал, что Клейн и Элисабет много лет крутили роман за спиной у Карла-Юхана. Анна попыталась припомнить что-нибудь, что указывало бы на их связь, но Элисабет и Клейн не из тех, кто выносит подобное на публику. Если Клейн действительно живет в Энглаберге, то сторожка существует только для отвода глаз. Вот почему она так скудно обставлена. Но Клейн держит в ванной свои лекарства — значит, все-таки живет здесь. Анна повертела эту мысль так и сяк, не особенно углубляясь в рассуждения.

— Я говорила с Александером Мореллем, — начала она, когда Клейн сел. Ей хотелось, чтобы он присутствовал при разговоре — на случай, если Элисабет станет нехорошо.

— Алекс рассказал нам, что случилось той ночью на каменоломне. Что они сделали... — Она взглянула на Элисабет Видье. — ... с Симоном.

Элисабет медленно кивнула, побледнев еще больше. Она положила ладонь Клейну на руку и сжала ее, словно готовилась. Анна набрала воздуха в грудь.

— Произошла ссора, — продолжила она. — Алекс навалился на Симона, как во время борцовского поединка. Остальные сначала подначивали его, потом сами втянулись. Стали унижать Симона.

Она замолчала. Пальцы Элисабет лежали на руке Клейна. Оба сидела неподвижно и молчали.

— Они все были пьяные и под кайфом. Алекс сказал, что было похоже на групповой психоз А пот-т... — Анна сделала паузу, пережидая заикание. — Симон убежал в лес за каменоломней. Ребята вскоре опомнились, стали искать его. Не нашли и решили, что Симон уехал домой на велосипеде. Алекс утверждает, что они собирались на следующий день приехать сюда, извиниться.

Анна снова замолчала, ожидая вопросов.

— А потом? — спросила Элисабет. — Что было потом?

— Александер и Бруно залезли в палатку, спасаясь от дождя. Алекс сразу вырубился и проснулся только на следующее утро, когда услышал крики Мари.

Элисабет сосредоточенно кивнула; теперь она сжимала руку Клейна не так сильно.

— Как по-вашему, они говорят правду? — Голос человека, который овладел собой. Почти равнодушный.

— Да. Похоже, Александер глубоко раскаивался. Ему явно полегчало, когда он все рассказал.

— Вот как. — Элисабет Видье реагировала совсем не так, как ожидала Анна. Эта женщина только что узнала, при каких обстоятельствах произошел несчастный случай с ее сыном. Узнала правду, которой доискивалась двадцать семь лет. “Вот как” — и это все? Анна взглянула на людей, сидящих напротив нее, увидела, как они обменялись взглядами. Здесь что-то не так, она что-то упустила.

И тут Анна поняла, что именно.

— Вы все знали. — Ей удалось скрыть изумление. — Кто-то уже сказал вам о ссоре.

Элисабет и Клейн молчали; на их лицах не дрогнул ни один мускул. Но Анна все-таки поняла, что не ошиблась. Так кто же сказал им? Кто давным-давно исповедался в грехах?

— Мари, — сказала Анна. — Вам обо всем рассказала Мари. Да?

Элисабет и Клейн снова переглянулись, и линия рта у Элисабет немного смягчилась.

— Вы очень умная, Анна, — сказала она без малейшей иронии. — Да, вы правы. Мари по секрету рассказала нам, что произошло, рассказала сразу после смерти своей матери. Сначала я пришла в ярость. Видеть ее не могла. Мне хотелось сесть в машину, поехать в поселок и швырнуть ее признание в лицо Хенри Мореллю и Бенгту Андерсону. — Элисабет медленно покачала головой.

— Но вы этого не сделали. Почему?

Элисабет глубоко вздохнула.

— Потому что Мари — моя племянница. Единственная из четверых, кто признался и взял на себя ответственность за содеянное. Объявлять о ее вине было бы неправильно. Это стоило бы ей замужества, поссорило бы с отцом. Я не слишком жалую Бенгта Андерсона, но он важен Мари — и в личном смысле, и в смысле карьеры. К тому же лгут трое остальных, те трое, кто... — Элисабет резко замолчала и покачнулась. Клейн положил свободную руку ей на плечо, осуждающе глянув на Анну.

— Элисабет, ты хорошо себя чувствуешь? — спросил он. Элисабет кивнула и невнятно попросила:

— Воды.

Клейн сходил за стаканом воды и молча постоял у стола, пока Элисабет не отпила пару глотков.

— Спасибо, мне уже лучше. Садись, Клейн. На чем мы остановились, Анна?

— Ну. — Анна пыталась привести мысли в порядок. — Значит, письма, Табор, мое участие — вы просто хотели, чтобы кто-нибудь из тех троих рассказал о случившемся? Сказал правду о смерти Симона так, чтобы у Мари не возникло неприятностей?

Элисабет Видье медленно кивнула.

— Мари — моя ближайшая родственница, единственная наследница, а я не могу передать ей Энглабергу, не разобравшись с

прошлым. Вы помогли мне, Анна. Я должна сказать вам большое спасибо.

Элисабет улыбнулась, но Анне было не до смеха. Гнев пульсировал у нее в глазницах, заставлял так сильно сжимать челюсти, что зубы скрипели. Она покосилась на Клейна, встретила его взгляд. Обычное каменное лицо, но под маской клокочет тревога.

— Мы еще не закончили, — глухо сказала Анна.

— Не закончили?

— Нет. Нам еще предстоит разобраться со смертью Джо Рюландера.

— Вот как. Вы нашли что-то, что исключает самоубийство?

Задавая вопрос, Элисабет Видье явно знала ответ. У Анны не осталось никаких сомнений. Ею манипулируют.

Глава 53

Осень 2017 года

Утро субботы выдалось солнечным. Анна и Агнес тихо завтракали, причем их беседа выглядела еще более странной, чем обычно, осторожно-неестественной. Мать с дочерью словно пробирались через разговор на ощупь, чтобы наверняка не наткнуться на Хокана, расследование или газетную статью. Раньше отношения с дочерью представлялись Анне минным полем, но теперь она видела в таком определении слишком много осуждения. Сейчас они с Агнес казались Анне водомерками, виденными недавно на каменоломне. Боязливо, осторожно они движутся друг возле друга, не решаясь на сближение. Вдруг поверхность прорвется, и обеих утянет на глубину.

Вчерашние признания крутились у Анны в голове, и она даже не знала, какое из них впечатлило ее больше. Что друзья Симона избили и унизили его, что Мари Сорди во всем призналась Элисабет или что ее тетка манипулировала ею, Анной, в своих целях. Анна склонялась к последнему.

Во всяком случае, теперь ей известна правда о том, как умер Симон Видье. И все же что-то тревожило Анну, какой-то кончик мысли она никак не могла ухватить.

В понедельник утром она вызовет оставшуюся троицу на допрос и как следует поджарит ее. У них у всех была причина бояться откровений Рюландера. Кайя Бьянка точно не хотела бы, чтобы ее драгоценный бренд ославили в соцсетях. Мари и Бруно, вероятно, не имели возможности платить вымогателю. Хотя в случае Мари все не так очевидно. Она уже призналась во всем Элисабет Видье и наверняка понимала, что тетка нажмет на все рычаги, чтобы раскрыть дело, не бросив тень на Мари. К тому же Анна не могла избавиться от мысли, что помимо четверых друзей есть еще кто-то. Кто-то, кто взял на себя Рюландера, чтобы защитить их.

Зажужжал телефон. Сообщение Лизы Савич.

“Взяла напрокат велосипед, хочу сегодня съездить на каменоломню Мёркабю. Вы не знаете, где это? Тут, похоже, никто не хочет рассказывать. Заранее спасибо”.

Анну настигли угрызения совести. Она уже дважды прерывала встречи с этой приятной молодой женщиной. Анна покосилась на Агнес, которая усердно занималась своим мобильным. Наверное, ей их отношения тоже кажутся странными. Анна припомнила один прием, который однажды уже помог ей.

— Не хочешь еще раз проехаться на каменоломню? — спросила она. — Можем заглянуть на смотровую площадку на северной стороне гряды.

В машине они молчали, но уже через пять минут после того, как они забрали Лизу из “Естис”, настроение изменилось в лучшую сторону. Лиза почесала за ухом Мило, спросила Агнес насчет фотосумки, и разговор быстро вышел на Карла-Ю. Агнес охотно рассказала про фреску и силуэт Симона Видье; Лиза заинтересованно слушала. Анну восхитило умение молодой женщины задавать правильные вопросы в нужное время. Лиза Савич, похоже, была настоящей редкостью: добрым по натуре человеком.

Когда машина взбиралась по гряде, Лиза и Агнес обсуждали осенние краски на склонах. Добравшись до перекрестка с дорогой на Которп, Анна остановила машину.

— Вон там смотровая площадка, где твой папа... Где Джо... — Она заколебалась, не зная, как закончить. — Может, хочешь сначала туда? До каменоломни?

— Если это не слишком большой крюк.

— Да нет. — Анна включила передачу и стала всматриваться в проселки. На этот раз она сама нашла нужную дорогу. Из-за дождя, лившего на прошлой неделе, колдобины в узком волоке стали глубже, и на прямом участке Анна въехала в невинную с виду лужу, которая оказалась настолько глубокой, что днище с грохотом задело землю. От удара Агнес ткнулась головой в Мило.

— Потише, мам, — раздраженно сказала дочь и почесала собаку за ушами. Больше всего Анна испугалась, что повредила машину. Она покрутила руль, пару раз нажала на тормоз. К счастью, все как будто в порядке.

Вскоре они добрались до места, где полиция обнаружила “сааб” Рюландера.

Анна рассказала Лизе о машине и свела ее с Агнес вниз по склону, на смотровую площадку. Мило носился среди листвы и лаем вспугнул

белку, которая махнула вверх по стволу прямо у него перед носом, всего в паре метров.

— Это здесь, — сказала Анна, решив дальше молчать. Агнес защелкала фотоаппаратом: сначала общий вид, потом лунный пейзаж “Glarea” далеко внизу. Лиза Савич приблизилась к ржавой ограде, постояла. Ветер раздувал ее короткие светлые волосы. При виде молодой женщины, стоящей у ограды, у Анны что-то щелкнуло в голове; она уже почти ждала, что Хокан перестанет дуться и подскажет ей, какой вывод зреет у нее в голове. Но вместо голоса Хокана Анна услышала лай Мило, на этот раз собака лаяла совсем по-другому.

— Мама, — сказала Агнес, прервав ее мысли. — Там кто-то идет.

Со склона донеслись какие-то звуки, потом между деревьев показались две фигуры. Прямо к ним направлялись две крупные немецкие овчарки.

Мило злобно залаял. Кажется, он уже готов был кинуться на овчарок, но Агнес в последний момент поймала его за ошейник и подхватила на руки. Мило бешено лаял, пытаясь вырваться. Овчарки понеслись на них, нацелившись, кажется, на Мило. Анна толкнула Агнес себе за спину и сделала шаг вперед, пытаясь припомнить, как Фриберг обошелся с ротвейлером. Хвосты у бегущих собак были подняты, но явно не в знак приветствия. Мило уже не лаял, а рычал и яростно вертелся. Он молотил лапами воздух, стараясь любой ценой вырваться, чтобы защитить Агнес.

Собакам оставалось пробежать метров пять-шесть.

— Мама, — сказала Агнес.

Анна нацелилась на первую собаку; она заметила, что даже не успела испугаться. Страх пришел только теперь. Еще три метра, еще два.

Внезапно за деревьями раздался пронзительный свист. Овчарки резко остановились, повернулись и молча убежали туда, откуда примчались. Мило продолжал надрываться, пока они не исчезли из виду.

Анна, Агнес и Лиза с облегчением переглянулись. Вскоре послышался шелест листьев, и из-за деревьев вышли два человека в длинных пальто, в кепках; у каждого на поводке овчарка. Бруно и Мари Сорди. Мило снова заворчал.

— А, это вы, — сказала Мари. — Мы услышали, как что-то грохнуло. Как взрыв.

— Меня угораздило въехать в яму на волоке, — объяснила Анна.

— Ох ты. Да, здесь, на старых дорогах, приходится смотреть в оба. Папа в этом году въехал в колдобину, когда искал сбежавшую охотничью собаку, и сломал амортизатор. Пришлось его оттуда эвакуатором вытаскивать. Кстати, надеюсь, мальчики вас не очень напугали? — Она указала на собаку, сидевшую у ее левой ноги. — Сюда, наверно, редко кто забирается. Слишком холодно и ветрено для пикников.

— Ничего страшного, — заверила Анна. — Они у вас отлично выдрессированы.

— Кастор — чемпион по послушанию. Поллукс тоже.

Оба пса настороженно наблюдали за ними. Агнес так и держала Мило на руках: хвост поднят, зубы оскалены. Как только какая-нибудь из овчарок шевелилась, Мило испускал рычание.

— Это, наверное, ваша дочь. — Мари приветливо кивнула Агнес. — Какой у вас симпатичный терьер. И храбрый. Сколько ему?

— Два года, — сказал Агнес. — Его зовут Мило.

— Вы водили его в собачью школу?

— Нет. Мы с папой собирались, по... — Агнес замолчала, бросила взгляд на Анну. — Не получилось, — пробормотала она.

Мари кивнула, склонила голову к плечу.

— Я слышала про вашего папу. Очень грустная история, — сказала она, поглядывая на Анну. По ее взгляду и тону было ясно, что она намекает на газетную статью и внутреннее расследование.

— Если хотите — добро пожаловать в наш клуб служебных собак, — продолжила она. — Занятия для начинающих по понедельникам и четвергам. Инструкторы — мы с Бруно.

Агнес слегка повеселела.

— Очень интересно. Да, мам?

Анна кивнула, пытаясь представить себе, будут ли ее ждать в клубе после допроса в понедельник.

— А вы кто? — Мари повернулась к Лизе. Тон вежливо-любопытный.

— Меня зовут Лиза Савич. — Лиза, кажется, хотела протянуть руку для пожатия, но побоялась собак.

— Здравствуйте, Лиза. Меня зовут Мари Сорди, а это мой муж Бруно. Я слышала, вы не местная?

Лиза покачала головой.

— Нет, я приехала на время. Мой папа. — Молодая женщина взглянула на Анну, — скончался здесь.

— Очень печально. Примите наши соболезнования.

— Спасибо.

— Вы выяснили, что случилось с несчастным Рюландером?

Анна помедлила с ответом. Мари уже много лет ходит по канату. С одной стороны — тетья и Энглаберга, с другой — друзья, папа и Хенри Морелль. Но теперь, благодаря Анне, равновесие восстановлено.

— Пока нет, — сказала Анна. — Но мы продолжаем работать.

— Ясно. — Мари улыбнулась, стараясь выглядеть спокойной, но ей это не очень удалось.

Какое-то время они постояли, не зная, как продолжать.

— Как продвигается строительство? — спросила Анна, повернувшись к Бруно — в основном чтобы вовлечь его в разговор.

— Успешно, — слишком быстро ответил Бруно.

— Когда планируете открыться?

— Об открытии еще рано говорить. — Бруно посмотрел на жену. — Такой крупный проект... Ну, нам пора домой, да, дорогая? Дети ждут.

— Да, — сказала Мари. — Звоните, если хотите на курсы. Они начались пару недель назад, но вы еще успеете присоединиться.

Одна из овчарок пошевелилась, и Мило снова зарычал.

— Приятно было познакомиться. — Мари кивнула Лизе.

— Мари, Бруно, — сказала вдруг Лиза, словно вспомнила что-то важное.

— Да?

— Вы были на каменоломне, когда произошел несчастный случай с Симоном Видье. И видели моих маму и папу. Джо и Таню.

Бруно и Мари переглянулись.

— Да, верно, — выжидающе сказал Бруно.

— Мы как раз идем на каменоломню. — Лиза, видимо, не понимала, насколько все напряглись.

— Так? — В голосе Мари послышалась тревога.

— Я выросла не с родителями и хочу побольше узнать о них. Где они жили, с кем знались, все такое. Может, это странный вопрос, но — вы не помните, какими были Джо и Таня в тот вечер?

Мари как будто уменьшилась в размерах, взгляд заметался, лицо побелело. Бруно шагнул вперед и отмотал поводок на метр. Овчарка сделала пару шагов, и Мило снова зашелся лаем.

— Нет, не помним, — сказал Бруно. — К сожалению, нам пора. Всего хорошего, — Он взял Мари за руку и повел прочь и ее, и огромных собак.

— Иногда я слишком много болтаю, — заключила Лиза.

По дороге к каменоломне они сначала молчали, но потом Агнес и Лиза снова заговорили о фреске. Анна прикидывала, стоит ли рассказывать им о признании Алекса. Один раз она уже нарушила тайну следствия, но Элисабет Видье — истица, так что до некоторой степени это было оправдано. Анна решила пока держать информацию при себе.

Подъезжая к каменоломне, они увидели возле шлагбаума большой темный внедорожник. Анна остановилась рядом. В машине сидели два человека, но из-за тонированных стекол Анна не могла разглядеть, кто это, пока не подошла к машине и водитель не опустил окошко. За рулем сидела Кайя Бьянка.

— А-а, это вы, — сказала она. — Мы что, проезд загородили?

— Нет-нет. — Анна наклонилась, чтобы рассмотреть пассажира. Им оказался Александер Морелль.

— Мы просто сидели и разговаривали, — сказал он, словно обязан был что-то объяснять Анне. — Старые воспоминания, все такое.

— Хм. А я думала, вы не любите цепляться за прошлое, — заметила Анна Кайе.

— А я и не люблю.

Алекс и Кайя выглядели встревоженными, как будто Анна застала их за чем-то таким. Агнес и Лиза подошли и встали рядом.

— Я вас узнала, — сказала Кайя Лизе — видимо, пытаюсь сменить тему. — Мы ведь встречались раньше?

— Вряд ли. — Лиза покачала головой.

— Вы уверены? У вас знакомое лицо.

Лиза снова покачала головой.

— Я видела вас по телевизору, но мы никогда не встречались. Во всяком случае, насколько я помню.

— Надо же, как можно обознаться. Вокруг меня так много народу, что иногда голова кругом идет. — Кайя натянуто улыбнулась.

— Ездили наверх? — Анна кивнула в сторону каменоломни. Вместо ответа Кайя покосилась на Алекса.

— Нет, — сказал он. — Мы так далеко не забираемся.

— А мы как раз туда. Присоединяйтесь, если хотите. — Анна не очень понимала, зачем позвала их с собой. Так, выстрел наудачу. Однако Алекс и Кайя почти одновременно замотали головами.

— Нет, спасибо, нам, пожалуй, пора возвращаться в поселок. — Кайя завела мотор и, прежде чем поднять окошко, сказала: — Приятно было снова встретиться.

Анна смотрела на них, пока Кайя задом выводила машину на дорогу. Когда они уже уезжали, Анна встретилась глазами с Алексом, и он улыбнулся какой-то страдальческой улыбкой.

Они дошли пешком до самой каменоломни и по лесной тропинке поднялись на плато, где стояли в прошлый раз. В каменоломне было тихо и пустынно, и испытанное однажды зловещее чувство снова вернулось, повисло над черной водой.

Лиза помогла Агнес укрепить фотоаппарат на штативе у самого обрыва и, похоже, с интересом слушала объяснения Агнес, какие линзы она собирается выбрать, чтобы снимки вышли с разными эффектами.

Теперь Анна смотрела на плоскую каменную поверхность новыми глазами. Не очень большое, сорок-пятьдесят квадратных метров, плато, состоявшее из скальной породы и валунов, между которыми проросло несколько пучков травы. Кольцо из обугленных дочерна камней указывало на старое кострище; исходя из его расположения Анна попыталась высчитать примерное место, где разыгралась ссора. В каменной поверхности были два довольно больших углубления, и Анна предположила, что в одно из них Алекс ткнул Симона лицом.

Анна представила себе, как Алекс загораживает тропинку, ведущую к разворотному кругу, а Бруно и Карина “Кайя Бьянка”

Педерсен блокируют дорогу к палаткам. У Симона всего один путь для бегства. Подняться прямо в лес, как и говорил Алекс. Анна постаралась воспроизвести этот путь, но обнаружила, что проще сказать, чем сделать. Между лесом за каменоломней и “бараньим лбом”, на котором она сейчас стояла, протянулись несколько метров крутого склона, покрытого камешками и гравием; Анна смогла подняться на него далеко не с первой попытки. Ельник перед березовой рощей оказался таким густым, что Анне пришлось продирается сквозь него, нагнувшись. Она хотела свернуть направо, к воде, поискать проход или тропку, по которой выбраться было бы легче. Склон поднимался вверх, землю почти везде покрывала опавшая хвоя, кое-где торчали острые камни. Анна споткнулась об один такой камень, упала и ударилась коленом о корень. Выругалась и кое-как села. Со стороны плато доносились голоса Агнес и Лизы. Анна стала представлять себе, какие здесь звуки во время проливного дождя. Наверное, еще немного — и она полностью уйдет из пределов слышимости. Анна поднялась и попыталась обойти каменоломню с обратной стороны. Под ногами по-прежнему было ненадежно: крутой подъем, еще больше коварных камешков. Анна поняла, что у нее два пути. Либо идти дальше в ельник, чтобы избежать крутого склона и камней, либо продолжать двигаться в избранном направлении, и тогда не исключено, что ей придется одолевать кручу в отдаленной части каменоломни.

Анна выбрала кручу и какое-то время тащилась вверх, как вдруг склон пошел вниз, и Анна очутилась на небольшом открытом пространстве прямо за одним из самых высоких уступов.

На плато — чуть вбок и выше — она увидела Агнес и Лизу и помахала им, чтобы показать, что с ней все в порядке, после чего осторожно подошла к краю. Утес оказался выше, чем она думала, метров восемь или даже больше. Внизу чернела вода, но Анне бросилась в глаза слабая рябь. Внизу, прямо под поверхностью воды, скрывался скальный выступ. Если Симон двигался тем же путем, что и она, если он, оскальзываясь и спотыкаясь, спускался по склону между деревьями, под дождем и в темноте, измученный схваткой с Алексом, да еще и злой, расстроенный и униженный, пьяный и под кайфом, он вполне мог сорваться с обрыва. Разбил голову о подводный камень и всплыл так, как изображено на фреске. На спине, руки над головой.

— Да нет, ничего страшного, — произнесла Агнес внизу, на плато — видимо, отвечая на какой-то Лизин вопрос. Звонкий голос разнесся по каменоломне. Отразился от скал и превратился в печальное эхо.

— страшного...

— страшного

— ашного...

Анна взглянула на темную воду и вздрогнула.

Склон на противоположной стороне был не таким крутым, деревья росли реже, и Анне понадобилось всего пять минут, чтобы спуститься к разворотному кругу. Если сложить все — торопливо проведенное расследование, признание Алекса Морелля и ее собственные наблюдения, сделанные в лесу, — то все говорило о том, что смерть Симона — несчастный случай. Конечно, несчастным случаем, причиной которого стала жестокая ссора между теми, кто обещал друг другу быть “friends forever”. Но все-таки. Трагическое событие, возможно, связанное с преступлениями, срок давности по которым уже истек. Пусть она, Анна, довольствуется тем, что происшествие — так, как описал его Алекс — оказалось довольно серьезным. Что ссора была тайной, за которую кто-то из четверых друзей (или человек из их окружения) оказался способен убить.

Кайя Бьянка печется о своем бренде, есть еще старые слухи о смерти ее первого мужа. Бруно Сорди затеял масштабный строительный проект с весьма шатким финансированием. Мари тоже вложилась в этот проект, она член муниципального совета, и к тому же ей совсем не нужно, чтобы ее муж или отец дознались, что она сказала правду Элисабет Видье. Для Бенгта Андерсона Неданос превыше всего, а у Алекса Морелля, который, конечно, признал свой “вклад” в несчастный случай с Симоном и имеет алиби на время смерти Рюландера, — у Алекса Морелля взрывной характер, и он склонен к насилию. И, наконец (тоже важно), Хенри Морелль двадцать семь лет цеплялся за должность, чтобы печальная история никогда не выплыла на поверхность.

Анне и так есть чем заняться. Она обещала Йенсу Фрибергу сосредоточиться на смерти Джо Рюландера. И все же, когда она стояла на разворотной площадке, ей в голову пришло кое-что еще. Зацепка, которая маячила перед ней раньше, но которую Анна до сих пор не могла ухватить. Теперь Анна поняла, в чем дело. В словах, которые

она записала в блокноте во время допроса Алекса. “Велосипед Симона”.

Если Симон действительно споткнулся в темноте под дождем, упал с обрыва и разбился, то почему его велосипеда не оказалось утром у шлагбаума? Почему его не изъяли как вещественное доказательство, почему даже не упомянули в полицейском отчете?

Они пошли назад, к машине. Солнце спряталось за тучу, и настроение переменялось. Анна погружилась в собственные мысли, Агнес и Лиза молчали. Пребывание в темной маленькой каменоломне как будто заставило всех о чем-то задуматься. Агнес, судя по лицу, думала о Хокане, и Анна поймала себя на том, что уже в пятидесятый, наверное, раз пытается начать диалог с ним. Но Хокан продолжал наказывать ее сердитым молчанием.

Ладно, я знаю, что поступила неправильно, бормотала Анна про себя. Ну выругай меня, скажи опять, что я дура, которая не в состоянии сдержать собственных обещаний. Скажи что угодно, только не молчи!

Но Хокан, как и все последние дни, молчал.

Грузя в багажник аппаратуру Агнес, Анна среди запахов осени учуяла еще один — резкий, которого раньше не было. Мило, кажется, тоже — пес принюхивался, стоя против ветра. Анна решила, что это бензин — видимо, когда машина провалилась в яму на волоке, треснул бензобак. Анна нагнулась, провела рукой по траве под машиной, поднесла к носу. Ничего. Она снова принюхалась, но запах исчез.

Они залезли в машину. Лиза на этот раз села впереди, а Агнес с Мило устроились сзади.

— Ну, какие планы? — преувеличенно бодро спросила Анна, когда молчание в машине стало неловким.

— Если вы не против, я бы с удовольствием вернулась в гостиницу, — сказала Лиза. Голос у нее был усталый. — Поезд уходит рано утром, и я хотела собраться.

— Конечно, не вопрос.

Они проехали мимо Энглаберги; мелькнула сторожка Клейна. Анна снова подумала: удивительно безлика. Из сторожки убрали все, что указывало бы на то, что в ней кто-то живет. А может быть, Клейн именно этого и хочет. Может, он предпочитает монашеский образ жизни, с одной-единственной книгой на тумбочке. Книгой, которая

уже больше сорока лет дорога ему. Но “Божественная комедия” — книга не для новичков, и Клейн, судя по речи и манере держаться, человек образованный. Человек начитанный, хотя в доме нет книжных полок. Если только все не обстоит так, как она предположила: сторожка существует для отвода глаз, а на самом деле Клейн живет в Энглаберге.

Анна достала мобильный телефон и включила песню Симона Видье. Из динамиков полился мягкий голос. Дорога повернула вправо, потом извилисто пошла по крутому склону вниз.

— Красиво, — сказала Лиза о музыке, и Анна уже собралась было объяснить, кто поет, как вдруг заметила неладное. Педаль тормоза, с которой во время первого поворота все было в полном порядке, стала податливой, как губка, и как Анна ни давила на нее, скорость не снижалась. Быстро приближался следующий поворот, Анна продолжала давить на педаль, почти привстав на сиденье.

Вдруг что-то металлически звякнуло, и педаль ушла прямо в пол. От неожиданности Анна рванула руль, и машина покатила к обочине. На приборной панели загорелись все лампочки, зазвучал предупреждающий сигнал.

— Мама! — встревоженно сказала Агнес с заднего сиденья, но Анна не ответила: она пыталась удержать машину на дороге.

Ей удалось обуздать машину, когда левые колеса уже пересекали обочину. Рядом ахнула Лиза. Педаль тормоза, утопленная в пол, бездействовала. Анна переключилась на пониженную передачу; мотор сердито взревел, перекрывая сигнал с приборной панели. Анна рефлекторно пыталась нащупать за рычагом передачи ручной тормоз, но тщетно. Скорость еще возросла, крутой поворот все ближе; Анна продолжала затягивать ручной тормоз, которого не было.

— Мама! — снова сказала Агнес, на этот раз еще испуганней, и тут Анна вспомнила, что в машине есть электрический тормоз. Надо нажать кнопку, которая находится... находится... Где она, зараза, находится?

Левой рукой Анна провела по низу приборной панели. Мотор ревел все громче, скорость росла, поворот стремительно надвигался. Анна подняла глаза, встретила перепуганный взгляд Лизы.

— Мама! — кричала Агнес. — Мама, тормози!

Анна нажимала на все кнопки, какие только попадались под пальцы, но ничего не происходило. Поворот летел навстречу, Лиза ахнула. Анна обеими руками, изо всех сил вывернула руль. Завизжали покрышки, и Анна вошла в поворот, как ее много лет назад учили на курсах контраварийного вождения; она почти справилась. Думала, что справилась. Но посреди крутого поворота задние колеса потеряли сцепление с дорогой. Не успела задняя часть скользнуть вбок и потащить за собой передние колеса, как Анна уже поняла, что это конец.

— Держитесь! — крикнула она. Машину боком вынесло через обочину. По кузову прошло содрогание, рев мотора стал еще громче, и вдруг время замедлилось. Все, что было у Анны перед глазами, стало предельно отчетливым. Потрясенное лицо Лизы, приборная панель, горящая, как световой орган. Гладкий руль, прижатый к ладоням. Аварийный сигнал смешался с голосом Симона Видье, льющим из динамиков.

“.. dark and lonely waters”.

Автомобиль медленно переворачивался в воздухе, и в боковое окно Анна видела, как приближается земля. Она даже успела закрыть глаза и приготовиться к удару, прежде чем *slow-motion* сменилось удвоенной скоростью.

Агнес и Лиза кричали. Их голоса перекрывал лай Мило, который звучал больше как вой, а потом и вовсе потонул в скрежете металла и звоне стекла. Машина кувырком катилась вниз по крутому склону, верх становился низом, все было как в тумане. Они врезались в дерево, покатались в другую сторону, врезались в другое дерево.

Что-то грохнуло по крыше прямо над Анной, и она легла на коробку передач, чтобы ей не раскроило голову. Они вдруг снова стали невесомыми, и Анна заметила, как за окнами блеснуло. Машина с грохотом полетела носом вперед, и Анна тут же поняла, что это за блеск.

Проклятье, успела подумать она, прежде чем пошедшее трещинами стекло выгнулось, волна плеснула в машину, и мир превратился в темные одинокие воды.

Глава 54

Осень 2017 года

Анна очнись анна очнись анна очнись анна!

В голове зазвучал голос Хокана, и на долю секунды Анну исполнилась радости. Он снова разговаривает с ней!

В тот же миг она поняла, где оказалась вместе с Агнес и Лизой. Они в машине, полной темной ледяной воды. Анна лежала, перегнувшись через коробку передач, ее голова уже ушла под воду. Вода быстро прибывала. Анна хотела выпрямиться, но поняла, что застряла. Она забилась, желая высвободиться, и почувствовала, что что-то давит на шею и плечи. Ремень безопасности. Анна ощупала правое бедро, нашла рядом кнопку и отстегнула ремень, одновременно сильно оттолкнувшись ногами, отчего ударилась головой о продавленную крышу. В глазах полыхнула белая вспышка, и Анна снова чуть не потеряла сознание.

Агнес, закричал Хокан. ты должна спасти Агнес!

Анна пару раз крепко зажмурилась и пришла в себя, осознала, что дышит. Под крышей образовался небольшой, быстро сокращавшийся воздушный карман, и Анна смогла глубоко вдохнуть. В салоне стояла почти крошечная темнота, но Анна заметила что-то рядом с собой. Повела правой рукой и через пару секунд нащупала кнопку ремня безопасности возле пассажирского сиденья. Анна нажала на кнопку, попыталась поймать Лизу, почувствовала ее руку на своей. Вцепившись в Лизу, Анна подняла ее к воздушному карману, который еще недавно был гораздо объемнее. Лиза сначала задохнулась, потом закашлялась и тяжело выдохнула:

— Дверь. Дверь не открывается.

— Лобовое стекло, — сказала Анна. — Нырять и выбирайся через лобовое стекло. — Сама она уже пробиралась к заднему сиденью. Уперлась коленом в консоль и протиснулась между сиденьями. Вдохнула поглубже и нырнула туда, где в последний раз видела Агнес. Зашарила в темноте, наткнулась на ногу, ткнула ее кулаком.

Агнес не шевелилась. Анна снова поднялась к воздушному карману — теперь уже сантиметров двадцать-тридцать. На барабанные

перепонки давило: вода поднималась, вытесняя воздух. Анна снова нырнула. Виски успели заледенеть, пока она отчаянно шарила в поисках ремня безопасности. Как долго Агнес пробыла под водой? Не меньше минуты. Может быть, две.

Три минуты, деловито и в то же время встревоженно произнес Хокан. *У тебя есть три минуты. Не больше.*

Анна нашла ремень Агнес и нажала на кнопку, но он не отстегнулся. Анна принялась дергать и рвать его; кислорода на это ушло столько, что ей пришлось снова подняться и подышать. Воздушный карман сократился до десяти сантиметров. Анна вдохнула раз, другой, пытаясь унять сердце. Снова нырнула. Оочечневшие пальцы скользили по держателю ремня. От движений Анны машина начала крениться вперед.

Спокойно, призвал Хокан. *Постарайся сохранять спокойствие.*

Ремень вдруг поддался. Анна потянула к себе безжизненное тело Агнес. Поставила ногу на заднее сиденье, подняла Агнес к потолку. Воздуха осталось так мало, что пришлось наклонить голову вбок, чтобы дотянуться до “кармана”. Анна схватила Агнес за голову и подняла ее рот и нос над водой.

— Агнес! Очнись, Агнес!

Агнес не реагировала. Машина еще клюнула носом, и воздушный карман сместился в сторону самой высокой точки — к крыше над задним стеклом. Анна постаралась передвинуть Агнес туда, подтолкнула ее к потолку, к воздуху.

— Агнес! — снова позвала она, хлопнула дочь по лбу — безрезультатно. Анна глубоко вдохнула, прижалась ко рту Агнес и подула. В горле у Агнес забулькало. Она наглоталась воды. Возможно, вода уже в легких.

Выбирайтесь, серьезно сказал Хокан. *Сейчас же!*

Машина снова качнулась, и едва Анна успела сделать вдох, как воздушный карман исчез. Анна стояла на коленях на заднем сиденье тонущей машины. Единственный выход — спиной через лобовое стекло. Чтобы добраться до него, надо протиснуться самой и протиснуть Агнес между сиденьями, избегая при этом вдавленной крыши.

Не выйдет. Анна отпустила Агнес и нырнула к боковой дверце. Автомобиль наполнен водой, давление снаружи должно быть такое же,

как внутри, и дверь можно открыть. Во всяком случае теоретически.

Анна рванула ручку, чувствуя, как подается замок, но дверь заклинило. Легкие сжались от холода, Анна двигалась все медленнее. Она схватилась за водительское кресло и попыталась выдавить дверь ногой.

Дверь медленно, но подавалась. Перед глазамиплыли белые пятна, удары сердца отдавались в ушах.

Три минуты, повторил Хокан — голос, как во время их совместной особо серьезной тренировки. *Последний шанс, Анна, давай, черт тебя возьми!*

Анна собралась с силами; она орала прямо в воду, сантиметр за сантиметром выталкивая дверь, пока та не открылась.

Кислорода больше не осталось, белые пятна на сетчатке превратились в цветной фейерверк. И все же Анна нашла в себе силы потащить Агнес за собой прочь из машины. Оттолкнулась от кузова, и обе поплыли вверх.

Продолжай, говорил Хокан. *Плыви, у тебя получается.*

Но безжизненное тело Агнес тянуло ее вниз, Анна вот-вот потеряет сознание. И тогда ее, как Симона Видье, поглотит темная ледяная вода. Анна закрыла глаза и прижала Агнес к себе.

Вода вдруг перестала давить на голову, и они всплыли на поверхность. Анна дышала и не могла надышаться. Фейерверк прекратился, в глазах прояснилось.

До берега было метра три-четыре; Анна одной рукой гребла, а другой держала голову Агнес над водой. Лицо дочери было бледно, глаза закрыты. Кровь текла из глубокого пореза над левым глазом.

Они медленно подвигались к берегу, их подталкивала холодная вода. Анна перевернулась на спину и поплыла, удерживая голову Агнес, как ее учили на курсах спасателей. Дело пошло лучше, берег понемногу приближался. Анна кашляла, глотала речную воду, но бушевавший в крови адреналин помогал ей действовать, несмотря на холод, недостаток кислорода и усталость.

Четыре минуты, прошептал Хокан. *Выбирайтесь на берег, ты должна заставить ее дышать.*

— Анна!

Анна взглянула вверх. Лиза цеплялась одной рукой за большой камень в нескольких метрах от берега. Другая ее рука бессильно

повисла под странным углом. Вода вокруг камня заворачивалась белыми бурунами.

— Я больше не могу. Течение слишком сильное. А рука... — прокричала Лиза.

Анну не утянуло в тот же водоворот, но с каждой секундой промедления сносило все ближе к опасному месту. Она должна выбраться на берег. Должна сказать себе, что ее дочь важнее других.

Анна продолжала отталкиваться ногами, она выбивалась из сил, но продвигалась вперед. Вдруг ее протащило плечами по камням. Анна поднялась на ноги, с трудом сделала несколько шагов и оступилась. Новая попытка, потом еще одна. Наконец Анна добралась до каменистого берега. Ударилась коленями о камни на дне, вывихнула лодыжку, но ноги настолько замерзли, что она почти не почувствовала боли. Берег высился всего на полметра, но когда Анна подняла тело Агнес, подъемная сила воды перестала помогать ей, и измотанная Анна с Агнес на руках бессильно упала. Желудок сжался, струя воды обожгла глотку.

Лиза продолжала звать ее, Хокан в голове кричал, что она должна подняться на ноги, вытащить Агнес, запустить ей сердце и легкие. Анна, извиваясь, поползла вверх, но руки и ноги больше не слушались, и она рухнула навзничь рядом с Агнес. Кто-то громко, душераздирающе выл от горя и бессилия. Анна не сразу поняла, что воеет она сама.

Вдруг кто-то схватил ее за плечи и потащил на берег. Анна увидела резиновые сапоги, зеленые охотничьи штаны, а над ними — дождевик. Брур Клейн.

Клейн молча положил Анну на камни, снова быстро спустился в воду и выволок Агнес, лицо и губы которой уже побелели.

Надежда придала Анне сил. Она встала на колени и рванулась к дочери. Оттолкнула руку Клейна, указала на камень, где видела Лизу.

— Вон там. Еще одна. Скорее!

Клейн скрылся из виду. Анна зажала Агнес нос и прижалась губами к ее рту. Ощутила вкус крови и выдохнула Агнес в рот весь воздух, какой только смогла набрать в легкие. Услышала, как ужасно булькает где-то в дыхательных путях дочери. Снова вдохнула воздух ей в рот. Бульканье стало громче.

Продолжай, говорил Хокан. Не сдавайся!

Анна продолжала закачивать в дочь воздух; кислорода все меньше, поле зрения все уже. Но Анна не останавливалась. Агнес забулькала, словно полоскала горло, и изо рта у нее лавой полилась черно-зеленая вода. Анна перекатила дочь на бок и била по спине, пока извержение вулкана не закончилось.

— Агнес!

Собственный голос показался Анне далеким. Дочь не шевелилась.

— Агнес! — Поле зрения еще сузилось, она вот-вот рухнет на землю.

Анна из последних сил хлопнула дочь по спине, взяла ее голову в руки, прижалась лицом к ее лицу. Лоб стал липким от крови.

— Агнес, милая!

И тут что-то произошло. Лицо Агнес чуть дрогнуло, спазм сжал диафрагму, Агнес закашлялась. Из нее снова полилась вода, плеснула на траву, а потом бульканье и клекот заглушил один чудесный звук: Агнес сделала глубокий прерывистый вдох. Земля едва не ушла у Анны из-под ног.

Еще рано!

Анна выпрямилась, чтобы дать Агнес больше места. Дочь снова закашлялась, сделала еще один чудесный вдох.

Анна опрокинулась навзничь. Успела заметить, как мокрый до нитки Брур Клейн выбирается из реки с Лизой на руках. Анна увидела, как каменное выражение на его лице сменяется мучительной гримасой, потом его фигура куда-то уехала, и на месте Клейна вдруг оказались кроны деревьев и высокое, ясно-голубое осеннее небо.

Лезвия бритвы — красное, желтое и синее.

Анна раскинула руки, закрыла глаза. Ощутила, как приближается земля, как она почти поднимается, чтобы подхватит ее.

Пора! прошептал Хокан. *Пора!* — и Анна последовала за его голосом в милосердную темноту.

Глава 55

Осень 2017 года

Они с Хоканом снова в маленькой больничной палате. Все так же, как тогда. Спертый воздух, свет, жужжание машин, трубки и провода, которые пластиковыми червями извиваются на одеяле. Но на этот раз они с Хоканом поменялись местами. Она лежит в кровати, а он сидит на стуле.

Хокан выглядит иначе. Он и здоров, и нет.

Анна тянет к нему руку движением, требующим почти всей ее силы воли.

Хокан берет ее руку в свои ладони. Какая теплая у него кожа. Анна чувствует, как по лицу текут слезы. И хотя она какой-то частью сознания понимает, что все не так, она хочет сказать Хокану, как тоскует по нему. И как она рада его видеть.

— Ты держалась молодцом, — говорит он. — Настоящим молодцом, любимая.

Картинка меняется.

Они стоят на каменоломне, держась за руки. Ветер легко раздувает на Анне больничный халат. Высоко над ними в осеннем небе протянулся караван гусей. Гуси перекликаются жалобными голосами.

— Смотри, — говорит Хокан и указывает на плато.

Наверху стоят, опустив головы, четверо ребят. Анна узнает их по групповой фотографии.

Алекс, Карина, Мари и Бруно.

В черной воде у их ног плавает тело Симона Видье.

Ветер срывает осенние листья, гонит рябь по поверхности воды.

Где-то в отдалении звучит музыка. Чистый голос в сопровождении гитары.

“I’ll see you by the waters. The dark and lonely waters”.

Вдруг — как когда смотришь на фреску при свете дня — тело Симона исчезает, и все в старой каменоломне становится темной пустынной водой.

— Ты знаешь, что должна сделать, — шепчет Хокан.

Она слышит за спиной какие-то звуки и оборачивается. Гравий с шорохом сыплется из-под узких покрышек, коротко звенит велосипедный звонок.

Анна проснулась спокойной. В палате царил полумрак, и Анна почти сразу поняла, что не одна. Кто-то спал, сидя в угловом кресле, и на долю секунды Анна всей душой поверила, что это Хокан. Но глаза привыкли к темноте, и мозг взял верх над сердцем. В кресле сидела Лиза Савич. Левая рука девушки висела в лубке.

Анна потянулась к ручке-петле над кроватью, чтобы сесть. От этого движения кровать заскрипела, трубочки зашуршали по одеялу, и аппараты, к которым подключили Анну, тихо запищали, отчего Лиза вздрогнула.

— Ты очнулась, — сказала она и встала.

— Аг. — Связки не слушались. Анна прочистила горло и сделала еще одну попытку. — А гд-де Агнес?

Лиза подошла к кровати и взяла руку Анны в свои ладони — совсем как Хокан во сне.

— В реанимации.

Сердце у Анны беспорядочно заколотилось. Анна отняла у Лизы руку и попыталась выбраться из кровати. Какой-то аппарат тут же запищал.

— Помоги, мне надо встать. — Анна ухватила за перильца кровати, думая, как бы их опустить. Лиза попробовала со своей стороны. Перильца подались, и Анне удалось вылезти из кровати. Палата качнулась, веки налились тяжестью.

— Наверное, не стоит... — встревоженно сказала Лиза.

Дверь открылась, и вошла медсестра.

— О, вы встали. — Она мягко положила руку Анне на плечо. — Как самочувствие?

— Мне н-надо... — просипела Анна. — Д-дочь. Ре-аним-мация.

Медсестра осторожно погладила ее по плечу.

— Подождите, я привезу коляску.

В больничной кровати Агнес казалась какой-то маленькой. Ярко-розовые волосы рассыпались по подушке, белая повязка скрывала лоб, а кислородная маска — почти все остальное лицо.

Глаза дочери были закрыты, руки — ни теплые, ни холодные.

— Мы продержим ее под снотворным до завтрашнего вечера как минимум. — И врач стала рассказывать дальше — о сотрясении мозга, кислородном голодании, воде в легких. Анна изо всех сил пыталась слушать слова и все же не очень их понимала. Она видела только, что Агнес лежит в такой же кровати, в какой умер Хокан, и больше всего ей хотелось вскочить и выхватить дочь из этой кровати. Увезти ее домой.

Ты не виновата, сказал Хокан. Ты же сама знаешь — ты не виновата.

Анна не ответила ему. Она нагнулась и прижалась лбом к руке дочери, прижалась как можно крепче, вдохнула ее запах, как когда Агнес была маленькой и ей снились страшные сны.

— Я здесь, моя хорошая, — пробормотала она. — Мама с тобой. Все будет хорошо.

Анна услышала, как врач и медсестра закрыли за собой дверь. Посидела, уткнувшись лбом в руку дочери и плавая между сном и бодрствованием. В последний миг Анне показалось, что они в комнате не одни. Рядом с ней, положив ей руку на плечо, стоял Хокан. Другую руку он положил на плечо Агнес.

Проснувшись Анна уже в своей палате. Ей смутно помнилось, как врачу удалось уговорить ее отдохнуть. В углу стоял большой букет цветов — наверное, принесли, пока она спала. Анне показалось, что она, несмотря на расстояние, различила на карточке подпись Просто-Лассе.

Сил у нее не осталось ни капли. Мышцы болели так, будто Анна отработала десять тяжелейших тренировок подряд. Анна не сумела открыть йогурт, который ей принесли на завтрак, и пришлось просить помощи у медсестры. Когда она доела, к ней заглянул другой врач. Полистав бумаги, он объяснил, что у нее шок, она вся в ушибах и нахлебалась речной воды, но чудом избежала серьезных травм. Ей можно будет уехать домой, как только она придет в норму.

После ухода врача Анна стала вспоминать, как развивались события. Отказавшие тормоза, занос на крутом повороте. Вот машина, переворачиваясь, падает с кручи в реку. Врач, истинный профессионал, ничего такого не сказал, но все могло бы кончиться гораздо хуже. Если бы они влетели в толстый ствол или если бы машина упала в реку на

крышу, никто из них не выжил бы. Эта мысль почти парализовала Анну.

В дверь тихонько стукнули, и Анна подняла глаза.

Полицейская форма, как всегда, сидела на Фриберге безупречно.

— Ты как? — спросил Йенс — видно было, что он и правда встревожен.

— Меня как асфальтовый каток переехал.

— А дочь?

— Сотрясение мозга. До завтрашнего вечера будет под снотворным.

Йенс коротко кивнул, воздержавшись от слов о том, как все это, должно быть, ужасно. Еще одно очко в его пользу.

— Ты помнишь, что случилось? — спросил он и достал блокнот. Значит, он пришел по службе, а не как друг. Анна быстро стерла очко, которое только что приписала ему, а потом еще пару, просто из мелочности.

— Тормоза отказали, — коротко сказала она. — Часа за два до этого я въехала в колдобину на волоке. К тому же, когда мы садились в машину, ехать обратно в Неданос, мне показалось, что там странно пахнет. Наверное, я пробила тормозную трубку, и жидкость вытекла.

Фриберг записал ее слова, но Анна заметила, что он хмурится.

— Что? — спросила она.

— Разве аварийная лампочка не горела?

— Нет, пока не выяснилось, что тормоз не работает. Но тогда уже вся приборная панель мигала.

— Ладно. — Фриберг еще что-то записал, посидел молча, а потом задал последний вопрос:

— Ты не знаешь никого, кто хотел бы тебе навредить?

Когда Фриберг ушел, Анна попросилась в душ, смыть с себя речную воду. Она долго стояла под горячими струями, пытаясь осмыслить намек Фриберга.

Их машина оставалась без присмотра у шлагбаума чуть больше часа. За это время человек, имеющий соответствующие знания и инструменты, вполне может вывести тормоза из строя. Кто в таком случае возможные преступники? Лиза сказала Бруно и Мари, куда они направляются. А возле шлагбаума они еще поговорили с Кайей и

Алексом. Значит, и мотив, и возможность имелись как минимум у четырех человек.

Пока Анна была в душе, медсестра приготовила ее одежду. Чистая и сухая, она все еще пахла речной водой. Но в своем намного лучше, чем в больничном халате. Анна переделалась и зашла к Лизе, в соседнюю палату.

Лиза, держа в здоровой руке пульт, вяло переключала каналы висевшего в углу телевизора. Когда вошла Анна, она оживилась

— Привет! Я заглядывала к тебе, но ты спала. Как ты? Как Агнес?

Анна пересказала слова врача и объяснила, что идет к Агнес. Хочет быть рядом, когда ее будут выводить из сна.

— А ты как?

— Ключицу сломала. И трещины в ребрах, — сказала Лиза. — А в остальном нормально.

Они помолчали. Анна чувствовала, что должна как-то объяснить то, что случилось в реке.

— Ну... Я правда хотела помочь тебе, но у меня на руках была Агнес. Без сознания.

Она сделала виноватый жест, но Лиза отмахнулась.

— Ну что ты! К тому же ты отстегнула меня в машине. Если бы не отстегнула, я бы тут сейчас не сидела. Тебе правда не за что извиняться.

Лиза немного распрямилась.

— Иди к Агнес. Если с ней все в порядке, я тоже потом загляну, ладно?

— Обязательно. — Анна улыбнулась, отмечая, что Лиза все больше нравится ей.

В коридоре она чуть не столкнулась с Бенгтом Андерсоном. В одной руке у него был большой, красиво завернутый букет. Завидев Анну, Андерсон просиял на два оттенка ярче.

— Анна! Как я рад, что вы уже на ногах. Можете себе представить, как мы все волновались.

Он вручил ей цветы, и Анна буркнула “спасибо”. Интересно, кто эти “мы”.

— У нас есть пара минут, поговорить с глазу на глаз? — спросил он уже тише.

Анна взглянула на часы. Больше всего ей хотелось зайти к Агнес, но интересно же, что скажет Бенгт. Анна увела его к себе в палату. Пока она ставила цветы в вазу, найденную в шкафчике, Бенгт устроился в кресле.

— Какая жуткая авария. Я поговорил с реанимацией. Мы с Йорансоном, заотделением, знаем друг друга по “Ротари”.

— Понятно, — резко ответила Анна. Она уже хотела было спросить, как членство в клубе соотносится с врачебной тайной, но он остановил ее взмахом руки.

— Конечно, подробностей он мне не сообщал. Я просто убедился, что за Агнес ухаживают по высшему разряду, так что будьте спокойны. Она в надежных руках.

— Я рада.

— Так вот. — Улыбка Андерсона стала шире. — Как вам известно, я председатель правления “Glarea”. Вся эта история с прыгуном... Рюдель или как его там... — Андерсон небрежным жестом дал понять, что не помнит ни имени Джо Рюландера, ни кто он вообще такой, но он настолько очевидно лгал, что Анне даже не пришлось особенно напрягаться, чтобы разоблачить его. — Печальная история. И для “Glarea”, и для муниципалитета Неданос, верно?

— Не говоря уж о близких Рюландера, — съязвила Анна.

— Да-да, верно, — пробормотал Андерсон. — Но, насколько я понял, Рюландер был не из тех, кто склонен к близким отношениям. Алименты на детей он не платил, да и старшая дочь его едва знала?

— Для кого-то он что-то значил, — заметила Анна.

— В смысле?

— Рюландер. Он значил что-то для кого-то. Как все мы.

Бенгт Андерсон пожал плечами, словно не мог взять в толк, о чем это она.

— Как бы то ни было, — продолжил он, — вы занимались расследованием почти две недели, и, по-моему, ничто не указывает, что его смерть не была трагическим самоубийством, верно?

Анна не стала спорить. Она только отметила про себя, что Бенгт Андерсон осведомлен на удивление хорошо. Не стоило ему делать вид, что он не помнит имени Рюландера.

— Конечно, это ваше расследование, и дилетант вроде меня далек от того, чтобы пытаться повлиять на следствие. — Он снова вскинул

руки.

Но, подумала Анна. Потому что там точно есть какое-то “но”.

— Но я со всем смирением задаю вопрос: нельзя ли закончить эту неприятную историю так, чтобы не привлекать к ней ненужного внимания? Очень многие и в коммуне, и за ее пределами были бы весьма признательны.

Улыбка, в равной степени заискивающая и преувеличенная.

— Мы много работали, чтобы Неданос приобрел добрую репутацию, и я горжусь, что у нас это получилось. В следующем году, как вам известно, у нас пойдут поезда дальнего следования, с ними появятся новые предприятия, новые возможности. Люди поедут в Неданос, а не из него, цены на недвижимость вырастут. Ключевые факторы — хорошие школы и низкий уровень преступности, а вся эта история с... — Андерсон помолчал, делая вид, что вспоминает имя, — Рюландером, может репутацию испортить, что совершенно нежелательно. Простите, если прозвучит грубо, но допустить, чтобы человек вроде него разрушил то, что другие создали годами, кажется мне, мягко говоря, нелепым.

Бенгт подождал ответа, но Анна решила молчать.

— Я знаю, что вы с Хенри Мореллем не очень ладили, — ровным голосом продолжил он. — Лично мне это кажется весьма прискорбным. Вы полицейский с хорошим послужным списком, и, несмотря на печальную историю, о которой писали в газете, нам очень хотелось бы, чтоб вы остались у нас, в Неданосе.

Андерсон по-прежнему льстиво улыбался, но взгляд стал резким.

— Но вам понадобятся верные друзья. Люди, которые станут хорошо отзываться о вас и с которыми вы сможете работать.

Анна старалась держаться спокойно, пыталась не замечать скрытую и в то же время очевидную угрозу в его словах.

— Мари, Бруно, Алекс и Карина избили Симона Видье в ночь, когда он умер, — сосредоточенно сказала она. — Джо Рюландер пытался их шантажировать. Про это Морелль упомянул?

Улыбка Андерсона увяла.

— Да, я что-то такое слышал.

— Тогда вы, наверное, понимаете, что я не могу закрыть расследование. — Анна несколько секунд смотрела ему в глаза. У

Андерсона над переносицей и глазами залегло то же тяжелое выражение, что и у дочери.

— Не можете или не хотите? — спросил он.

— А какая разница?

Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Ну что ж, — сказал вдруг Андерсон и поднялся. — Не буду больше мешать. — Он протянул руку, и Анна нехотя пожала ее. — Вы, наверное, хотите к Агнес, да мне и самому надо сделать пару звонков.

Проводив Андерсона, Анна подошла к окну. Из ее палаты был виден главный больничный вход; на месте, отведенном для автомобиля скорой помощи, стояла хорошо знакомая синяя “вольво”. Когда Андерсон показался на улице, дверца машины открылась, и вышел Хенри Морелль. Они с Андерсоном что-то коротко, но бурно обсудили, после чего обернулись и посмотрели на окна ее палаты. Анна была почти уверена: оба при этом улыбались.

Агнес все еще крепко спала. Анна какое-то время посидела с ней, держа ее за руку и поглаживая по щеке; она изо всех сил старалась не расплакаться. Через полчаса в палату заглянула врач — та же женщина, с которой Анна разговаривала ночью.

— Мы с коллегами посоветовались и решили, что все как будто в порядке. Снотворное отменяем. Это означает, что она начнет просыпаться где-то через полчаса.

— Прекрасно. — Анна посмотрела на часы. — Простите, могу я позаимствовать телефон?

Собственный мобильник Анны покоился на дне реки, вместе с машиной, и чтобы узнать телефон адвоката, пришлось звонить в справочную службу. Адвокат, несмотря на воскресный день, ответил после двух гудков. Идея позвонить адвокату пришла Анне в голову по наитию, после того как она увидела, как Бенгт Андерсон и Хенри Морелль о чем-то сговариваются.

— Как хорошо, Анна. Я только что звонил, но у вас телефон выключен.

У Анны не было сил объяснять, что произошло. Она просто ждала, когда адвокат перейдет к делу.

— Только что проявился один из парней Сантесона. На кнопках инфузионного насоса нашли ДНК. Очень небольшой объем, но достаточный, чтобы на следующей неделе установить, есть совпадения или нет.

— Ясно. — Анна почувствовала, как те крохи энергии, которые ей удалось наскрести, высыпаются из нее. Вот, значит, о чем говорили, улыбаясь, Андерсон и Морелль. — А зачем они нам об этом рассказывают?

— Я думаю, тактический прием. ДНК может быть слишком мало, чтобы составить профиль. И Сантесон продумывает план “Б”. Во всяком случае, его предложение смягчить обвинительную статью в обмен на признание в силе до конца дня. Подумайте и, если вы хотите, чтобы я работал в этом направлении дальше, перезвоните самое позднее в шесть, ладно?

Анна нажала “отбой”, закрыла лицо руками и нагнулась, свесив голову к полу. Еще и это. Нет, только не сейчас.

Анна снова ушла к Агнес и села рядом, держа ее за руку. Без кислородной маски дочь выглядела не такой больной — как будто она просто спит. Прошло уже полчаса с тех пор, как врач выключила инфузионный насос со снотворным и выкатила его из палаты. По иронии судьбы, это был точно такой же аппарат, какой занес над ее головой главный прокурор Сантесон.

Веки Агнес дрогнули. Ладонь сжала руку Анны. Анна сжала руку дочери в ответ и забыла обо всем.

Агнес дернула ротом и медленно открыла глаза. Взгляд был мутным; казалось, ей трудно сфокусироваться.

— Агнес, — шепнула Анна. — Агнес, моя хорошая, ты меня слышишь?

Пустой мутный взгляд.

Вода. Сколько времени Агнес пробыла без кислорода? Что стало с ее прекрасным, таким уязвимым мозгом?

— Агнес, — снова шепнула она, и горло сжалось.

Агнес закрыла глаза и как будто снова заснула. Анна повернулась к врачу, которая вернулась в палату.

— Я должна осмотреть ее, — тихо сказала врач. — Пробуждение может занять больше времени, чем...

— Мама.

Анна обернулась. Агнес открыла глаза. Взгляд прояснился.

— Я хочу пить, — тоненько сказала дочь.

И плотина вдруг прорвалась.

Врач констатировала, что Агнес, учитывая обстоятельства, чувствует себя неплохо, и они молча посидели, пока Анна собиралась с духом. Свет на потолке был выключен, жалюзи наполовину опущены, и в палате стоял мягкий полумрак.

— Я кое-что должна тебе рассказать, — начала Анна. — Должна была рассказать давным-давно. Про папу.

Агнес выпрямилась.

— О настоящей причине нашего переезда сюда, — продолжила Анна. — Или, если хочешь, — нашего бегства.

Анна глубоко вдохнула и начала рассказ. Она говорила медленно, то и дело набирая в грудь воздуха; она почти не заикалась, пробираясь через их историю, хотя никогда в жизни ей еще не было так трудно. Она начала с того, как они с Хоканом познакомились в Полицейской академии, объяснила, почему они развелись. А потом рассказала, как он умер. Не забыла ни одной болезненной мелочи, ничего не упустила, хотя слезы лились ручьем.

Потом она сидела на кровати Агнес, положив голову дочери себе на колени. Анна гладила ее по лбу, пока та не заснула, совсем как в детстве.

Маленькая моя, думала Анна.

Наша маленькая.

Она услышала, как в палату вошел Хокан. Угадала его присутствие — серая фигура у стены в полутьме. Он больше не сидит у нее в голове, он свободен.

Ты все сделала правильно, дорогая, прошептал он.

Голос у него был ласковый и грустный. Анна понимала почему. Его печаль выросла из настоящей причины, по которой Анна так долго тянула с рассказом. Хокан подошел и встал рядом с ней.

— Тебе правда пора? — спросила — или подумала — Анна. — Ты не можешь остаться? Хоть ненадолго?

Хокан не ответил, только безрадостно улыбнулся. Может, еще попросить его остаться? Объяснить, как он нужен и ей, и Агнес. Но

Анна понимала: просить бессмысленно.

Мне пора, прошептал Хокан и погладил ее по щеке. *Прощай, моя любимая Анна. Все будет хорошо.*

Они вместе отсчитывают кнопки, как в первый раз.

Три, три, семь, пять, девять, два.

Ввод.

И он уходит, с коротким вздохом облегчения.

Глава 56

Осень 2017 года

После того как Агнес перевели в обычную палату, Анна без особой охоты решила съездить в Табор. Надо было поесть, переодеться, к тому же наметилось дело поважнее. Мило. Агнес спросила ее о собаке, и Анна — какая глупость — позволила материнскому рефлексу одержать верх. Анна сказала, что с Мило все в порядке. Белая ложь. Очнуться от долгого обморока после опасной автоаварии и в тот же день узнать правду о смерти отца — шестнадцатилетнему человеку такого более чем достаточно.

В последний раз Анна видела Мило с Агнес на заднем сиденье и была уверена, что, когда машина, кувыркаясь, скатывалась по склону, собака от удара потеряла сознание, а потом вместе со всеми угодила на дно реки. Машину должны достать только в конце недели, так что можно, конечно, надеяться, что Мило сумел выбраться, а потом пробежал чуть меньше мили до Табора и нашел дорогу домой, но Анне так и не удалось убедить себя, что такое возможно.

Анна забрала свою непросохшую еще куртку из палаты, заплатила двести крон, в которые обошлась ей неотложная помощь, и, уходя, заглянула к Лизе. Та, кажется, искренне обрадовалась известиям об Агнес.

— Я останусь здесь до завтра, — сказала она. — Загляну к Агнес утром, ладно?

— Конечно!

— Кстати, как ее собачка?

Анна выдавила улыбку.

— Надеюсь, все-таки неплохо. Поеду домой, поищу его.

В регистратуре Анна хотела вызвать такси, но ей сказали, что такси уже стоит в отделении неотложной помощи, и она пошла туда. Тело все еще плохо слушалось, мышцы болели, и двигалась она медленно и скованно. Анна отыскала такси и тут же заметила знакомый грузовик с польскими номерами, который заворачивал к месту высадки. Из грузовика вылезли двое мужчин, и Анна сразу их

узнала. Двое поляков из Энглаберги, которые помогали им с Агнес во время переезда. У одного из них на голени была широкая окровавленная повязка. Он оперся на товарища и, хромя, двинулся к входу в отделение скорой помощи. Грузовик остался стоять в зоне посадки. Водителя Анна тоже узнала. Он кивнул ей и опустил окошко.

— What happened^[27]? — спросила Анна

— Accident^[28].

— Where^[29]?

— In forest^[30]. — Водитель как будто хотел сказать что-то еще, но тут его здоровый соотечественник вышел из дверей больницы и прокричал что-то по-польски, отчего водитель завел грузовик.

— Sorry, — извинился он и поднял окно.

Дорога домой заняла сорок пять минут, и на последнем отрезке Анне пришлось показывать таксисту, куда ехать. Проезжая поворот на склоне, где Анна потеряла управление, она заставила себя закрыть глаза. Не хотелось видеть, насколько они были близки к смерти.

Когда они въехали во двор, Табор молчал. Горел только фонарь над дверью, и Анна наклонилась между сиденьями, чтобы рассмотреть, не сидит ли на крыльце белая фигурка. Крыльцо было пустым, и у Анны сдавило в груди.

Такси уехало. Анна зажгла в доме весь свет и снова вышла на крыльцо.

— Мило! Ми-и-и-ло-о-о!

В ответ только ветер шумел в деревьях.

Анна оставила входную дверь открытой на случай, если пес появится. Потом нашла беспроводной телефон и после пары попыток вспомнила пин-код. Теперь она сможет проверить голосовую почту на своем мобильном.

Сообщение от адвоката она удалила. Следующее сообщение ее слегка удивило.

“Привет, это Алекс... Морелль”. Голос звучал неуверенно. “Просто хочу спросить, как ты там. Я думал о том, что ты сказала. Про мальчика, которым я был, и мужчину, которым я стал. Не знаю, когда закончилась моя жизнь, но я собираюсь вернуть ее себе. Чего бы мне это ни стоило.”

Кажется, дальше он забыл, что хотел сказать, или просто передумал. Сообщение резко обрывалось.

Анна дождалась третьего сообщения и сразу узнала скрипучий голос полицеймейстера. Он начал с соболезнований по поводу аварии и выражения радости и облегчения по поводу того, что все они спаслись, однако Анна сразу поняла, зачем он звонил. Грудь сдавило еще сильнее.

“Решил перевести вас на новую должность в Мальмё, в мой офис. Здесь ваши навыки найдут лучшее применение. Карьерный рост, зарплата повыше.”

Полицеймейстер преподносил перемены как повышение по службе. Как шаг вверх по карьерной лестнице. Он даже подчеркнул, что твердо верит в нее; полицеймейстер завершал свою речь тем, что сейчас для нее самое важное — оправиться после аварии и сосредоточиться на семье. Анна прекрасно поняла, что произошло, стоило ей только уточнить время. Сообщение от полицеймейстера записано всего через два часа после ее разговора с Бенгтом Андерсоном. Автоавария стала последней каплей. Начальник полиции уступил давлению Бенгта и его высокопоставленных друзей, во главе которых, вероятно, стояла бойкая губернаторша.

Несколько часов бумажной работы — и Анне изобрели подходящую должность, где она сможет досидеть до увольнения. Потому что, как бы полицеймейстер ни уверял ее в обратном, произошло именно это. Мужики победили, ее увольняют с должности. Анне стало трудно дышать. Воздух на кухне стал густым, легкие сжались.

Анна снова вышла на крыльцо, оставив дверь в пустой дом открытой. Села и стала дышать холодным осенним воздухом.

Мило так и не вернулся. Завтра придется сказать Агнес, что собака, которую подарил ей отец, которая была последним звеном, связывающим их с Хоканом, вероятно, погибла. Тяжкий ком поднялся из груди к горлу, и Анна вдруг зарыдала. До этого они с Агнес плакали вместе, но так Анна еще никогда не рыдала. Она уперлась локтями в колени, уронила голову на руки; она плакала так, что не хватало воздуха. Ей хотелось, чтобы Хокан остался у нее в голове, чтобы он утешил ее, сказал, что все будет хорошо. Сказал, что и с этими бедами

она справится. Но Хокан покинул ее, покинул их с Агнес и никогда больше не вернется. Совсем как Мило.

Анна плакала несколько минут, пока не полегчало. Что-то холодное коснулось ее руки. Анна провела тыльной стороной ладони по глазам, подняла голову.

Мило смотрел на нее так, будто рад ее видеть, но не очень хочет в этом признаваться. Анна схватила его за ошейник, притянула глупого пса к себе, обняла что есть сил. Мило не сопротивлялся, он принялся облизывать ей щеки.

Гравий хрустнул под чьими-то шагами. Анна подняла глаза. Через двор медленно шел Матс Андерсон.

— А, вы снова дома, — констатировал он, бросая взгляд в сторону кухни.

— Только я. Агнес еще несколько дней побудет в больнице.

— Ясно. — Он разочарованно улыбнулся. — И как она?

— Неплохо, учитывая обстоятельства.

Матс кивнул.

— Тетя рассказала мне про аварию, я съездил туда. Полиция везде растянула такие сине-белые ленты. Он прибежал, когда я там стоял. — Матс указал на Мило, который так и сидел у Анны на руках. — Мокрый, замерзший, голодный был, поэтому я забрал его в Энглабергу, вымыл, покормил.

— Спасибо. Агнес обрадуется. Я... — Анна кашлянула, — мы боялись, что Мило остался в машине. В реке.

Матс покачал головой.

— Вот уж нет. Он у вас бобик крутой.

— Может, зайдете? — спросила Анна. — Мне, правда, предложить нечего.

Матс опять покачал головой.

— Нет, мне домой пора. Надо кое-чем заняться. — Он нагнулся и громадной ручищей потрепал Мило за ушами, повернулся и зашагал прочь. Мило заскулил, вывернулся у Анны из рук и побежал за ним.

— Матс, постойте! — Анна встала и махнула Матсу, подзывая его к крыльцу. — Хотите завтра навестить Агнес в больнице?

Заросшее бородой лицо просияло.

— А можно?

Анна кивнула и развила мысль.

— Я бы даже попросила вас отвезти туда Мило. Наверное, это не совсем по правилам больницы, но Агнес ужасно обрадуется.

Матс улыбнулся еще шире.

— Не вопрос. Я его посажу под плащ.

Он подмигнул Анне и расстегнул куртку, показывая, как понесет собаку.

— Ну, договорились. Посещения начинаются в девять. Агнес в отделении номер девятнадцать, четвертая палата.

Матс кивнул, довольный, почти счастливый. Сама Анна тоже приободрилась. Как будто маленькая собачка и большой мужчина придали ей сил.

— Спасибо, Матс.

Матс медленно пожал ей руку лапой вдвое больше, чем ее ладонь, и все с тем же счастливым видом взглянул на окно зала для проповедей.

— Кстати, не думайте, что у вас совесть нечиста из-за того, что вы не сказали Элисабет про каменоломню. Мари ей все равно все рассказала.

Гигант замер, словно не очень понимал, что она имеет в виду.

— Тетя знает про ссору, — пояснила Анна. — Мари ей все рассказала, когда умерла ваша мать. Вот почему Элисабет не сердится на нее.

Матс неуверенно улыбнулся.

— То, что вы промолчали, не имеет никакого значения, — заключила Анна.

Матс кивнул и немного повеселел.

— Кстати, вы не помните — может, после ссоры еще что-то было? — спросила она, в основном по старой привычке. Матс медленно покачал головой.

— Нет. Когда пошел дождь, я уехал домой.

— И как вы добрались до дома? — У Анны из головы не шел велосипед Симона.

— На мопеде, — сказал Матс, уничтожив последние надежды Анны на разгадку тайны. — Лил дождь, я никак не мог найти его в темноте.

Он выговорил “его” как “иво”.

— По дороге домой на повороте мне навстречу выскочила машина, и я упал, я уж говорил. У меня шрам остался. — Он похлопал себя по ноге. — Тут люди ездят, как психи, вы, наверное, заметили.

Он почесал шею и с облегчением улыбнулся, словно до него наконец дошел смысл сказанного Анной.

— Спасибо, что про Мари выложили. Меня эта история долго грызла, но я не решался говорить.

— Это вам спасибо, Матс. Вы же спасли Мило. Вы сегодня герой.

Великан улыбнулся еще шире. Кивнул на прощанье, повернулся и зашагал в лес. Мило вертелся у него под ногами.

— Дурная ты собака, — проворчала Анна и поняла, что улыбается.

Глава 57

Осень 2017 года

Утром она для начала позвонила в страховую компанию и выяснила практические детали, связанные с аварией. Потом на такси добралась до автопроката на окраине Хельсингборга, арендовала машину и отправилась в больницу. В палате дочери ее ждало неожиданное зрелище.

Агнес сидела в кровати с взволнованным Мило на руках; пес вылизывал ей лицо, куда только мог дотянуться. Великан Матс стоял у стены, обхватив себя руками. На столике рядом с ним лежал букет — наверное, дорогой. Картинка составила полностью, лишь когда Анна увидела в палате еще двух посетителей. В кресле для посетителей сидела Элисабет Видье, рядом стоял Брур Клейн.

— Привет, мам!

Анна уже несколько лет не слышала в голосе Агнес такой радости. Все мрачные мысли о полицеймейстере, должности и прочих мелочах сразу рассеялись.

— Смотри, какие чудесные цветы мне принесли тетя Элисабет и Клейн!

Похоже, Агнес нравилось быть в центре всеобщего внимания, и в этом Анна ей позавидовала.

— Очень красивые, — согласилась Анна. Наклоняясь, чтобы поцеловать Агнес в щеку, она ждала, что Мило, как всегда, зарычит. Но пес просто смотрел на нее, склонив голову набок, и даже помахивал хвостом.

Анна уже собралась сказать спасибо Клейну, когда Лиза Савич сунула голову в дверь. Рука все еще висела на перевязи, но выглядела Лиза гораздо бодрее, чем вчера.

— Привет, Лиза! — обрадовалась Агнес. Она явно становилась тем счастливее, чем больше народу заходило ее проведать.

— Привет! Ох, сколько тут гостей. — Лиза с улыбкой кивнула Элисабет Видье и перевела взгляд на Клейна. Лицо у нее посерьезнело.

— Это вы вытащили меня из воды.

Клейн утвердительно кивнул. Лиза здоровой рукой обхватила его за шею и крепко обняла. На каменном лице Клейна не дрогнул ни единый мускул, только угол рта еле заметно дернулся и в глазах что-то блеснуло. Через пару секунд он совладал с собой — Лиза еще не успела опустить руку.

— И меня тоже, — сказала Анна. — Если бы не вы...

Клейн коротко кивнул и сжал рот, почти как Элисабет Видье.

— Я ехал из поселка, — пояснил он. — Увидел следы заноса на дороге и тучу пыли за деревьями. Решил — что-то стряслось. Любой на моем месте так бы поступил.

— Не скромничай, — сказала Элисабет и погладила Клейна по руке. — Принимай заслуженную похвалу с удовольствием.

Клейн смущенно затоптался, и каменное лицо слегка покраснело. Анна не поняла, в чем причина: в жесте или ситуации в целом. Неужели у Клейна и Элисабет и правда тайные отношения? Во всяком случае, Анна все больше подозревала, что так и есть.

— Вы, наверное, его жена. — Лиза протянула руку Элисабет Видье.

— Нет, — ответила старуха. Они немного неловко пожали друг другу руки. — Мы с Клейном просто старые друзья. Или, скажем так, спутники жизни. Два человека, которые разделили одну судьбу... — Она снова с нежностью погладила Клейна по руке. Анна продолжала изучать их, пытаясь решить, не игра ли это.

— У вас знакомое лицо, — с обычной прямоотой сказала Элисабет Лизе. — Но, судя по выговору, вы не местная.

Лиза покачала головой.

— Нет, я приехала на время.

— Ах вон что. Память у меня уже не та, что раньше. А что у вас с рукой? — Она указала на перевязь.

— Ключица сломана. Но могло быть и хуже.

Анна только теперь заметила, насколько усталой выглядит Элисабет. Лицо бледнее, чем при их последней встрече, сквозь прозрачную кожу кое-где просвечивают вены. Анна все еще злилась на Элисабет, но сейчас давать волю этому чувству было сложно.

— Ну, не буду мешать, — сказала Лиза. — Агнес, если ты не против, я зайду попозже.

Агнес кивнула. Лиза взглянула на Клейна.

— Спасибо еще раз, — сказала она и вышла.

С уходом Лизы в переполненной палате стало странно пусто, и Анна предприняла попытку завести светскую беседу. Она поблагодарила Элисабет за заботу и красивые цветы; та в ответ, как и ожидалось, лишь поджала губы и махнула рукой. Агнес быстро разобралась во всеобщем настроении и стала нахваливать Матса: у Мило такая красивая шерстка, каким шампунем он мыл собаку? Ее болтовня на какое-то время заполнила пустоту. Клейн, как обычно, молчал и не участвовал в разговоре.

Вскоре Элисабет с усилием встала и знаком попросила Анну выйти с ней в коридор. Клейн, видимо, хотел пойти с ней, но Элисабет отмахнулась.

— Мне очень жаль, что у нас с вами все так получилось, — заговорила Элисабет, когда они с Анной остались один на один. — Мы с Клейном поговорили, и я теперь понимаю, что выставила себя... — Она искала подходящее слово. — Черствой. Я совсем не к этому стремилась. Надеюсь, вы меня простите. Вы невероятно помогли, Анна, мы так вам благодарны.

Анна не ответила, и Элисабет, помолчав, с немного смущенным видом продолжила:

— Мы с Клейном сейчас собираемся к Карлу-Юхану. Отсюда до его пансионата на машине минут пятнадцать. Я была бы рада, если бы вы поехали с нами.

Анна устроилась на заднем сиденье чистого старенького пикапа Клейна. Матс предложил побыть с Агнес; оставив дочь с ним и Мило, Анна решила, что у нее нет причин отказываться от предложенной экскурсии. Она интересовалась Карлом-Ю с детства, к тому же ей хотелось получше изучить Клейна и Элисабет, когда они будут вместе. Анна не думала, что их связь имеет какое-то отношение к событиям, просто ее будоражила мысль об их тайной связи. Возможно, этот секрет даже старше трагической судьбы Симона, которая так и осталась нераскрытой.

Клейн, как большинство мужчин старше семидесяти, ехал слишком медленно. Они с Элисабет не проронили ни слова, и хотя обычно Анна ничего не имела против тишины, она все же нарушила молчание.

— Я вчера встретила поляков у отделения скорой помощи, — начала она. — С одним из них, похоже, произошел несчастный случай в лесу?

Клейн переглянулся с Элисабет и с явной неохотой ответил:

— Какой там несчастный случай. Павел угодил в один из капканов Матса. Матс знает, что капканы ставить нельзя, но он вбил себе в голову, что должен поймать волка. Не слушает...

Элисабет Видье осторожно похлопала Клейна по ноге, отчего тот замолчал. Жест был настолько интимным, что у Анны брови поехали вверх.

— Ну, мы на месте, — сказала Элисабет. — Можешь поставить машину вон там.

Пансионат окружали высокие деревья и зеленые лужайки. Медсестра проводила их в общую комнату; о Карле-Юхане она говорила с какой-то нежностью в голосе. Панорамные окна выходили на парк, где двое садовников в желтых куртках сгребали листья. Работа продвигалась медленно, парк был большой, а листьев так много, что задача казалась непосильной.

Карл-Юхан спиной к ним сидел в кресле, с пледом на коленях, словно наблюдая за садовниками. Анна и Клейн замешкались, но Элисабет подошла к нему и поцеловала в щеку. Карл-Юхан вздрогнул и взял ее за руку, будто обрадовался. Элисабет обменялась с ним парой слов и взмахом руки подозвала Анну.

— Это Анна Веспер, я тебе о ней говорила. Они с дочерью переехали в Табор. Должна тебе сказать, что Анна очень нам помогла.

Карлу-Юхану было сильно за семьдесят, но волосы еще были светлыми, а не седыми, а лицо на удивление гладким. Дружелюбное выражение, мягкая улыбка. Глаза скрыты темными очками.

— Анна... — Он пожал ей руку, и Анне показалось, что он повторяет ее имя про себя.

— Когда я была маленькой, у нас дома висела ваша литография, — сказала Анна. — Она мне очень нравилась.

Карл-Юхан кивнул, но что-то в его лице подсказало Анне, что он едва ли понимает, кто она и что тут делает. Анна все же пустилась рассказывать, что было на той литографии и где отец купил ее. Старик продолжал кивать. Несмотря на очки и деменцию, в нем было какое-то

обаяние, и не только в лице и улыбке. Что-то крылось в самой энергии, окружавшей Карла-Юхана Видье. Анне на ум пришли фотографии — и из Энглаберги, и из сторожки Клейна. Каким привлекательным и в то же время уязвимым выглядел Карл-Ю. Нетрудно понять, почему Элисабет Видье влюбилась в него по уши. Карл-Юхан, даже будучи дряхлым и слепым, очаровывал людей, и Анна не стала исключением. Неужели Элисабет все-таки изменяла ему с Клейном? Или эти двое скорее стали друг для друга поддержкой? Хотелось бы так думать. В то же время Анна винила себя, что прислушивается к слухам и сплетням, которые никак ее не касаются. Хочет она того или нет, она уже не может избавиться от Видье. Визит в пансионат только подтвердил это.

Анна замолчала, не зная, что еще сказать.

— Анна, — повторил Карл-Юхан. — Анна.

— Мы живем в Таборе, — прибавила она. — В вашем старом ателье.

Старик продолжал улыбаться.

— Я нашла вашу старую го... — Анна подавила заикание, приноровилась к непривычному слову. — Вашу старую горюшку, в сарае.

Карл-Юхан просиял.

— Го-рушку, — выговорил он, запнувшись в том же месте, что и она, отчего понравился Анне еще больше.

— Мы скатывались по ней. Симон и я. Через дверцу в стене. — Он кивнул и счастливо улыбнулся. — Мальчик мой.

У Анны в горле вдруг встал ком; она сглотнула, не зная, что сказать. Ей на помощь пришла Элисабет:

— Анна с дочерью отлично устроились в Таборе. Там сейчас очень красиво, правда, Анна?

— Да, очень. — Анна постаралась, чтобы голос прозвучал радостно. Но ей вдруг стало трудно радоваться. Из головы не шел снимок с Карлом-Юханом и маленьким Симоном. Какие они там счастливые. Мальчик мой.

Она снова сглотнула.

— Табор, — произнес Карл-Юхан и улыбнулся сам себе, словно его сломанный мозг пытался найти картину, видимую ему одному. Внезапно выражение лица у него изменилось, он встревожился.

— Олень. — Он заерзал в кресле. — Умер олень. Я не виноват. Я не виноват.

Карл-Юхан беспокойно ворочал головой, словно слепые глаза видели в комнате что-то пугающее. Он вдруг схватил Анну за руку и притянул к себе.

— Я не виноват, — твердил он, — я не виноват.

Анна растерялась. Пальцы крепко держали ее за руку, она не могла освободиться. Карл-Юхан продолжал твердить одно и то же, все громче и громче. В голосе звучало отчаяние, лицо мучительно искажилось.

— Я не виноват! Не виноват!

Элисабет заговорила с ним, но он не слушал, только притянул Анну ближе к себе. Пальцы больно впились ей в запястье.

— Я не виноват, — выдохнул Карл-Юхан прямо ей в лицо, и Анна увидела, как слезы просачиваются из-под очков и стекают по щекам.

— Й-й. — Анна сглотнула. У нее сердце разрывалось, но она не знала, что сказать или сделать. Карл-Юхан, казалось, не собирался отпускать ее, он лишь продолжал выкрикивать слова, смешанные со слезами.

— Я не виноват. Я не виноват.

Рядом возник Клейн; он разжал пальцы Карла-Юхана. Потом почти оттолкнул Анну, наклонился к старику и что-то зашептал ему на ухо. Анна успела взглянуть на Клейна. Вместо маски на лице у него появилось то же напряженное выражение, какое Анна видела во время их знакомства, в зале для проповедей.

Она не слышала слов Клейна, но они явно успокоили Карла-Юхана. Клейн придвинул стул и сел. Продолжая шептать, взял старика за руку. Анна пыталась понять, что он говорит, но слышала только неразборчивые звуки. Как будто Клейн не говорил, а напевал.

— Идемте. — Элисабет осторожно потянула ее за собой.

— Мне очень, очень жаль, — начала Анна, когда они вышли, но Элисабет отмахнулась от ее извинений.

— Вы тут ни при чем, — устало сказала она. — Мысли Карла-Юхана живут собственной жизнью, и сегодня у него, похоже, не лучший день. Клейн с ним хорошо ладит. Пусть поговорят немного, и вернемся в больницу.

Когда они уезжали, ветер зловеще шумел в деревьях. Небо над проливом налилось свинцово-серым, брызнул дождь.

— А вот и буря, — сказал Клейн. Лицо его снова стало каменным, словно ничего не произошло. — Ночью обещали бурю.

Глава 58

Осень 2017 года

Клейн остановил машину на больничной парковке и извинился, что они не пойдут с Анной: Элисабет нужно отдохнуть.

— Один вопрос, — сказала Анна перед тем, как вылезти из машины. Она успела все обдумать, и теперь ей просто хотелось подтверждения. — Велосипед, на котором Симон уехал на каменоломню. Какой марки был велосипед?

— Оранжевый “кресцент”, — пробормотал Клейн. — С гоночным рулем.

— Вам его вернули?

Клейн с Элисабет быстро переглянулись. Помолчав, старуха сказала:

— Нет. Насколько я помню — нет. Но в те дни столько всего произошло, что я ни в чем не уверена. А какая разница?

Анна пожала плечами.

— Не знаю. Про велосипед в полицейском протоколе ничего не сказано, и мне просто хотелось спросить, не знаете ли вы, куда он делся.

Одна из медсестер постороже обнаружила Мило, и было решено, что он еще на несколько дней останется у Матса. Великан, похоже, обрадовался. Но Анне претило возвращаться в пустой дом.

Вскоре заглянула Лиза. Ее выписали, и она застенчиво спросила, не подбросит ли ее Анна в Неданос.

— Уезжаешь? — спросила Анна.

— Завтра. Нужно только перезаказать билет на поезд. Надеюсь, я смогу остаться в “Естисе” еще на одну ночь. Я же должна была выписаться вчера.

— Поживи у нас, — предложила Агнес. — Моя комната стоит пустая, а мама не любит оставаться одна.

— Поедешь к нам, Лиза? — спросила Анна.

— С удовольствием. Если не помешаю.

После обеда Агнес почувствовала себя уставшей, да и пора было уезжать. На прощанье Лиза обняла Агнес и пообещала заглянуть на неделе.

По дороге домой они заехали в торговый центр на окраине городка. Анна купила себе такой же телефон, как недавно покупала Агнес, — взамен того, что покоился на дне реки. Продавец помог ей настроить телефон на старый номер, так, чтобы все звонки и сообщения шли на новый телефон. Остаток дороги они с Лизой проговорили о Симоне Видье. Лиза сообщила, кто такие Клейн и Элисабет, и хотела знать больше о визите к Карлу-Юхану.

В Неданосе Анна сначала высадила Лизу возле гостиницы, а потом направилась к полицейскому участку. Непогода, бушевавшая над проливом, сюда еще не добралась, но ветер усилился. И все-таки Анна отчетливо чуяла запахи “Glarea”. Наверное, руководство решило до закрытия обжечь как можно больше кирпича.

Ее пропуск еще не аннулировали, Анне не нужно было идти мимо приемной, и она прошла прямо к себе в кабинет. Там она отперла нижний ящик стола, достала все материалы по делу Симона Видье, отчеты о пожаре в Энглаберге и смерти Джо Рюландера и отправилась в копировальную. Затем аккуратной стопкой сложила оригиналы у себя на столе, а копии сунула в карман куртки. Уже собираясь уходить, Анна обнаружила в своей почтовой секции толстый конверт.

“Анне Веспер, полиция, Неданос”. Буквы на конверте расплзались во все стороны. Анна опустила конверт в карман, к копиям.

У служебного входа она чуть не столкнулась с Йенсом Фрибергом и тихо выругалась, потому что как раз его ей хотелось избежать.

— А-а, привет, — смущенно сказал Фриберг — он явно не знал, куда девать глаза.

— Ты, наверное, уже слышал? — спросила Анна. Фриберг кивнул.

— И полицеймейстер предложил занять должность тебе, да?

Фриберг не ответил, что означало “да”. Раздался глухой грохот, пол слабо завибрировал, но сегодня Анна не обратила внимания на взрывы.

— Ты все-таки получил, что хотел, — ядовито сказала она. — Работа мечты.

Фриберг медленно покачал головой.

— Я отказался.

— Что?! Почему?

— Мы переезжаем. — Он не стал уточнять, кого имел в виду, кроме себя. В другое время Анну бы это заинтересовало.

— И куда?

Фриберг пожал плечами.

— Куда-нибудь, где служба в полиции не так... сложно устроена. Я подал несколько заявлений, так что посмотрим. В любом случае я хотел сказать тебе спасибо за доверие. Ты позвала меня участвовать в расследовании, хотя мы. — он смущенно махнул рукой, — не сразу нашли общий язык. Я многому у тебя научился.

Они помолчали. Разговор застал Анну врасплох, и она не знала, что сказать.

Фриберг покраснел и, чтобы скрыть это, стал вглядываться в свои большие водолазные часы. Несколько секунд они с Анной стояли лицом к лицу.

— Мне тоже было приятно работать с тобой, Йенс. — Анна протянула руку. — Удачи.

— Удачи, шеф.

Фриберг задержал ее руку в своей. И растянул рот в каком-то подобии сочувственной улыбки.

У гостиницы Анна забрала Лизу и помогла ей погрузить дорожную сумку в багажник. По пути в Табор она решила закрыть глаза на тайну следствия и поделилась с Лизой историей Александера. Лиза слушала молча, только задала несколько вопросов.

— Но он уверен, что, когда началась драка, мамы с папой там уже не было?

— Если верить Алексу, все началось как раз из-за отбытия твоих родителей. Ребята разозлились на Джо, но их гнев обрушился на Симона.

— Значит, можно сказать, что мой отец... — Лиза помолчала. — Ну то есть Джо... был отчасти виноват в случившемся? Все началось с того, что он полез к Карине?

— Может быть. Но насколько я поняла из слов Алекса, четверо других бесились из-за Симона весь вечер. К тому же они курили,

некоторые — впервые, пили спиртное, так что причин было много. Так сказать, цепочка печальных обстоятельств.

Они миновали крутой поворот, на котором съехали с дороги всего два дня назад, и какое-то время молчали.

— Ужасно, — сказала Лиза. — Пять человек, близкие друзья, которые так хорошо друг к другу относятся, однажды разругались вдрызг. Всю их дружбу сломал один-единственный вечер. Как прийти в себя? От сознания, что ты причастен к чьей-то смерти? Смерти человека, которого любишь?

Вопрос был риторическим, но для Анны он имел смысл, и она сочла себя обязанной ответить.

— После такого прийти в себя невозможно.

Анна поставила машину во дворе и помогла Лизе донести сумку до комнаты Агнес. Тело все еще болело, и, хотя сумка не была тяжелой, Анне потребовалось небольшое усилие.

Они совершили экскурсию по дому — сначала по первому этажу, потом поднялись в зал для проповедей. Анна специально спускалась по крутой лестнице медленно, опираясь на вытертые до блеска перила, где все еще был виден отпечаток пальца Карла-Юхана Видье. Лиза долго любовалась видом. Небо над панорамой за окном наливалось свинцом, и деревья внизу гнулись под ветром, сбрасывая те немногие листья, которые цеплялись за ветки до последнего.

— Так вот она, та знаменитая картина? — Лиза подошла к торцовой стене и остановилась перед фреской. — Я не вижу тела.

Анна включила лампу, которую смонтировала Агнес; как бы ей хотелось, чтобы дочь сделала это сама. Поток света, как и в прошлый раз, заставил тело Симона Видье проступить из воды. У Лизы перехватило дыхание. Анна еще немного постояла рядом и решила оставить Лизу созерцать фреску в тишине и покое, а самой пока заняться ужином. Повернувшись, она кое-что заметила на полу, недалеко от левого угла.

Черные штрихи на белых досках. Как будто кто-то шаркнул толстой подошвой резинового сапога. Анна не помнила, чтобы они здесь были. Наверное, она сама их оставила?

После ужина она усадила Лизу перед телевизором, а сама разложила копии дел на кухонном столе. “Только еще раз гляну — и брошу с ними возиться”, — уговаривала она себя.

Анна перечитывала изложение событий, пытаясь увязать их с рассказом Алекса. Снова никаких противоречий. Джо лезет к Карине, начинается ссора, Симон встает на защиту Тани и Джо, Таня и Джо уезжают. Все набрасываются на Симона. Пять человек, которые на самом деле так хорошо друг к другу относятся, как и сказала Лиза.

Самые жестокие ссоры выходят с теми, кого любишь.

Анна вычитала это вскоре после развода. Она тогда решила, что речь о романтическом чувстве, но теперь, став старше и умнее, понимала: утверждение применимо ко всем разновидностям любви. Между друзьями, братьями и сестрами, между родителями и детьми.

Анна вскрыла конверт, который забрала из своего почтового кармана в участке. В нем оказалась пачка писем, стянутая коричневой резинкой. Все письма адресованы Юакиму Рюландеру; Анна припомнила плаксивый голос отчима Рюландера, его звонок неделю назад. Формально письма теперь принадлежали Лизе, но Анна все-таки решила открыть конверты.

Почта Рюландера, как оказалось, состояла из счетов, напоминаний насчет условно-досрочного освобождения и пары полицейских повесток. Реклама кредитных компаний, которые, похоже, не особо интересовались, кому предлагают свои деньги. В стопке выделялся один конверт. Письмо от американской компании под названием “Regeneration”. Содержавшийся в конверте лист был наполовину занят таблицей с разными графами; вторую половину занимал текст на английском языке. Анна быстро просмотрела его.

Уважаемый мистер Рюландер,
предоставленный вами биологический материал принадлежит двум людям, которые с вероятностью 99,99 % не состоят в родстве друг с другом.

Анна попыталась осмыслить текст. Похоже, Джо Рюландер посылал материалы в США на сравнительный анализ ДНК. Результат теста оказался отрицательным.

Анна посмотрела на даты в таблице. Нашла графу “sample date^[31]”, и мысль начала обретать форму.

— Лиза! — крикнула она в гостиную. — Ты не помнишь, какого числа к тебе приезжал отец?

— Где-то двадцатого сентября, а что?

Анна посмотрела в графу. Анализ произведен 25 сентября. Сердце забилось сильнее.

— Ты не помнишь, из дома ничего не пропало?

— Нет.

— Может, что-то, чего ты потом хватилась или не могла найти? Тебе ничего не показалось странным?

— Не-ет. — На этот раз Лиза потянула с ответом. — Или... да, припоминаю — была одна необъяснимая пропажа.

— Так?

— Моя зубная щетка.

В голове у Анны что-то щелкнуло.

— Лиза, когда ты родилась?

— Двадцать четвертого апреля девяносто первого года, а что?

Анна быстро прикинула на пальцах. Не прошло и восьми месяцев после случая на каменоломне. Восемь месяцев, поэтому связи никто не заметил. Эта связь проявилась лишь двадцать семь лет спустя, когда Джо Рюландер получил письмо от Элисабет Видье и сложил два и два. Анна наконец поняла, что произошло той ночью.

— Ты родилась раньше срока, да? — спросила она.

Какое-то время было тихо, потом Лиза появилась в дверях. Лиза, которую называли так не случайно. Лиза. Элисабет.

— Как ты узнала? — нахмурилась Лиза. — Как ты узнала, что я родилась раньше срока?

— Твой отец не Джо Рюландер, — медленно проговорила Анна. — Твой отец Симон Видье.

Глава 59

Осень 2017 года

Анна сама не понимала, как проглядела связь. У Лизы светлые волосы, как у Симона, музыка — ее работа. К тому же она харизматична и сразу располагает людей к себе — совсем как Карл-Ю. Добавим сюда кассету Симона, которую Таня хранила все эти годы.

И Кайя Бьянка, и Элисабет Видье сказали, что Лиза кажется им знакомой, и все же Анна упустила этот момент, что теперь сильно ее задевало.

Несколько минут Лиза молчала. Лицо белое, в голове явно хаос. Анна принесла ей стакан воды, и Лиза залпом выпила его. Лицо немного порозовело.

— Но мы ведь не знаем наверняка, что Джо, когда заказывал тест, сравнивал со мной себя, — сказала она.

— Не знаем, но это более чем вероятно. Кого еще он мог сравнивать?

Лиза отмахнулась от вопроса.

— Я имею в виду, откуда у нас такая уверенность, что Симон — мой отец?

— Нам придется провести еще один ДНК-анализ, сравнить тебя с кем-нибудь из близких родственников Симона. А значит, придется объяснить Элисабет Видье, что она, по всей вероятности, твоя бабушка.

Лиза со стуком поставила стакан.

— Я понимаю, что это странно, но можем ли мы поговорить с ней сегодня вечером? Я завтра утром уезжаю, а мне хотелось бы присутствовать при разговоре. — Вид у Лизы был взволнованный и решительный одновременно.

Анна чуть приподняла бровь и посмотрела в окно. Уже успело стемнеть, дождь стучал в стекло, а ветер поднялся такой, что скрипели стропила.

— Наверное, лучше подождать, — сказала она.

— Зачем? — Лиза встала. — Если уж мы решили поговорить с Элисабет, то зачем откладывать. Время еще не очень позднее.

Может, сослаться на непогоду? Разумно было бы подождать, успеть обдумать, что все это значит. Но в глубине души Анну, как и Лизу, подмывало поделиться открытием. Чтобы дописать к трагедии Симона Видье если не счастливый, то сколько-нибудь хороший конец. К тому же присутствие Лизы, когда Анна будет рассказывать обо всем Элисабет, более чем правильно.

— Хорошо, — сказала она и пошла за ключами.

Под рев ветра они добежали до машины. Лобовое стекло залепили мертвые листья. Анна завела машину и медленно поехала по темной лесной дороге. Обе женщины молчали, атмосфера была напряженной и в то же время полной предвкушения.

Они уже добрались до аллеи, ведущей к Энгаберге, когда увидели между деревьями синие проблески. У сторожки Клейна им навстречу попала “скорая помощь”, и Анна прижалась к обочине, чтобы пропустить машину. Место рядом с водителем пустовало, и видно было, что “скорая” торопится. Анна и Лиза еще какое-то время постояли на обочине, глядя друг на друга.

— Поедем назад? — встревоженно спросила Лиза.

— Поднимемся и узнаем, что стряслось.

В усадьбе горел весь свет. Анна поставила машину во дворе, и они медленно пошли к дому. Входная дверь оказалась приоткрыта. Анна постучала и вошла в огромный, словно бы опустевший дом. Они с Лизой переглянулись. Из курительной, где Анна на днях сидела с Элисабет, доносились звуки, и женщины медленно двинулись туда.

— Есть кто-нибудь?

Одно из тяжелых кресел было опрокинуто. На полу валялись пустые пластиковые упаковки, какие оставляет после себя бригада скорой помощи, когда медики торопятся.

Когда Анна и Лиза вошли, им навстречу поднялась с кресла Мари Сорди. Лицо бледное, губы сжаты.

— Что стряслось? — спросила Анна. — В аллее нам встретилась “скорая”.

Мари пыталась совладать с лицом.

— Тетя Элисабет, — тихо сказала она. — Я нашла ее здесь, на полу.

— Она жива?

— Да, но все плохо. Клейн уехал с ней на “скорой”. Я тоже поеду, только сначала... — Мари указала на мусор на ковре и стала поднимать опрокинутое кресло.

Анна помогла ей. Она знала Элисабет Видье всего несколько недель, и отношения у них не всегда были равными, но все же слова Мари поразили ее. Лиза тоже казалась потрясенной.

— Кстати, а что вы здесь делаете? — спросила Мари, когда им удалось наконец поставить тяжелое кресло на ножки. — Уже начало девятого.

— Хотели навестить Элисабет. — Анна повернулась к Лизе, давая ей понять, чтобы молчала, но та уже рассматривала фотографии на каминной полке.

— Это, наверное, Симон? — Лиза взяла фотографию, где маленький Симон сидел с отцом.

— Да. — Мари выпрямилась, поправила очки.

— Мы похожи, — пробормотала Лиза.

— Что?

Лиза обернулась, не выпуская фотографию из рук.

— Они похожи, — громко сказала она. — Я имею в виду — Симон и его отец.

Мари медленно кивнула.

— Мне пора ехать. Анна, не уберешь остальное? А я пока выключу свет и все запру. — Мари указала на пустые упаковки на полу.

— Да, конечно. — Анна опустилась на колени и стала подбирать мусор. Мари закрыла за собой дверь.

— А вдруг мы не успеем рассказать? — спросила Лиза. — Вдруг Элисабет умрет и не узнает, что я ее внучка?

Анна сама уже успела об этом подумать. Какой ужас: Элисабет Видье двадцать семь лет ждала справедливости — а теперь умрет за какой-нибудь час до того, как история сделает новый поворот.

— Давай надеяться, что все будет хорошо, — тихо сказала Анна и подошла к мусорной корзине. Над письменным столом висела небольшая картина Карла-Ю. Рысь. Живая, в отличие от бедного зверя из подвала Матса. Ей вспомнилось чучело. Выражение боли на морде, капкан, зубьями проткнувший лапу до самой кости. Анна подумала о несчастном поляке, с которым на днях явно случилось то же самое, и

ей вдруг кое-что пришло в голову. В неразберихе, начавшейся после автоаварии, Анна забыла про свежую рану Рюландера. Такую рану на голени вполне мог оставить капкан.

Телефон с большими кнопками и быстрым набором стоял на прежнем месте. Анна взяла трубку и нажала кнопку “3”: Матс.

— Алло? — ответил он после четвертого гудка.

— Это Анна Веспер. Хочу спросить насчет капканов.

В трубке какое-то время было тихо.

— Ну, я их уберу. Я не виноват, что Павел не умеет читать по-шведски.

— Нет, нет, я не об этом. — Анна заметила, что говорит раздраженным тоном, и заставила себя сменить интонацию. — Где вы ставили капканы?

Снова молчание. Матс словно пытался просчитать, какого ответа она ждет.

— Здесь, в лесу, — сказал он. — Недалеко от места, где я добыл того барсука, помните? Но я таблички оставляю.

— А еще где-то они есть?

Опять молчание.

— Только вы никому не говорите, — выдавил он наконец. — Она просто взбесится, если узнает.

— Кто взбесится? Где еще вы ставили ловушки?

— В Волчьем доле. — Матс тяжело вздохнул.

— Волчий дол? — повторила Анна. — Это который за Которпом? — Анна почти услышала, как у нее щелкнуло в мозгу. Потом щелкнуло снова. И еще раз. Она вдруг поняла, как одно связано с другим.

— Это место называется Норрбликка, — ледяным голосом сказала Мари, появляясь в дверном проеме. — Повесь, пожалуйста, трубку.

В руке Мари держала черный пистолет.

Глава 60

Осень 2017 года

Анна и Лиза сидели в креслах. Мари стояла перед ними.

— От деда остался, — сказала она, повертев пистолет. — Он его выменял во время войны у немца-дезертира. Тетя держала в сейфе. Чтобы вы чего не подумали: я знаю, что Клейн устраивает стрельбы раз в год, проверяет, в порядке ли пистолет — так, на всякий случай. — Она описала круг стволом. — И у нас как раз такой случай, верно?

За последнюю минуту Лиза не сказала ни слова, но теперь шок, кажется, начал проходить.

— Зачем... что... — Она повернулась к Анне.

— Энглаберга, — медленно проговорила Анна. — Это все не из-за смерти Симона, а из-за Энглаберги. Потому и Джо Рюландер погиб, да?

Мари криво улыбнулась.

— Отцу Мари, Бенгту, и “Glarea” нужны новые места разработок взамен тех, что закрываются в поселке, — продолжала Анна. — В усадьбе Мари искать уже негде, зато большие месторождения есть в Энглаберге. Скальной породы, камней и гравия здесь хватит как минимум на всю жизнь. Можно обеспечить рабочие места, развитие, рост цен на жилье. А еще заработать достаточно денег, чтобы реализовать проект мечты.

Улыбка Мари стала шире.

— Слухи о тебе не преувеличены. Ты и правда хороший полицейский. Так что говори, что ты еще накопила? — Мари снова взмахнула пистолетом.

Мобильник в кармане куртки. Если решиться, можно попробовать дотянуться до него. Анна пошевелилась, чтобы облегчить себе задачу.

— Ты столько сил положила, чтобы выстроить отношения с Элисабет Видье. О ссоре, за которой последовала смерть Симона, ты рассказала не для того, чтобы успокоить свою совесть, а чтобы завоевать доверие Элисабет. Ты надеялась, что со временем она простит тебя. Племянница, единственная, кто прыгнул в воду, чтобы

вытащить Симона. Единственная, кто не побоялся ответить за содеянное.

Анна замолчала и осторожно подвинула руку к карману.

— Но тут объявился Джо Рюландер. Поставив старую песню Симона, он организовал на празднике провокацию. Результат превосходит все ожидания, и Джо убеждается, что вам есть что скрывать. Он начинает вынюхивать. Наверное, сначала здесь, в Энглаберге, а потом отправляется в Которп.

Мари вздернула бровь и подняла пистолет.

— Я имею в виду Норрбликку, — поправилась Анна. Рука скользнула в карман куртки, пальцы коснулись телефона. Главное — говорить, не молчать. — Но Джо не повезло. Он угодил в капкан, поставленный совсем на другого хищника, и ему пришлось звать на помощь.

В этой части рассказа Анна немного сомневалась, кое-какой детали не хватало, но нужно было говорить дальше. Она запустила руку в карман.

— Ты нашла его там, освободила и отвела к себе домой. Даже помогла перевязать рану. Тогда ты и выяснила, кто он такой и зачем шныряет вокруг твоего дома.

Анна посмотрела на Мари, ожидая подтверждения, но та и бровью не повела.

— К сожалению, Джо слишком болтлив. Конечно, он ничего не знает о смерти Симона, зато у него другая тайна в запасе. — Анна повернулась к Лизе. — Он выяснил, что Симон Видье, по всей вероятности, твой отец, а значит, у Энглаберги появилась новая наследница. Которая, независимо от того, что написано в завещании Элисабет, имеет право на половину имущества.

Анна сунула руку глубже и нащупала телефон. Был бы он кнопочный, все было бы уже позади. Два раза нажать на “1”, один раз на “2”. Смартфон значительно усложнял дело.

— Итак, Джо требует денег в обмен на молчание о тебе, — сказала она Лизе. — К сожалению, он попытался надавить не на того человека. Мари вложила все свои сбережения в семейный строительный проект и по уши в долгах. Она не в состоянии платить Джо. Но если он заговорит, она потеряет еще больше, и годы труда и жертв пойдут насмарку.

— Так ты убила его? — спросила Лиза Мари. В голосе звучало удивление — Лиза как будто до сих пор не осознала серьезности положения.

Анна осторожно провела пальцем по телефону, ища кнопку, которой он включается.

— Джо всегда был дураком, — сказала вдруг Мари. — И сейчас, и двадцать семь лет назад. Из тех, кто издевается над людьми ради самой издевки. Подставлялся сам и подставлял других, просто из любви к искусству. Но на твой вопрос отвечу: он действительно погиб, потому что упал. — Мари повела пистолетом. — Анна права. Я нашла Джо, когда выгуливала собак. Он лежал в яме, в Волчьем доле, и выл, как раненый зверь. Я помогла ему выбраться из капкана, отвела в наш сарай, перевязала рану. Когда он пришел в себя, то обнаглел, стал рассказывать о тебе, потребовал денег за молчание. Так что я заперла его, чтобы немного подумать. К сожалению, Джо умудрился сбежать. — Мари пожала плечами. — Шел проливной дождь. Джо плохо ориентировался на гряде. Да еще рана. Как бы то ни было, собаки быстро взяли след, и когда мы добрались до смотровой площадки, я спустила их. Джо кинулся бежать, несмотря на больную ногу. Наверное, в темноте и под дождем он не заметил обрыва. А потом... — Мари присвистнула, изображая падение, — бай-бай, Джо!

Она снова улыбнулась и распрямила плечи. Рассказ как будто доставлял ей странное удовольствие. Анна надеялась, что достаточно долго держала палец на кнопке, чтобы телефон ожил. Теперь дело за малым: позвонить, не глядя на экран.

— Конечно, лучше всего было бы избавиться от тела, — продолжала Мари. — Если бы Джо просто исчез, вряд ли кто-нибудь скучал бы по нему. Но Джо решил выпендриться и приземлился у ограды “Glarea” и к тому же на дереве, в нескольких метрах от земли. Мы не смогли до него добраться. Зато отыскали его машину и подогнали поближе к смотровой площадке, чтобы было похоже на самоубийство. О телефоне мы позаботились заранее. Да, кстати!

Она снова подняла пистолет и заговорила жестче.

— Давайте сюда мобильные, медленно и без резких движений.

— У меня нет, — сказала Лиза. — Разбился во время аварии.

Мари нацелила пистолет на Анну и увидела, что та сунула руку в карман.

— Не будет ли бывшая начальница полицейского участка любезна достать из кармана мобильный телефон и бросить его вон в тот угол?

Анна поняла, что ее разоблачили, и неохотно подчинилась. Телефон проехал по полу и замер рядом с мусорной корзиной.

— Авария, — сказала Лиза. — Это тоже вы?

Мари медленно кивнула, глядя на нее.

— Я еще на смотровой площадке поняла, кто ты, но не решилась спросить, рассказал ли тебе Джо про твоего настоящего отца. Ты упомянула, что вы собираетесь в каменоломню, и мы просто последовали за вами. Тормозная трубка погнулась от удара еще раньше, и чтобы она треснула, понадобилась всего-то пара легких ударов.

Мари замолчала и прислушалась. Открылась дверь, и по полу простучали чьи-то шаги. Мари пару раз сказала “мы” — значит, у нее есть сообщник. Шаги приближались, эхом отдавались в холле, и Анна вдруг уверилась, что сюда направляется Алекс Морелль. Алекс, который вложил все свои сбережения в строительство в Которпе. Увидел в этом последний шанс вернуть хоть что-то из того, что потерял. Анна вспомнила его эсэмэс. “Не знаю, когда закончилась моя жизнь, но я собираюсь вернуть ее себе. Чего бы мне это ни стоило...”

Анна представила себе мощного Алекса на сиденье “сааба” — Мари объясняет ему, куда поставить машину. Увидела, как он лежит под ее автомобилем и постукивает по днищу, проделывая дыру в тормозной трубке. Анна ощутила головокружение, почти дурноту. Шаги приблизились, кто-то нажал дверную ручку.

В дверях стоял Бруно Сорди.

Побелев, он посмотрел на Лизу, потом на Анну, а под конец — на свою жену с пистолетом в руке.

— О нет, — с несчастным видом вздохнул он. — Что нам теперь делать, дорогая?

— Я все продумала. Как насчет трагического пожара, на этот раз — с человеческими жертвами?

Бруно снова вздохнул и медленно кивнул.

— Другого выхода у нас нет.

Глава 61

Осень 2017 года

Бруно поставил семейный минивэн Сорди рядом с машиной Анны. Две большие немецкие овчарки выпрыгнули из багажного отсека лишь по команде Мари.

— Залезайте, — велела она Анне и Лизе, указывая пистолетом на багажник. — Сядешь спиной к заднему сиденью и поднимешь ноги, тогда у нее будет место у тебя между колен.

Анна повиновалась. Лиза села ей между ног, прижавшись спиной и затылком Анне к груди. Анна чувствовала, как дрожит молодая женщина, услышала, как та охнула, когда ее заставили прижать больную руку к боку.

— Спокойствие, — шепнула она Лизе на ухо.

Последовать собственному совету стало трудно, когда в машину прыгнули собаки. Животных, похоже, рассердило, что теперь им приходится делить тесное пространство с кем-то еще.

— Сидите спокойно, и мальчики вас не тронут, — сказала Мари и закрыла дверь. Собака покрупнее тихо зарычала.

Анна закрыла глаза и наклонилась к Лизиной шее. “Спокойствие”, — снова шепнула она, на этот раз и себе тоже.

Мари завела машину и покатила по аллее. Одна из собак улеглась и боком прижалась к Анне — та чувствовала на ноге собачье дыхание. За окнами было почти черно. Дождь барабанил по крыше, от порывов ветра машину мотало. Анна подняла было голову, чтобы сориентироваться, но одна из собак тут же заворчала. Лиза тихо всхлипнула; удары ее сердца как будто отдавались у Анны в теле. Мари свернула налево, на знакомую гравийку. Она сбросила скорость, и вскоре их догнала другая машина — та, что Анна арендовала. За рулем сидел Бруно.

Бруно и Мари поставили машины во дворе Табора и открыли дверь ключом — связку они вытащили у Анны из кармана куртки. Ни ей, ни ему не нужно было приглядывать за пленницами: едва те решались пошевелинуться или заговорить, как собаки тут же начинали

рычать. Их челюсти почти касались лиц Анны и Лизы. Анна почувствовала, как дышат собаки.

Вскоре окошки снова запотели, и Анна перестала видеть, чем занимаются Мари и Бруно. Лиза съежилась и почти не отреагировала, когда Анна осторожно прижала левое колено к ее боку.

— Не падай духом, — прошептала она. — Мы выпутаемся. Все будет хорошо.

Дверь багажного отсека открылась, и собаки подняли головы.

— Вылезайте, — коротко скомандовала Мари. Собаки послушно выпрыгнули из машины и сели у ног хозяйки, не спуская глаз с Анны и Лизы.

Анна заглянула Мари через плечо. Бруно расстелил брезент в багажнике арендованной машины и выложил на него два больших тюка соломы, после чего отнес брезент в дом. Мари проследила за взглядом Анны.

— Бензин и горючую жидкость потом можно будет обнаружить, да? — спросила она. — Я видела по телевизору.

Анна решила не подтверждать Мари, что она права. Бензин и горючие жидкости оставляют химический след даже после пожара. А вот после соломы, органического материала, мало что останется.

— Ну, вперед. — Мари указала пистолетом. Лиза не двинулась с места. — Живее, или я попрошу мальчиков помочь.

Анна легонько толкнула Лизу в спину, и та очнулась. Обе с трудом вылезли из машины. Ехали они недолго, но тело затекло, а у Лизы еще рука и висела на перевязи.

Мари снова взмахнула пистолетом.

— Наверх, в зал.

Анна посмотрела на пистолет. Расстояние небольшое, она, может, и сумела бы схватить его, но при первом же взгляде на собак Анна поняла: они мгновенно кинутся на нее. Перспектива быть загрызенной собакой показалась ей хуже перспективы быть застреленной.

— Живее!

Лиза уже шла к крыльцу, и Анне пришлось нагонять ее. Бруно сложил тюки у двери, один на другой. Отошел к стене, пропуская женщин.

— Зря ты, Бруно, — начала Анна. — С Рюландером произошел несчастный случай, а вот это уже хладнокровное убийство. Мари с-

сума...

— Молчать! — Что-то ударило Анну в затылок так, что зубы щелкнули. Она чуть не упала, но уткнулась в Лизину спину. Анна обернулась, чтобы отразить следующую атаку.

Мари целилась в нее из пистолета. Челюсти крепко сжаты, верхняя губа поднялась, обнажив зубы. Глаза почернели и вот-вот вылезут из орбит. На какую-то долю секунды Анна уверилась, что Мари сейчас выстрелит ей в лицо. По испуганной физиономии Бруно Анна поняла: он тоже так думает.

— Мари, — тихо позвал он. Жена не ответила. Костяшки пальцев, сжимавших пистолет, побелели. На миг Анне захотелось закрыть глаза, отгородиться от выстрела и боли, но она удержалась. Собаки у ног Мари угрожающе рычали и скалили зубы, совсем как хозяйка.

— Ты понятия не имеешь, — прошипела Мари, — ты не имеешь понятия, что значит быть вечным устроителем всего. Соответствовать ожиданиям, всегда за все отвечать. — Она еще немного подняла пистолет. Указательный палец лег за спусковой крючок.

— Дорогая, — снова позвал Бруно, на этот раз громче. — Мы же совсем не так хотели. Мы должны придерживаться плана, верно?

Мари пару секунд постояла, не меняя позы, и медленно опустила пистолет. Безумное выражение на ее лице несколько смягчилось, и она процедила Анне:

— Никогда больше так не говори. Никогда, слышишь?

Анна медленно кивнула.

— Пожалуйста, поднимитесь наверх, — сказал Бруно так вежливо, что Анна чуть не рассмеялась.

Они поднялись, и Мари взмахом руки указала на фреску.

— Сядьте вон в том углу.

— Ты правда думаешь, что у тебя все получится? — заговорила Анна. — Что полиция решит, будто дом загорелся сам по себе?

Мари усмехнулась.

— Я не служу в полиции, но уверена, что расследование покажет: иностранные строители, которых наняла тетя Элисабет, прокладывали электропроводку с нарушением шведских стандартов безопасности. Перегрузка сетей, вызванная бурей, привела к пожару с трагическими последствиями. — В ее глазах еще плясало безумие. — Я в этом так

уверена в том числе и потому, что близко знаю человека, который будет вести расследование.

Анна почувствовала, что подбородок у нее опускается, но не успела закрыть рот.

— Так ты не знала? — с издевкой спросила Мари. — Полицеймейстер попросил дядю Хенри исполнять обязанности начальника участка, пока тебе не найдут замену. Йенс Фриберг нас разочаровал не меньше, чем ты, так что расследованием займется Хенри. Ты в курсе, что он думает о тете Элисабет и ее польских строителях. Конкурентах его дражайшего Александра.

Она снова повела пистолетом.

— Ну, по понятной причине связывать вас я не стану. Даже дяде Хенри трудно будет проигнорировать такую улику. Выходов у вас, сами понимаете, два. Выпрыгнуть в окно или задохнуться от дыма. Решать вам.

Мари спиной отступила и скрылась на лестнице, собаки последовали за ней. Секунду спустя последовали хлопок, шуршание, и дверь закрылась. Анна вскочила и подбежала к лестнице. Путь к входной двери преграждали два горящих тюка. Языки пламени вытянулись на полметра, огонь быстро пожирал сухую солому, черный дым поднимался прямо в зал для проповедей. Шансов выбраться по лестнице нет, и даже если им это удастся, внизу ждут Мари и Бруно с собаками.

Анна бросилась к другой лестнице — той, что вела к главному входу. Она хорошо помнила железный засов снаружи, но все-таки навалилась на дверь. Дверь подалась на какие-нибудь несколько миллиметров.

— Анна! — крикнула Лиза, и Анна бегом вернулась в зал. Языки пламени уже перекинулись на лестницу, перила и стены. Они с пугающей быстротой лизали сухое дерево, поднимаясь все выше. Анна закашлялась от дыма. Подбежав к высокому окну, она рванула к себе одну из фотосумок Агнес и принялась изо всех сил бить по стеклу и красивому белому переплету. Ей удалось проделать в стекле дыру с футбольный мяч. Анна продолжала наносить удары. Вокруг дождем сыпались осколки и щепки, Анна почувствовала, как в зал врывается ветер с дождем. Она несколько раз глубоко вдохнула и тут же услышала, как огонь у нее за спиной жадно всасывает кислород.

Высунувшись в разбитое окно, Анна оглядела фасад в поисках чего-то, за что можно зацепиться, во что можно упереться. Вниз Анна старалась не смотреть. Но рядом ничего не было, даже водосточной трубы — только крутая крыша с черепицей, мокрой и скользкой от проливного дождя.

— Анна!

Анна обернулась, и волна жара ударила ей в лицо. Огонь поднимался по лестнице, протянулся по стене огромной оранжевой колонной — такой высокой, что пламя уже лизало стропила. Гул пламени смешивался с треском старого дерева, которое горело все быстрее. От дыма щипало глаза, жгуче свербило в носу.

Анна снова высунула голову в окно, вдохнула еще свежего воздуха и попыталась прикинуть, высоко ли будет прыгать. Перед глазами тут же встало изувеченное тело Джо Рюландера. Склон здесь выше, чем возле “Glarea”. Метров семьдесят-восемьдесят, а то и выше. После такого прыжка точно не выжить.

Пламя у нее за спиной уже ревело; в зале ничего не разглядеть из-за дыма. Анна закашлялась и двинулась к углу возле росписи, где сидела Лиза. Через несколько метров пришлось остановиться и встать на колени. В густом дыму было трудно дышать. Глаза отчаянно слезились, и Анна с трудом рассмотрела Лизу у стены. Дальше она уже ползла, ощупью пробуя пол перед собой. Жар становился все сильнее.

— Анна. — Голос Лизы послышался совсем рядом. Женщины скорчились у стены и обнялись. От жара лопнуло стекло в высоком окне. Анна ничего больше не могла придумать. Им остается только забиться поглубже в угол и ждать неизбежного конца. Голова отяжелела от дыма, и Анне привиделась Агнес. Агнес, которой предстоит стать круглой сиротой всего в шестнадцать лет.

Послышался треск, огонь лизнул потолок, но из-за густого дыма Анна едва видела пламя. Она зажмурилась, пытаясь сморгнуть слезы, и закашлялась. Забилась в угол и потянула за собой Лизу. Ее плеча вдруг что-то коснулось. Стенной выступ справа от Анны содрогнулся и исчез. Анна поняла, что здание уже рушится. Но почему стена посыпалась так далеко от огня? В зал полился свежий воздух, дым немного рассеялся. Стало легче дышать и видеть. В стене открылось отверстие, идеально симметричная дыра — наверное, какое-то потайное окошко. Дверца, которую прорезали в стене, чтобы

приставить к ней горушку. В дыре что-то зашевелилось, и в зал просунулась большая голова. Матс Андерсон.

Не говоря ни слова, великан схватил Анну за руку и потянул за собой с такой силой, что не успела Анна опомниться, как оказалась снаружи и повисла у Матса на плече. Глаза еще слезились, но Анна разглядела старую железную лестницу, приставленную к торцу здания. У подножия лестницы виднелась белая фигурка со вздыбленной шерстью и поднятым хвостом. Матс опустил Анну на землю рядом с Мило, но пес даже не взглянул на нее. Он внимательно наблюдал за ближайшим к двору углом. В горле глухо клекотало рычание. От холодного дождя Анна быстро пришла в себя, закашлялась и указала на верхний этаж — там еще человек! — но Матс уже лез по лестнице. Потянулся в зал, и всего через пару секунд у него на плече повисло безжизненное тело Лизы. Анна поднялась, стирая дождь и сажу с лица, и помогла Матсу уложить Лизу на землю. Лицо девушки было в пятнах от слез и копоти, глаза закрыты, но очень скоро она закашлялась, веки затрепетали. Языки пламени, выбившиеся на крышу, сердито шипели под проливным дождем.

— К-как?.. — выговорила Анна. Продолжить не получилось.

— Я увидел, что вы звонили с тетиного телефона, и пошел к дому. Вы стояли во дворе, а у Мари был дедушкин пистолет. Они с Бруно посадили к вам собак, а вы собак не любите. Я услышал, как она говорит про Табор. Что он сгорит. — Матс указал на люк в стене второго этажа. — Я через вон ту дверку залазил иногда по ночам. Искал Симона на картине.

Несмотря на серьезность ситуации, великан выглядел пристыженным, и Анна понимала почему. Это его шаги она слышала ночью в зале для проповедей. Матс пробирался туда без разрешения, тайком, но сейчас злиться на него было невозможно.

Мило снова зарычал, на этот раз громче. За гулом огня и ветра они различили голоса. Мари и Бруно все еще во дворе, а значит, опасность пока не миновала.

— Надо убираться отсюда, — прошипела Анна, помогая Лизе подняться на ноги. — Можешь бежать?

Лиза кивнула с неожиданно решительным видом.

— Пошли, — сказал Матс и вперевалку двинулся к лесной опушке. Анна взяла Лизу за правую руку и потащила за собой.

Они брели между стволами, все чаще спотыкаясь о корни и кочки: отсветы пожара становились слабее. Анна уже хотела попросить Матса идти помедленнее, потому что Лизе не угнаться за ним и Мило, как вдруг со стороны Табора послышался громкий крик.

— Черт, — буркнул Матс. — Они увидели лестницу. Надо было ее убрать.

Он взмахом руки велел Анне и Лизе идти дальше.

— Живей, Мари собак на вас напустит. Меня они не слушаются.

Матс зашагал еще быстрее, Анна изо всех сил старалась не отставать. Но Матс, лесной человек, был среди деревьев как дома, а Анна вела Лизу, одна рука которой висела в лубке. Метров через пятьдесят Анна споткнулась, упала плашмя, оцарапав лоб обо что-то жесткое. В рот набилась жидкая грязь.

— Ты как? — спросила Лиза. Анна встала и ощупала себя.

— Надо идти дальше.

Анна поискала взглядом Матса, но они с Мило скрылись из виду. Из-за деревьев у них за спиной донесся собачий лай, к первой собаке присоединилась вторая. Анна обернулась и увидела между стволами свет карманных фонариков. Лиза схватила ее за руку, и они побежали.

Постепенно глаза привыкли к темноте, и Анне показалось, что она узнала ручеек, вдоль которого они когда-то шли с Агнес. С тех пор как будто несколько лет пролетели, но случай с барсуком был всего пару недель назад.

Снова послышался собачий лай, на этот раз ближе. Анна представила себе, как немецкие овчарки несутся сзади, метр за метром сокращая расстояние. Она попыталась прибавить шагу, но измученное тело еле двигалось, к тому же она надышалась дыма. Привкус крови во рту усилился, паника нарастала. Опять собачий лай, еще ближе. Тропинка круто поднималась вверх, от молочной кислоты жгло бедра.

— Подожди!

Лиза замедлила шаг; Анна перетянула ее за собой, через гребень холма, и лишь потом позволила остановиться. Слева темнела небольшая низина, а на дереве перед ними висел предмет, контуры которого не вязались с лесным пейзажем. Анна шагнула вперед и поняла, что это самодельная четырехугольная табличка. Выведенные чернилами буквы были такими большими, что читались в темноте. Почерк круглый и немного детский.

осторожно! ловушки!

Наверное, табличку повесил Матс. Анна, почти не думая, сорвала ее и отбросила в сторону.

— Давай, — позвала она. — Надо идти дальше.

Она потащила Лизу за собой в обход низинки. Наверное, Матс надеялся, что в низину забежит волк, и решил поставить тут свои кошмарные капканы. Волк или собака — какая разница. Все, что нужно сделать, — это заманить животных в низину.

Лиза размотала перевязь и как будто вновь обрела энергию. Или это у Анны силы кончились, потому что теперь Лиза тащила ее за собой.

Ноги налились тяжестью, от привкуса крови почти тошнило. Анне казалось, что легкие вот-вот взорвутся.

— Давай, Анна! — Лиза продолжала тащить ее, но обе женщины шли все медленнее. Снова залаяла собака — метрах в пятидесяти, не больше. Свет фонариков прыгал между деревьями.

— Не могу больше, — выдохнула Анна. — Иди. Иди вперед, и все!

Она махнула рукой в сторону Энглаберги, одновременно подавив рвотный спазм.

— Нет! — Лиза все пыталась тащить ее дальше.

Анна выдернула руку. Уперлась ладонями в колени, и ее вырвало желудочным соком.

— Иди, — просипела она. — Я их задержу.

Анна огляделась в поисках оружия. Отломанный сук мог бы быть подлиннее и потолще, но и такой сойдет. Между ней и преследователями низина, и, если Анне повезет, она сумеет заманить в нее собак.

Лиза так и стояла рядом.

— Двигай, — сказала Анна. — Я сп-правлюсь.

Кислорода ей хватило на пять слогов. Пульс сместился в горло, содержимое желудка на полпути к глотке. Анна повернулась к Лизе спиной и выставила палку перед собой, как копье.

— Беги! — повторила она.

Свет фонариков приближался.

Послышался шорох листьев: Лиза побежала. Из-за деревьев быстро надвинулся черный силуэт на четырех ногах. В десяти метрах мелькнул еще один.

Слишком далеко слева. Анна поняла, что овчарки не вбежали в низину, а обогнули ее. Первая собака заметила Анну и ускорила шаг.

Анна повернулась к овчарке, стерла со лба грязь и воду, отвела волосы. Перехватила палку обеими руками. Пульс грохотал в барабанных перепонках, грохот в ушах смешивался с гулом ветра в кронах. Собака неслась прямо на нее. Десять метров, пять.

Открытая пасть, уши торчком, тело изогнулось к прыжку. Анна выставила хлипкую палку перед собой и напряглась, готовясь к боли.

Послышался звук, похожий на рычание и лай одновременно, и слева, из-за деревьев, вылетел белый снаряд. Он врезался в овчарку, которая уже была в прыжке, с такой силой, что большую собаку бросило на землю. Рычание стало еще громче, после чего раздался звук, с каким смыкаются челюсти. Мило.

Крошка терьер вцепился овчарке в шею, и обе собаки покатались вниз. Овчарка визгливо залаяла и попыталась извернуться, чтобы стряхнуть Мило, но терьер висел на ней, как клещ.

Второму псу, кажется, стало не до Анны. Он кинулся вниз по склону, на выручку товарищу.

— Мило! — закричала Анна, но было уже поздно. Вторая овчарка бросилась на терьера. Рычание, вой гнева и боли.

Анна не думая кинулась вниз по склону, сжимая в руке свое хилое оружие. Врезала ближайшей овчарке по спине, вторую пнула с такой силой, что ощутила отдачу от удара где-то в зубах.

Животное заскулило, оступилось, и Анне показалось было, что победа за ней. Но овчарка, которую она огрела палкой, резко повернулась и, прежде чем Анна успела среагировать, вцепилась ей в левое бедро.

Как ни странно, боли она не почувствовала. Наверное, адреналина в крови плескалось столько, что он заглушал боль. Анна даже успела рассмотреть собачью морду: черные глаза, верхняя челюсть впиалась ей в бедро. Анна сама удивилась, с каким хладнокровием ударила собаку тупым концом палки между глаз. Собака разжала челюсти и отскочила. Она все еще скалила зубы, но снова идти в атаку ей явно не хотелось. У правой ноги Анны что-то зашевелилось. Это Мило поднялся на

ноги. Взъерошенный, одно ухо повисло, белая шерсть — в пятнах крови, но зубы оскалены. Овчарка, которую пнула Анна, появилась снова, теперь справа. Хромая, одно ухо порвано, как у Мило. Собака скалилась и рычала, но тоже не особенно рвалась в бой. Анна сделала выпад палкой в сторону ближайшей овчарки. От движения боль в укушенном бедре усилились, Анна охнула, но собака отступила.

— Вот так, — сказала Анна. — Давай назад, падаль.

Она сделала еще выпад палкой, в сторону другой овчарки, на этот раз к ней присоединился Мило. Результат повторился. Могучий пес попятился и вопросительно посмотрел на своего товарища; тот явно не знал, что делать. Этот взгляд и разорванное ухо придавали псу, минуту назад такому грозному, почти жалкий вид.

— Вот что происходит с теми, кто разевает пасть на семью Веспер, — вырвалось у Анны. Мило шагнул вперед, тьякнул. И обе овчарки отступили еще на пару метров.

Анна оглядела склон, соображая, как выбраться. Время поджимало. Адреналин притупил боль от укуса. На краю низины вдруг мелькнул свет фонарика, запрыгал вниз по склону, скользнул по собакам, а потом ослепил Анну.

— Фас, мальчики! — слышался крик Мари.

Приказ придал овчаркам смелости. Рычание стало громче, но фонарик слепил их, затрудняя атаку. Анне пришлось одной рукой прикрыть глаза, чтобы лучше видеть животных.

— Фас! — нетерпеливо повторила Мари, сбегая по склону с другой стороны впадины. Фонарик начал мигать, и увидеть, с какой стороны исходит угроза, стало легче. Собаки приближались с обеих сторон. Мило снова залаял, но на этот раз не испугал их.

Анна увидела, как Мари бежит через низинку с пистолетом в одной руке и фонариком в другой. Луч описал круг, упал на лицо женщины, осветив выражение триумфа и возбуждения. Позади Мари запрыгал еще один луч — наверное, Бруно.

Конец, подумала Анна, чувствуя, как тело сдается.

Мари бежала, наставив на нее пистолет. Свет фонарика отражался от висевших в воздухе дождевых капель, превращаясь в белые вспышки.

— Фас... — начала было Мари, и тут у нее под ногами, в мокрой листве, что-то сдвинулось. Один из волчьих капканов Матса с

пугающим лязгом впился ей в ногу, и команда перешла в дикий крик.

Мари по инерции двигалась вперед, цепь капкана черной змеей протянулась по листьям. Она еще больше натянулась, когда Мари споткнулась; наконец цепь дернула ее назад, и Мари с размаху упала. Руки все еще сжимали пистолет и фонарик, и Мари не смогла опереться на них.

В последний миг, уже падая лицом в ковер из листьев, Мари поняла, что под ним. Глаза у нее расширились, крик перешел в вопль, но оборвался, когда второй капкан сомкнулся у нее на шее.

Пистолет вылетел из рук Мари; лежавший рядом фонарик освещал чудовищную сцену, которая разыгрывалась всего в нескольких метрах от Анны. Глаза у Мари были широко раскрыты, руки и ноги подергивались, а из остатков трахеи доносилось слабое бульканье.

— Мари! — отчаянно закричал Бруно и ринулся к жене. — Мари! Дорогая! Нет, нет!

Он упал на колени и попытался развести стальные челюсти, но безуспешно. Листья окрасились кровью, смешанной с проливным дождем, дождь лил на Бруно, который все звал жену по имени, пока ее движения не замерли. Тогда крик его перешел в горестный вой.

Обе овчарки прихрамали и сели по обе стороны безжизненного тела. Через несколько секунд они присоединились к вою Бруно. Сначала одна, потом другая.

Анна осторожно подобралась к месту, где упал пистолет. Подняла оружие, смахнула листья и нацелила его на Бруно.

— Все кончено, — сказала она.

Глава 62

Осень 2017 года

Анна стояла в дверях палаты Элисабет. Изголовье кровати было приподнято, и старуха полусидела. Кислородная трубка тянулась к носу, вместе с больничным халатом и приборами придавая Элисабет вид слабого, хрупкого человека. Но Элисабет отнюдь не была слабой. — У тебя глаза, как у отца. Я тебе говорила, когда мы встретились в первый раз, — сказала Элисабет Лизе — та сидела на краю кровати. Элисабет погладила ее по щеке. — И как у деда.

Анна едва сдерживала слезы. Повернувшись к окну, она встретила взглядом с Клейном. Глаза на каменном лице блестели, рот растянулся в подобии счастливой улыбки. Оба смутились и отвернулись, словно ни тот, ни другая не желали демонстрировать чувства. В кармане зажужжал телефон, и Анна вышла в коридор.

Звонил Йенс Фриберг.

— Вот, звоню сказать, что мы почти со всем разобрались. Бруно признался, вопросы сняты. Бенгт Андерсон нанял ему какую-то адвокатскую знаменитость, но Мари это вряд ли вернет.

— А Табор?

— Пожарным удалось спасти нижний этаж и печные кладки. Дождь помог, но жить там можно будет еще не скоро.

— Что ж. — Анна подумала о вещах — своих и Агнес. Старенький халат, фотоальбомы, коробка с детскими вещами Агнес. Последние материальные свидетельства того, что она, Хокан и Агнес когда-то жили вместе.

— Ты в порядке? — Йенс как будто искренне беспокоился.

Анна подумала об Агнес. Потом о Лизе Савич и Элисабет Видье. Каких-нибудь несколько дней назад потеря дома и вещей выбила бы ее из колеи. Удар, от которого она, может быть, никогда бы не оправилась.

— Там были всего лишь вещи, — сказала Анна. Да, именно: всего лишь вещи.

— Что теперь?

— Точно не знаю. Агнес завтра выпишут. Поживем пару дней в гостинице, а там посмотрим. А у тебя что?

— Я тоже не знаю. Надо кое с чем разобраться, так что я пока тут задержусь. К счастью, на прошлой неделе я прошел ускоренный курс следовательского дела, и у меня был хороший преподаватель.

На мгновение Анне показалось, что она почти слышит, как Йенс улыбается.

— Звони, рассказывай, как у тебя дела, — попросила она.

— Ты тоже!

В трубке помолчали.

— Береги себя, Йенс, — сказала Анна.

— И ты себя.

Анна на время оставила семейство Видье и выскользнула в вестибюль, купить что-нибудь попить. Швы на бедре тянуло, отчего Анна двигалась медленно. Газеты кричали о подробностях того, что они называли убийствами в Неданосе. Такой заголовок, наверное, заставил Бенгта Андерсона страдать не меньше, чем от потери дочери, не без язвительности подумала Анна. Она купила колу и выпила ее, стоя в сумерках у главного входа. Дождь прекратился, но ветер стал холоднее. Постояв немного на улице, Анна замерзла и вернулась в палату.

Элисабет сидела в кровати, откинувшись за подушку и закрыв глаза. Брур Клейн дремал в кресле для посетителей. Каменное лицо выглядело изможденным, и Анна вдруг поняла, что он старый и выглядит старым.

— Дурень не спал несколько дней, — тихо произнесла Элисабет. — И домой ехать отказывается, хотя ему пора принимать таблетки.

— Я могу привезти, если хотите, — предложила Анна. — Мне все равно надо в Энглабергу, забрать Мило у Матса. Я обещала Агнес, что попробую протащить его в больницу. Ночные сестры не такие строгие.

К тому же Анне хотелось повидать Матса. Он спас их с Лизой, и ей хотелось убедиться, что с ним все в порядке.

— Вот и хорошо! — Голос Элисабет прозвучал неожиданно ласково. — Ключи у него в кармане плаща. — Она указала на дождевик Клейна, висевший у двери. — Лекарство в шкафчике в ванной.

Анна чуть не сказала, что знает, но в последний момент придержала язык. Теперь она была уверена: любви Элисабет и Клейна уже много лет. Но это их дело. Ни Анну, ни кого-либо еще оно совершенно не касается.

— Если будет желание, захватите еще пару фотоальбомов из курительной, — попросила Элисабет. — Хочу показать Лизе ее папу, когда она вернется. Ключ на связке у Клейна.

— Да, конечно.

Анна свернула в аллею Энглаберги. Фриберг устроил так, что ей выдали патрульную машину без полицейской маркировки: арендованную машину забрали техники-криминалисты. Анна подумала, с кого начать, с Матса или с Клейна, и решила начать с Клейна.

Сторожка стояла темная, единственный свет исходил от фонаря под крышей. На тяжелой связке было не меньше десятка ключей, и Анна не сразу нашла нужный. Вечером комнаты показались Анне еще более безликими и печальными, тем более сейчас, когда никого, кроме нее, здесь не было.

Анна забрала из шкафчика в ванной таблетки и снова заглянула в спальню. Все так же, как в прошлый раз. Аккуратно заправленная кровать, фотография.

У Анны зажужжал телефон. На этот раз звонил адвокат.

— Только что звонил Сантесон. Анализ ДНК готов.

— Так... — Анна почувствовала, что сердце забилось быстрее.

— Это ДНК Хокана, — сказал адвокат. — Но вы и так знали, да?

Анна не ответила.

— Сантесон утверждает, что Хокан был не в том состоянии, чтобы понять, как работает инфузионный насос, и не смог бы дотянуться до кнопок.

Адвокат помолчал, ожидая, что она что-нибудь скажет, но не дождался.

— Он имеет в виду — кто-то помог Хокану.

Анна продолжала молчать.

— Кто-то объяснил Хокану, на какие кнопки нажимать, и подвинул насос поближе к нему. Но поскольку пособничество

самоубийству не является уголовным преступлением, Сантесон не собирается привлекать дополнительные ресурсы. Он закрыл дело.

Анна всем телом ощутила облегчение и услышала, как вздыхает адвокат. Как он молчит, пока профессионал в нем борется с обычным человеческим любопытством.

— Так вы правда... помогли Хокану уйти из жизни?

Анна, не отвечая, нажала “отбой”. Оказывается, она стояла перед запертой дверью, ведущей в подвал. Конечно, ей следует уехать, оставить личную жизнь Клейна в покое. Но в Анне, как и в ее адвокате, победило любопытство.

Замок и дверь были старыми, надежными, и Анна быстро нашла нужный ключ. На лестнице за дверью царил темнота, и еще несколько секунд Анна искала выключатель. Ступеньки обиты вытертым ковровином, по которому видно — здесь ходят часто. Внизу оказалась открытая дверь, из которой тянуло подвалом и которая вела в прачечную; напротив прачечной двери была еще одна, поновее, стальная.

Анна отперла и эту дверь. Помещение за ней было темным, но пахло здесь не сыростью, не подвалом, а гораздо приятнее. Анна пошарила по стене и щелкнула выключателем.

Вдоль стен протянулись книжные полки. Пол покрыт толстыми коврами, в углу — два старых кресла с ушками, при каждом лампа для чтения. Анна вполне представляла себе, как Клейн с Элисабет сидят здесь и читают, но в то же время ее озадачило, что они выбрали для общения столь потаенное место, когда до Энглаберги рукой подать. Неужели и правда боялись, что их раскроют?

На полках подальше оказались только книги, но три ближайšie были заставлены фотографиями. На первой полке выстроились фотографии Симона. Симон-младенец, Симон — малыш с льняными волосами, первый день в школе (рюкзак великоват). На других снимках Симон почти всегда с каким-нибудь музыкальным инструментом: гитарой, скрипкой, трубой. Потом шли снимки того, что, вероятно, было студией на втором этаже сгоревшего гаража. А вот Симон привалился к красивому красному спорткару: на голове студенческая фуражка, на шее венок. Наверное, это и есть летняя машина Карла-Юхана, обугленные останки которой до сих пор стоят в одном из сараев Табора.

На следующей полке — семейные фотографии Видье. Пикник, его Анна уже видела; фотографии на пляже, снимки из студии Карла-Юхана в Таборе: маленький Симон с ног до головы заляпан краской или сидит на синей горушке. Вот Элисабет и Симон за пианино. Последний снимок на этой полке походил на тот, первый. Симон в студенческой фуражке с белым верхом стоит перед летней машиной, но на этот раз рядом с ним родители. Ветерок ерошит светлые волосы Карла-Юхана. У Элисабет выражение лица более жесткое, чем у мужа, но видно, что оба они гордятся сыном.

На третьей полке выстроились совместные фотографии Элисабет и Карла-Ю. Первым шел свадебный снимок, дальше — множество фотографий, сделанных примерно тогда же. Ни на одном снимке не было Клейна, и это укрепило Анну в мысли, что он фотографировал. Последние фотографии были черно-белыми. Карл-Ю, которому тут было лет двадцать пять, сидел на скамейке в парке, подавшись вперед. Взгляд, направленный в объектив, был настолько живым, что энергия чувствовалась до сих пор. Анна отступила на шаг, окинула полки взглядом. Во всем этом было что-то невыразимо грустное. Дождливая ночь, один-единственный неверный шаг на каменном плато — и надежда и любовь, струившиеся почти с каждого снимка, сменились черной, как ночь, трагедией.

Проходя мимо полок, Анна обнаружила, что на одной стоит проигрыватель — такой был у ее бабушки. На вертушке лежала пластинка. Не пыльная — значит, Клейн часто включает ее. На “пятак” значилось: Эдит Пиаф, “Les Feuilles Mortes”.

В дальнем углу Анна увидела еще дверку. Над ней висел поясной портрет какого-то молодого мужчины. Стиль отличался, но Анна определила, что это работа Карла-Ю. Молодой человек лежит в кровати на животе. Верхняя часть тела обнажена, угадывается край простыни. Позади него приоткрытая дверь веранды, и по силе света за ней ясно, что портрет написан не в Швеции, а где-то в Южной Европе, может быть — во Франции.

Лицо мужчины повернуто к зрителю в профиль. Волосы свисают на лоб, он улыбается неловкой, счастливой улыбкой, и спустя несколько секунд Анна понимает, что уже видела эту улыбку. Анна подходит, чтобы рассмотреть его получше, но сомнений нет. Молодой человек на картине — Брур Клейн.

Анна постояла, пытаясь осмыслить увиденное. В картине было что-то очень личное, минута между двумя людьми, которую нельзя делить больше ни с кем.

Анна осторожно открыла дверь под портретом. За ней оказалась крохотная комнатка. Гитара, полка с магнитофоном. Рядом с ними, в углу, куда едва доставал свет, стояло еще кое-что. Рама погнулась, передняя вилка сломана, но Анна узнала его. Оранжевый “кресцент” с гоночным рулем.

Велосипед Симона.

Глава 63

Осень 2017 года

Анна замерла в дверном проеме. Увиденное не укладывалось в голове. Она подавила желание прикоснуться к вещам в комнатухе и, оставив дверь открытой, опустилась в одно из кресел. Что все это значит?

Почему Брур Клейн держит у себя в подвальном тайнике вещи Симона? Вещи, которые двадцать семь лет считались утерянными или сгоревшими? И зачем тут портрет молодого Клейна, полуобнаженного, в постели? Портрет кисти Карла-Ю? Анна откинулась на спинку кресла. Отсюда ей видны все фотографии. Целых три жизни, или даже четыре. Скрытые от мира, как и вещи в чулане. На соседнем кресле лежала потертая кожаная папка, которой Анна поначалу не заметила. В папке оказался всего один лист — какое-то письмо, написанное красивым наклонным почерком. Карандашный текст снова и снова стирали, переписывали, отчего Анне пришла на мысль фреска из Табора.

Дорогая Элисабет. Я совершил ужасный поступок. Из тех, которым нет прощения.

Но я совершил его из любви.

Анна читала дальше, чувствуя, как все вокруг нее начинает медленно вращаться. Она вдруг поняла, как все связано: фотографии, кресла, вещи в комнатухе. Все, что она видела и слышала в последние недели, обрело новую, зловещую связь.

Дождь.

“По дороге домой на повороте мне навстречу выскочила машина. Тут люди ездят, как психи”.

Велосипед.

“Карл-Юхан всегда был таким трепетным”.

Олень.

“Я не виноват. Я не виноват!”

Летняя машина.

“Мальчик мой...”

Пожар.

“Я совершил ужасный поступок...”

Анна стала перечитывать письмо, стараясь, чтобы руки не дрожали.

Ты знаешь, дорогая Элисабет, что я родился иным. Ты была единственной, кто меня понимал. Тебе я мог доверить все — свои слабости, свои недостатки. И благодаря тебе я встретил любовь — любовь, на которую не надеялся.

Как и ты, я любил Карла-Юхана всем сердцем. Ты могла бы возненавидеть меня. Но ты снова показала, что понимаешь меня. Я бесконечно благодарен тебе за это. Мы все были родителями Симону. Когда ему было тринадцать лет, он спросил нас напрямую — помнишь? Карл-Юхан объяснил ему, что мы все трое любим друг друга, но по-разному. Сказал, чтобы Симон никому об этом не рассказывал, потому что не все смогут понять. Но Симон понял. Он был удивительный мальчик.

Летом 1990 года я понял, что что-то не так. Карл-Юхан перестал читать, но я не сразу понял, что у него проблемы со зрением. Когда я заговорил с ним напрямую, он разозлился, стал все отрицать и запретил мне говорить тебе об этом. Карл-Юхан, всегда такой любящий, стал нетерпимым и замкнутым. Запирался у себя в ателье и выходил, только чтобы прокатиться в летней машине. Гонял по узким дорогам. Мучил машину, рисковал, как будто хотел, чтобы с ним что-нибудь случилось.

Однажды осенней ночью он в панике постучал в мою дверь. Сказал, что переехал оленя возле каменоломни, что олень, может быть, еще жив. Попросил съездить туда и посмотреть.

Я понял все, как только увидел искореженный велосипед, попавший под колеса Карлу-Юхану.

Я сидел под дождем, держа голову Симона на коленях, и гладил его по щеке. Говорил, как сильно я его любил, как все мы его любили.

А потом я сделал то, что нужно было сделать. Я отнес Симона на каменоломню и опустил в воду.

За всю жизнь у меня не было дела, которое далось бы мне так тяжело. Но я сделал это, из любви. Из любви к Карлу-Юхану, Симону и тебе. Из любви к тому, что у нас было и что мы потеряли.

Потом я отвез Карла-Юхана домой и уложил спать. Заверил его, что это был олень и что он не мучился. Летнюю машину я спрятал в гараж, но быстро понял, что отремонтировать ее так, чтобы ни у кого не возникло подозрений, не удастся. На следующую ночь я сжег гараж, машину и студию. Но любимую гитару Симона и магнитофон с его прекрасным голосом я сохранил. И его велосипед. Не смог заставить себя избавиться от велосипеда.

Я просто человек. Человек, который оказался готовым на все ради любви.

Я надеялся, что моя тайна никогда не причинит тебе боли. Но, увидев Анну Веспер, понял: такой момент наступит.

Это, моя дорогая Элисабет, мое признание.

Мое осеннее преступление.

Глава 64

Осень 2017 года

Второй раз за вечер Анна стояла в дверях палаты Элисабет. Мило, сидевший у ее ног, тоже смотрел на трех собравшихся. Лиза вернулась и теперь сидела на краю кровати; Элисабет листала альбом, который привезла ей Анна.

— Смотри, вот здесь твоему папе только что подарили его первую гитару, — говорила она своей внучке. — Видишь, какой он счастливый? Карл-Юхан купил ее в Копенгагене. Брур, ты ведь тоже там был?

Клейн, стоявший в изножье, кивнул, улыбнулся, и Анна на миг увидела красивого молодого человека с портрета.

— Спасибо, что привезли альбом! — Голос у Элисабет был ласковый, а выражение лица смягчилось. — Вы захватили таблетки Брура?

— Конечно. — Анна повернулась к Клейну. — Я их положила вам в карман плаща, вместе с ключами. — Спасибо, — пробормотал он. Улыбка на его лице застыла.

Элисабет продолжала листать альбом, показывая восторженной Лизе все новые фотографии. Но Клейн смотрел вполглаза. Он, кажется, наблюдал за Анной, ожидая, что она сделает или скажет.

— Не выразить словами, как мы с Бруром вам благодарны, — сказала Элисабет.

Анна кивнула, не зная, что ответить. Под прожигающим насквозь взглядом Клейна сохранять спокойное выражение было трудно.

— Я спрошу кое-что, прежде чем вы уйдете? — Элисабет выпрямилась в кровати.

— Конечно, спрашивайте.

— Каменоломня.

— Да? — Анна стала ждать продолжения, чувствуя на себе пристальный взгляд Клейна.

— Анна, как по-вашему, что все-таки произошло той ночью?

В глубине души Анна ждала этого вопроса. Не так давно она пообещала Элисабет Видье узнать правду о смерти Симона. Ну вот она

ее и узнала, до мельчайших, самых жутких трагических подробностей. Какую часть этой правды она должна рассказать? Анна покосилась на Клейна.

Двадцать семь лет назад он принял решение, последствий которого не мог предвидеть. Что было бы, скажи он тогда правду?

Симон мертв, его товарищи продолжают мучиться тем, что они сделали с ним. Может быть, даже сильнее. В конце концов, они и правда виноваты в том, что Симон покинул каменоломню и, взвинченный, злой и униженный, сел на велосипед и уехал в дождь и темноту.

Да, Элисабет Видье почти тридцать лет мучилась, но действительно ли она предпочла бы знать правду? А отцу Симона, который и помыслить не мог о том, чтобы убить животное, пришлось бы осознать, что он убил родного сына. Может, Карл-Юхан о чем-то догадывался? Не потому ли тело Симона на фреске то лежало в воде, то не лежало, в зависимости от того, как смотришь? В зависимости от того, что хочешь видеть?

С чисто юридической точки зрения, срок давности по делу давно истек. Никто не ответит за содеянное. Во всяком случае — не в суде.

Как ни верти, смерть Симона Видье — трагедия, которая всегда будет преследовать поселок, особенно когда вскроются самые чудовищные детали.

Об этом и шла речь в письме Клейна. В письме, которое, наверное, на самом деле было речью.

Ее подозрения укрепились, когда Клейн вытянулся, облизал губы и кашлянул. Ни Лиза, ни Элисабет пока ничего не заметили. Эхо вопроса, заданного Элисабет, еще не отзвучало.

Клейн открыл рот и перевел дух. Каменное выражение уступило место безмерной печали. Губы сложились в первый слог признания.

— Несчастный случай, — громко сказала Анна, не спуская глаз со старика. — Все указывает на то, что смерть Симона была трагической случайностью.

Элисабет Видье медленно, горестно кивнула, взглянула на Лизу и перевернула страницу альбома. Их голоса слились в неразборчивый шепот. Анна и Клейн так и смотрели друг на друга. Сначала старик казался растерянным, почти потрясенным. Затем он мало-помалу совладал с собой, напрягая одну мышцу за другой, и вот перед Анной

снова стоял господин Каменное Лицо. Потом Клейн подошел к изголовью кровати и с осторожностью положил руку сначала на плечо Элисабет, потом — Лизе.

Уже уходя, Анна заметила, что Клейн смотрит в ее сторону. Губы коротко шевельнулись. Слово не прозвучало, но Анна знала, что произнесли губы.

Спасибо.

Анна медленно ковыляла по коридору. Мило хромал рядом.

— Мы с тобой не в лучшей форме, да?

В ответ Мило почти комически вывалил язык и склонил набок голову с заклеенным ухом, словно говоря, что уж он-то выглядит получше, чем она.

— Глупый ты пес, — проворчала Анна. — Пошли к Агнес.

Дождь и ветер швыряли в окна последние осенние листья. Бритвенные лезвия кончились. Осталась только ломкая бурая бумага, что шелестит по стеклу, а потом исчезает.

Последний осенний танец, как сказал бы Хокан.

Как ей его не хватает. И всегда будет не хватать. И все же Анна вдруг почувствовала себя беззаботной. Как будто осенний ветер вместе с последними листьями унес из души тяжесть, и на ее место пришло облегчение.

“Все будет хорошо”, — пробормотала Анна себе под нос, открывая дверь в палату Агнес. Лицо дочери просияло.

Все будет хорошо.

notes

Примечания

*Там за окном
Роняют листья
В осенней дреме дерева
И с летом вдаль
Уходят тихо
Твои слова, мои слова
Наш огонь души потушен пылью снежной,
Осень унесла любовь, мой друг...
Лишь в ночной тиши твой образ нежный
В памяти моей возникнет вдруг.*

(Пер. В. Леонтьева)

*Давайте, листочки, сказал ветерок
Летимте со мной, поиграем денек.
Наденьте наряды красные с золотом,
Ведь лето прошло. Земля ждет холода.*

3

Вот как надо (*англ.*).

4

Лучше сгореть дотла, чем выцвести (*англ.*).

5

Из синего в черный (*англ.*).

6

Все легавые — сволочи (дш.).

7

Воззри на гору господню (*weed.*).

8

Традиционный шведский спред из икры мойвы.

9

Последний (*англ.*).

10

Вы точно ничего не хотите? (*англ.*).

11

Нет, спасибо. Мистер Клейн сказать вернуться, когда закончить
(англ.).

12

Хорошо. Тогда спасибо (*англ.*).

13

Друзья навеки (*англ.*).

14

Великолепно! (*итал.*).

15

Ты говоришь по-итальянски. Молодец/ *(итал.)*.

16

Флоренция (*итал.*).

17

Ну и что? (*англ.*).

Это безумный мир, малышка (*англ.*).

Пустынные воды (*англ.*).

Сегодня я встретил подругу, подругу из давних времен. Но я не забыл ее имени, я не забыл их имен (*англ.*).

Она рассказала мне это — подруга из давних времен. Все навсегда изменилось... *(англ.)*.

И мы встретимся у воды. У темных пустынных вод (*англ.*).

23

Популярный киноактер, создал образ дружелюбного и веселого сконца.

Собственность Симона Видье (*англ.*).

Умников никто не любит (*англ.*).

Очевидный случай (*англ.*).

Что случилось? *(англ.)*.

Несчастный случай (*англ.*).

29

Где? *(англ.)*.

В лесу (*англ.*).

Дата забора образца (*англ.*).

Table of Contents

[Андерс де ла Мотт Осеннее преступление](#)

[Пролог](#)

[Глава 1 Осень 2017 года](#)

[Глава 2 28 августа 1990 года](#)

[Глава 3 Осень 2017 года](#)

[Глава 4 28 августа 1990 года](#)

[Глава 5 Осень 2017 года](#)

[Глава 6 28 августа 1990 года](#)

[Глава 7 Осень 2017 года](#)

[Глава 8 28 августа 1990 года](#)

[Глава 9 Осень 2017 года](#)

[Глава 10 28 августа 1990 года](#)

[Глава 11 Осень 2017 года](#)

[Глава 12 28 августа 1990 года](#)

[Глава 13 Осень 2017 года](#)

[Глава 14 28 августа 1990 года](#)

[Глава 15 Осень 2017 года](#)

[Глава 16 28 августа 1990 года](#)

[Глава 17 Осень 2017 года](#)

[Глава 18 28 августа 1990 года](#)

[Глава 19 Осень 2017 года](#)

[Глава 20 28 августа 1990 года](#)

[Глава 21 Осень 2017 года](#)

[Глава 22 28 августа 1990 года](#)

[Глава 23 Осень 2017 года](#)

[Глава 24 28 августа 1990 года](#)

[Глава 25 Осень 2017 года](#)

[Глава 26 28 августа 1990](#)

[Глава 27 Осень 2017 года](#)

[Глава 28 Осень 2017 года](#)

[Глава 29 Осень 2017 года](#)

[Глава 30 Осень 2017 года](#)

[Глава 31 Осень 2017 года](#)

[Глава 32 Осень 2017 года](#)

[Глава 33 Осень 2017 года](#)
[Глава 34 Осень 2017 года](#)
[Глава 35 Осень 2017 года](#)
[Глава 36 Осень 2017 года](#)
[Глава 37 Осень 2017 года](#)
[Глава 38 Осень 2017 года](#)
[Глава 39 Осень 2017 года](#)
[Глава 40 Осень 2017 года](#)
[Глава 41 Осень 2017 года](#)
[Глава 42 Осень 2017 года](#)
[Глава 43 Осень 2017 года](#)
[Глава 44 Осень 2017 года](#)
[Глава 45 Осень 2017 года](#)
[Глава 46 Осень 2017 года](#)
[Глава 47 Осень 2017 года](#)
[Глава 48 Осень 2017 года](#)
[Глава 49 Осень 2017 года](#)
[Глава 50 28 августа 1990 года](#)
[Глава 51 Осень 2017 года](#)
[Глава 52 Осень 2017 года](#)
[Глава 53 Осень 2017 года](#)
[Глава 54 Осень 2017 года](#)
[Глава 55 Осень 2017 года](#)
[Глава 56 Осень 2017 года](#)
[Глава 57 Осень 2017 года](#)
[Глава 58 Осень 2017 года](#)
[Глава 59 Осень 2017 года](#)
[Глава 60 Осень 2017 года](#)
[Глава 61 Осень 2017 года](#)
[Глава 62 Осень 2017 года](#)
[Глава 63 Осень 2017 года](#)
[Глава 64 Осень 2017 года](#)
[Примечания](#)
[1](#)
[2](#)
[3](#)
[4](#)

5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31